

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav-718.1

FEB 26 1899

THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
(Class of 1887.)

Received 1 July, 1895.

ИСТОРИИ РОССИИ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

ІСТОРІЯ РОССІИ.

Соч. Д. ИЛОВАЙСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КІЕВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА и К., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ въ, д. ШІЛОВОЙ.

1876.

Slaw 778.1

~~639~~
~~36~~

Harvard College Library
Gift of
Archibald Cary Coolidge, Ph. D.
July 1, 1895.

Исторія какого либо народа есть изображеніе его прошлой жизни. Постепенное развитіе этой жизни, светлая и темная стороны его быта, счастливая и бѣдственная эпохи имъ испытанныя, многообразная вѣщная и внутренняя борьба, которую онъ велъ, перевороты, которымъ онъ подвергался—все это составляетъ задачу исторіи. По отношенію къ исполненію своему ея задача распадается на двѣ стороны, впрочемъ неразрывно между собою связанныя: съ одной стороны она наука, съ другой искусство. Изученіе источниковъ и пособій, ихъ взаимная пропрѣка или критическое къ нимъ отношеніе, возстановленіе событій въ ихъ истинномъ видѣ, разъясненіе ихъ причинъ и слѣдствій, опредѣленіе естественныхъ и общественныхъ условій и различныхъ вліяній, вѣрная, по возможности беспристрастная, оцѣнка дѣятелей и обстоятельствъ и т. п. — вотъ научная приуготовительная сторона историческаго труда. За выполненіемъ этой стороны слѣдуетъ работа, такъ сказать, творческая. Изобразить событія, обстоятельства и лица такими, какими онъ представляются воображенію самаго историка; при чемъ соблюсти историческую перспективу, т. е.: выдвинуть на передний планъ важное и существенное; не быть подавлену матеріаломъ, а наоборотъ овладѣть имъ и подчинить его себѣ; дать каждой части свое мѣсто; найти всему соотвѣтствующее выраженіе въ языкѣ; усвоить своему изложенію достойный высокой задачи, благородный стиль, и согрѣсть это изложеніе своимъ собственнымъ тепломъ.

лымъ участіемъ, своею любовью къ предмету — вотъ тотъ художественный идеалъ, къ которому долженъ стремиться историческій писатель.

Говорять, исторія прошлаго есть великая наставница и поучительница для новыхъ поколій. Совершенно вѣрно. Но историкъ не имѣть въ виду писать поученіе. Послѣднее вытекаетъ само собою, если его трудъ хорошо исполненъ. Ближайшая его цѣль заключается въ томъ, что бы, возсоздавая въ словѣ прошедшія вѣка своего народа, способствовать развитію народнаго самопознанія.

Исторія разсматриваетъ человѣческое общество; она стремится раскрыть самые законы и основанія, на которыхъ это общество существуетъ и развивается. Единственная доселѣ извѣстная форма, въ которой совершились общественная жизнь и общественное развитіе, это форма государственного быта, весьма разнообразная въ своемъ приложеніи. Историческими являются только тѣ народы, которые усвоили себѣ эту форму. Народы же, неусвоившіе ея, остались на степени дикарей. Отсюда естественная и неразрывная связь исторіи какого либо народа съ движениемъ его государственного быта. Но свою жизнь и движение народъ проявляетъ въ своихъ представителяхъ. Вотъ почему исторія по преимуществу имѣеть дѣло съ лицами, стоящими во главѣ народа и вообще съ тѣми дѣятелями, посредствомъ которыхъ онъ проявляетъ себя въ разныхъ сферахъ общественного развитія. Народная масса есть ничто иное какъ этнографическая почва, которая выдѣляетъ изъ себя действующія лица. Эта почва или этотъ этнографический организмъ съ его своеобразными, характерными чертами также долженъ быть по возможности отображенъ въ историческомъ изложеніи и приведенъ въ тѣсную связь съ

событиями и лицами. Но отъ исторического писателя несправедливо было бы требовать, что бы онъ уловилъ и изобразилъ всѣ возможныя стороны, всѣ возможныя проявленія общественной или народной жизни. Это превышало бы силы одного человѣка и сдѣлало бы изъ исторіи нѣчто необъятное, безконечное. Историкъ не долженъ распыляться въ мелочныхъ обозрѣніяхъ бытовыхъ сторонъ и теряться въ чрезвычайной сложности исторического материала; повторяю, онъ долженъ найти и оттѣнить наиболѣе важное, наиболѣе существенное.

Я конечно далекъ отъ увѣренности осуществить въ задуманномъ трудѣ всѣ эти *riā desideria*; но почту себя исполнившимъ свой долгъ и счастливымъ, если мнѣ удастся сколько нибудь приблизиться къ своему идеалу и сдѣлать, что либо на томъ поприщѣ, на которомъ мы уже имѣемъ великие труды Карамзина и Соловьева и кромѣ того замѣчательное начало Русской исторіи Бестужева Рюмина.

Послѣдовательное изложеніе Отечественной исторіи я начинаю съ того момента, когда Русскій народъ выступилъ на широкое историческое поприще и заставилъ громко говорить о себѣ иноземныхъ писателей, пока еще не имѣлъ своихъ собственныхъ. Я беру его великимъ, туземнымъ народомъ Восточной Европы, не приходившимъ откуда-то изъ за моря въ IX вѣкѣ и не призывавшимъ къ себѣ чужеземныхъ властителей, а имѣвшимъ своихъ собственныхъ племенныхъ князей. Доказательства этого положенія собраны мною въ особой книгѣ („Разысканія о началѣ Руси“), куда и отсылаю желающихъ съ ними познакомиться. Нѣть сомнѣнія, что въ основу нашей національности и нашего государства положено крѣпкое, плотное ядро, т. е. могучее Славянорусское племя, которымъ только и мож-

но объяснить замѣчательную живучесть и прочность на-
шего государственного организма.

Не возлагаю на себя никакихъ точныхъ обязательствъ
относительно выхода въ свѣтъ дальнѣйшихъ частей пред-
принятаго труда. Могу только обѣщать, что буду рабо-
тать надъ ними по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ. Тѣмъ ме-
нѣе дерзаю расчитывать на благополучное достижениe кон-
ца, *Ars longa, vita brevis.*

Москва. 1876 г. 9 апреля.

I.

РУСЬ ПОДЪ ЦАРЬГРАДОМЪ.

Положеніе Константина. Его дворцы и храмы. Состояніе имперіи. Михаилъ III и Василій Македонянинъ. Нападеніе Руси въ 865 г. Осада и патріархъ Фотій. Первое крещеніе Руси. Происхожденіе русскаго государственного быта. Киевъ и объединеніе восточныхъ Славянъ. Торговля съ Греціей. Договоры Олега. Мирныя и враждебныя сношенія съ мусульманскимъ востокомъ. Печенѣги.

Когда Константінъ Великій задумалъ перенести на востокъ столицу Римской имперіи, онъ долго искалъ для нея наиболѣшаго мѣста. Вниманіе его останавливалось на разныхъ городахъ. Ему нравилось положеніе древнихъ Сардъ на берегахъ золотоноснаго Паткола; привлекала его также и богатая Фессалоника; приходило ему на умъ построить столицу на мѣстѣ столь прославленной Трои, или выбрать для нея виенинскій городокъ Халкедонъ; но онъ не повторилъ ошибки, въ которую впалъ основатель этого городка. Халкедонъ возникъ полутора столѣтіями раньше чѣмъ лежащая въ виду его Византія. Говорятъ, персидскій царь Дарій во время своего похода въ Скиѳию, осмотрѣвъ берега Оракійскаго Боспора, сказалъ объ основателю Халкедона, что онъ былъ слѣпъ, потому что не выбралъ такой превосходной мѣстности, какую занимала Византія. Во время Константина этотъ послѣдній городъ представлялъ печальные развалины, будучи разрушенъ лѣтъ за сто передъ тѣмъ въ эпоху междуусобныхъ войнъ, раздиравшихъ имперію. На немъ то великий императоръ остановилъ свой выборъ, и основалъ здѣсь другой Римъ, другой вѣчный городъ.

Изъ Чернаго моря въ Мраморное ведеть узкій проливъ, который змѣю извивается между гористыми берегами. Со стороны Чернаго моря берега эти круты, мѣстами обнажены, скалисты и представляютъ довольно дикій видъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ очерки ихъ болѣе и болѣе смягчаются, и особенно живописнымъ является болѣе возвышенный европейскій берегъ. Довольно богатая растительность покрываетъ его вершины и скаты; тутъ между прочимъ красуются широковѣтвистые платаны и кедры и привлекаютъ своею темною зеленью рощи пирамидальныхъ кипарисовъ. Тамъ, гдѣ проливъ или т. наз. Боспоръ Фракійскій сливаетъ свои воды съ водами Мраморнаго моря, онъ отдѣляетъ отъ себя вѣтвь, которая далеко врѣзывается въ европейскій берегъ. Этотъ длинный и узкій заливъ еще у древнихъ носилъ название Керасъ, т. е. рогъ, такъ какъ къ концу онъ нѣсколько загибается и напоминаетъ бычачій рогъ. Впослѣдствіи ему дали название Золотаго Рога. Полуостровъ или уголъ, омываемый съ одной стороны Мраморнымъ моремъ, а съ другой Золотымъ Рогомъ, и упирающійся своею вершиною въ Боспоръ, есть то мѣсто, на которомъ раскинулся дивный городъ.

Константинополь подобно древнему Риму расположень на семи холмахъ, и подобно ему былъ раздѣленъ на четырнадцать частей. Эти семь холмовъ представляютъ гребень, который перещепывается долинами. Холмъ, залегающій на оконечности полуострова, есть главная часть города или Византійскій акрополь. Здѣсь сосредоточились важнѣшія и наиболѣе великолѣпныя постройки; такъ какъ почти весь этотъ холмъ былъ занятъ императорскимъ дворцомъ и примыкающими къ нему храмами и площадями. Дворецъ представлялъ цѣлый лабиринтъ роскошныхъ залъ, покоевъ, портиковъ, перистилей, храмовъ, часовенъ, внутреннихъ двориковъ, термъ, садовъ и т. п. Основанный Константиномъ Великимъ, онъ потомъ постепенно расширялся и увеличивался новыми постройками, которые совершены разными императорами. Внутренности залъ и покоевъ были изукрашены золотомъ и мозаичными изображеніями; галлерей и площадки пред-

ставляли пріятную перспективу своими мраморными колоннадами разныхъ цветовъ; а также мраморными и бронзовыми статуями. Разныя отдѣленія этого дворца-лабиринта носили разныя названія. Укажемъ нѣкоторыя.

На самомъ берегу моря, гдѣ Боспоръ сливается съ Пропонтидой, рядомъ съ императорской гаванью стоялъ особый замокъ или укрѣпленный дворецъ, называвшійся Вуколеонъ. Название это сообщила ему находившаяся на его набережной мраморная группа, которая изображала быка, схваченного львомъ. Этотъ замокъ нерѣдко служилъ настоящимъ жилищемъ императоровъ. Даље за нимъ на возвышенности холма находилась слѣдующая группа дворцовыхъ зданій, между которыми первое мѣсто по своимъ размѣрамъ и украшеніямъ занималъ Хризотриклиний или Золотая палата (самостоянно Золотое ложе). Онъ представлялъ восьмиугольную ротонду, т. е. каждая изъ осьми его сторонъ заканчивалась полукруглымъ абсидомъ. Это была увращенная мозаиками главная тронная зала, въ которой совершались важнѣйшия церемоніи и приемы иностранныхъ пословъ. За тѣмъ слѣдовали другія отдѣленія; напр. Магнаура или Большой дворецъ, Халкійскій или Мѣдный и Дафнійскій. Халкійскій получилъ свое название отъ бронзовыхъ воротъ искусственной работы, а Дафнійскій вѣроятно отъ статуи Дафны, украшившей одну изъ галлерей этого отдѣленія.

Извѣстнѣ къ дворцовымъ зданіямъ примыкали Ипподромъ и форумъ Августеонъ. Ипподромъ представлялъ выровненную продолговатую площадь, обведенную стѣнами, увращенную посрединѣ рядомъ нѣсколькихъ громадныхъ колоннъ и обелисковъ. При началѣ Ипподрома находился особый дворецъ, съ эстрады которого императоръ и его дворъ смотрѣли на ристанія. Форумъ Августеонъ, т. е. Священный, представлялъ площадь, окруженную галлерей изъ аркадъ; по срединѣ онъ имѣлъ четырехъугольную триумfalную арку съ большимъ крестомъ на верху, по бокамъ которого стояли фигуры Константина и его матери Елены. Изъ числа статуй и колоннъ, красовавшихся на этомъ форумѣ, особенно замѣчательна колос-

сальна конна статуя імператора Юстиніана, изображеного въ видѣ Ахиллеса.

Одною своею стороною форумъ Августеонъ примыкалъ къ первому святилищу Византії, къ храму св. Софії. Въ оградѣ императорскаго дворца заключалось много изящныхъ храмовъ и базиликъ; но всѣ они далеко уступали св. Софії, которая служила вмѣстѣ и придворнымъ императорскимъ храмомъ и главною соборною церковью всей столицы.

Какое перо въ состояніи изобразить красоту Софійского храма! Извѣсъ съ трехъ сторонъ его окружали величественные закрытые портики или притворы; а внутри онъ представляетъ чрезвычайно пріятную перспективу: это продолговатый овалъ, по бокамъ обрамленный двухъярусной колоннадой. Нижніе ряды колоннъ поддерживаютъ верхнюю галлерею, которая идетъ вокругъ стѣнъ внутри всего храма, за исключеніемъ абсида или алтарной части. Эта галлерея составляла обычную принадлежность византійскихъ церквей и называлась гинекеемъ, потому что назначалась для женскаго пола, который у Грековъ слушалъ богослуженіе отдельно отъ мужскаго. Надъ срединою частью зданія возвышается обширный куполъ, очень мало выпуклый, у основанія своего имѣющій многочисленные просвѣты, а потому кажущійся необыкновенно легкимъ. По гармоніи частей, изящной простотѣ и выдержанности стиля Софійскій храмъ и въ настоящее время представляетъ первое зданіе въ мірѣ; римскій соборъ св. Петра далеко уступаетъ ему въ этомъ отношеніи. Но можно представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе производилъ этотъ храмъ своими внутренними украшеніями, т. е. разноцвѣтными мраморами и роскошными мозаиками, которые покрывали его стѣны! Строитель Софії Юстиніанъ I имѣлъ полное право въ день освященія храма воскликнуть: „Слава Всевышнему, который удостоилъ меня совершить это дѣло. Я превзошелъ тебя, Соломонъ!“ (Со временемъ мусульманского ига внутреннія украшенія скрыты подъ густымъ слоемъ штукатурки, а снаружи зданіе обезображенено разными пристройками).

Греки любили давать своимъ храмамъ имена въ честь божественныхъ свойствъ и добродѣтелей. Такъ неподалеку отъ св. Софии или Премудрости Божіей находился храмъ св. Ирины, т. е. храмъ Мира или Согласія, построенный Константиномъ В. (Въ настоящее время это самый древній изъ дошедшихъ до нась византійскихъ храмовъ. Турки обратили его въ арсеналъ). Далѣе къ западу на IV-мъ холмѣ находился величественный храмъ св. Апостоловъ, въ которомъ погребались византійскіе императоры. (Турки выбросили изъ него богатые мраморные саркофаги съ ихъ останками, разрушили церковь и на мѣстѣ ея воздвигли мечеть, известную подъ именемъ Могамедіе). Многіе замѣчательные храмы, монастыри, термы, водопроводы, форумы, монументальная колонны и статуи были разсѣяны по обширной Византіи. Было еще и нѣсколько особыхъ дворцовъ. Изъ послѣднихъ назовемъ Гебдомонъ съ храмомъ Иоанна Предтечи. (Остатки какого то красиваго зданія, уцѣлѣвшіе въ сверозападномъ углу города подлѣ Большихъ стѣнъ, считаются именно за остатки дворца Гебдомона). Не подалеку отъ него въ томъ же углу, ближе къ Золотому Рогу, въ части города называвшейся Влахернами, находился Влахернскій дворецъ съ термами и знаменитымъ храмомъ Богородицы.

Весь Константинополь былъ окруженъ стѣнами со многими башнями; но особеною крѣпостью и массивностію отличались Большия стѣны, защищавшія его съ сухаго пути; они были двойные и упирались однимъ концомъ въ Золотой Рогъ, а другимъ въ берегъ Мраморного моря. Изъ многихъ воротъ, заключавшихся въ этихъ Большихъ стѣнахъ, наиболѣе знамениты Золотыя, названныя такъ по своимъ украшеніямъ; они прилегали къ сторонѣ Мраморного моря. Неподалеку отъ Золотыхъ воротъ, внутри города на VII-мъ холмѣ, расположены были Студійскій монастырь Иоанна Крестителя, одинъ изъ самыхъ обширныхъ и богатыхъ монастырей цареградскихъ. Монастырь этотъ замѣчательенъ для нась по своему послѣдующему вліянію на русское монашество и на русскую письменность.

За Большими стѣнами лежало Пегійское предмѣстье съ

загороднымъ дворцомъ и храмомъ Богородицы. Пегийскимъ онъ названъ по источникамъ, тамъ находившимся. За тѣми же стѣнами расположены были и другія селенія и монастыри. Между прочимъ на берегу Золотаго Рога за Влахернами лежало предмѣстie съ монастыремъ св. мученика Мамы. Въ этомъ предмѣстie обыкновенно проживали русскіе торговцы, приходившиe въ Константинополь на своихъ лодкахъ однодеревкахъ. Золотой Рогъ служилъ превосходною гаванью, въ которой находили себѣ удобную стоянку многочисленныя торговыя и военные суда. На другой сторонѣ этого залива, тамъ гдѣ онъ соединяется съ Боспоромъ, лежало предмѣстie Галата, носившее прежде название Сике, т. е. Смоковницы. Отъ этого предмѣстия къ оконечности Константинопольскаго полуострова, въ случаѣ надобности, протягивались желѣзныя цѣпи, которыя запирали входъ въ Золотой Рогъ. На противуположной сторонѣ Боспора лежало другое большое предмѣстие или пригородъ Константинополя, Хризополисъ, извѣстный въ послѣдствіи подъ именемъ Скутари. Затѣмъ по обоимъ берегамъ Боспора разсѣяны были селенія, монастыри, загородныя виллы и т. п. ⁽¹⁾)

Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, Византія только что успокоилась отъ внутреннихъ смутъ, причиненныхъ иконоборческой ересью. Феодора, супруга императора Феофила, одного изъ ревностныхъ иконоборцевъ, послѣ его смерти получила въ свои руки верховную власть по малолѣтству своего сына Михаила III. Первымъ ея дѣломъ было восстановленіе иконопочитанія, которое и утверждено соизваннымъ ею духовнымъ соборомъ 842 года. Съ возобновленіемъ иконопочитанія вновь ожилиссy и нѣкоторыя отрасли искусства. Имперія представила свое обычное явленіе. Сколько разъ во время смутъ, мятежей и непріятельскихъ нашествій она казалась близка къ разложенію или къ совершенному упадку. Но едва наступало затишье или на престолъ появлялась умная, энергичная личность, какъ опять обнаруживались признаки могущества и процвѣтанія. Столько было еще жизненныхъ силъ въ этомъ съ виду ненадежномъ организмѣ и въ этой образованности, представлявшей замѣчательное сочетаніе христіан-

скихъ началъ съ классическими воспоминаніями, эллинизма съ варварствомъ, неограниченаго самодержавія съ республиканскими преданіями. Но что особенно служило для Византійской имперіи неистощимъ источникомъ ея процвѣтанія, ея блеска и обаянія въ глазахъ варварскихъ народовъ, это замѣчательное развитіе ея промышленности и искусствъ. Въ Царьградѣ конечно стекались изъ провинцій наиболѣе искусные ремесленники и художники; вообще здѣсь искали себѣ счастья и богатства наиболѣе энергичные, даровитые и предпріимчивые люди. Изобиліе товаровъ, художественныхъ произведеній и всякаго рода услугъ развивали сильную роскошь въ средѣ столичныхъ обитателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживали въ ней привязанность къ веселой жизни, къ зрѣлищамъ и другимъ удовольствіямъ. Сюда собирались торговцы почти изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ, чтобы мѣнять свои сырыя произведенія на греческія издѣлія. Но наиболѣе роскошныя издѣлія, напримѣръ самыя дорогія шелковыя ткани (паволоки), византійское правительство даже запрещало вывозить изъ имперіи для того, чтобы варвары и въ самой одеждѣ своей не могли сравняться съ Греками; а къ варварамъ они причисляли и западные, т. е. латинские, народы того времени.

Имперія не долго пользовалась благоразумнымъ и бережливымъ управлениемъ Феодоры. Сынъ ея Михаилъ едва достигъ пятнадцатилѣтняго возраста, какъ объявилъ себя совершенолѣтнимъ и устранилъ свою мать отъ всякаго участія въ дѣлахъ. Это былъ образецъ тиранническаго властителя, преданного пьянству и другимъ порокамъ. Своимъ характеромъ и наклонностями онъ напоминалъ римскаго Нерона, съ тою разницею, что имѣлъ вкусы еще болѣе грубые. Неронъ, играя передъ публикою на цитрѣ, добивался славы великаго артиста; а Михаилъ III страстно любилъ лошадей и главное свое достоинство почиталъ въ искусствѣ ристанія. Циркъ или ипподромъ — это любимое зрѣлище византійцевъ — при немъ оживился и получилъ значеніе болѣе важное чѣмъ всѣ государственные дѣла. Въ одеждѣ возницы изъ партии Голубыхъ Михаилъ самъ принималъ дѣятельное уча-

стіє въ конномъ бѣгѣ, и добивался побѣды надъ соперниками, которую они конечно уступали ему очень легко. Рассказываютъ, будто бы однажды, когда императоръ стоялъ на колесницахъ и ожидалъ сигнала къ началю бѣга, главный сановникъ привелъ къ нему гонца, который только что прибылъ изъ Малой Азіи съ извѣстіемъ о вторженіи Арабовъ. „Несчастный! — воскликнулъ Михаилъ— и въ такую критическую минуту ты приходишь меня беспокоить!“ На возвышенныхъ пунктахъ Малой Азіи устроены были сигнальные огни, что бы извѣщать о непріятельскомъ вторженіи; Михаилъ велѣлъ ихъ уничтожить; такъ какъ эти огни иногда тревожили жителей столицы и отвлекали ихъ вниманіе отъ ристаній цирка. Подобно своимъ предшественникамъ онъ воздвигъ нѣсколько храмовъ и другихъ изящныхъ или полезныхъ зданій; но главную свою заботу посвятилъ постройкѣ великолѣпныхъ дворцовыхъ конюшень; мраморъ и порфиръ украшали ихъ стѣны; онъ были снабжены кромѣ того роскошными водоемами. Рассказываютъ, что однажды, показывая кому то свои конюшни, Михаилъ выразилъ надежду, что это зданіе сдѣлаетъ бессмертнымъ его имя. „Государь, получилъ онъ въ отвѣтъ, Юстиніанъ построилъ и изукрасилъ св. Софію, и однако о немъ болѣе не говорять; а ты надѣешься пріобрѣсти бессмертіе этимъ вмѣстительствомъ навоза“. Правдивый отвѣтъ былъ награжденъ ударомъ бича.

Подтверждая указы объ иконопочитаніи и выставляя себя опорою православія, Михаилъ въ тоже время предавался разнаго рода кощунству и иногда публичному. Феодора возвела на патріаршій престолъ Игнатія, человека строгаго и твердаго характера. Разумѣется, онъ сдѣлался непріятенъ Михаилу, и послѣдній позволялъ себѣ иногда самые недостойные поступки. Напримеръ, во время торжественной процессіи, когда патріархъ шелъ во главѣ клира, на встрѣчу ему вдругъ появилась другая процессія: то былъ Михаилъ съ толпою своихъ любимцевъ, одѣтыхъ на подобіе митрополитовъ и епископовъ; одинъ изъ нихъ, по имени Грилль, изображалъ патріарха; причемъ съ акомпанементомъ цитры онъ пѣлъ непри-

стойные пѣсни. Поступокъ почти невѣроятный въ столицѣ православія, хотя о немъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые византійскіе историки. Диада императора, по имени Варда, старавшійся поддерживать порочныя наклонности племянника съ цѣлью проложить себѣ путь къ престолу, особенно возненавидѣлъ патріарха за его смѣлыя обличенія. Онъ убѣдилъ наконецъ императора свергнуть Игнатія и поставить другаго патріарха. Выборъ Варды палъ на одного свѣтскаго сановника, дальнаго родственника царствующей фамиліи, человѣка знаменитаго громадною ученостію и литературными трудами, но не отличающагося высокими нравственными доблестями. Это былъ Фотій. Въ нѣсколько дней онъ прошелъ духовныя степени, и былъ посвященъ въ патріархи. Но такъ какъ Игнатій ни зачто не соглашался отречься отъ своего сана, и за него стояла значительная часть духовенства, то Фотій обратился въ Римъ къ папѣ Николаю съ просьбою объявить низложеніе Игнатія и подтвердить избраніе его, Фотія. Это обращеніе, сдѣланное въ личныхъ видахъ, оказалось великою политическою ошибкою со стороны Константинополя. Папа воспользовался случаемъ принять рѣшающій тонъ въ дѣлахъ всей христіанской церкви. Онъ не призналъ избранія Фотія, и потребовалъ возстановленія Игнатія. Отсюда возникла великая распра, сопровождаемая взаимными отлученіями; началось явное раздѣленіе церкви на Восточную и Западную.

Между тѣмъ при Византійскомъ дворѣ вокругъ безпечнаго и погруженаго въ свои развлеченія Михаила III кипѣла неусыпная крамола; злые ковы и заговоры скрещивались и перепутывались между собою. Варда, носившій титулъ цезаря, приготовлялся занять мѣсто своего племянника; но противъ него уже дѣйствовала рука болѣе искусная и умѣйше изворотливый. То былъ новый любимецъ Михаила, Василій Македонянинъ, знаменитый основатель Македонской династіи. Впослѣдствіи, по воцареніи этой династіи, не замедлили сложиться легенды, которыя украсили исторію ея основателя. Родъ его начали производить съ отцовской стороны отъ ариянскихъ Арзакидовъ, а съ матерней отъ Константина Великаго. Уже дѣство его будто бы сопро-

вождалось чудными знаменіями и предсказаніями великой будущности. Онъ былъ сынъ бѣдныхъ родителей, и молодымъ человѣкомъ пришелъ пѣшкомъ изъ родной Македоніи въ столицу искать счастья въ службѣ какого нибудь вельможи. Наступила уже ночь, когда Василій подошелъ къ Золотымъ воротамъ. Усталый отъ долгаго пути, не имѣя гдѣ преклонить голову, онъ прилегъ на ступеняхъ у входа въ монастырь св. Діомеда. Здѣсь нашелъ его монастырскій вратарь, сжалился надъ нимъ и далъ ему пріютъ. Молодой человѣкъ былъ уменъ, статенъ и обладалъ замѣчательною физическою силою; онъ умѣлъ нравиться и пріобрѣтать покровителей. Благодаря пособію монастырскаго начальства, онъ дѣйствительно вступилъ въ службу одного вельможи, двоюроднаго императорскаго брата Феофила, и скоро своею ловкостью и усердiemъ сдѣлался его любимцемъ. Однажды былъ пиръ у сына помянутаго Варды. Въ числѣ приглашенныхъ находились и болгарскіе послы; они хвастались силою одного изъ своихъ слугъ, котораго дотолѣ никто еще не могъ одолѣть въ единоборствѣ. Феофиль велѣлъ позвать Василія; послѣдній схватился съ Болгариономъ, и, съ помощью своей ловкости, тотчасъ бросилъ его на землю. Этотъ подвигъ заставилъ много говорить о немъ въ столицѣ, и сдѣлалъ его извѣстнымъ самому императору. Потомъ Василію удалось однажды во время охоты укротить царскаго коня, съ которымъ не могли справиться царскіе конюхи. Тогда Михаилъ взялъ его въ свою службу, и Василій быстро началъ возвышаться. Онъ достигъ важной должности *parakimomena* (начальникъ внутреннихъ по-коевъ) вмѣстѣ съ званіемъ патриція, и, чтобы еще болѣе угодить Михаилу, женился на бывшей его любимицѣ, отославъ отъ себя свою первую супругу.

Къ этой то эпохѣ относится первое, извѣстное въ исторіи, появленіе нашихъ предковъ подъ стѣнами Константинаополя. Михаилъ III, пожелавшій вдругъ отличиться военными подвигами, въ сопровожденіи своихъ любимцевъ и приближенныхъ отправился въ Малую Азію, въ походъ противъ Сарацинъ, куда увелъ съ собою византійскіе легіоны; а начальство въ столицѣ поручилъ патрицію Никитѣ, прозваніемъ Орифа. Послѣдній носилъ еще званіе

хунгарія флота, и хотя до того времени не отличился никакими особыми заслугами на военномъ или гражданскомъ поприщѣ, но повидимому былъ человѣкъ не безъ достоинствъ.

Послѣдующее событие происходило приблизительно въ чаѣ 865 года.

День склонился къ вечеру, когда въ Царьградъ явились бѣглецы изъ селеній, расположенныхъ по берегамъ Фракийскаго Босфора, и принесли страшную вѣсть: многочисленные корабли варварскаго народа Рось вошли въ Босфоръ и плывутъ прямо къ столицѣ. Эта неожиданная вѣсть поразила жителей цареградскихъ, которые дотолѣ безопасно предавались своимъ занятіямъ и своимъ удовольствіямъ. Вмигъ брошены всѣ мелкія заботы и попеченія, всѣ забавы и суетныя помышленія; повсюду распространились ужасъ и смятеніе.

Варвары очевидно имѣли вѣрныя свѣдѣнія объ отсутствії императора съ легіонами и почти беззащитномъ положеніи столицы. Дѣло въ томъ, что за нѣсколько времени греческое правительство нарушило свои торговые договоры съ Русскимъ народомъ и допустило избить многихъ русскихъ торговцевъ, проживавшихъ въ Византії; ссора съ ними возникла изъ за какого-то незначительного долга. Тщетно Русь требовала удовлетворенія за обиду. Византійцы не обращали вниманія на эти требованія, и вотъ теперь, когда они ничего не ожидали, варвары воспользовались удобнымъ временемъ и внезапно нагрянули на Византію, прежде нежели корсунскіе или синопскіе Греки могли извѣстить столицу объ ихъ походѣ. Они конечно надѣялись не только отомстить за смерть товарищей, но и обогатиться несмѣтною добычею, которую сулило взятие такого богатаго и великаго города каковъ былъ Константинополь.

Впечатлительные Византійцы легко переходили изъ одной крайности въ другую; ихъ высокомѣре и презрѣніе къ варварамъ тотчасъ смѣнилось робостью и страхомъ близкой смерти или жестокаго плѣна. Между тѣмъ Орифа и его помощники, по всѣмъ признакамъ, приняли зависящія отъ нихъ мѣры: они заперли городскія ворота, раз-

ставили по башнямъ находившуюся въ ихъ распоряженіи стражу и поспѣшили отправить гонцовъ къ императору.

Наступившая ночь, мрачная и бурная, еще усиливала тревогу и смятеніе въ городѣ. Наиболѣе робкимъ умамъ ежеминутно представлялось, что враги уже перелѣзли стѣны, завладѣли городомъ, — и насталъ всему конецъ. Но вотъ мракъ разсѣялся, вѣтеръ утихъ, морскіи волны улеглись; и тогда жители Византіи увидали вереницу судовъ, которые обступали Константинополь со стороны Босфора и Пропонтиды. Варвары, держа въ рукахъ обнаженные мечи свои, грозили ими городу и испускали дикіе крики. Это были большею частію статные люди съ свѣтлорусыми волосами и сѣрыми, острыми глазами. Наиболѣе знатные между ними отличались бритыми подбородками и длинными усами; остроконечные шлемы покрывали ихъ чубатые подстриженные кругомъ головы; сверхъ кольчуги на нихъ наброшены были плащи, углы которыхъ застегивались пряжкою на правомъ плечѣ. Вооруженіе этого народа составляли стрѣлы, копья, сѣкиры и мечи съ широкимъ, обоюду-острымъ лезвіемъ; а щиты, съуживающіяся къ низу, были такъ длины, что закрывали почти все тѣло.

Окруживъ городъ со стороны моря, Руссы высадились на берегъ, и по обычаю своему начали насыпать валъ вдоль стѣнъ, защищавшихъ городъ съ суши, чтобы тѣмъ легче завладѣть ими. Въ тоже время часть ихъ разсѣялась по беззащитнымъ предмѣстьямъ и окрестностямъ Константинополя; они съ большою свирѣпостью принялись опустошать селенія и монастыри, истребляя огнемъ и мечемъ нивы, жилища, людей и скотъ, не щадя при этомъ ни младенцевъ, ни старииковъ, не смягчаясь никакими волями и мольбами. Между прочимъ они захватили островокъ Теревинѣ съ его монастыремъ, въ который былъ сосланъ патріархъ Игнатій, лишенный своего престола. Варвары разграбили здѣсь церковные сосуды и всю утварь; патріархъ какъ то спасся; но они схватили двадцать два человѣка изъ его монаховъ и слугъ, и всѣхъ изрубили топорами на кормѣ ладьи.

Въ отчаяніи своемъ жители Византіи обратились къ

тому, о чём они легко забывали въ дни мира и веселія, т. е. къ молитвѣ, посту и покаянію. Духовенство совершало постоянные молебны и всенощныя бдѣнія; отверстые храмы были наполнены молящимся народомъ; при чёмъ наиболѣе кающіеся стояли на колѣнахъ, били себя въ грудь, плакали и стекали. Особенно густая толпа стекалась въ соборный храмъ св. Софіи. Патріархъ Фотій въ эту торжественную минуту явился вполнѣ достойнымъ своего сана и обнаружилъ замѣчательную силу слова. Съ Софійской каѳедры онъ яркими красками изображалъ варварское нашествіе какъ кару, ниспосланную Господомъ за тяжкіе грѣхи, въ которыхъ погрязло населеніе. При этомъ, смотря по теченію своихъ мыслей, онъ то называлъ варваровъ грозными и неодолимыми, и иногда выражался словами Библіи. Напримѣръ: „Народъ сей двинулся съ югъ съ тѣмъ, что бы дойти до втораго Іерусалима, и людъ сей устремился съ конца земли, неся съ собой стрѣлы и копья; онъ грозенъ и не милуетъ; голосъ его какъ шумъ моря“, и т. д. То отзывался о нихъ съ презрѣніемъ, чтобы ярче выставить униженіе и стыдъ, которыми подверглась Византія. „О градъ, царь едва не всей вселенной! — восклицалъ онъ — Какое воинство ругается надъ тобою какъ надъ рабою: необученное и набранное изъ рабовъ! О градъ, украшенный добычкою многихъ народовъ, что за народъ вздумалъ взять тебя въ добычу! Слабый и ничтожный непріятель смотритъ на тебя сурово, пытаетъ на тебѣ крѣпость руки своей и хочетъ нажить себѣ славное имя“. „Походъ этихъ варваровъ — замѣчаетъ онъ — скитренъ былъ такъ, что и молва не успѣла оповѣстить, и мы услыхали о нихъ уже тогда, когда увидѣли ихъ, хотя и раздѣляли наѣсть столькія страны и народонаачальства, судоходныя рѣки и пристанищныя моря“.

Патріархъ призывалъ къ покаянію, но не наружному только, а глубокому и искреннему. „Не вопите и не шумите. Перестаньте плакать, молитесь спокойно, будьте мужественны“ — повторялъ онъ, и обѣщалъ заступленіе Божіе, если грѣшники имѣютъ твердое намѣреніе исправиться отъ своихъ беззаконій и поступать согласно съ заповѣдями Господними. „Было что посмотретьъ тогда!“ —

говорилъ послѣ тотъ же Фотій. „Горды смирились; славстолюбцы постились; у весельчаковъ и игроковъ слезы ручьями текли по щекамъ; ростовщики, копившіе деньги, раздавали ихъ бѣднымъ; жестокосердый сталъ милостивъ; преданный пьянству обѣщалъ не пить во всю жизнь; преданный чувственности добровольно далъ обѣтъ цѣломудрія, и вообще каждый всѣми силами давалъ знать, что онъ будетъ служить образцомъ добродѣтели, и обѣщался впередъ исполнять всѣ обѣты чистосердечно и неуклонно“. Калялись жители Византіи также и въ нарушеніи договоровъ съ варварами и въ обидѣ имъ причиненной.

Межу тѣмъ осада продолжалась; валъ, насыпаемый непріятелями, постепенно возрастаѣлъ, и близился часъ, когда они съ этого вала могли перелѣзть на стѣны и ворваться въ городъ. „Наконецъ, возлюбленные, проповѣдывалъ Фотій, настало время прибѣгнуть къ Матери Слова, къ Ней, единой надеждѣ нашей и прибѣжищу. Къ ней возопіемъ: Досточтимая, спаси градъ твой, какъ вѣдаешь. Госпоже! Ее поставимъ ходатайницею передъ сыномъ и Богомъ нашимъ. Ее сдѣлаемъ свидѣтельницею и сподручницею обѣтовъ нашихъ“.

Главные византійскіе храмы изобиловали священными предметами; особымъ поклоненіемъ пользовались конечно тѣ предметы, которые въ народномъ вѣрованіи были связаны съ земною жизнью Спасителя и Богородицы. Напримеръ, въ Софійскомъ соборѣ показывали вѣрующимъ пелены младенца Христа, золотые сосуды, принесенные ему въ даръ волхвами, копье, которымъ онъ былъ прободенъ, и т. д. Во Влахернскомъ храмѣ хранились поясъ Богоматери и ея риза, т. е. какая либо часть одежды. Эта святыня чтилась въ особенности какъ надежная защита во время опасности, и вообще жители Царьграда почитали Богородицу главною застუпницею и покровительницею своего города. Патріархъ взялъ ея ризу, и съ молитвенными пѣснопѣніями обнесъ ее вдоль стѣнъ вокругъ города. Вслѣдъ за тѣмъ непріятели поспѣшили снять осаду, сѣли на свои корабли и покинули Боспоръ, обогащенные награбленною на его берегахъ добычею. Источники не даютъ намъ ближайшихъ объясненій этого поспѣ-

шнаго отступления Руссовъ. Безъ сомнѣнія въ это именно время достигло до нихъ извѣстіе о приближеніи византійскихъ легіоновъ и кораблей; ибо Михаилъ III тотчасъ повернулся назадъ, какъ только услыхалъ о нападеніи Руси на его столицу (²).

Русь ушла отъ Царьграда; но византійское правительство должно было озаботиться защитою отъ нея своихъ Черноморскихъ областей, особенно Херсонеса и другихъ греческихъ городовъ, находившихся въ Тавридѣ по съѣству съ таманскими и таврическими владѣніями Руси. Въ этой войнѣ союзницей Грековъ явилась христіанская религія: греческіе проповѣдники склонили часть варваровъ къ принятію крещенія. Тотъ же патріархъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи 866 года, обращенномъ къ восточнымъ епископамъ, извѣщаетъ ихъ, что не только племя Болгарское перемѣнило свое древнее нечестіе на вѣру во Христа; но тоже сдѣлало и племя Русское. „Народъ, столь часто многими превозносимый—пишетъ Фотій—и преисходящій всѣ другіе народы своею жестокостью и кровожадностію, т. е. Россы, которые, покоривъ окрестные народы, возгордились, и, имѣя о себѣ весьма высокое мнѣніе, подняли оружіе на Римскую державу, теперь и сами преложили нечестивое языческое суевѣріе на чистую и непорочную христіанскую вѣру, и ведутъ себя какъ преданные друзья; хотя не задолго передъ этимъ тревожили насъ своими разбоями и учинили великое злодѣяніе“ (т. е. нападеніе на самый Царьградъ).

Но Фотій очевидно преувеличивалъ размѣры обращенія и преданности со стороны Руси. Только новому императору, Василію Македонянину, который въ слѣдующемъ 867 году воцарился на мѣстѣ убитаго имъ Михаила III, удалось богатыми дарами изъ золота, серебра и шелковыхъ тканей склонить русскихъ вождей къ миру и возобновить съ ними торговые договоры. Тогда и обращеніе варваровъ въ христіанство сдѣлало еще болѣе успѣхъ, такъ что Игнатій, снова восстановленный на патріаршемъ престолѣ, назначилъ особаго архіепископа для этой крещеной Руси.

Такому обращенію варваровъ много способствовалъ при-

мѣръ ихъ соплеменниковъ Болгаръ. Около этого времени Азовско-Днѣпровская Русь подчинила себѣ то Болгарское племя, которое жило на устьяхъ Кубани и въ восточной части Крыма и которое Русь освободила отъ Хазарекаго ига. Часть этихъ такъ наз. Черныхъ Болгаръ уже исповѣдывала христіанскую религию, проникшую къ нимъ изъ со-сѣднихъ греческихъ городовъ, Херсонеса, Сугдіи, Боспора и др. Крещеные таврические Болгаре уже имѣли Евангелие и въкоторыя другія священные книги на родномъ языке. Отъ нихъ то, по всей вѣроятности, знаменитые солунскіе братья, Кириллъ и Меѳодій, заимствовали церковнославянское письмо и начатки переводовъ Св. Писанія, которые и перенесли потомъ къ Славянамъ Дунайскимъ. Тоже церковнославянское письмо облегчило путь христіанской проповѣди и въ среду Русского народа, не задолго утвердившаго свое владычество на берегахъ Киммерийского Боспора въ городахъ *Корчево* и *Тмутракань*; такъ у мѣстныхъ Славянъ назывались древнія греческія колоніи, Пантиапея или Боспоръ и Фанагорія или Таматарха, откуда Русь вытѣснила Хазарь.

Итакъ, первое громкое предпріятіе Руси, заставившее говорить о ней другіе народы, т. е. нападеніе на самый Константинополь, это предпріятіе совпадаетъ по времени съ началомъ Русского христіанства. Но вообще только незначительная часть Русского народа пока приняла крещеніе; а большинство хранило обычай предковъ, и продолжало ревностно приносить кровавыя жертвы своимъ старымъ богамъ: Перуну, Волосу, Дажбогу, Стрибогу и проч. (3).

Какъ посреди ночной мглы иногда внезапный блескъ молніи прорѣзываетъ тучи и на мгновеніе озаряетъ окрестность; такъ нападеніе 865 года на Константинополь является для насъ яркимъ лучомъ свѣта на горизонтѣ начальной Русской исторіи, покрытой густымъ туманомъ. Басни и домыслы нашихъ старинныхъ книжниковъ только усилили этотъ туманъ и дали ложное направление тѣмъ позднѣйшимъ изслѣдователямъ, которые пытались разъяснить древнѣйшія судьбы Русского народа.

Нападеніе 865 года и современныя о немъ свидѣтель-

ства неоспоримо указываютъ на многочисленное, воинственное племя Русь, которое издавна обитало въ юго-восточной Европѣ, именно въ странахъ Приазовскихъ и Приднѣпровскихъ, появляясь въ исторіи предыдущихъ вѣковъ подъ именами Роксаланъ и Антовъ, а иногда скрываясь подъ болѣе общими названіями Скиеовъ и Сарматъ. Много перемѣнъ испытало это племя, много борьбы и усилий должно было оно вынести, прежде нежели успѣло окрѣпнуть и создать могучее ядро, изъ которого развилаась русская государственная жизнь и русская національность. Народы пришлые и туземные, чужды и родственные поперемѣнико тѣснили Славянорусское племя, иногда подчиняли его себѣ, отрывали отъ него ту или другую вѣтвь, но никогда не могли его сломить. Нѣмѣцкіе Готы, финскіе Гуны и Угры, славянскіе Болгаре, черкесскіе Авары и Хазары, одни за другими или въ союзѣ другъ съ другомъ наступали на Антовъ — Русь, и угнетали ее. Но все вынесло, все преодолѣло это упругое племя, пока пробилось на широкую дорогу своей исторической жизни. Эта трудная и долгая школа закалила его характеръ и подготовила его къ послѣдующимъ испытаніямъ.

Изъ всѣхъ способностей, которыми природа щедро одѣлила Славянорусское племя, наиболѣе драгоцѣнными являются конечно его предпріимчивость, мужество и способность созидательная. Послѣдняя въ особенности необходиама для самобытнаго развитія, и передовые историческіе народы обыкновенно обладаютъ ею въ высокой степени. Нужно имѣть значительный запасъ изобрѣтательности, трудолюбія и терпѣнія — особенно жителю сѣверныхъ странъ, — чтобы устроить свое жилище и оградить себя отъ суровыхъ вліяній климата, промыслить пропитаніе, и т. п. Но еще въ большей степени требуются тѣ же качества, чтобы устроить свой общественный бытъ и охранить его отъ враговъ виѣшнихъ и внутреннихъ. Исторія показываетъ, что Славянскіе народы далеко не были лишены способности сосредоточивать свои силы и созидать государства; но въ ихъ характерѣ были и другія черты, которыхъ много мѣшали прочности такихъ со-

зиданий. Это излишняя впечатлительность, излишняя подвижность; она обусловливала даровитость Славянского племени; но она служила также источникомъ нѣкотораго непостоянства, нѣкоторой неустойчивости. Можно смыло сказать, что даровитостью своею Славянское племя, напримѣръ, превосходитъ племя Нѣмецкое; но оно уступаетъ ему въ качествѣ болѣе драгоцѣнномъ, въ устойчивости и сосредоточенности, въ томъ, что называется силой характера. Къ счастію Россаланское или Русское племя въ этомъ отношеніи замѣтно выдѣгается изъ своей Славянской семьи; уже съ самаго начала своей исторіи оно обнаруживаетъ терпѣніе и твердость, съ помощью которыхъ его творческая способность могла получить широкое развитіе на поприщѣ общественнаго и государственнаго быта. Этими чертами, т. е. сравнительно меньшою степенью впечатлительности и непостоянства, оно обязано какъ вліянію окружающей природы, такъ и своей исторической школѣ, и отчасти перекрещенію съ другими народностями, а именно съ готскими и финскими племенами, которые издревле обитали рядомъ съ нимъ въ Восточной Европѣ. Главная его вѣтвь издавна утвердилась на среднемъ теченіи Днѣпра, къ сѣверу отъ пороговъ, въ kraю обильномъ цвѣтущими полями, рощами и текущими водами, въ сторонѣ отъ южныхъ степей, слишкомъ открытыхъ вторженію кочевыхъ народовъ. Въ этомъ kraю оно построило себѣ крѣпкіе города и положило начало государственному быту съ помощью своихъ родовыхъ князей. Здѣсь Русь развила свою способность къ государственной жизни. Отсюда посредствомъ своихъ дружинъ она постепенно распространила свою объединительную дѣятельность на родственные ей племена восточныхъ Славянъ. Какъ одно изъ наиболѣе даровитыхъ и предпримчивыхъ арійскихъ племенъ, Русь съ одинаковымъ успѣхомъ предавалась мирнымъ и воинственнымъ занятіямъ, грабежу и торговлю, сухопутнымъ и морскимъ предпріятіямъ; дружинники русские съ одинаковою отвагою владѣли конемъ и лодкою, мечемъ и парусомъ. Ихъ смылые судовые походы по рекамъ и морямъ въ IX и X вѣкахъ сдѣлали громкимъ русское имя на востокѣ и на западѣ.

Превосходство Русского племени съ особою силою выразилось въ его объединительныхъ стремленихъ, въ постепенномъ и неуклонномъ собираниі воедино своихъ широко раскинувшихъ вѣтвей. Объединеніе совершалось подъ предводительствомъ того княжескаго рода, который утвердился въ Кіевѣ. Въ Кіевской области сосредоточилось наиболѣе энергичное, наиболѣе предпримчивое Россаланское племя Поляне или Рось въ тѣсномъ смыслѣ. Оно продолжало сохранять свою любовь къ судоходству и свои связи съ берегами Азовскаго моря, бывшими колыбелью этого племени. Тамъ еще жили значительныя его поселенія. Дружины Полянъ-Руси ходили почти во всѣ стороны вверхъ и внизъ по теченію рѣкъ, налагая дани на своихъ сосѣдей. На восточной сторонѣ Днѣпра они объединили ближайшую свою вѣтвь Россаланское племя Сѣверянъ, сидѣвшихъ по Деснѣ и имѣвшихъ своимъ средоточіемъ города Черниговъ и Любечъ. Подвигаясь къ сѣверу, пользуясь Днѣпромъ и его притоками, они подчинили себѣ на одной сторонѣ племя Радимичей, на другой Драговичей. На верхнемъ Днѣпре они утвердились въ Смоленскѣ, городѣ Кривичей. Постепенно углубляясь далѣе на сѣверъ, Русь перешла волоки; спустившись по Ловати, завладѣла берегами озера Ильменя, и водворилась въ главномъ средоточіи ильменскихъ Славянъ, въ знаменитомъ Новгородѣ, при истокѣ рѣки Волхова. Отсюда по Волхову, Ладожскому озеру и по рѣкѣ Невѣ она открыла себѣ путь для сношеній съ народами Скандинавіи. Другой водный путь въ Балтійское море пролегалъ по Западной Двинѣ. Ключомъ къ этому пути служилъ городъ Полоцкъ, и онъ къ началу X вѣка находился уже во владѣніи русскихъ князей.

Русь не довольствовалась днѣпровскими и ильменскими Славянами. Она проникла на Оку и верхнюю Волгу, и здѣсь посреди Финскихъ народцевъ основала свои поселенія и свое владычество, укрѣвшись преимущественно въ Муромѣ на возвышенномъ берегу Оки, и въ Ростовѣ на низменныхъ берегахъ Ростовскаго озера. Но между тѣмъ какъ распространеніе Русского господства на сѣверъ принимало такие обширные размѣры, на югѣ и

югозападѣ оно подвигалось съ трудомъ. Здѣсь въ области Днѣстра, Буга и нижняго Днѣпра жили хотя и родственныя народы, но уже другой Славянской отрасли, не Росс-аланской, а Болгарской: Угличи, Тиверцы и отчасти Древляне или Волыняне. Покорить эти народы было несложно, и у русскихъ лѣтописцевъ мы находимъ отголоски упорной борьбы, кипѣвшей когда-то между ними и властолюбивою Русью. Перевѣсь остался за послѣднею, которая успѣла сосредоточить и развить свои силы въ то время, какъ означенные народы были раздроблены на многія владѣнія и общины. Легче подчинилась Руси та часть Тиверцевъ или Тавроскиевъ, которая обитала въ древнихъ своихъ жилищахъ на устьяхъ Кубани и въ восточной части Крыма, и называлась иначе Черными Болгарами. Съ VI по IX столѣтіе эти Болгары были угнетены владычествомъ Хазаръ. Послѣдніе представляли народъ смѣшанный изъ пришлыхъ Турокъ завоевателей съ покоренными туземцами Хазарами или Черкесами. Русскіе князья вступили въ дѣятельную борьбу съ турко-хазарскими каганами, мало по малу освободили отъ ихъ ига Черныхъ Болгаръ, и утвердили собственное владычество на берегахъ Боспора Киммерійскаго, т. е. въ Корчевѣ и Тмутракані. Такимъ образомъ постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, кіеворусскіе князья распространили свое господство отъ Ильменя до Тамани.

Дружины русскія приходили на устье Кубани изъ Киевской области слѣдующимъ судовыми путемъ: изъ Днѣпра въ его притокъ съ лѣвой стороны Самару; изъ Самары въ ея притокъ Волчью Воду; а отсюда небольшимъ воловкомъ или вешнею полою водою ладью входили въ Міусъ или Калміусъ, и такимъ образомъ достигали Азовскаго моря. Завладѣвъ берегами Киммерійскаго Боспора, Русь получила возможность развивать свое судоходство и по самому Черному морю, т. е. посѣщать берега его въ качествѣ торговцевъ и пиратовъ; и даже, какъ мы видѣли, сдѣлать набѣгъ на самый Царьградъ.

Для сношеній съ Византіей и Дунайскими Болгарами существовалъ другой путь въ Черное море, именно Днѣпромъ до самаго его устья; онъ былъ очень затрудните-

ленъ по причинѣ цѣлаго ряда огромныхъ пороговъ; но Русь умѣла преодолѣвать препятствія. Этотъ болѣе прямой путь особенно предпочитали торговые караваны. Обыкновенно зимою жители лѣсныхъ мѣстъ, прилегавшихъ къ верхнему и среднему Днѣпру, валили большія деревья и приготавливали изъ нихъ лодки — однодеревки, которая при весеннемъ половодье сплавляли по Днѣпру въ Кіевъ. Сюда собирались торговцы изъ разныхъ русскихъ городовъ, изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода и другихъ. Они покупали однодеревки, оснащивали ихъ, снабжали всѣмъ нужнымъ для плаванія, нагружали товаромъ, и выступали въ путь. У города Витичева, лежавшаго на Днѣпрѣ немного ниже Кіева, караванъ останавливался дня на два, на три, чтобы дать время собраться всѣмъ судамъ. Затѣмъ онъ направлялся къ порогамъ.

Къ югу отъ устья Самары Днѣпръ на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ отчасти запруженъ рядами огромныхъ камней, которые скрываются подъ водою или чернѣютъ надъ ея поверхностью; отчасти стѣсненъ въ своемъ теченіи крутыми берегами и множествомъ каменныхъ острововъ. Рѣка шумными, кипящими волнами стремится сквозь пороги, и дѣлаетъ плаваніе чрезвычайно опаснымъ. Достигнувъ какого либо большаго порога — а ихъ въ тѣ времена насчитывали до семи, — Русскіе принимали разныя предосторожности и употребляли разные способы. Гдѣ это было возможно, они просто пускали свои ладьи по быстрой волнѣ; на иныхъ порогахъ гребцы сходили въ воду и проводили лодки подъ самаго берега по мелкому каменистому дну; а гдѣ высокое паденіе воды и острые камни представляли неизбѣжную гибель, тамъ они выгружали товары, высаживали невольниковъ, предварительно связавъ ихъ другъ съ другомъ, и на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ шаговъ тащили ладьи берегомъ. Такъ поступали они, достигнувъ четвертаго и самого опаснаго порога, который назывался по славянорусски Айфарь, а по славяно болгарски Неясыть; это название дано было ему по множеству неяситетей или пеликановъ, гнѣздавшихся въ скалахъ этого порога. Миновавъ пороги и вступивъ

въ область тихаго, широкаго теченья, устьяннаго остроми, Русь приставала къ одному Днѣпровскому острову, и здѣсь подъ огромнымъ дубомъ совершала благодарственныя жертвоприношениа своимъ богамъ. Между прочимъ она по жребию приносила въ жертву живыхъ птицъ, и сѣѣдала ихъ жертвеннное мясо, а тѣхъ, которымъ выпадалъ счастливый жребій, отпускала на волю. Подъ дубомъ она втыкала свои стрѣлы, и раскладывала куски мяса, хлѣба или другія вещи, которыя оставляла въ даръ богамъ. Затѣмъ караванъ продолжалъ плаваніе до Днѣпровскаго лимана, и приставалъ къ острову св. Ееерія. Здѣсь Руссы останавливались дни на два или на три; исправляли снасти, ставили мачты, паруса и вообще снаряжали свои ладьи для морскаго плаванія. Изъ лимана они выходили въ море, и, держась береговъ, направлялись къ устью Днѣстра, потомъ къ устью Дуная и такъ далѣе до самаго Царьграда (⁴). Сюда Русь привозила на продажу невольниковъ и разныя сырья произведенія своей земли, каковы: мяча, кожи, воскъ, медъ и т. п. А изъ греческихъ областей она вывозила различныя ткани, вино, плоды, дорогое оружіе, посуду и другія металлическія издѣлія.

Черноморская торговля снабжала Русь произведеніями высоко развитой греческой промышленности, и знакомила ее съ обстановкой утонченной гражданственности, съ обстановкой, которая всегда такъ обаятельно действуетъ на свѣжіе варварскіе народы, особенно народы богато одаренные духовными силами. Такъ Латинскій міръ дѣйствовалъ на Германцевъ, а Греческій на Славянъ. Торговля и другія сношенія Русскаго народа съ Греческимъ міромъ, а слѣдовательно и вліяніе послѣдняго начались съ незапамятныхъ временъ на сѣверныхъ прибрежьяхъ Понта, гдѣ были разсѣяны богатыя греческія колоніи. Здѣсь въ числѣ другихъ скиескихъ народовъ и Россалане обмѣнивали скотъ и другія сырья произведенія на греческія издѣлія; а иногда добывали ихъ разными услугами, или просто грабежемъ. Могильные курганы князей и вообще знатныхъ людей Россаланскаго племени, разсвяченные въ странѣ Приднѣпровской и Приазовской, обилуютъ греческими издѣліями и служатъ нагляднымъ памятникомъ

минувшихъ сношений нашихъ предковъ съ Эллинскимъ міромъ⁽⁵⁾.

Понятно, что русскіе князья весьма дорожили торговлею своего народа съ Греками и для ея обезпеченія охотно вступали въ договоры съ греческимъ правительствомъ. Послѣднее, какъ видно изъ договоровъ, цѣнило мирныхъ сношений съ Русью, и старалось привязать ее разными льготами, которые предоставляло русскимъ посламъ и гостямъ въ своей столицѣ. Когда начались подобные договоры, мы не знаемъ въ точности; по крайней мѣрѣ они уже существовали до 865 года, ибо и самое нападеніе Руси въ этомъ году имѣло своимъ поводомъ ихъ нарушеніе со стороны Грековъ. Первые дошедшия до насъ договоры относятся къ началу X вѣка, т. е. къ совмѣстному царствованію Льва VI Философа и его брата Александра; а именно, мы имѣемъ договорную грамоту 911 года и отрывокъ изъ такой же грамоты 907 г. Эти договоры представляютъ и первые письменные Славянскіе источники для Русской исторіи, потому что дошли до насъ не въ греческомъ подлинникѣ, а въ славянскомъ переводѣ. Любопытно ихъ содержаніе.

Во первыхъ, русскіе *гости*, т. е. торговцы, приходящіе въ Константинополь, должны останавливаться на житѣе въ отведенной имъ части, именно въ предмѣстьѣ св. Мамы. Здѣсь греческіе приставы записывали ихъ имена и въ теченіе полугода выдавали имъ помѣсячно опредѣленное количество хлѣба, вина, мяса, рыбы и овощей. Гости могли даромъ мыться въ публичныхъ банихъ. На обратный путь ихъ снабжали изъ царской казны съѣстными припасами, якорями, парусами, канатами и прочими потребными вещами. При выдачѣ мѣсячнаго содержанія наблюдался порядокъ по старшинству городовъ: прежде получали гости кievскіе, за ними черниговскіе, потомъ Переяславскіе, полоцкіе, ростовскіе, любецкіе и пр. Тѣ |Руссы, которые приходили въ Константинополь не для торговли, т. е. безъ товару, не получали содержанія отъ греческаго правительства. Въ самый городъ Русь могла входить только одними извѣстными воротами, притомъ неболѣе какъ въ числѣ 50 человѣкъ, безъ оружія и въ сопровожденіи цар-

скаго пристава. А въ окрестностяхъ Царьграда Русскимъ запрещалось буйствовать по селамъ и обижать жителей. Въ столицѣ русскіе гости могли покупать все безъ пошлины. Далѣе слѣдуютъ статьи о разныхъ случаяхъ столкновеній между Русью и Греками. Напримѣръ, если Русинъ убьетъ Грека или Грекъ Русина, то убийца долженъ быть казненъ на мѣстѣ преступленія; если же онъ убѣжитъ, то имущество его отдается родственникамъ убитаго. За рану, нанесенную мечемъ или другимъ орудіемъ „по закону Русскому“ платится пять літръ серебра; у несостоятельнаго въ такомъ случаѣ берется все что онъ имѣеть, даже снимается съ него послѣдняя одежда. Воръ долженъ отдать втрое большую сумму, чѣмъ стоило украденное; пойманный на мѣстѣ кражи, онъ можетъ быть убитъ въ случаѣ сопротивленія. Если Русь случится недалеко отъ греческаго корабля, прибитаго бурею къ чужому берегу, то она должна помочь ему и проводить его до безопаснаго мѣста. Плѣнныхъ, проданныхъ въ рабство, обѣ стороны выкупаютъ по ихъ цѣнѣ. Руссы вольны, если пожелають, наниматься въ службу къ греческимъ царямъ. Послѣднее условіе находится въ полномъ соотвѣтствии съ византійскими извѣстіями о русскихъ дружинахъ, которые встрѣчаются въ тѣ времена въ императорскомъ войсکѣ, и преимущественно во флотѣ.

Договоры скрѣплялись взаимною присягою сторонъ; при чѣмъ императоры цѣловали крестъ, а русскій князь и его дружина клялись своимъ оружіемъ и своими богами, Перуномъ и Волосомъ. Договоры 907 и 911 гг. драгоцѣнны для нась еще въ томъ отношеніи, что сообщаютъ намъ первыя историческія имена князя Киевскаго и его бояръ, а также намекаютъ на отношенія къ нему другихъ русскихъ князей. Въ Киевѣ княжилъ въ то время *Олегъ*, а русскіе мужи или бояре, отправленные въ Константинополь для заключенія договора, были: Карлы, Инегелдъ, Фарлофъ, Велемудъ, Рулавъ, Стемидъ, Рюяръ, Гуды и пр. Послы эти заключили договоръ отъ имени не одного Олега, но и всѣхъ „свѣтлыхъ князей русскихъ“, которые находились „подъ рукою Олега“. Такимъ образомъ владѣтель Киевскій является только верховнымъ княземъ Рус-

ской земли; а по другимъ важнѣйшимъ городамъ, т. е. въ Черниговѣ, Переяславлѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ и т. д., сидѣли князья отъ него зависѣвшіе. По всей вѣроятности это были отчасти его младшіе родичи, а отчасти потомки мѣстныхъ книжескихъ родовъ, силою оружія принужденные признать его старшинство и давать ему вспомогательныя дружины⁽⁶⁾.

Второе мѣсто послѣ византійской торговли занимала торговля съ мусульманскимъ востокомъ, которая велась при посредствѣ двухъ приволжскихъ народовъ, Хазаръ и Камскихъ Болгаръ. Русы ходили къ этимъ народамъ изъ Азовскаго моря Дономъ до того мѣста, гдѣ онъ сближался съ Волгою и гдѣ стояла хазарская крѣпость Саркель, построенная съ помощью византійскихъ зодчихъ. Тутъ Русь переволакивалась изъ Дона въ Волгу, и затѣмъ отправлялась или внизъ по этой рѣкѣ въ столицу хазарскаго царства Итиль, или вверхъ до города Великіе Болгары.

Итиль лежалъ на обоихъ берегахъ Волги недалеко отъ ея устьевъ. Здѣсь на одномъ изъ острововъ находился дворецъ хазарскаго кагана, окруженній стѣнами. Каганъ, его дворъ и нѣкоторая часть народа исповѣдовали еврейскую религію; остальные жители Хазаріи были частію мусульмане, частію христіане, а болѣе всего язычники. Только на зиму обитатели Итиля собирались въ этотъ городъ; а лѣтомъ большинство ихъ расходилось по окрестнымъ равнинамъ, и жило въ палаткахъ, занимаясь скотоводствомъ, садами и земледѣліемъ. Главную пищу ихъ составляли сарачинское пшено и рыба. Въ столицу Хазарскую стекались купцы даже изъ отдаленныхъ странъ Европы и Азіи. Между прочимъ здѣсь была цѣлая часть города, занятая русскими и вообще славянскими торговцами. Пріѣзжавшіе сюда русскіе гости обыкновенно платили въ пользу кагана десятину или десятую часть своихъ товаровъ. Многіе изъ Руссовъ служили также наемниками въ его войскахъ. Между Хазаріей и Камской Болгаріей лежала страна Буртасовъ, въ которой русскіе торговцы вымѣнивали мѣха пушныхъ звѣрей, особенно мѣха куньи.

Камская Болгарія имѣла своимъ средоточіемъ городъ Великіе Болгары, который лежалъ немного ниже Камскаго

устыя на лѣвой сторонѣ Волги, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ самой рѣки. Здѣсь жилъ Болгарскій царь, который принялъ съ своимъ народомъ мусульманскую вѣру, и съ тѣхъ поръ этотъ край вступилъ въ дѣятельныя торговыя сношенія съ мусульманской Азіей. Сюда приходили не только арабскіе купцы, но и разнаго рода ремесленники, между прочимъ зодчіе, которые помогли Болгарамъ построить каменные мечети, царскіе дворцы и городскія стѣны. Любимою пищею Болгаръ служили конина и просо. Источники не бросаютъ почти никакого луча свѣта на происхожденіе этого царства. По всей вѣроятности оно было основано подвинувшеюся сюда съ юга небольшою частью великаго Славяноболгарскаго племени. Эта горсть Славянъ, послѣдующими народными движеніями совершенно оторванная отъ своихъ соплеменниковъ, мало по малу смѣшалась съ туземными обитателями Финскаго и Турецкаго корня. Но она долго оживляла этотъ край своимъ предпріимчивымъ, торговымъ характеромъ; а въ X вѣкѣ повидимому еще сохранила отчасти и свою народность; по крайней мѣрѣ арабскій путешественникъ Ибнъ Фадланъ иногда Камскихъ Болгаръ именуетъ Славянами (?).

Арабы, посѣвшіе Итиль и Великіе Болгары, остались намъ любопытные расказы о Руссахъ, которыхъ они тамъ встрѣчали. Особенно занимательны расказы Ибнъ Фадлана, который находился въ числѣ пословъ, отправленныхъ багдадскимъ халифомъ къ Альмасу, царю Камскихъ Болгаръ, въ первой четверти X вѣка. Онъ описываетъ Руссовъ людьми высокаго роста, статными, свѣтлорусыми, съ острымъ взоромъ; они носили короткій плащъ, наброшенный на одно плечо, сѣкиру, ножъ и мечъ съ широкимъ, волнообразнымъ клинкомъ *франкской* работы, и были очень склонны къ крѣпкимъ напиткамъ. Жены ихъ носили на груди металлическія украшенія (сустуги?) съ кольцомъ, на которомъ висѣлъ ножъ, а на шее составленная изъ монетъ (преимущественно арабскихъ) золотая и серебряная цѣпи, число которыхъ опредѣлялось состояніемъ мужа; но особенно онъ любилъ ожерелья изъ зеленыхъ бусъ (доселе любимое украшеніе великорусскихъ женщинъ).

Приплывъ къ Болгарской столицѣ, Руссы прежде все-го направлялись къ своимъ идоламъ, которые имѣли видъ столбовъ или болвановъ съ человѣчими головами; под-ходили къ самому высокому изъ нихъ (конечно къ Перу-ну), падали ницъ, молили его о помоши въ торговлѣ и клали передъ нимъ свои приношениа, состоявшія изъ съѣстныхъ припасовъ, каковы мясо, хлѣбъ, молоко, лукъ, и кромѣ того изъ горячихъ напитковъ, т. е. меда или вина. Затѣмъ они строили себѣ на берегу Волги большія деревянныя помѣщенія, и располагались въ нихъ по 10 или по 20 человѣкъ съ своими товарами, которые пре-имущественно состояли изъ пушныхъ мѣховъ и неволь-ницъ. Если продажа идетъ туго, купецъ въ другой и въ тре-тій разъ несетъ подарки главному идолу; въ случаѣ про-должающейся неудачи онъ кладетъ приношениа передъ меньшими идолами, которые изображали женъ и дѣтей главнаго бoga, и просить ихъ о ходатайствѣ. Когда же торговля пойдетъ удачно, то русскій купецъ убиваетъ нѣсколько воловъ и овецъ, часть мяса раздаетъ бѣднымъ, а остальное кладетъ передъ идолами въ знакъ своей bla-годарности. По ночамъ приходятъ собаки и пожираютъ это жертвеннное мясо; а язычникъ думаетъ, что сами боги удо-стоили съѣсть его приношеніе.

Замѣчательны погребальные обычаи Руссовъ по описа-нію того же Ибнъ Фадланы. Бѣднаго покойника они просто сожигали въ маленькой лодкѣ, а богатаго съ разными це-ремоніями. Фадлану удалось присутствовать при погребеніи одного знатнаго и богатаго Русина. Покойника сначала положили въ могилу, гдѣ оставили его на десять дней, а между тѣмъ занялись приготовленіями къ торжественно-му погребенію или къ тризинѣ. Для этого наличное иму-щество его раздѣлили на три части: одну третью отдѣлили семье, другую на погребальныя одежды, а третью на ви-но и вообще на погребальное пиршество (отъ этой третьей части названное *тризкою*). Такъ какъ у каждого Руси-на, а особенно у богатаго, было по нѣскольку женъ или наложницъ, то обыкновенно одна изъ нихъ вызывалась умереть вмѣстѣ съ своимъ господиномъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ попастъ въ рай, который представлялся языческой

Руси прекрасныи зеленыи садомъ. Въ день, назначенный для погребенія, вытащили изъ воды ладью покойного и поставили ее на четырехъ столбахъ; въ ладью устроили ложе съ подушками, покрытое коврами и греческою парчею. Затѣмъ вынули мертвца изъ могилы; надѣли на него шаровары, сапоги, куртку и кафтанъ изъ греческой парчи съ золотыми пуговицами, а на голову парчевую шапку съ собольимъ околышемъ; посадили его на ложе и подперли подушками. Въ ладью положили благовония растенія, плоды, вино, собаку, разсѣченную на двѣ части. двухъ коней и двухъ быковъ, разрубленныхъ на куски, а также зарѣзанныхъ пѣтуха и курицу; обокъ съ покойникомъ положили и все его оружіе. Когда день сталъ близиться къ закату, какая-то старуха, называемая „ангеломъ смерти“, ввела въ ладью невольницу, вызвавшуюся умереть вмѣстѣ съ своимъ господиномъ, съ помощью нѣсколькихъ мужчинъ начала душить ее веревкой и до кончила ножемъ. Въ это время другіе мужчины, стоя подлѣ ладьи, ударяли въ свои щиты, чтобы не было слышно криковъ дѣвушки. Тогда ближайшій родственникъ покойного взялъ зажженную лучину, задомъ приблизился къ ладью и зажегъ сложенные подъ нею дрова. Затѣмъ и другіе начали бросать туда же дрова и горящія лучины. Огонь, раздуваемый сильнымъ вѣтромъ, быстро охватилъ судно, и превратилъ его въ пепель вмѣстѣ съ трупами. На томъ мѣстѣ Руссы насыпали курганъ и поставили на немъ столпъ, на которомъ начертали имя покойника и имя русского князя ⁽⁸⁾.

Волжская торговля, свидѣтельствуя о богатствѣ и роскоши мусульманскихъ странъ, возбуждала предпріимчивыхъ, жадныхъ къ добычѣ Руссовъ попытать иногда счастья на берегахъ Каспійскаго моря. По извѣстію арабскаго писателя Масуди, въ 913 году собралась на Азовскомъ морѣ русская судовая рать, заключавшая въ себѣ будто бы до 500 ладей и до 50.000 человѣкъ. Рѣкою Дономъ Руссы поднялись до волока, около которого находилась хазарская крѣпость (вѣроятно Саркель), и послали къ хазарскому кагану просить пропуска въ Каспійское море, обѣщаю отдать ему половину всей будущей добычи.

Каганъ согласился. Тогда Русь перебралась на Волгу, спустилась въ море, и разсѣялась по его югоизападнымъ берегамъ, убивая жителей, грабя ихъ имущество и забирая въ пленъ женщинъ и дѣтей. Народы, тамъ обитавшіе, пришли въ ужасъ; имъ съ давняго времени не случалось видѣть непріятелей; только купцы да рыболовы посѣщали ихъ берега. Наконецъ собралось большое ополченіе изъ сосѣднихъ странъ: оно сѣло на лодки и направилось къ островамъ, лежавшимъ противъ Нефтяной земли (Бакинская область), на которыхъ Русь имѣла сборное мѣсто и прятала награбленную добычу. Руссы устремились на это ополченіе и большую часть его избили или потопили. Послѣ того они въ теченіе несколькихъ мѣсяцевъ свободно распоряжались на каспийскихъ берегахъ, пока такая жизнь имъ не наскучила. Тогда они поплыли обратно въ Волгу, и послали хазарскому кагану условленную часть добычи. Хазарское войско состояло отчасти изъ мусульманъ. Послѣдніе сильно озлобились на Руссовъ за пролитую ими мусульманскую кровь, и испросили у кагана позволеніе отомстить за нее; а можетъ быть они желали отнять и другую половину добычи. Враги собрались въ числѣ 15.000, загородили дорогу Руссамъ и принудили ихъ выйти на берегъ. Послѣ трехдневной битвы большая часть Руси была избита; только 5000 ушли на судахъ вверхъ по Волгѣ, и тамъ были окончательно истреблены Буртасами и мусульманами изъ Камской Болгаріи (9).

Этотъ набѣгъ Руси на Каспийскіе берега былъ не первый; но по своей опустошительности онъ сдѣлалъ ея имя грознымъ между восточными народами, и писатели арабскіе стали часто упоминать о ней съ этого времени; подобно тому, какъ со временеми нападенія на Константинополь въ 865 г. заговорили о Руси писатели византійскіе.

Около той же эпохи, именно въ концѣ IX вѣка, въ степяхъ Южной Россіи поселились новые кочевые орды, которые стали беспокоить своими набѣгами всѣ соседніе народы. Это было турецкое племя Печенѣgovъ, издавна обитавшихъ въ странѣ между Ураломъ и Волгою. Чтобы уда-

лить отъ своихъ границъ такихъ беспокойныхъ сосѣдей, Хазары заключили союзъ съ ихъ соплеменниками Узами, которые кочевали далѣе къ востоку. Узы потеснили Печенѣговъ и заняли ихъ места; а Печенѣги въ свою очередь двинулись на западъ, и напали на Угровъ, которые обитали въ степяхъ Азовскихъ и Днѣпровскихъ. Угры не выдержали ихъ напора и перешли въ Дунайскую равнину или древнюю Паннонію, гдѣ они въ союзѣ съ Нѣмцами разрушили Славяно-Моравскую державу и основали свое Венгерское королевство. А Печенѣги между тѣмъ захватили огромное пространство отъ нижняго Дуная до береговъ Дона. Они дѣлились въ то время на восемь большихъ ордъ, состоявшихъ подъ управлениемъ родовыхъ князей. Четыре орды поселились на западъ отъ Днѣпра, а остальные четыре на востокъ. Они заняли также степную часть Таврическаго полуострова, и стали такимъ образомъ сосѣдями греческихъ владѣній на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Чтобы удержать ихъ отъ нападеній на эти области, византійское правительство старалось быть съ ними въ мирѣ и посыпало богатые подарки ихъ старшинамъ. Кроме того съ помощью золота оно вооружало ихъ противъ другихъ сосѣднихъ народовъ, когда послѣдніе грозили опасностю сѣвернымъ предѣламъ имперіи, именно противъ Угровъ, Дунайскихъ Болгаръ, Руссовъ и Хазаръ. Въ мирное время Печенѣги помогали торговымъ сношеніямъ Руси съ Корсунской областью, занимаясь перевозить товары; изобилуя скотомъ, они продавали Руси большое количество коней, быковъ, овецъ и пр. Но въ случаѣ враждебныхъ отношеній Печенѣги много мѣшали сообщеніямъ Руси съ ея владѣніями Азовскими и Таврическо-Таманскими, а также и торговымъ сношеніямъ съ Греками. Особенно они пользовались Днѣпровскими порогами, что бы нападать и грабить русскіе караваны. Кроме того эти хищные наездники врывались иногда въ самую Кіевскую область и опустошали ее. Кіевская Русь обыкновенно не могла предпринимать дальнихъ походовъ, если она находилась во враждѣ съ Печенѣгами. Поэтому кіевскіе князья должны были или вступать въ упорную борьбу съ этимъ народомъ, или при-

влекать его къ своему союзу и въ случаѣ войны съ со-
сѣдями наливать вспомогательныя печенѣжскія дружины.
Русь пользовалась и тою враждою, которая существовала
между Печенѣгами и ихъ восточными сосѣдями Узами:
послѣдніе своими нападеніями на Печенѣговъ нерѣдко
отвлекали силы послѣднихъ въ другую сторону, и тѣмъ
доставляли Киевской Руси свободный путь къ берегамъ
Чернаго и Азовскаго морей (¹⁰).

Вторженіе многочисленныхъ турецкихъ кочевниковъ
въ южную Россію имѣло для нея важныя послѣдствія.
Они особенно потѣсили жилища славяноболгарскихъ
племенъ, т. е. Угличей и Тиверцевъ. Часть этихъ наро-
довъ была оттѣснена въ область верхняго Днѣпра и Бу-
га, гдѣ примкнула къ своей Карпатской или Древляно-Во-
лынской вѣтви; а другая часть, оставшаяся въ Черно-
морѣ и отрѣзанная Печенѣгами отъ Днѣпровской Руси,
мало по малу потомъ исчезаетъ изъ исторіи. Истребляя
греческія и славянскія поселенія, уничтожая нивы, со-
жигая остатки лѣсовъ, Печенѣги расширили область сте-
пей и внесли въ эти края еще большее запустѣніе, ко-
торому начало положили преимущественно народы Угор-
скаго племени, т. е. Гуны и Мадьяры.

II.

ИГОРЬ, ОЛЬГА И СВЯТОСЛАВЪ.

Походъ Игоря на Грековъ въ 941 г. Мирный договоръ. Судьба Игоря. Усмирение Древлянъ. Путешествие Ольги въ Царыградъ. Торжественный, но холодный приемъ. Характеръ Святослава. Тмутракань. Борьба съ Хазарами. Завоевание Дунайской Болгаріи. Цимисхій. Битвы подъ Дористоломъ. Отчаянная оборона. Миръ. Гибель Святослава.

Первый кievский князь, который заставилъ говорить о себѣ иноземныхъ писателей, былъ *Игорь*.

Около 940 года между Греками и Русью возникли непріязненные отношения. Что было ихъ, причиной, неизвестно. Поводомъ къ столкновенію могли послужить несоблюдение Греками договоровъ или дѣла Дунайской Болгаріи, где въ то время происходили междуусобія, вызывавшія вмѣшательство Грековъ и Руси. Столкновеніе могло произойти и въ Тавридѣ, где русскія владѣнія соприкасались съ греческими. Какъ бы то ни было, лѣтомъ 941 года Киевский князь съ флотомъ въ нѣсколько сотъ ладей присталъ къ берегамъ Виениіи. Руссы разсѣялись по окрестнымъ областямъ и распространили свои опустошенія до самого Боспора Фракійскаго. Какъ и въ первое свое нападеніе на Константинополь, Русь опять выбрала такое время, когда греческій флотъ былъ въ отсутствіи, въ походѣ противъ Сарацінъ. Очевидно она имѣла вѣрныя извѣстія о томъ, что происходило въ Византії.

Управлѣніе имперіей находилось въ рукахъ Романа Лакапина, который захватилъ власть въ малолѣтство законнаго наследника, Константина Багрянороднаго. Романъ нѣсколько ночей провелъ безъ сна, изыскивая способы.

обеспечить столицу отъ варваровъ и отразить ихъ нашествие. Въ гавани Цареградской нашлось десятка полтора старыхъ, брошенныхъ хеландій. Романъ былъ прежде самъ однимъ изъ начальниковъ флота и хорошо зналъ морское дѣло. Онъ ведѣлъ исправить хеландіи, снабдить ихъ огнеметательными снарядами, известными у насъ подъ именемъ „греческаго огня“, и вмѣстѣ съ другими случившимися подъ рукою кораблями послалъ ихъ подъ начальствомъ протовестіарія (хранителя царскихъ одеждъ) Феофана, чтобы загородить входъ въ Босфоръ. Игорь попытался было уничтожить эту преграду; но греческій огонь произвелъ такое опустошеніе въ его флотѣ, что онъ снова удалился къ берегамъ Виенни, гдѣ Руссы продолжали свои грабежи и разоренія. Византійскіе историки говорятъ при этомъ объ ихъ чрезвычайной свирѣпости, о сожжennыхъ ими селеніяхъ и монастыряхъ и варварскомъ умерщвлении плѣнныхъ. Три мѣсяца они провели такимъ образомъ. Между тѣмъ противъ нихъ начали собираться византійскія войска и истреблять отряды Руссовъ, разсѣявшихся для грабежа. Приближалось зимнее время; а вмѣстѣ съ тѣмъ наступалъ и недостатокъ сѣвѣрныхъ припасовъ въ опустошенной странѣ. Игорь собралъ свой флотъ и снова напалъ на византійскіе корабли. Но Феофанъ, получившій подкѣплѣнія, съ помощью греческаго огня нанесъ Руссамъ совершенное пораженіе; такъ что Игорь, какъ разсказываютъ, только съ десятью кораблями успѣлъ добраться до Босфора Киммерійскаго, т. е. до Корчева и Тиутракана. Говорятъ, что всѣ Руссы, захваченные въ плѣнъ, были торжественно обезглавлены въ Константинополь по приказу императора Романа, возгордившагося своею победою (11).

Война продолжалась еще года три. Очень вѣроятно, что опасность, которой подвергались со стороны воинственнаго и сильнаго русского князя греческіе города въ Тавридѣ, каковы Херсонъ, Сугдея и пр., заставили Грековъ предложить миръ, который и былъ наконецъ заключенъ въ 944 году.

Игоревъ договоръ съ Греками въ сущности есть подтвержденіе Олеговыхъ договоровъ. Но въ немъ мы встрѣ-

чаемъ нѣкоторыя новыя условія и новыя указанія, бро-
сающія свѣтъ какъ на взаимное отношеніе Руссовъ къ
Грекамъ, такъ и на современное состояніе самой Руси.

Во первыхъ, русскій князь и его бояре по прежнему от-
правляютъ въ Грецію сколько хотятъ кораблей съ послами
и гостями; но прежде достаточно было, чтобы послы пока-
зали свои золотыя печати, а гости серебряныя; теперь
же они обязаны имѣть отъ своего князя грамоту съ обоз-
наченіемъ, сколько онъ отправилъ кораблей. Эта грамо-
та должна служить доказательствомъ, что Русь пришла
съ мирными намѣреніями, для торговли, а не для буй-
ства и грабежа. Если караванъ придется безъ княжей гра-
моты, Греки задерживаютъ Руссовъ подъ стражею, пока
не перешлются съ княземъ; а въ случаѣ сопротивленія
могутъ ихъ убивать. Условіе это даетъ понимать, что
дѣйствительно бывали подобныя столкновенія, которыхъ
вели за собою месть со стороны Руссовъ, и Греки желали
обеспечить себя на будущее время. Даѣще, русскіе тор-
говцы всѣ купленныя ими паволоки обязаны показывать
греческому чиновнику, и онъ кладетъ на нихъ клейма;
они не имѣютъ права покупать тѣ паволоки, которыхъ
стоятъ дороже 50 золотниковъ. (Послѣднее ограниченіе
впрочемъ существовало для всѣхъ иностранцевъ). Затѣмъ
идутъ статьи о взаимной выдачѣ бѣглыхъ рабовъ и пре-
ступниковъ, о наказаніи воровъ и убійцъ, о выкупѣ плѣн-
ныхъ. Греки выкупаютъ у Руси своихъ плѣнныхъ по 10
золотниковъ за юношу и дѣвицу, по 8 за человѣка сред-
нихъ лѣтъ и по 5 за людей старого и дѣтскаго возраста;
Русь выкупаетъ у Грековъ своихъ плѣнныхъ товарищѣй
также по 10 золотниковъ.

Въ Игоревомъ договорѣ встрѣчаемъ новую и важную
статью о Корсунской области и Черныхъ Болгарахъ.
Русскій князь обязывается не нападать на Корсунь и
другіе греческіе города въ Тавридѣ, и не только не воевать
ихъ самому, но и не пускать на нихъ Черныхъ Бол-
гаръ. Черными, какъ извѣстно, назывались тѣ Болгаре,
которые оставались еще въ странѣ, откуда вышли Бол-
гаре Дунайскіе, т. е. на нижней Кубани и въ восточной
части Крыма. Олеговъ договоръ еще не упоминаетъ о

Черныхъ Болгарахъ и Корсунской странѣ; хотя Руссы по всемъ признакамъ уже въ то время владѣли берегами Киммерийского Боспора, гдѣ занимали города Корчевъ и Тиутракань. Очевидно предпріимчивый Игорь успѣлъ распространить русское господство въ этомъ краю и подчинить себѣ почти всѣхъ Таврическихъ Болгаръ; послѣ чего Руссы угрожали уже самому Корсуню и соседнимъ греческимъ городамъ. Кроме того Русь по этому договору обязывалась не обижать тѣхъ корсунскихъ Грековъ, которые приходили въ Днѣпровское устье для рыбной ловли; а сама она не должна зимовать въ этихъ мѣстахъ, но съ наступленiemъ осени возвращаться домой. Очевидно около Днѣпровскаго лимана въ тѣ времена еще существовали остатки греческихъ поселеній.

Другое весьма важное свидѣтельство Игорева договора, котораго нѣтъ въ Олеговомъ, это указаніе на крещеную Русь. Такъ, въ случаѣ бѣгства раба отъ Русскихъ къ Грекамъ, онъ долженъ быть выданъ назадъ владѣльцу. Если же онъ не отыщется, то Русские, какъ христіане, такъ и некрещеные, должны дать присягу, каждый по своей вѣрѣ, въ томъ, что рабъ дѣйствительно убѣжалъ къ Грекамъ, и тогда за каждого раба владѣлецъ получаетъ условленную плату, т. е. по двѣ паволоки. Наконецъ самый договоръ, по условію, долженъ быть подтвержденъ присягою какъ со стороны Грековъ, такъ и Русскихъ.

По заключеніи мира цари греческие присягнули въ присутствіи Русскихъ пословъ; а потомъ послы греческие прибыли въ Киевъ, чтобы свидѣтельствовать присягу Игоря, его бояръ и дружины. Для этого князь съ языческою Русью взошелъ на холмъ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна. Здѣсь она положила свои щиты, мечи, золотые обруччи, и по обычаю своему произносила слѣдующую клятву: „Если помыслимъ разрушить миръ съ Греками, то да не имѣмъ помощи отъ бога нашего Перуна, да не ущитимся щитами нашими, да будемъ посѣчены собственными мечами или погибнемъ отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего и да будемъ рабами въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ“. А крещеная Русь присягала въ соборномъ храмѣ Иліи надъ честнымъ крестомъ; она клялась, что въ случаѣ нарушенія мира

пусть получитъ возмездіе отъ Бога Вседержителя и осуждена будетъ на погибель въ семь вѣкѣ и въ будущемъ.

Мирный договоръ заключался на вѣчныя времена или какъ выражается грамота „доколѣ сіяетъ солнце и стоитъ міръ“. Послѣ того Игорь одарилъ греческихъ пословъ чѣмъ быль богатъ, т. е. иѣхами, невольниками, воскомъ, и отпустилъ ихъ. А греческіе цари дарили русскихъ пословъ конечно золотыми деньгами, дорогими паволоками и прочими произведеніями византійской промышленности. Свидѣтельству Игорева договора о томъ, что значительная часть Руси была уже крещена, совершенно соотвѣтствуетъ свидѣтельство Константина Багрянороднаго. Въ своемъ сочиненіи „Объ обрядахъ Византійскаго двора“, онъ описываетъ торжественный пріемъ пословъ эмира Тарсійскаго, и говоритъ, что въ числѣ наемной дворцовой стражи при этомъ находились крещеные Руссы, которые были вооружены щитами и мечами и держали въ рукахъ знамена.

Договоръ Игоревъ, также какъ и Олеговъ, сохранилъ намъ имена русскихъ пословъ, которые на этотъ разъ были довольно многочисленны. Главою посольства быль Иворъ, представитель великаго князя Игоря. Затѣмъ встрѣчаемъ особыхъ пословъ: отъ Игорева сына Святослава (Вуефастъ), отъ супруги Игоря Ольги (Искусеви), отъ племянника Игорева, также Игоря (Слуды), отъ другаго его племянника Акуна (Прастѣнь). Кроме Ольги видимъ пословъ и отъ другихъ княгинь, вѣроятно родственницъ Игоревыхъ, именемъ отъ Предславы (Каницаръ) и Сфандры, жены какого то Ульба (Шихбернъ). Затѣмъ идутъ послы отъ другихъ князей и знатныхъ людей русскихъ: Владислава, Турда, Фаста, Свирика, Войка, Аминода, Берна и пр. Въ числѣ пословъ упоминаются и нѣкоторые гости или *купцы* (Адунъ, Ингивладъ, Гомоль, Моны, Гунастръ, Алданъ, Синко, Боричъ и пр.), какъ представители отъ „всѣхъ людей Русской земли“, а въ особенности конечно отъ русскихъ торговцевъ, для которыхъ главнымъ образомъ и быль важенъ заключенный договоръ⁽¹²⁾.

Договоры Олега и Игоря заставляютъ насъ предполагать, что въ Русской землѣ уже въ тѣ времена господствовало

дѣлѣніе на удѣлы между членами княжескаго рода и что князья русскіе подчинялись старшему изъ нихъ, сидѣвшему на Киевскомъ столѣ. Впрочемъ въ числѣ этихъ князей можетъ быть встрѣчаются и такие, которые не принадлежали собственно къ роду Киевскаго великаго князя, а были потомки мѣстныхъ родовъ, призвававшіе надъ собою его верховенство. Въ такомъ случаѣ у кievскихъ князей конечно существовало стремленіе при первомъ удобномъ случаѣ посадить на мѣстѣ этихъ вассальныхъ владѣтелей кого либо изъ своихъ родичей: въ чемъ главнымъ образомъ и состояло объединеніе Славянорусской земли. Удѣлы давались не только князьямъ, но и княгинямъ. Такъ, по словамъ лѣтописи нашей, супруга Игоря Ольга получила себѣ въ удѣлъ Вышгородъ, расположенный верстахъ въ двѣнадцати выше Киева на правомъ возвышенномъ берегу Днѣпра.

Тѣ же договоры указываютъ и на тѣсную связь русскаго князя съ его дружиною. Между тѣмъ какъ съ греческой стороны присягаютъ одни цари, облеченные неограниченною властію, съ русской стороны вмѣстѣ съ княземъ присягаютъ и его мужи, т. е. его „дружина“. Очевидно безъ нея князь не можетъ дѣлать никакого важнаго дѣла, не можетъ принять на себя никакого обязательства, касающагося цѣлой Русской земли. Рядомъ съ дружиною мы видимъ въ Игоревомъ договорѣ и земское начало: въ заключеніи мира участвуютъ и купцы, хотя ясной границы между военнымъ и торговымъ сословіемъ въ то время еще не существовало; торговцы при случаѣ обращались въ воиновъ и наоборотъ; однако означенные купцы, отправленные изъ разныхъ городовъ русскихъ, все таки могутъ считаться представителями уже болѣе земскаго, нежели дружинного начала.

Обязанности подчиненныхъ племенъ къ Киевскому князю конечно выражались данью, которую они ему платили; князь за то давалъ имъ судъ и расправу, и защищалъ отъ нападенія соудѣднихъ народовъ. Эти взаимныя отношенія представляли первобытный видъ того государственного порядка, который развился впослѣдствіи на Русской землѣ. По словамъ Константина Багрянороднаго (Объ

управ. имперіи), съ наступленіемъ зими въ ноябрѣ мѣсяцѣ князья русскіе, въ сопровожденіи своихъ дружинъ, отправлялись изъ Киева въ земли Древлянъ, Дреговичей, Кривичей, Сѣверянъ, Угличей и прочихъ подвластныхъ Славянъ. Тамъ они проводили зиму, собирая дани, творя судъ и расправу между жителями. Это пребываніе ихъ называлось тогда *полюдьемъ*. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда Днѣпръ освобождался ото льда и плаваніе становилось свободнымъ, русскіе дружиинники спускали свои ладьи, нагруженныя разными произведеніями областей, по Припети, Днѣпру и Деснѣ въ Киевъ, и здѣсь приготовляли судовой караванъ для отправки въ Византію. Кроме названныхъ Константиномъ племенъ, обитавшихъ по обѣ стороны верхняго и средняго Днѣпра, владѣнія Руси при Игорѣ простирались съ одной стороны на юговостокѣ до Кавказа и Таврическихъ горъ; на что указываетъ статья его договора относительно Корсуніи и Черныхъ Болгаръ. А съ другой они достигали на сѣверѣ до береговъ Волхова; о чёмъ свидѣтельствуетъ Константинъ, говоря, что при жизни Игоря въ Новгородѣ княжилъ сынъ его Святославъ; ясно, что этотъ городъ онъ получилъ себѣ въ удѣлѣ отъ отца.

Во время одного изъ упомянутыхъ выше полюдій погибъ знаменитый Игорь. По словамъ русской летописи этотъ смѣлый, предпримчивый князь сдѣлалъ оплошность. Пребывая въ землѣ Древлянъ на Волыни, онъ отправилъ въ Киевъ большую часть своей дружины съ собранной данью; а самъ остался съ небольшимъ числомъ людей и продолжалъ производить поборы, не обращая вниманія на враждебное расположение туземцевъ. Тогда жители города Коростена собрались подъ начальствомъ своего князя Мала, напали на Игоря и убили его. А одинъ византійскій историкъ (Левъ Діаконъ) сообщаетъ, что Древляне варварски умертвили великаго князя: они привязали его къ верхушкамъ двухъ нагнутыхъ другъ къ другу деревьевъ, а потомъ пустили ихъ, и онъ былъ разорванъ (¹⁸).

Возмущеніе Древлянъ не могло остаться безнаказаннымъ со стороны могущественнаго племени Руссовъ; а

убиение великаго князя требовало кровной мести со стороны его родственниковъ. Лѣтописецъ украшаетъ эту месть баснословными сказаніями. Но достовѣрно то, что сынъ и преемникъ Игоря на Киевскомъ столѣ Святославъ виѣсть съ своей матерью Ольгой усмирилъ Древлянъ, взялъ и сжегъ городъ Коростенъ, главное гнѣздо возмущенія: часть его населенія по обычаю того времени была обращена въ рабство и раздѣлена между княземъ и его дружиною. Жители Коростена были обложены еще болѣе тѣжкими поборами чѣмъ прежде. Две трети этихъ поборовъ опредѣлены на Киевъ, т. е. великому князю и его мужамъ; а одна треть на Вышгородъ, т. е. матери Святослава и ея дружинѣ; ибо княгини русскія также имѣли свои дружины. Послѣ усмирѣнія Древлянъ отправлена была тризна по Игорю на самой его могилѣ. Если похороненіе знатнаго Русина сопровождалось такими обрядами, какіе описалъ Ибнъ Фадланъ, то понятно, какою торжественностью и пышностью обставлялась тризна по великому князю. На могилу Игоря прибыла вся дружина Святослава и его матери; мѣстные жители должны были наварить потребное количество крѣпкаго меду. Многіе пленные Древляне принесены были въ жертву богамъ и погребены вокругъ Игоревой могилы; а надъ нею насыпанъ обширный курганъ. Затѣмъ совершились поминальное торжество и воинственные игры въ честь покойнаго, согласно съ обычаями и обрядами языческой Руси.

Вдова Игоря Ольга является первою крещеною княгинею на Руси. Ея мужъ при всей своей воинственности очевидно отличался вѣротерпимостью, и вѣра христіанская при немъ сдѣлала большиe успѣхи въ средѣ Русского племени. Да иначе не могло и быть при дѣятельныхъ, постоянныхъ сношеніяхъ съ Византіей, которая всегда усердно заботилась о проповѣди между народами Кавказскими, Черноморскими и другими, соседними съ имперіей. Кроме религіозного усердія, одушевлявшаго греческихъ проповѣдниковъ, христіанство служило наилучшимъ средствомъ смягчить нравы варварскихъ народовъ, ослабить ихъ опустошительные набѣги на греческія области и еще крѣпче подчинить ихъ греческому вліянію.

Греки не упускали удобного случая действовать на воображение язычниковъ красотою храмовъ и дворцовъ, великолѣпіемъ богослуженія и другими сторонами своей богатой гражданственности. Такъ они любили показывать посланъ варварскихъ князей замѣчательныя зданія своей столицы, особенно большой императорскій дворецъ съ его роскошными залами и галереями и чудный храмъ св. Софії, блеставшій своими разноцвѣтными мозаиками. Многіе изъ тѣхъ Руссовъ, которые пріѣзжали въ Константинополь по торговымъ дѣламъ или служили въ императорскихъ войскахъ, конечно поддавались обаянію христіанства и греческой образованности, и принимали крещеніе; а, воротясь въ отчество, убѣждали къ тому же и своихъ близкихъ. Рассказы пословъ и гостей о богатствахъ и чудесахъ греческой столицы и подарки, привозимые оттуда, въ свою очередь вызывали и въ другихъ стремленіе побывать въ этомъ чудномъ городѣ. Между варварскими вождями уже издавна встрѣчаются примѣры такихъ князей, которые для принятія крещенія отправлялись въ Царьградъ, и здесь самъ императоръ былъ ихъ воспреемникомъ; а высшіе греческие сановники воспринимали бояръ и ихъ женъ. Богато одѣленные подарками, а иногда и титуломъ патриція, новокрещеные князья возвращались въ свою землю, и ревностно принимались за распространеніе и утвержденіе новой религіи. Таково, напримѣръ, было крещеніе двухъ болгарскихъ князей, приходившихъ изъ Тавриды въ Царьградъ, одного при Юстиніанѣ I, другаго при Иракліѣ; первый изъ нихъ за свою ревность къ христіанству былъ убитъ возмутившимися язычниками. Распространеніе новой религіи усилилось между Руссами въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ они утвердились въ землѣ Таврическихъ или Черныхъ Болгаръ, часть которыхъ, живя въ сосѣдствѣ съ Корсунемъ, уже давно исповѣдывала греческую вѣру.

Была ли Ольга окрещена уже въ Кіевѣ, и отправилась въ Константинополь собственно поклониться цареградскимъ святынямъ, получить благословеніе отъ патріарха и знаки вниманія отъ императоровъ Константина и его сына Романа, или она, подобно упомянутымъ князьямъ

Черныхъ Болгаръ, желала принять крещеніе изъ рукъ самого патріарха и имѣть своимъ воспрѣемникомъ императора — въ точности неизвѣстно. Замѣчательно однако, что въ числѣ ея спутниковъ мы находимъ священника Григорія. Какъ бы то ни было, въ 957 году Ольга совершила на корабляхъ путешествіе въ Константинополь; ее сопровождала большая свита, въ числѣ которой находились послы отъ Кіевскаго и другихъ русскихъ князей (¹⁴).

Когда русская княгиня вступила въ Золотой Рогъ, то ее повидимому подвергли всѣмъ обычнымъ порядкамъ, существовавшимъ въ Византіи для кораблей, приходившихъ изъ Руси, т. е. свидѣтельству княжескихъ грамотъ и печатей, перепискѣ людей, груза и т. п., и только по выполненіи всѣхъ правилъ позволили ей сойти на берегъ. Вообще Ольгѣ пришлось долго ждать, прежде чѣмъ она была допущена къ императорскому двору. Константинъ VII Багрянородный извѣстенъ своею склонностью къ мирной семейной жизни и къ занятіямъ книжными. Онъ извѣстенъ также своими стараніями соблюдать во всей точности многочисленные обряды, которыми отличался дворъ Восточной Римской имперіи и которые почитались необходимостью принадлежностю императорскаго величія. Онъ написалъ даже особое большое сочиненіе „Объ обрядахъ Византійского двора“. Въ этомъ Обрядникѣ Константинъ слѣдующимъ образомъ описываетъ торжественный приемъ русской княгини Ольги.

Сентября 9 въ среду княгиня прибыла во дворецъ; за нею слѣдовали сопровождавшіе ее родственницы, знатные русскія боярыни, послы русскихъ князей, ея собственные мужи и русскіе гости. Княгиню остановили на томъ мѣстѣ, гдѣ логоетъ (канцлеръ) обыкновенно вопрошасть иностранныхъ пословъ, допущенныхъ къ императорскому приему. Здѣсь она удостоилась видѣть самого императора, возсѣдавшаго на тронѣ и окруженнаго придворными чинами. Затѣмъ длиннымъ рядомъ великолѣпныхъ покоевъ провели ее въ портикъ той части двора, который назывался Августеонъ, гдѣ она могла присѣсть на нѣсколько минутъ. Послѣ того ее ввели въ такъ наз. Юстиніанову палату, чтобы представить императрицѣ.

Въ этой палатѣ находилось возвышение, покрытое пурпурными тканями, а на немъ „тронъ императора Феофила“ и золотое сидалище. На тронѣ возсѣдала императрица; подъ нея на золотомъ сѣдалищѣ помѣстилась ея невѣстка, т. е. супруга молодаго императора Романа. По бокамъ ихъ стояли чины императрицы, а далѣе ея придворныя женщины, раздѣленныя по степенямъ ихъ знатности. Когда назначенный для того сановникъ привѣтствовалъ Ольгу отъ имени императрицы, княгиню и ея свиту отвели опять въ особый покой, гдѣ позволили присѣсть. А императрица между тѣмъ удалилась въ свое отдѣленіе. Когда сюда пришелъ императоръ съ своими дѣтьми и внуками, то позвали и княгиню, и тутъ только она получила позволеніе сѣсть въ его присутствіи и говорить съ нимъ сколько угодно.

Въ тотъ же день происходилъ торжественный обѣдъ въ Юстиниановой палатѣ. Обѣ императрицы опять сидѣли на томъ же возвышениіи. Когда ввели сюда русскихъ бояръ, они сдѣлали низкій поклонъ; но русская княгиня только слегка наклонила голову. Ее посадили въ нѣкоторомъ разстояніи отъ трона за тѣмъ столомъ, за которымъ сидѣло первое отдѣленіе византійскихъ дамъ (такъ наз. *гости*). Во время стола пѣвчие пѣли стихотворенія, сочиненные въ честь императорскаго дома, а придворные плясуны увеселяли присутствующихъ своимъ искусствомъ. Въ тоже время въ Золотой палатѣ былъ другой столъ, за которымъ обѣдала мужеская часть Ольгиной свиты, т. е. ея племянникъ, священникъ Григорій, переводчикъ, послы Святослава и другихъ русскихъ князей, а также русскіе гости. Всѣмъ имъ раздавали въ подарокъ золотыя и серебряные монеты, смотря по степени ихъ значенія. Послѣ обѣда императорское семейство выѣхѣло съ Ольгою изъ Юстиниановой палаты перешло въ другой покой, гдѣ приготовлены были разныя сласти, разложенные на блюдахъ, украшенныхъ драгоценными камнями. На подобномъ же блюдѣ поднесли Русской княгинѣ въ подарокъ 500 миллиарей, шести ея ближнимъ боярынямъ по 20, а осемнадцати другимъ по 8 каждой.

18 октября, въ Воскресенье, устроенъ былъ другой пиръ

для Руссовъ въ Золотой палатѣ, на которомъ присутствовалъ самъ императоръ. А Русскую княгиню угощали въ палатѣ св. Павла, гдѣ присутствовала императрица съ своими дѣтьми и невѣсткою. На этотъ разъ Ольгѣ поднесли 200 миллиарезій, и нѣсколько сотъ опять роздали ея свитѣ.

Вотъ все что сообщаетъ намъ Константинъ Багрянородный о приемѣ Ольги. По всемъ признакамъ она не вполнѣ осталась довольна этимъ приемомъ. Она должна была испытать все высокомѣріе византійского правительства и пройти всѣ степени придворныхъ церемоній, которыми Византійскій дворъ ясно давалъ понимать великое разстояніе, отдѣлявшее княгиню съверныхъ варваровъ отъ царствующаго дома великолѣпной Византіи. Не могли ее конечно удовлетворить и десятка два или три червонцевъ, поднесенныхъ ей въ замѣнъ дорогихъ мѣховъ и другихъ товаровъ, которые она привезла въ подарокъ императорскому двору. По словамъ того же Константина Обрядника, не задолго до приѣзда Ольги Византійскій дворъ съ тѣми же церемоніями чествовалъ пословъ одного незначительного арабскаго эмира; при чмъ послы и ихъ свита получили въ подарокъ большее количество червонцевъ, чѣмъ русская княгиня и ея спутники. А подобное обстоятельство конечно не осталось неизвѣстнымъ для Руссовъ.

Можетъ быть не безъ связи съ нѣкоторымъ недовольствомъ, которое Ольга воззимѣла противъ византійского правительства, состоялось посольство, отправленное ею къ императору Оттону I. Слава этого знаменитаго государя конечно достигла въ то время и до береговъ Днѣпра. Западные хѣтописцы повѣствуютъ, что въ 959 году послы русской княгини Елены (христіанское имя Ольги) прибыли къ Оттону, и просили у него епископа и священниковъ для своего народа. Императоръ отправилъ къ нимъ монаха Адальберта; но послѣдній вскорѣ воротился, будучи прогнанъ язычниками и потерявъ убитыми нѣкоторыхъ своихъ спутниковъ. Въ этомъ извѣстіи очевидно скрывается какое либо недоразумѣніе. Можетъ быть, цѣль русского посольства была отчасти политическая, отчасти религіозная; а цѣмѣцкій императоръ спѣшилъ воспользово-

ваться случаемъ, что бы подчинить католицизму возникшую Русскую церковь. Съ помощью церкви онъ конечно думалъ утвердить иѣменское вліяніе и у Восточныхъ Славянъ подобно тому, какъ оно утверждалось у Западныхъ. Вотъ съ какихъ поръ начались попытки Латинской церкви подчинить себѣ Россію и оторвать ее отъ духовнаго единенія съ Византіей (¹⁵⁾).

Ольга употребляла конечно всѣ усилія склонить къ принятію крещенія своего сына Святослава; но тщетно. Религія христіанская, проповѣдующая миръ и любовь, была не по нраву молодаго воинственнаго князя; онъ мечталъ только о битвахъ и завоеваніяхъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Святославъ совершаъ свои походы на легкѣ и ходилъ быстро, подобно барсу. Онъ не ташилъ за собой обоза, не бралъ ни шатра, ни посуды; спалъ на конскомъ потникѣ, съ сѣдломъ въ головахъ; мяса не варили въ котлахъ, а, изрѣзывъ на куски конину, звѣрину или говядину, пекъ на угольяхъ, и ъль. Такова была и вся его дружина. Усмирившъ Древлянъ, Святославъ обратился противъ другаго славянскаго племени, Вятичей, обитавшихъ на верхней Оке и дотолѣ не платившихъ дані русскимъ князьямъ. Но подчиненіе этого племени удалось окончить только преемникамъ Святослава.

Для его неукротимой отваги представилось широкое поле на востокѣ въ борьбѣ съ народами, обитавшими на Волгѣ и въ странахъ Прикаспийскихъ. Тамъ еще стояла сильная Хазарская держава, съ которой Руссы вели значительную торговлю, а иногда вступали въ жестокую борьбу. Причиной столкновенія, во первыхъ, служили владѣнія въ Тавридѣ и на Тамани. Кіевская Русь успѣла уже освободить большую часть жившихъ тамъ Черныхъ Болгаръ отъ хазарского владычества и основать особое русское княжество, известное подъ именемъ Тмутракани. Но на Таврическомъ полуостровѣ продолжали еще существовать вассальные хазарскія владѣнія; а со стороны Кавказа Тмутраканская Русь терпѣла отъ набѣговъ косожскихъ или кабардинскихъ князей, которые также считались вассалами верховнаго хазарскаго кагана, жившаго въ Итиль. Вовторыхъ, Русь, проживавшая въ этомъ городѣ

и приходившая сюда для торговли, по всей вѣроятности терпѣла иногда разныя обиды и притѣсненія, за которые она всегда готова была платить кровавымъ возмездіемъ. Наконецъ, хазарская твердыня Саркелъ на Дону и самъ столичный городъ Итиль на Волгѣ препятствовали Руси пробираться на своихъ судахъ въ Каспійское море и грабить его югоzapадныя прибрежья, изобилыя богатыми городами и селеніями. Послѣ похода Руси въ Каспійское море въ 913 году, восточные писатели упоминаютъ о другомъ подобномъ походѣ въ 944 году. На этотъ разъ Русь изъ Каспійского моря вошла въ рѣку Куру, захватила и разграбила городъ Берду, считавшійся въ то время однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Арабскаго халифата. Но изъ этого похода, также какъ изъ первого, только немногимъ Руссамъ удалось ворѣтиться въ отчество.

Святославъ вступилъ въ упорную борьбу съ Хазарами, и побѣдилъ ихъ. Онъ взялъ и разорилъ Саркелъ или Бѣлую Вежу, какъ его называетъ наша лѣтопись. Онъ побѣдилъ также хищныя племена Касоговъ и Ясовъ (Аланъ), и тѣмъ упрочилъ съ этой стороны существованіе русской Тмуtrakani. Съ раззореніемъ Саркела для Руси открылся свободный путь изъ Дона въ Волгу, которые раздѣлены небольшимъ волокомъ, и она не замедлила нанести рѣшильные удары враждебнымъ ей государствамъ, Болгарскому и Хазарскому. По извѣстіямъ восточныхъ писателей въ 968 году Руссы по Волгѣ поднялись до столицы Каскихъ Болгаръ, и сильно разорили этотъ торговый городъ. Потомъ они спустились внизъ по рѣкѣ, опустошили страну Буртасовъ (Мордовы), и напали на Итиль, обширную и богатую столицу хазарскихъ кагановъ. Большая часть ея жителей разбѣжалась уже при первомъ извѣстіи о приближеніи Руси. Ограбивъ Итиль, Русь берегомъ Каспійскаго моря достигла другаго богатаго хазарскаго города, Семендера (близъ Тарку), который былъ столицею особаго князя, зависимаго отъ верховнаго кагана и также исповѣдующаго іудейскую религию. Этотъ городъ обиловалъ мечетями, церквами и синагогами, такъ какъ здѣсь жили вмѣстѣ христіане, мусульмане и евреи; однихъ виноградниковъ онъ имѣлъ до 4000. Русь разгра-

била и разорила его, подобно Булгару и Итию. Долго послѣ того на востокъ со страхомъ и ужасомъ вспоминали о нашествіи свирѣпаго, неукротимаго народа Руссовъ. Хазарской державѣ этой войной нанесенъ былъ такой сильный ударъ, что она уже не могла болѣе оправиться и снова стать грозною для своихъ сосѣдей (¹⁶).

Около того времени на Балканскомъ полуостровѣ случились обстоятельства, которая отвлекли вниманіе Руси отъ Волги и Каспійскаго моря на Дунай и Черное.

Высоко поднялось могущество Болгарскаго государства во время знаменитаго царя Симеона, который распространилъ его предѣлы на западъ и югъ, и едва не овладѣлъ самою Византіей. Но послѣ его смерти могущество это оказалось непрочно. Воиди Дунайскихъ Болгаръ не успѣли сплотить воедино южныхъ или Балканскихъ Славянъ, такъ, какъ это совершили князья Русскіе по отношенію къ Славянамъ Восточнымъ. Главнымъ препятствіемъ тому послужило слишкомъ близкое сосѣдство Византіи, съ ея искусною, дальновидною политикою. За принятиемъ греческой религіи послѣдовало быстрое пересажденіе въ Болгарію и греческой образованности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ внесены были и иѣкоторыя начала разложенія. Излишнее подражаніе византійской роскоши со стороны высшихъ классовъ и заимствованіе многихъ византійскихъ порядковъ часто вызывали народное неудовольствіе. Особенно сильное противодѣйствіе возникло со стороны народныхъ вѣрованій и обычаевъ противъ греческаго клира, воворившагося посреди Болгаръ. Противодѣйствіе это выразилось въ извѣстной ереси Богомиловъ, которая породила многіе смуты и мятежи, раздиравшіе Болгарію въ X вѣкѣ. Византійская политика направляла всѣ усилия подорвать Болгарскую силу, захватившую многія греческія области и не разъ угрожавшую самой столицѣ имперіи. Она постоянно возбуждала противъ Болгаріи ея внутреннихъ и внешнихъ враговъ, насыщала на нее Печенѣговъ, Угровъ, и подавала помощь Славянамъ, возставшимъ противъ Болгарскаго владычества, напримѣръ Сербамъ.

Сынъ и преемникъ Симеона Петръ не былъ способенъ бороться съ тѣми затрудненіями, которая его окружа-

ли, и его долголѣтнєе царствованіе представляеть эпоху быстраго политическаго упадка Болгаріи. Хотя онъ и былъ женатъ на греческой царевицѣ, однако греческая политика вполнѣ пользовалась его слабостью и неспособностію для своихъ цѣлей. Между болгарскимъ царемъ Петромъ и византійскимъ императоремъ Никифоромъ Фокою возникли неудовольствія: по однимъ извѣстіямъ изъ за дани, которую будто бы болгарскій царь потребовалъ отъ Византіи, а по другимъ изъ за Угровъ, которыхъ Болгаре пропускали черезъ свои земли, позволяя имъ врываться въ предѣлы имперіи. Никифоръ, занятый дѣлами на востокѣ, прибѣгъ къ обычной византійской политикѣ: вооружать сосѣдніе варварскіе народы другъ противъ друга, такимъ образомъ ослаблять ихъ и отклонять отъ замысловъ противъ имперіи. Въ 967 году онъ поручилъ патрицію Калокиру, сыну херсонского намѣстника, вступить въ переговоры съ русскимъ княземъ Святославомъ и склонить его къ нападенію на Дунайскихъ Болгаръ. Надобно полагать, что Святославъ находился тогда въ своихъ таврическихъ владѣніяхъ, т. е. по сосѣдству съ Херсономъ. Переговоры, подкрепленные со стороны Грековъ значительнымъ количествомъ золота и разными льстивыми обѣщаніями, увѣничились полнымъ успѣхомъ⁽¹⁷⁾. Князь призвалъ къ оружію храбрецъ русское юношество, и въ слѣдующемъ 968 году съ силою ратью вступилъ на своихъ ладьяхъ въ Дунай. Тщетно болгарское ополченіе собралось на берегу этой рѣки и пыталось помѣшать высадкѣ Руссовъ. Болгаре были разбиты; затѣмъ покорены и разграблены многіе дунайскіе города, въ томъ числѣ Малая Преслава или Переяславецъ и сильно укрѣпленный Дористолъ. Побѣда досталась легко потому, что значительная часть Болгаръ отложилась отъ своего царя и вѣроятно дѣйствовала за одно съ соплеменникою ей Русью. Старый Петръ во время этихъ событий отъ огорченія получилъ параличный ударъ, и умеръ, оставивъ двухъ сыновей, Бориса и Романа. Легкость завоеванія, пріятность климата, а также выгодное торговое положеніе Болгаріи между Византіей и Придунайскими странами такъ привлекли

Русскаго князя, что онъ уже не желалъ разстаться съ за-воеванною землею, и, если вѣрить нашей хроники, вмѣсто роднаго Кieва задумалъ утвердить свой столъ въ Переяславцѣ. „Сюда—говорилъ онъ—сходится все благое: отъ Грековъ золото, павлочки, вина и разныя овощи, отъ Чеховъ и Угровъ серебро и кони, изъ Руси мяча, воскъ, медъ и невольники“. Поэтому весною 969 года Святославъ только на короткое время отправился въ Кieвъ, и съ свѣжими силами вернулся на берега Дуная. Тогда онъ за-владѣлъ самою столицею Болгарского царства Великою Преславою, захватилъ въ свои руки сыновей Петра, и, признавая царскій титулъ за старшимъ изъ нихъ, Борисомъ, въ сущности сдѣлался настоящимъ государемъ Болгаріи, по крайней мѣрѣ ея восточной половины.

Никифоръ Фока съ ужасомъ увидѣлъ свою ошибку: со-сѣдство съ такимъ могучимъ и предприимчивымъ племе-немъ, какова была Русь, подвергало имперію великимъ опасностямъ. Доходили до него также слухи и о замы-слахъ коварнаго Калорика. Этотъ грекъ стѣумѣлъ пріобрѣсти дружбу Святослава и поощрилъ его желаніе утвер-диться въ Болгаріи, съ условіемъ получить отъ него по-мощь для достижения византійскаго престола. Послѣднее намѣреніе въ тѣ времена нисколько не казалось стран-нымъ; ибо мятежи и перемѣны правителей сдѣлали пре-столъ императорскій обычною цѣлью отважныхъ често-любцевъ, и самъ Никифоръ достигъ его незаконнымъ путемъ. Онъ началъ дѣятельныя приготовленія къ войнѣ съ Руссами, и въ тоже время вошелъ въ сношенія съ Болгарами: послѣдне, будучи христіанскимъ народомъ, конечно съ неудовольствіемъ переносили господство язы-ческой Руси, и особенно были раздражены произведенны-ми ею разореніями и свирѣпствами. Между ирочимъ, го-ворятъ, будто Святославъ, завладѣвъ Филиппополемъ, по-садилъ на колъ до 20.000 плѣнныхъ, и тѣмъ навелъ та-кой страхъ, что заставилъ себѣ покориться и другіе го-рода. Поэтому неудивительно, что многіе Болгаре съ ра-достію встрѣтили предложеніе Никифора общими силами воевать противъ Руси, и по его просьбѣ охотно отпра-вили въ Византію двухъ дѣвицъ изъ своего царскаго ро-да, чтобы соединить ихъ бракомъ съ сыновьями покой-

наго греческаго императора Романа II, предшественника Фоки.

Но посреди этихъ приготовлений Никифоръ Фока, снискавшій себѣ уваженіе многими заслугами и строгимъ своимъ правленіемъ, погибъ жалкою смертію.

Прекрасная наружностью, но крайне испорченная нравомъ, императрица Феофано отравила своего первого мужа Романа II, чтобы вмѣстѣ съ своею рукою доставить престолъ Никифору Фокѣ. Теперь она приготовила туже участь и второму своему мужу. Изъ числа византійскихъ полководцевъ этого времени особенно выдигался Іоаннъ Цимисхій, родомъ армянинъ; а прозваніе Цимисхій на армянскомъ языке значило „Малорослый“. Онъ приходилъся родственникъ Никифору, и былъ его сподвижникомъ на поляхъ битвъ; но по своему смильому честолюбивому характеру возбудилъ противъ себя подозрѣнія, лишень начальства надъ восточными легіонами и нѣкоторое время жилъ въ уединеніи. Феофано выпросила ему позволеніе явиться въ столицу. Никифоръ очень ее любилъ и не могъ отказать ея просьбамъ. Но Іоаннъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Константиноіополѣ для того, чтобы вмѣстѣ съ вѣроломнou Феофано устроить заговоръ противъ Никифора. Она тайно ввела въ свое отдѣленіе дворца вооруженныхъ людей, и скрывала ихъ до удобнаго случая. Въ одну глухую ночь Цимисхій на лодкѣ подплылъ къ дворцу со стороны моря, и на веревкахъ былъ поднятъ на кровлю Вуколеона ожидавшими его соумышленниками. Онъ немедленно ворвался съ ними въ царскую спальню, и безчеловѣчно умертвилъ спящаго Никифора. Цимисхій былъ провозглашенъ императоромъ; но Феофано ошиблась въ своихъ расчетахъ: первымъ дѣломъ новаго императора была ссылка ея на одинъ изъ острововъ Мраморного моря.

Умный, дѣятельный, отважный Цимисхій спѣшилъ великими дѣяніями и хорошимъ управлениемъ загладить пятно своего преступленія (если только оно могло быть заглажено). Во всѣхъ дѣлахъ имперіи почувствовалась новая сила, новая энергія. Одною изъ первыхъ его заботъ было удаленіе Руссовъ изъ Болгаріи. Сначала онъ пытался

склонить въ тому Святослава переговорами, и предлагать вознаградить его на основанияхъ договора, заключенного съ Никифоромъ. Но Русский князь предъявилъ условія неисполнимыя: онъ потребовалъ огромнаго выкупа за всѣ завоеванные города, за всѣхъ пленныхъ, и вообще даъ такой гордый отвѣтъ, что война сдѣлалась неизбѣжною. Не ограничиваясь собственою ратью, Святославъ вооружилъ вспомогательное войско изъ покоренныхъ Болгаръ; кроме того нанялъ конныя толпы Угровъ и Печенѣговъ, и послалъ ихъ разорять Фракію. Подъ стѣнами Адріанополя эти хищники потерпѣли пораженіе отъ мужественнаго, искуснаго византійскаго полководца Варды, по прозванію *Склира* (крѣпкаго). Но такъ какъ этотъ военачальникъ вслѣдъ за тѣмъ былъ отправленъ въ Малую Азію для усмиренія мятежа, поднятаго тамъ Фокою, племянникомъ убитаго императора Никифора, то отряды варваровъ распространили свои набѣги и опустошенія по Фракіи и Македонії. Зимнее время прошло безъ важныхъ событій. Но Ioannъ не терялъ времени. Сдѣлавъ Адріанополь опорнымъ пунктомъ для будущихъ военныхъ дѣйствій, онъ приготовлялъ тамъ склады оружія и сѣтствыхъ припасовъ; а между тѣмъ снаряжалъ многочисленный флотъ изъ мелкихъ судовъ для дѣйствій на Дунай, и усердно обучалъ свои полки военному искусству; при чемъ составилъ особый отрядъ тѣлохранителей, набранный изъ храбрѣшихъ молодыхъ людей и названный „Бессмертными“. Къ веснѣ приготовленія были окончены, мятежъ Фоки усмиренъ, и восточные легіоны переправились въ Европу, имѣя во главѣ побѣдоноснаго Варду Склира.

Выступленіе императора въ походѣ противъ Руссовъ сопровождалось большою торжественностью. Онъ всенародно молился въ знаменитѣйшихъ храмахъ столицы, сначала въ церкви Спасителя, находившейся въ Халкійскомъ отдѣленіи дворца, потомъ въ соборѣ св. Софіи и во Влахернскомъ храмѣ Богоматери. Онъ сдѣлалъ смотръ и примѣрное сраженіе своего флота въ Золотомъ Рогѣ передъ отплытіемъ его въ Дунай, и затѣмъ направился съ легіонами въ Адріанополь. Отсюда онъ послалъ развѣдать о положеніи непріятеля, и съ удивленіемъ узналъ, что Балканскія тѣнины

(клисурь), ведущія изъ Фракіи въ Болгарію, не были заняты Руссами. Этихъ проходовъ болѣе всего опасались Греки, вспоминая о пораженіяхъ, которыхъ они понесли здѣсь въ прежнихъ своихъ войнахъ съ Болгарами. Русь повидимому не ожидала такого ранняго движенія со стороны Грековъ: наступало время пасхи; а это время императоры обыкновенно проводили въ столицѣ, исполняя всѣ обряды великаго праздника, являясь народу на торжественныхъ выходахъ во всемъ блескѣ своего сана, устраивая пиршства и увеселяя толпу ристаніями или другими зрѣлищами. Какъ бы то ни было, но Русь показала большую беззечность и допустила захватить себя врасплохъ. Императоръ поспѣшно прошелъ ущелья, и явился на сѣверномъ склонѣ Балканъ подъ Преславой. Неожиданность нападенія помогла ему овладѣть столицею Болгаріи. Стоявшій тамъ русскій отрядъ сначала бился въ открытомъ полѣ передъ городомъ; потомъ защищался въ его стѣнахъ; вытѣсненный изъ города, онъ сосредоточился въ царскомъ дворцѣ, который былъ расположенъ на отдаленомъ возвышеніи и окружено особою стѣною. Когда Греки, не смотря на всѣ усилія, не могли взять этого замка, они начали съ разныхъ концовъ бросать въ него огонь; тогда Руссы покинули пылавшее зданіе, и, окруженные со всѣхъ сторонъ непріятелями, были истреблены послѣ отчаянной обороны. Только начальникъ ихъ Сфенкель съ немногими успѣлъ спастись, и ушелъ къ Святославу, который съ главнымъ своимъ войскомъ стоялъ въ Дористолѣ. Въ Преславѣ Греки плѣнили молодаго болгарскаго царя Бориса съ его семействомъ. Іоаннъ, какъ искусный политикъ, обошелся съ нимъ ласково, заявляя, что онъ ведетъ войну не съ Болгарами, а только съ Русью. Не теряя времени, императоръ двинулся къ Дористолу.

По всей вѣроятности не одна оплошность Руссовъ была причиной ихъ неудачъ съ самаго начала войны и ихъ оборонительнаго, а не наступательного образа дѣйствій. Очевидно наемные полчища Угровъ и Печенѣговъ покинули Святослава въ самое нужное время, вѣроятно склоненные къ тому греческимъ золотомъ. Значительная часть Болгаръ возстала противъ Руси и начала помогать Грекамъ. Послѣднее обстоятельство подтверждается тѣмъ из-

вѣстіемъ, что Святославъ, рѣшаясь защищаться въ Дористолѣ, поспѣшилъ обезпечить себя со стороны жителей слѣдующею жестокою мѣрою: онъ собралъ наиболѣе знатныхъ и богатыхъ гражданъ и велѣлъ до трехъ сотъ человѣкъ обезглавить, а остальныхъ заключить въ оковы и содержать въ темницахъ.

Первая битва Цимисхія и Святослава подъ Дористоломъ была весьма упорна. Руссы, сомкнувъ свои щиты и копья, стояли стѣной передъ городомъ, когда Иоаннъ повелъ на нихъ свои стройные легіоны. Грековъ одушевляли недавніе успѣхи и присутствіе ихъ искуснаго мужественнаго вождя; а Руссы, гордые своими завоеваніями и побѣдами надъ сосѣдними народами, считали пораженіе для себя невыносимымъ бѣдствіемъ; они дрались съ неукротимою яростію и съ дикимъ крикомъ поражали непріятелей. День уже склонялся къ вечеру, а побѣда все еще колебалась. Наконецъ Иоаннъ выдвинулъ всю свою конницу и велѣлъ ей стремительно ударить на варваровъ. Послѣдніе не выдержали этого натиска, отступили, и заключились въ городѣ. Императоръ немедленно устроилъ укрѣпленный лагерь на возвышеніи, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города; Греки окопались и поставили свои шатры. Въ то же время греческій флотъ вошелъ въ Дунай, и отрѣзалъ Руссамъ отступленіе въ отчество. Флотъ этотъ былъ страшенъ для нихъ своими огнеметательными снарядами. Они еще живо помнили разсказы отцевъ о томъ, какъ этотъ огонь истребилъ суда Игоря. Русь собрала свои ладьи, и держала ихъ подъ самыми стѣнами Дористола, не смѣя приблизиться къ греческимъ судамъ. Итакъ съ прибытіемъ греческаго флота она была окружена непріятелемъ. Началась знаменитая осада, которая по своему упорству и подвигамъ, совершеннымъ съ обѣихъ сторонъ, напоминаетъ нѣсколько баснословную осаду Трои, прославленную древними поэтами.

Геройская борьба Святослава съ Цимисхіемъ описана довольно подробно въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ византійскихъ историковъ. Не всѣ они согласуются между собою въ изложеніи ея подробностей; но нисколько не разногласятся относительно ея характера и главныхъ событій (¹⁸).

Отрѣзанные отъ родины, не получая ни откуда помощи ни людьми, ни припасами, Руссы защищались съ удивительнымъ мужествомъ и терпѣніемъ. Они не прятались за городскими стѣнами, и рѣдкій день не выходили на битву съ непріятелемъ. Русь, приплывшая на судахъ, составляла собственно пѣшую рать, за исключеніемъ предводителей и знатныхъ людей. Видя, какое превосходство даетъ Грекамъ ихъ броненосная конница, Руссы въ началѣ осады попытались и съ своей стороны выставить конное войско; но ни лошади, набранныя у туземцевъ, не годились къ бою, ни сами всадники, непривыкшіе къ конному строю, не могли соперничать съ хорошо обученной конницей Цимисхія. Да и лошади конечно мало по малу были съѣдены, когда наступило истощеніе запасовъ. Обыкновенно русская, кольчужная рать, выступивъ изъ города и закрывшись своими длинными, до самыхъ ногъ, щитами, стѣною шла на непріятеля и сокрушала все передъ собою до тѣхъ поръ, пока Цимисхій и его полководцы клиновобразнымъ построениемъ своей пѣхоты, неожиданными нападеніями съ боковъ, съ тыла или стремительными ударами конницы успѣвали разстроить сокнутую русскую фалангу и принудить ее къ отступленію, но не къ бѣгству: ибо Руссы шли назадъ медленно, закинувъ за спину свои огромные щиты. По ночамъ они выходили иногда въ поле, собирали тѣла павшихъ товарищѣй и сожигали ихъ на разложенныхъ кострахъ; при чемъ закалали своимъ богамъ многихъ плѣнниковъ, а также по извѣстному славянскому обычаю убивали и женщинъ (вѣроятно принадлежавшихъ болѣе знатнымъ покойникамъ); кроме того приносили въ жертву младенцевъ и пѣтуховъ, которыхъ опускали въ Дунай. Эти погребальные обряды они сопровождали дикимъ воемъ и плачомъ въ честь покойниковъ. Нерѣдко Греки, снимая доспехи съ убитыхъ непріятелей, открывали между ними трупы женщинъ, которыхъ въ мужской одеждѣ слѣдовали за своими господами и на поле сраженія.

Цимисхій устропилъ метательные снаряды, которые бросали камни въ городъ, и убивали многихъ осажденныхъ. Русь однажды сдѣлала нечаянную вылазку, чтобы сжечь

эти машины; но подоспѣвшая конница спасла ихъ отъ истребленія. Въ этомъ дѣлѣ Руссамъ удалось убить одного греческаго военачальника въ доспѣхахъ изъ позолоченныхъ бляхъ; они приняли его за самаго императора, и, вонзивъ на конецъ копья отрубленную его голову, выставили ее на городской стѣнѣ. Но оказалось, что то былъ магистръ Иоаннъ, родственникъ императора, начальствовавшій осадными машинами. Въ другой разъ, Святославъ, выбравъ темную, бурную ночь, съ 2000 воиновъ сѣлъ въ ладьи, и, незамѣченный греческими судами, собралъ въ ближнихъ селеніяхъ, сколько можно было захватить, муки, хлѣба и другихъ сѣствыхъ припасовъ, въ которыхъ осажденные терпѣли крайнюю нужду. На обратномъ пути онъ успѣлъ еще истребить пѣлый греческій отрядъ, безопасно разсыпавшійся для водопоя и для рубки дровъ въ лѣсу. Императоръ сильно досадовалъ на начальниковъ своего флота за ихъ оплошность, и грозилъ имъ смертною казнью, если подобная вылазка повторится. Съ этого дня Греки еще тщательнѣе начали оберегать всѣ пути, ведущіе въ Дористолъ, и лишили осажденныхъ всякой возможности промышлять себѣ припасы. Одинъ византійскій писатель (Кедренъ) говоритъ, будто Иоаннъ Цимисхій, весьма искусный во всѣхъ военныхъ упражненіяхъ, во время этой осады предлагалъ Святославу не продолжать излишняго кровопролитія, а рѣшить дѣло ихъ единоборствомъ; но Святославъ будто бы отвѣчалъ: „Я лучше врага своего знаю, что мнѣ дѣлать; если жизнь ему наскучила, то много способовъ отъ нея избавиться; пусть выбираетъ любой“.

Осада длилась уже болѣе двухъ мѣсяцевъ. Русскій князь потерялъ большую часть своей дружины и лучшихъ своихъ воеводъ. Въ числѣ павшихъ находился и Сфенкель. Съ его смертію первое мѣсто въ войсѣ послѣ Святослава занялъ Икморъ, не столько по своему происхожденію, сколько по своимъ подвигамъ, необычайной силѣ и росту. Въ вылазкѣ 20 іюля онъ съ особою яростію поражалъ Грековъ во главѣ отборного отряда. Тогда одинъ изъ конныхъ тѣлохранителей Цимисхія, по имени Анемасъ, родомъ критянинъ, отличавшійся также большимъ мужествомъ и силою, разгоря-

чивъ своего коня, понесся на Икмора, и поразилъ его прямо въ шею съ такою мощью, что голова русскаго богатыря упала на землю вмѣстѣ съ правою рукою. Увидавъ его паденіе, Руссы подняли отчаянныя вопли; а Греки ободрились, ударили съ новою энергией, и заставили своихъ непріятелей уйти въ городъ.

Съ паденіемъ Икмора уныніе и отчаяніе проникли въ среду неукротимой русской рати. Святославъ созвалъ на совѣтъ воеводъ и старшую дружину, и спросилъ, что дѣлать. Нѣкоторые предлагали выбрать глухую ночь, и, сѣвъ на суда, спасаться бѣгствомъ; но другіе, указывая невозможность пройти мимо огненосныхъ греческихъ кораблей, совѣтовали заключить миръ съ императоромъ. Тогда князь сталъ напоминать товарищамъ славу непобѣдимаго русскаго оружія, которое покорило цѣлый стра-ны. „И къ чemu послужитъ намъ жизнь, спасенная бѣгствомъ или униженіемъ? — говорилъ онъ. Насъ будуть презирать тѣ самые народы, которые доселъ трепетали передъ нами. Нѣтъ, если не можемъ добыть побѣды, то добудемъ себѣ славной смерти“. Конечно византійскіе историки, влагая подобный рѣчи въ уста своихъ героеvъ, слѣдовали въ этомъ отношеніи классическимъ образцамъ; но несомнѣнно, что въ такомъ смыслѣ Святославъ говорилъ своей дружинѣ, и дѣйствительно съумѣлъ вдохнуть въ нее новое мужество и новые силы. Опять послѣдовали отчанныя битвы. Во время одной изъ нихъ и самой упорной, Анемасъ, усмотрѣвъ Святослава, примѣромъ своимъ одушевлявшаго русскіе полки и сильно тѣснившаго Грековъ, вѣдумалъ повторить тотъ же ударъ, который ему удался противъ Икмора. Мечемъ своимъ онъ проложилъ себѣ дорогу къ русскому князю, и поразилъ его въ самую ключевую кость. Ударъ былъ такъ силенъ, что Святославъ упалъ съ коня; но крѣпкая кольчуга и щитъ охранили его. Окруженный непріятелями, Анемасъ иногоихъ побилъ; но наконецъ падъ подъ ударами русскихъ коній. Смерть его ободрила Руссовъ и опечалила Грековъ. Послѣдніе начали отступать. Императоръ, видя крайнюю опасность, велѣлъ ударить въ бубны и трубить въ трубы, и самъ съ копьемъ въ руکѣ, во главѣ своего отряда

бесмертныхъ, понесея на русскія дружины. Греки возобновили битву; на помощь къ нимъ явилась внезапная бура, которая понесла облака пыли на русское войско, и заслѣпила ему глаза. Между тѣмъ особый греческій отрядъ, предводительствуемый Вардою Склиромъ, зашелъ въ тылъ Русскому войску и грозилъ отрѣзать его отъ города. Тогда Руссы поспѣшили отступили. Самъ Святославъ, израненный и истекающій кровью, едва спасся отъ плѣна. Впослѣдствіи у Грековъ сложилась легенда, что на полѣ битвы явился какой-то воинъ на бѣломъ конѣ, который чудеснымъ образомъ поражалъ Руссовъ и разстроивалъ ихъ ряды: то былъ никто иной какъ мученикъ Феодоръ Стратилатъ, котораго сама Богородица послала на помощь императору Иоанну.

Наконецъ, когда всѣ средства для борьбы были истощены и въ Дористолѣ насталъ ужасный голодъ, Святославъ рѣшился просить мира. Цимисхій охотно согласился: хотя Греки не имѣли ни въ чемъ недостатка и получали подкѣපленія; однако и они были утомлены такою отчаянною обороной и они сильно желали мира. Русскій князь обязался выдать всѣхъ плѣнниковъ, сдать Дористолъ и уйти изъ Болгаріи. Онъ обязывался и впредь не помышлять о войнѣ съ Греками, не нападать на греческія владѣнія въ сѣверномъ Черноморѣ, именно на Корсунскую область, а также на страну Дунайскихъ Болгаръ, и не только самому не нападать, но препятствовать въ томъ и другимъ непріятелямъ Грековъ. Обязательства эти Русь должна была подтвердить обычною клятвою на свое мъ оружіи, Перуномъ и Волосомъ. Съ своей стороны императоръ давалъ Руси свободный путь для возвращенія въ отчество; а также согласился по прежнему допускать русскихъ торговцевъ въ Византію и обходить съ ними подружески. Договоръ заключенъ синекломъ Феофиломъ, отъ имени Цимисхія и двухъ молодыхъ императоровъ, братьевъ Василія и Константина. А съ русской стороны въ грамотѣ, писанной подъ Дористоломъ, кромѣ Святослава упоминается только одинъ воевода Свенельдъ, по всей вѣроятности занимавшій теперь первое мѣсто послѣ князя.

Цимисхій велѣлъ раздать голодающей Руси хлѣбъ, по двѣ мѣры на человѣка. Византійскій историкъ Левъ Диаконъ говоритьъ, что изъ 60.000 приведенныхъ Святославомъ въ Болгарію, насчитали теперь только 22.000. Но и изъ этого числа едва ли болѣе половины оставалось способныхъ къ бою. При заключеніи договора Святославъ попросилъ о личномъ свиданіи съ императоромъ, и получилъ согласіе. Они свидѣлись на берегу Дуная. Цимисхій явился на конѣ, покрытый своимъ позлащеннымъ вооруженіемъ; за нимъ слѣдовалъ отрядъ всадниковъ въ бlestящихъ доспѣхахъ. А Святославъ подѣхалъ къ берегу въ ладьѣ; при чёмъ дѣйствовалъ весломъ наравнѣ съ прочими гребцами. Греки съ любопытствомъ рассматривали наружность русского князя. Онъ былъ средняго роста, статенъ, широкоплечъ и съ мускулистой шеей; имѣлъ голубые глаза и густыя брови, носъ немного плоскій, подстриженную бороду и длинные усы. Съ его оголенной головы спускался на бокъ локонъ волосъ, по обычаяу знатныхъ русскихъ людей. Въ одномъ ухѣ онъ носилъ золотую серыгу, укрупненную рубиномъ и двумя жемчужинами. Выраженіе его лица показалось Грекамъ суровымъ и мрачнымъ. На немъ былъ наброшенъ бѣлый плащъ, такой же какъ и у всѣхъ его товарищей. Не выходя изъ ладьи, онъ черезъ переводчика поговорилъ немного съ императоромъ, и отѣхалъ назадъ. По всему вѣроятію при этомъ свиданіи Святославъ просилъ императора, чтобы онъ потребовалъ отъ Печенѣговъ свободнаго пропуска Руссовъ въ отечество. Цимисхій обѣщалъ.

Когда Русь сѣла на свои суда и удалилась, императоръ занялъ Дористоль и другія дунайскія крѣпости, а затѣмъ воротился въ столицу. Побѣда надъ такимъ храбрымъ непріятелемъ, какова была Русь, и избавленіе имперіи отъ грознаго Святослава покрыли Цимисхія громкою славою. Патріархъ, епископы, сенаторы и огромная толпа византійскихъ гражданъ встрѣтили его за стѣнами города съ побѣдоносными пѣснопѣніями и поздравленіями. Ему поднесли скипетры и золотые вѣнцы, и подвели тріумфальную колесницу, запряженную бѣлыми конями. Императоръ принялъ вѣнцы и скипетры, но отказался сѣсть на тріум-

фальную колесницу, и велѣлъ поставить на нее взятую въ Болгаріи икону Богородицы; самъ же слѣдовалъ за нею на своемъ быстромъ конѣ, увѣнчанный діадимою. Столица принимала его, изукрашенная лавровыми вѣтвями, коврами и другими разноцвѣтными тканями. Прежде всего императоръ отправился въ св. Софию, гдѣ совершилъ благодарственное моленіе, и посвятилъ храму дорогой вѣнецъ болгарскихъ царей. Затѣмъ онъ вступаетъ на форумъ Августеонъ, сопутствуемый пѣннымъ болгарскимъ царемъ Борисомъ, и здѣсь въ присутствіи народной толпы приказываетъ ему снять съ себя царскіе знаки, т. е. шитую золотомъ и осинанную жемчугомъ шапку, багряный плащъ и красную обувь. Вместо нихъ Борисъ получилъ достоинство римского магистра. Такимъ образомъ знаменитое царство Дунайскихъ Болгаръ, сломленное руками единоплеменной имъ Руси, объявлено простою обlastью Византійской имперіи.

Между тѣмъ пользовались отсутствіемъ русскаго князя и войска, хищныя печенѣжскія орды до того усилились, что во время пребыванія Святослава въ Болгаріи напали на самый Киевъ и едва не овладѣли русскою столицею. Посольство, отправленное Цимисхіемъ къ этимъ кочевникамъ, предложило имъ вступить въ союзъ съ Греками; при чемъ потребовало, чтобы они не переходили Дунай для опустошения Болгаріи и не препятствовали возвращенію Руссовъ въ отечество. Печенѣги согласились на первое; но въ послѣднемъ требованіи отказали. Такъ повѣствуютъ византійскіе историки. Сомнительно, чтобы Греки искренно хлопотали о безопасности Руссовъ. Вѣроятнѣе, что они дѣйствовали при этомъ не безъ лукавства, и не прочь были погубить такого предпріимчиваго, опаснаго сосѣда; какимъ былъ Святославъ.

Узнавъ, что Печенѣги заступили дорогу, русскій князь азанировалъ въ Бѣлобережье, гдѣ-то около Диїпровскаго устья. Здѣсь русская рать принуждена была терпѣть страшную нужду въ пищѣ и питалась кониною; но и та была такъ дорога, что приходилось платить по полугривнѣ за конскую голову. Князь конечно поджидалъ помощи изъ Киева. Но очевидно или въ Русской землѣ въ то время

дѣла находились въ большомъ разстройствѣ, или тамъ не имѣли точныхъ свѣденій о положеніи князя. Помощь ии откуда не приходила. На весну Святославъ рѣшился оружиемъ пробиваться въ отчество. Съ остаткомъ своей рати онъ поплылъ въ ладьяхъ по нижнему Днѣпру; но около пороговъ Русь должна была выдти на берегъ и идти степью; такъ какъ на ладьяхъ невозможно было пройти пороги противъ теченія. Тогда то подстерегавшія Руссовъ печенѣjskія орды окружили ихъ, конечно въ удобномъ для себя мѣстѣ. Произошла отчаянная сѣча. Святославъ палъ, и только немногіе Руссы успѣли воротиться въ Киевъ съ воеводою Свенельдомъ (972 г.). Въ Русской лѣтописи сохранилось извѣстіе о какомъ то упрямствѣ князя, который не послушалъ совѣта Свенельдова, не пошелъ въ Киевъ окольнымъ путемъ, а съ свойственною ему отвагою хотѣлъ пробиться сквозь Печенѣjsкую орду. Тамѣ же лѣтопись прибавляетъ, что печенѣjskій князь Куря велѣлъ черепъ Святослава оковать металломъ, и на пирахъ пилъ вино изъ этой чаши — обычай существовавшій не только у дикихъ турецкихъ кочевниковъ, но даже у германскихъ и славянскихъ народовъ во времена ихъ варварства.

Такъ погибъ знаменитый Русскій князь, котораго излишняя отвага и жажда къ завоеваніямъ завлекли слишкомъ далеко.

III.

ВЛАДИМІРЪ ВЕЛИКІЙ И ТОРЖЕСТВО ХРИСТИАНСТВА.

Сыновья Святослава. Варяги помогаютъ Владимиру добыть Киевъ. Войны съ соседями. Язычество. Гонение на христианъ. Взятие Корсуня. Крещеніе Владимира и утверждение христианства на Руси. Удѣлы. Борьба съ Печенѣгами. Дружина Владимира. Католические миссионеры. Отношения польской, греческія и варяжскія. Ингигерда и отложение новгородского князя. Кончина Владимира Великаго.

Мы знаемъ, что у Святослава были двоюродные братья, а можетъ быть и родные. Братья эти конечно имѣли свои удѣлы; но наши источники молчатъ объ ихъ судьбѣ. По извѣстію Русской лѣтописи, Ольга скончалась за три года до гибели Святослава; а послѣ него осталось три сына, рожденные отъ разныхъ матерей; такъ какъ Святославъ, подобно другимъ русскимъ князьямъ, держался языческаго обычая многоженства. Великие князья кievскіе очевидно старались имѣть своими намѣстниками въ областяхъ собственныхъ сыновей и другихъ родственниковъ, чтобы крѣпче связать съ Кіевомъ подвластныя племена и вытѣснить мѣстные княжеские роды. Во время пребыванія Святослава въ Болгаріи старшій сынъ Ярополкъ заступалъ его мѣсто въ Кіевѣ; другой, по имени Олегъ, княжилъ въ землѣ Древлянскій, т. е. на Волыни и въ Полѣсѣ; а младшему, Владиміру, отецъ отдалъ Новгородъ, въ которомъ самъ княжилъ при жизни Игоря. Въ остальныхъ русскихъ областяхъ вѣроятно сидѣли другие родственники. Произошло обычное явленіе, которое не разъ повторялось послѣ того, повторялось конечно и прежде. Кіевский князь не хотѣлъ ограничиваться только званіемъ старшаго князя, но стремился быть дѣйствитель-

нымъ господиномъ всей Русской земли. Слѣдовательно, едва только начинаетъ проясняться Русская исторія, мы уже видимъ борьбу единодержавія съ удѣльнымъ порядкомъ, и въ то же время борьбу съвера съ югомъ, Новгорода съ Киевомъ. Лѣтопись объясняетъ возникшія послѣ Святослава междуусобія внушеніями нѣкоторыхъ бояръ, именно Свенельда, который былъ главнымъ совѣтникомъ Ярополка, и Добрыни, который приходился Владиміру дядею по матери и руководилъ своимъ юнымъ племянникомъ. Въ междуусобіи Ярополка съ Олегомъ послѣдній былъ убитъ, и Киевскій князь завладѣлъ его удѣломъ. Но и Владиміръ съ Добрынею не теряли времени, что бы увеличить свою область. Главнымъ средствомъ для того послужили наемныя варяжскія дружины.

Извѣстно, что на Скандинавскихъ островахъ и полуостровахъ въ IX и X вѣкахъ совершался важный переворотъ. Тамъ слагались три сильныхъ королевства: Швеція, Норвегія и Данія; при чёмъ многіе мелкіе владѣтели, не желая сдѣлаться простыми подданными королей, начали уходить изъ отечества съ своими друзьями и слугами. Они искали счастья въ иныхъ странахъ, или въ качествѣ завоевателей, если собирались въ значительномъ числѣ и находили себѣ достойныхъ вождей, или просто въ качествѣ наемниковъ. Отсюда возникло знаменитое движение норманскихъ дружинъ. Главное, именно завоевательное, движение направилось на западъ, преимущественно въ Англію и Сѣверную Францію. Между тѣмъ на востокѣ, на Балтійскомъ поморѣ и на Руси, которую они называли землею Гардовъ (Гардарики), Норманы появляются въ качествѣ наемныхъ отрядовъ. Первая норманская дружина на Руси встрѣчается въ Новгородѣ. Граждане новгородскіе издревле отличались предпримчивымъ, свободолюбивымъ нравомъ, и кievскіе князья, подчинивъ себѣ этотъ край, что бы держать его въ повиновеніи, водворили въ Новгородѣ наемную варяжскую дружину, которую должны были содержать сами же Новгородцы. По крайней мѣрѣ, лѣтопись русская говоритъ, что еще Олегъ уставилъ ежегодную дань съ Новгорода въ 300 гривенъ на плату варяжскому

гарнізону, „мира дѣля“ какъ она выражается, т. е. ради порядка и спокойствія. Сношенія Руссовъ съ Норманнами постепенно умножались; князья наши нерѣдко заключали дружественные и родственные связи съ скандинавскими державцами. Значеніе варяжскихъ наемныхъ дружины на Руси особенно усилилось вслѣдствіе междуусобій возникшихъ въ потомствѣ Игоря: онъ явились сильнымъ орудіемъ въ рукахъ наиболѣе предпріимчивыхъ властолюбивыхъ князей.

Владиміръ и Добрыня искусно воспользовались Варягами для своихъ замысловъ. Судя по лѣтописи, Владиміръ самъ отправлялся куда то за море, гдѣ и нанялъ значительное варяжское войско. Онъ началъ свои завоеванія съ Полоцкаго или Кривскаго края. Въ томъ краю княжилъ Рогволодъ. Неизвѣстно, принадлежалъ ли онъ къ роду собственно кіеворусскихъ князей, или къ мѣстнымъ кривскимъ владѣтелямъ; послѣднее вѣроятнѣе. Лѣтопись говоритъ, что онъ отказалъ Владиміру отдать ему въ замужество свою дочь Рогнѣдь, предпочитая другаго ея жениха, кіевскаго князя Ярополка. Новогородскій князь пошелъ на Рогволода, и побѣдилъ его; причемъ послѣдній погибъ съ двумя своими сыновьями; а Рогнѣдь силою принуждена была сдѣлаться женою побѣдителя. Затѣмъ послѣдовала неизбѣжная борьба Владиміра съ Ярополкомъ. Съ помощью тѣхъ же наемныхъ Варяговъ менѣшій братъ остался побѣдителемъ, и завладѣлъ Кіевомъ. Лѣтопись повѣствуетъ при этомъ объ измѣнѣ боярина Блуда, который повидимому сдѣлался главнымъ советникомъ Ярополка по смерти Свенельда. Но приведенная ею причина предательства не совсѣмъ вѣроятна: Владиміръ обѣщалъ воздать ему большую честь и „имѣть его въ отца мѣсто“. Для чего же Блуду нужно было искать перваго мѣста при младшемъ братѣ, когда онъ уже занималъ это мѣсто при старшемъ и когда въ отца мѣсто служилъ Владиміру его дядя Добрыня, который конечно не уступилъ бы никому этого мѣста? Достовѣрно только одно, что Ярополкъ, вытѣсненный изъ Кіева и осажденный въ городѣ Роднѣ, на устьѣ Роси, такъ былъ стѣсненъ, особенно наступившимъ здѣсь голодомъ, что склонился на преговоры. Довѣряя мирнымъ

предложеніямъ Владимира, онъ отправился въ его ставку; но у входа въ нее былъ убитъ двумя варягами, спрятанными въ засадѣ⁽¹⁹⁾. Такимъ то способомъ младшій изъ сыновей Святослава возстановилъ единство Русскихъ областей.

Жадные варяжскіе наемники, окружавшиѣ Владимира, смотрѣли на Киевъ какъ на собственное завоеваніе; по словамъ лѣтописи, они потребовали отъ Кieвлянъ окунуть по двѣ гривны съ человѣка (вѣроятно съ каждого главы семейства). Владимира обѣщалъ исполнить это требованіе. Но онъ успѣлъ выиграть время и принять свои мѣры противъ беспокойныхъ союзниковъ; послѣ чего сбросилъ съ себя личину. Тогда Варяги попросили его отпустить ихъ въ Грецію. Князь выбралъ лучшихъ мужей, которыхъ оставилъ въ своей службѣ; а остальныхъ отправилъ съ русскимъ судовымъ караваномъ въ Византію. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ потомъ въ числѣ греческихъ наемныхъ войскъ отряды изъ *Варанговъ*; начало этихъ отрядовъ вѣроятно и было положено тѣми Норманнами, которыхъ отпустилъ Владимира.

Гибель многочисленной русской рати вмѣстѣ съ самимъ Святославомъ и послѣдующія за тѣмъ междоусобія его сыновей, естественно, должны были нанести сильный ударъ возраставшему могуществу Руси. Часть покоренныхъ племенъ отложилась, т. е. перестала платить дань; а нѣкоторые соседи спѣшили пользоваться обстоятельствами, чтобы грабить Русь или увеличить на ея счетъ собственные предѣлы. Пришлося вновь покорять первыхъ и укрощать послѣднихъ; что и было съ успѣхомъ исполнено, благодаря великому человѣку, въ рукахъ котораго сосредоточились тогда судьбы Руси. Почти все княженіе Владимира, особенно первая его половина, было наполнено удачными походами и битвами. Такъ на востокѣ усмирены Вятичи и Радимичи. Послѣднихъ, по словамъ лѣтописи, побѣдилъ воевода Владимира, по прозванію Волчій Хвостъ, на рекѣ Пищанѣ. Отсюда Русь будто бы вспомѣдствії корила Радимичей поговоркою: „Пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ“. На югѣ шла жестокая борьба съ Печенѣгами, дерзость которыхъ значительно

усилились послѣ гибели Святослава. На западѣ Владимиръ отражалъ набѣги дикаго лѣснаго племени Ятвяговъ, и воевалъ подкарпатскихъ Славянъ или Бѣлыхъ Хорватовъ, сосѣднихъ съ Волынью. Къ тому же времени относится первое исторически извѣстное столкновеніе Руси съ другою юною Славянскою державою, съ Поляками. Столкновеніе ихъ произошло въ области тѣхъ же подкарпатскихъ Славянъ. По словамъ лѣтописи, Владимиръ въ 981 году пошелъ на Ляховъ, и отвоевалъ у нихъ некоторые города, въ томъ числѣ Перемышиль и Червень. Послѣдній стоялъ на рѣчкѣ Гучвѣ (недалеко отъ Холма), и отъ него то вся эта страна получила название Червонной Руси.

Подъ 985 годомъ лѣтопись помѣщаетъ походъ Владимира на Камскихъ Болгаръ. Въ той сторонѣ лежалъ Ростовско-Суздальскій край, составлявшій владѣнія русскихъ князей. Находимые въ этомъ краю клады съ арабскими монетами и разными металлическими вещами восточной работы указываютъ на довольно дѣятельныя торговыя сношенія его съ сосѣднею Камскою Болгаріей, при помощи судового пути Волжскаго и Окскаго. Новый походъ на Болгаръ могъ произойти вслѣдствіе нарушенія договоровъ и притѣсненія русскихъ купцовъ; притомъ Русь побуждаема была вѣроятно желаніемъ вновь поживиться добычкою въ зажиточныхъ болгарскихъ городахъ, а можетъ быть надѣялась принудить ихъ къ постоянной дани. Въ этомъ походѣ въ первый разъ упоминаются Торки, кочевое племясосѣднихъ степей: русская рать по своему обычая ходила на судахъ, а торкская конница шла берегомъ. Лѣтопись украшаетъ Болгарскій походъ слѣдующимъ преданіемъ. Добрыня осмотрѣлъ плѣнныхъ Болгаръ, и, увидавъ на нихъ сапоги, сказалъ Владимиру: „нѣтъ, эти не будутъ давать намъ дани; поищемъ лучше лапотниковъ“. Заключенъ былъ миръ, и обѣ стороны будто бы при этомъ поклялись хранить его до тѣхъ поръ, пока камень начнетъ плавать, а хмѣль тонуть.

Возстановивъ русское господство въ Восточной Европѣ, Владимиръ рѣшился вступить въ борьбу съ Византіей: Русь конечно не могла еще забыть пораженіе Святослава и потерю Дунайской Болгаріи. Война началась тамъ,

гдѣ русскія владѣнія соприкасались съ греческими, т. е. въ Тавридѣ, въ странѣ Черныхъ Болгаръ. Очень можетъ быть, что Греки, надѣйные своею побѣдою, пытались вытѣснить Русь изъ той страны и воротить подъ свою державу область Боспора Киммерійскаго. А Русскій князь въ свою очередь задумалъ присоединить къ своимъ землямъ и послѣдній остатокъ греческихъ владѣній въ Тавридѣ, т. е. область Корсунскую и такъ наз. Климаты (Готія или южный берегъ). Эта война съ Греками получила великое значение въ нашей исторіи: она повлекла за собою крещеніе Владимира и окончательное возвращеніе христианства на Руси.

Отечественные и иноземные источники равно указываютъ на двѣ отличительныя черты Русскаго князя: впервыхъ, наложеніе къ разгулу при необыкновенномъ женолюбіи, а во вторыхъ, жестокость, соединенную съ ревностнымъ идолопоклонствомъ. Языческіе обычай Руси допускали многоженство и наложничество. Женщина вообще стояла дѣвольно низко въ русскомъ обществѣ: она была рабою; а понятія мужъ и господинъ не раздѣлялись между собою. Но Владимиръ очевидно перешелъ всѣ предѣлы, дозволенные обычаемъ въ этомъ отношеніи. Кромѣ Рогнѣди онъ имѣлъ многихъ женъ, между прочимъ взялъ за себя одну гречанку, пѣвеннную Святославомъ и бывшую уже жену старшаго брата Святополка. Кромѣ того онъ содержалъ въ разныхъ мѣстахъ цѣлые сотни наложницъ. Такъ, по извѣстію лѣтописи, въ селѣ Берестовѣ подъ Киевомъ у него было ихъ 200, въ Вышгородѣ 300, въ Бѣлгородѣ тоже 300—числа почти невѣроятныя. Недовольствуясь тѣмъ, онъ не оставлялъ въ покое всякую понравившуюся ему дѣвицу или замужнюю женщину (²⁰). Едва ли народъ, особенно такой подвижной какъ Кіевляне, равнодушно относился къ столь крайнему выраженію самовластія, и, если князь могъ презирать народныи неудовольствіемъ, то конечно не безъ помощи наемныхъ Варяговъ и собственныхъ щедро награждаемыхъ дружинниковъ.

Кромѣ женолюбія, Владимиръ въ первую эпоху своего самовластія отличался усердiemъ къ идолослуженію.

Еще знаменитый византійскій писатель VI вѣка, Про-

копій, замѣтилъ о русскихъ Славянахъ (которыхъ онъ называетъ Антами), что они поклоняются богу, производящему молнію, закаляютъ ему быковъ и другихъ животныхъ, почитаютъ рѣки, нимфъ и иныхъ существа; что они дѣлаютъ своему богу обѣты въ случаѣ опасности или какой нужды, по избѣжаніи ея приносятъ ему обѣщанныя жертвы, и совершаютъ по своимъ жертвамъ гаданія. Въ IX и X вв. мы находимъ у Руссовъ тоже поклоненіе богу огня или грома и молніи, котораго они именовали *Перуномъ*. Подобно всѣмъ языческимъ народамъ, русскіе Славяне смотрѣли на окружающую природу какъ на существо живое, и всѣ стихіи представляли себѣ особыми божествами. Съ понятіемъ обѣ огнѣ и теплѣ тѣсно связано понятіе и о солнечномъ свѣтѣ. Солнце пользовалось обоготвореніемъ весьма распространеннымъ у восточныхъ Славянъ. Оно чтилось подъ разными именами, каковы: *Хорсъ*, *Даждьбои*, *Волосъ*, *Яръ* (у западныхъ Славянъ: Яровитъ, Святовитъ, Сварожичъ, Радегастъ и др.). Въ непосредственной связи съ разными поворотами солнца, какъ благодѣтельного божества, находящагося въ постоянной борьбѣ съ тьмою и холодомъ, находились главные славянскіе праздники. Такъ поворотъ съ зимы на весну былъ отмѣченъ праздникомъ, известнымъ подъ именемъ *Коляды* или *Асени*; а въ ту пору, когда все ожило и раздѣло подъ благотворнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, т. е. въ концѣ весны, происходило празднество *Купала* или *Ярила*, которое сопровождалось веселыми играми, прыганьемъ черезъ горящіе костры, собираниемъ цѣлебныхъ травъ и таинственныхъ цвѣтовъ.

Поклоняясь огню и солнцу, восточные Славяне въ тоже время были усердными водо-поклонниками. Они почитали рѣки за отдельныхъ боговъ, и нѣкоторые изъ нихъ даже называли просто *Богъ* (по польскому произношенію Бугъ). Другое не разъ встрѣчающееся для рѣкъ название было *Рось*, которое перешло и на самый Русскій народъ. Это слово заключало въ себѣ понятіе свѣта, а также влаги, *росы*. Отсюда произошло и название *русалокъ*, тѣхъ игривыхъ женскихъ существъ, которыми воображеніе Славянъ населяло водное царство (подъ именемъ нимфъ у Прокопія

разумѣлись конечно славянскія русалки или вилы). Къ воднымъ божествамъ вѣроятно принадлежала и богиня *Мокошь*, упомянутая въ лѣтописи. Купала и особенно Даждьбогъ служили связью въ поклоненіи солнцу и водѣ; имѣнемъ послѣдняго обозначалась и влага, падающая съ неба (дождь). Священное значеніе воды ясно, между прочимъ, изъ обычая совершать около нея „умыканіе“, т. е. похищеніе дѣвицъ юношами; что у некоторыхъ племенъ замѣняло брачный обрядъ. Водѣ также приносили въ жертву животныхъ и другіе предметы; особенно дѣлали это во время какого либо труднаго плаванія. Обожая солнце и воду, Славяне почитали и землю живымъ существомъ, и боготворили ее подъ именемъ „Матери сырой земли“. Владытелемъ вѣтровъ они называли *Стрибога*.

Русскіе Славяне вѣрили въ загробную жизнь; но имѣли о ней такія же земныя представлія какъ и большая часть другихъ языческихъ народовъ. Загробное существованіе по ихъ понятіямъ было какъ бы продолженіемъ настоящей жизни. Рай они воображали себѣ какимъ-то цвѣтущимъ, зеленымъ садомъ; но онъ принадлежитъ собственно людямъ свободнымъ; а женщины и рабы должны тамъ по прежнему служить своимъ господамъ. Конечно въ связи съ такимъ понятіемъ господствовалъ у древнихъ Славянъ обычай при погребеніи покойника убивать одну изъ его женъ, а съ знатнымъ человѣкомъ погребать еще и нѣсколько рабовъ. По словамъ одного византійского историка (Льва Диакона) Руссы предпочитали лучше пронзить себя собственнымъ мечемъ, чѣмъ сдаться живыми непріятелю; ибо они страшились рабства, думая, что оно продолжается и за гробомъ. Объ адѣ Славяне имѣли самыя неопредѣленныя представлія. Обычай сожженія труповъ основанъ былъ на томъ вѣрованіи, что душа, очищенная огнемъ, немедленно могла войти въ рай; чему способствовали и жертвы, приносимыя на могилѣ покойниковъ. Но душа человѣка недостойнаго, повидимому, должна была мучиться въ какомъ то преисподнемъ огнѣ (*лекло*), прежде чѣмъ очистится отъ грѣховъ. Поклоненіе предкамъ, столь обычное у языческихъ народовъ, существовало и у Славянъ, которые чтили ихъ подъ именами *Рода* и *Рожакицы*, Чура

или *Щура* (пращуръ), и также приносили имъ жертвы. Вообще вся видимая природа въ ихъ воображеніи населена была множествомъ мѣстныхъ божествъ или геніевъ, то добрыхъ и благосклонныхъ, то злыхъ и враждебныхъ, каковы: домовой, водяной, лѣшій и пр.

Упомянутые боги не вездѣ у восточныхъ Славянъ имѣли одинакое значеніе и почитаніе; оно видоизмѣнялось по разнымъ племенамъ и отчасти по характеру окружающей природы. Но главный народный божествомъ собственno Русского племени всегда оставался громовникъ Перунъ. Его имя Русь употребляла въ самыхъ торжественныхъ клятвахъ; при чёмъ рядомъ съ нимъ ставила только одного Волоса. Послѣдній, будучи первоначально солнечнымъ богомъ, является потомъ покровителемъ земледѣлія, охранителемъ табуновъ и стадъ, вдохновителемъ пѣвцовъ и гусляровъ, и вообще сохраняетъ въ понятіи народа свой свѣтлый образъ. Что же касается Перуна, то это было божество грозное, дѣятельное и воинственное; отъ него зависѣла не только удача вообще, но, главное, онъ давалъ побѣду надъ врагами. Перунъ по преимуществу является выраженіемъ той стороны въ характерѣ древней Руси, которая отмѣчена неукротимою энергией, отвагой и предпримчивостію. Чтобы умилостивить своего верховнаго божества или возблагодарить его за побѣду, Русь закаляла ему въ жертву не только коней, быковъ или другихъ животныхъ, но даже и людей, послѣднихъ конечно въ особенно торжественныхъ случаяхъ. Впрочемъ религиозное чувство Славяно-руссовъ, способное къ сильнымъ порывамъ, не отличалось вообще мрачнымъ или угрюмымъ настроениемъ. Это видно уже изъ самаго представленія ихъ о разъ, какъ о свѣтломъ, зеленомъ садѣ (не похожемъ на скандинавскую Валгаллу). Тоже показываютъ ихъ любовь къ частымъ праздникамъ и пѣсни въ честь божества *Лада* или *Леля*, какъ источника любви и веселья. Самыя жертвоприношенія богамъ обыкновенно заключались въ веселымъ пиромъ и шумными игрищами. Эти жертвоприношенія совершались передъ идолами или человѣкообразными истуканами, сдѣланными преимущественно изъ дерева. Надобно полагать, что мѣсто, где стояли идолы, окружалось

заборомъ, вообще оградою, и составляло святилище. Самые идолы ставились въроятно подъ тѣнью липы или дуба (дерева посвященного Перуну); а въ зажиточныхъ городахъ безъ сомнѣнія надъ ними воздвигалась кровля или шатерь; передъ ними же устроивался родъ жертвенника. Такъ надобно разумѣть тѣ *капища* и *требища*, о которыхъ упоминаютъ наши древніе писатели. Былъ у восточныхъ Славянъ и родъ жреческаго сословія, обозначаемый именами волхвовъ, кудесниковъ и людей вѣщихъ. Они занимались жертвоприношеніями, врачествомъ, гаданіями, священными пѣснопѣніями; почитались служителями боговъ и пользовались уваженіемъ въ народѣ. Но при довольно сильномъ развитіи княжеской власти у Русскаго племени, жреческое сословіе не получило опредѣленного, іерархического устройства и большаго вліянія на общественные дѣла. По всѣмъ признакамъ, князь былъ не только военачальникъ и судья въ своемъ племени, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его верховный жрецъ, а слѣдовательно и главная опора старой религіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Киевѣ со времени Ольги шла оживленная борьба между язычествомъ и христіанствомъ. Ревнители старой религіи съ неудовольствиемъ смотрѣли на постоянно возраставшее число христіанъ и на ихъ молитвенные собранія. Есть извѣстіе, что Святославъ послѣ одного неудачнаго похода поднялъ гоненіе на христіанъ и разорилъ ихъ храмы; при чёмъ были мученики, въ числѣ которыхъ погибъ и собственный братъ Святослава Глѣбъ. Тоже извѣстіе говоритъ, что Ярополкъ отличался вѣротерпимостью и при немъ христіанство вновь стало рости и укрѣпляться. (21) Все это довольно вѣроятно. Подобно своему отцу Владимиру былъ воспитанъ на съверѣ, гдѣ крѣпче сохранились языческіе нравы; да и въ Киевѣ онъ, можетъ быть, утвердился не безъ поддержки со стороны наиболѣе ревностной языческой партіи. Во всякомъ случаѣ, при немъ идололоженіе отправлялось здѣсь съ особымъ усердиемъ и нерѣдко сопровождалось кровавыми, человѣческими жертвоприношеніями. Лѣтопись говоритъ, что на холмѣ Перуна князь поставилъ новый деревянный идолъ этого бога съ серебряною головою и золотыми усами. Кроме Перуна воздвигнуты были новые идолы и другимъ бо-

гамъ, а именно: Хорсу, Дажбогу Стрибогу, Мокоши и еще какому то Симаргу. Этими идолами Киевляне приводили на закланіе своихъ сыновей и дочерей, избираемыхъ по жребію. Добрыня, бывшій посадникомъ въ Новгородѣ, воздвигъ и тамъ кумиръ Перуну, которому также приносилъ человѣческія жертвы. Христіане подверглись новому гоненію, и многие изъ нихъ принуждены были скрывать свою религію.

Гоненіе это имѣло своихъ мучениковъ, и вотъ что рассказываетъ о нихъ лѣтопись.

Послѣ удачнаго похода на Ятвяговъ Владимира, чтобы возблагодарить боговъ, велѣлъ принести имъ человѣческую жертву. Киевляне бросили жребій на своихъ дѣтей. Жребій упалъ на сына одного Русина, который по причинѣ службы или торговли бывалъ въ Греціи и принялъ тамъ христіанскую вѣру, но по видимому содержалъ ее въ тайнѣ. Отецъ отказалъ выдать сына посланнымъ отъ городскихъ старѣшинъ. Тогда народная толпа схватила топоры, окружила его домъ и съ крикомъ требовала у него сына. Христіанинъ стоялъ на высокихъ сѣняхъ, и смѣло обличалъ мерзость идольского служенія, называя единымъ богомъ того, кому поклоняются Греки. Разсвирѣпившіе язычники подрубили столбы, на которыхъ держались сѣни, и убили отца вмѣстѣ съ сыномъ⁽²²⁾.

Но эти кровавыя жертвы были послѣднею вспышкою язычества въ Киевѣ. Обращеніе Владимира въ христіанство сдѣлалось достояніемъ народной легенды, занесенной въ нашу лѣтопись. Она повѣствуетъ о посольствахъ въ Киевъ отъ разныхъ народовъ, каждого съ предложеніемъ своей вѣры, и потомъ о посольствахъ кievскихъ мужей въ разныя страны для знакомства съ ихъ богослуженіемъ. Но Русь давно уже была знакома съ этими народами, съ ихъ пропагандой (мусульманскіе Болгаре, хазарскіе Евреи, латинскіе Нѣмцы и Греки). Окончательное торжество греческой религіи совершилось просто и естественно. Несмотря на гоненія, восточное христіанство продолжало дѣйствовать неотразимо. Нетолько въ народѣ, но и въ дружинѣ, въ самомъ семействѣ князя были христіане. Наиболѣе усерднымъ проводникомъ новой религіи на Руси, какъ и вез-

дѣ, были женщины. Въ числѣ Владимировыхъ женъ упоминаются чехиня, болгарыня и гречанка, которыхъ безъ всякаго сомнѣнія были усердными миссіонерами въ семье русскаго князя и продолжали дѣло бабки Владимировой Ольги. Особенно важны были для успѣха новой религіи постоянныя связи Кіева съ Тмутраканскимъ краемъ или страною Черныхъ Болгаръ. Послѣдняя лежала въ сосѣдствѣ съ греческимъ Корсунемъ, и заключала въ себѣ такие города какъ Боспоръ и Таматархъ, давно имѣвшіе своихъ особыхъ епископовъ. Самы Черные Болгаре были частію христіане. Мало того, они имѣли уже начатки переводовъ Св. Писанія на свой языкъ. Есть основаніе думать, что именно эти начатки были найдены въ Корсуні знаменитыми солунскими братьями Кирилломъ и Меѳодиемъ, и принесены ими въ Моравію; откуда ученики ихъ распространили такъ наз. Кирилловское письмо и въ самой Дунайской Болгаріи (28).

Итакъ Русскій князь, окруженный отчасти христіанами и имѣвшій въ своемъ владѣніи цѣлую христіанскую область, уже былъ вполнѣ приготовленъ къ перемѣнѣ религіи, когда возникла у него война съ Греками въ Тавридѣ, и не одинъ онъ: къ той же перемѣнѣ были приготовлены его бояре и главные дружины, безъ совѣта съ которыми князя не предпринимали никакого важнаго дѣла. Владиміръ осадилъ Корсунь. Онъ высадился около этого города, и сначала сталъ отъ него на разстояніи перелета стрѣлы. Корсунцы мужественно встрѣтили непріятелей, и на требованіе сдачи отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ. Тогда Владиміръ придинулся къ самымъ стѣнамъ, и, по обычаю Руси, велѣлъ вокругъ нихъ насыпать валъ. Лѣтопись говоритъ, что граждане сдѣлали подкопъ, и по ночамъ уносили въ городъ землю, насыпанную Руссами; но едва ли они могли уносить ея достаточное количество. Владиміръ рѣшилъ взять городъ во что бы ни стало, и грозилъ употребить для того хотя бы три года. Измѣна помогла ему въ этомъ дѣлѣ. Какой то грекъ Анастасъ уведомилъ князя, что ему легко принудить къ сдачѣ Корсунцевъ: стоитъ только перенять трубы, проведенные изъ источниковъ, протекавшихъ на вос-

точъ отъ города. Корсунь лежала на каменистомъ плоскомъ берегу моря, и получала прѣсную воду при помощи подземныхъ водопроводовъ, въ устройствѣ которыхъ Греки были очень искусны. Русский князь исполнилъ совѣтъ, велѣть перекопать водопроводъ, и городъ, томимый жаждою, сдался. Лѣтописное преданіе прибавляетъ, будто князь заранѣе далъ обѣтъ креститься, если возметъ городъ. Въ исторіи христіянства это не первый примѣръ того, что языческій вождь даетъ обѣтъ крещенія въ случаѣ побѣды. Очевидно въ числѣ окружавшихъ князя были люди, склонявшиe его къ принятію крещенія и обѣщавшиe ему за то Божью помошь въ его предпріятіяхъ. Теперь оставалось только исполнить свой обѣтъ.

Естественнымъ является стараніе Владимира придать возможно болѣе торжественности своему крещенію. Если онъ для того не отправлялся лично въ Царьградъ, какъ это прежде него дѣлали иѣкоторые языческие князья Восточной Европы, то, можетъ быть, гордость побѣдителя или недовѣrie къ коварнымъ Грекамъ, или продолжавшаяся еще война мѣшали ему лично явиться въ ихъ столицѣ. Владимиръ очевидно желалъ держать себя на равной ногѣ съ византійскимъ правителъствомъ; онъ имѣлъ въ виду примѣръ западныхъ государей, и однімъ изъ условій мира поставилъ руку царевны Анны, сестры византійскихъ императоровъ Василія и Константина. Имперія находилась тогда въ довольно стѣсненныхъ обстоятельствахъ вслѣдствіе возстанія Болгаръ и нового мятежа Варды Фоки (того самаго, который выступилъ при Цимисхіѣ). Однако, сохранивъ свое достоинство, византійское правительство отвѣчало русскому князю, что оно не отдаетъ греческихъ царевенъ за языческихъ князей. Тогда Владимиръ далъ знать, что онъ готовъ принять крещеніе; пусть Анна прибудетъ для того съ цареградскими священниками. Братья уговорили сестру ради выгоднаго мира и умноженія Христова стада исполнить требованіе могущественнаго русскаго князя. Анна прибыла въ Корсунь со свитою, состоявшую изъ гражданскихъ сановниковъ и духовенства. Корсунскій епископъ вмѣстѣ съ прибывшими священниками преподалъ наставленіе въ вѣрѣ Русскому князю и его бо-

ярамъ. Крещеніе совершионо было въ церкви св. Василія, которая стояла на Корсунской торговой площади. Подлѣ этой церкви находились палаты, въ которыхъ тогда жили русскій князь и прибывшая византійская царевна. Новокрещеному князю дано было христіанское имя Василія,—вѣроятно въ честь Святаго, въ церкви которого совершионо было крещеніе, а можетъ быть и въ честь старшаго изъ двухъ братьевъ императоровъ: весьма возможно, что послѣдній былъ нареченъ и воспреемникомъ, какъ это обыкновенно происходило при крещеніи языческихъ князей. Вмѣстѣ съ княземъ крестились его бояре и вся языческая часть его дружины.

За крещеніемъ послѣдовало брачное торжество. Послѣ того Владіміръ оставался еще нѣкоторое время въ Корсуни, и успѣлъ соорудить здѣсь новую церковь, на томъ холмѣ, который образовала земля, уносимая осажденными изъ русскаго вала. Въ это же время, благодаря родственному союзу, Греки заключили выгодный миръ съ Русскимъ княземъ: они получили обратно Корсунскую область. Дѣготы, которыми пользовались русскіе торговцы въ Константиноцѣ, конечно были подтверждены. Повидимому обѣ стороны обязались кромѣ того обьюдно помагать войсками противъ вѣнѣнныхъ враговъ; по крайней мѣрѣ это можно заключить изъ ихъ послѣдующихъ отношеній. Покидая Корсунь, князь взялъ съ собою упомянутаго Анастаса и нѣсколькихъ священниковъ съ мощами или вѣроятнѣе съ частію мощей папы римскаго Клиmentа (сосланного сюда императоромъ Траяномъ и здѣсь утопленнаго), а также ученика его Фива. Онъ увезъ съ собою многіе сосуды и иконы для будущихъ кіевскихъ храмовъ, кромѣ того двѣ мѣдные статуи и четыре мѣдныхъ коня для украшенія своей столицы. (24)

По возвращеніи въ Кіевъ Владіміръ окрестилъ все свое семейство, и началъ ревностно вводить новую религию въ Русской землѣ. Онъ сокрушалъ идоловъ и предавалъ огню тѣхъ, которые были сдѣланы изъ дерева. А Перуна, по словамъ лѣтописи, онъ велѣлъ привязать къ конскому хвосту, подъ ударами палокъ стащить его съ холма по Боричеву взвозу и бросить въ Днѣпръ. Особые воины

приставлены были, чтобы отталкивать Перуна отъ берега, и они будто бы проводили его до самыхъ пороговъ. Когда по Боричеву тащили идола, его сопровождала народная толпа, которая плакала, смотря на поруганіе того, кого она привыкла чтить своимъ верховнымъ божествомъ. Невидно, чтобы Киевскій народъ рѣшился на какое либо враждебное дѣйствіе для защиты старой религіи: такъ христіанство было уже сильно въ Киевѣ, и воля князя при этомъ переворотѣ опиралась конечно не на одну вооруженную силу. Между тѣмъ священники неутомимо наставляли въ вѣрѣ и крестили язычниковъ. Чтобы разомъ покончить съ остальными, князь велѣлъ собрать ихъ на берегу Днѣпра, и здѣсь совершить надъ ними общиі обряды.

Въ Киевѣ началась дѣятельная постройка храмовъ. По обычаю христіанского духовенства храмы воздвигали въ особенности на тѣхъ мѣстахъ, где стояли идолы, чтобы освятить эти мѣста свѣтомъ истинной религіи и изгладить самое воспоминаніе о прежнемъ идолопоклонствѣ. На Перуновомъ холмѣ князь поставилъ церковь во имя своего святаго, т. е. Василія. Но самый великолѣпный храмъ, и притомъ каменный, Владіміръ воздвигъ въ честь Успенія Богородицы, особое почитаніе которой незамедлило перейти къ Русскимъ отъ Грековъ. Для построенія этого храма князь призвалъ греческихъ мастеровъ. Онъ сооруженъ по образцу корсунскихъ храмовъ на томъ мѣстѣ, где погибли упомянутые выше христіанскіе мученики, отецъ съ сыномъ. Въ немъ помѣщены были мощи, иконы и церковная утварь, привезенная изъ Корсуня; а попеченіе о немъ ввѣreno Анастасу и корсунскимъ священникамъ. Храмъ этотъ строился въ теченіе пяти или шести лѣтъ; освященіе его сопровождалось великими пирами, которые князь давалъ своей дружинѣ и гражданамъ, а также богатою раздачею милостыни нищимъ и убогимъ. Князь назначилъ на содержаніе храма и его причта десятую часть отъ нѣкоторыхъ своихъ доходовъ; отъ чего онъ и сдѣлался извѣстенъ болѣе подъ именемъ Десятинаго.

Между тѣмъ дѣло крещенія усердно подвигалось впередъ и по другимъ городамъ Русской земли. Первоначально

христіанская релігія распространилась конечно въ той полосѣ, которая лежала на торномъ водяномъ пути отъ Кіева до Новгорода. Проповѣдь священниковъ поддерживалась княжескою дружиною; такъ какъ дѣло крещенія во многихъ мѣстахъ не обходилось безъ противодѣйствія и мятежа со стороны язычества. На югѣ борьба съ нимъ непредставляла большой трудности; ибо тамъ почва для новой релігіи была уже давно подготовлена. Но въ сѣверныхъ и восточныхъ областяхъ проповѣдники не разъ встрѣчали упорное сопротивленіе. Особенно сильна была языческая партія въ Новгородѣ; есть извѣстіе, что она вооружилась для защиты своихъ идоловъ и подняла мятежъ, который былъ усмиренъ посадникомъ Добрынею съ большими кровопролитіемъ; при чемъ часть города сдѣлалась добычею пламени. Послѣ того идолы были истреблены; новогородскій Переуѣ брошенъ въ Волховъ, и въ этой рекѣ многіе Новгородцы были окрещены подобно тому какъ Кіевляне въ Диѣпрѣ. Добрынѣ помогъ при усмирѣніи мятежа тысяцкій Путята съ ростовскою дружиною; чѣмъ и объясняли старую новогородскую поговорку: „Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ“ (25).

Судя по лѣтописи, одновременно съ утвержденіемъ на Руси христіанства, и можетъ быть не безъ связи съ этимъ событиемъ, произошло размѣщеніе Владімировыхъ сыновей по разнымъ областямъ, т. е. окончательная раздача имъ удѣловъ. Лѣтопись насчитываетъ ихъ до 12; но это число вѣроятно поставлено ради своего священнаго значенія. Несомнѣнно, что при необычайномъ многочисленствѣ русскаго князя семья его была гораздо многочисленнѣе. Назовемъ наиболѣѣ известныхъ изъ его сыновей. Отъ Рогнѣда Владіміръ имѣлъ Ианслава, Ярослава, Мстислава и Всеволода, отъ чехини Вышегелава, отъ гречанки (принадлежавшей прежде Ярополку) Святополка, отъ болгарки Бориса и Глѣба, еще отъ неизвѣстной намъ женщины Святослава, и т. д. Изъ всѣхъ его женъ только Рогнѣда сдѣлалась предметомъ народнаго преданія, занесенія въ лѣтопись. Преданіе это повѣствуетъ, будто она, живя подъ Кіевомъ въ селѣ Предиславинѣ, однажды задумала умертвить соннаго Владіміра за его измѣны

и избіеніе ея родичей. Владіміръ внезапно проснулся и хотѣлъ казнить ее, но былъ остановленъ маленьkimъ сыномъ ея Изяславомъ. Тогда по совѣту бояръ своихъ онъ отдалъ этому Изяславу и его матери удѣлъ его дѣда Рогволода, т. е. Полоцкую область, и послѣдняя навсегда осталась за потомствомъ Изяслава, который умеръ прежде своего отца.

Старшему сыну своему Вышеславу Владіміръ далъ въ удѣлъ Новгородъ, Святополку Туровъ, Ярославу Ростовъ; Мстислава посадилъ на Боспоръ Киммерійскомъ, т. е. въ области Тмутраканской; а Древлянскую или Волынскую землю раздѣлилъ между Святославомъ и Всеволодомъ, предоставивъ послѣднему Владіміръ Волынскій, и т. д. Когда же Вышеславъ умеръ, то отецъ перевелъ въ Новгородъ Ярослава, а его Ростовскій удѣлъ передалъ Борису; соседній съ нимъ край Муромскій отдалъ Глѣбу. Этотъ раздѣлъ Русскихъ земель между сыновьями кіевскаго князя былъ не первымъ въ исторіи. Мы видѣли его при Святославѣ; конечно онъ происходилъ и раньше, потому что истекалъ изъ обычного въ то время понятія, общаго не однимъ Славянамъ, но и нѣкоторымъ другимъ народамъ,—понятія о томъ, что города и области должны дѣлиться между сыновьями и родственниками князей какъ и всякое другое имущество. Еще не было на Руси представлений о Русской землѣ какъ о единомъ нераздѣльномъ государствствѣ. Единство сохранилось только подчиненiemъ всѣхъ русскихъ князей старшему, т. е. великому князю Кіевскому. Дотолѣ въ нѣкоторыхъ русскихъ областяхъ по всѣмъ признакамъ существовали еще мѣстные князья, только признавшіе надъ собою зависимость отъ Кіевскаго; а въ иныхъ краяхъ, где не было мѣстнаго князя, управляли посадники, присланные изъ Кіева. Но племена славянскія, особенно тѣ, которые имѣли уже значительные города, какъ напримѣръ Новгородъ Великій, неохотно подчинялись кіевскимъ посадникамъ, и большую частію желали имѣть собственнаго князя, хотя бы и зависимаго отъ Кіева. Владіміръ, размѣщая повсюду своихъ сыновей и родственниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятно устраивалъ отъ управления или ослаблялъ значеніе многихъ мѣстныхъ князей и старѣй-

шинъ. Онъ несомнѣнно подвинулъ впередъ объединеніе разныхъ племенъ и областей подъ властію одного княжескаго рода, т. е. подъ властію Игоревичей. Размѣщеніе сыновей, окруженнѣе своими союзниками и друзьями, представляло также значительныя удобства для сбора дани, суда, расправы и дляѣніи за защиты этихъ областей. Вотъ почему князья киевскіе обыкновенно еще при жизни своей раздавали волости сыновьямъ и родственникамъ. Изъ своего столичнаго города великий князь надзиралъ за ихъ управлениемъ, снабжалъ ихъ отчасти боярами и ратными людьми, и требовалъ отъ нихъ исправной присылки слѣдующихъ ему даней. Онъ оставался верховнымъ судьей и военачальникомъ для всѣхъ областей.

Въ личномъ своемъ управлении и попеченіи Владиміръ удерживалъ конечно область Киевскую. На югъ эта область граничила съ степями, въ которыхъ кочевали хищные Печенѣги. Своими набѣгами и опустошеніями варвары эти не давали покоя Русскому народу, и въ дѣятельной борьбѣ съ ними Владиміръ провелъ почти всю вторую половину своего княженія. Чтобы преградить имъ доступъ къ самому Киеву, онъ окружалъ послѣдній рядомъ укрѣпленныхъ мѣстъ; обновлялъ старые города (Корсунь, Бѣлгородъ) и строилъ новые по рѣкамъ: Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ, Стугнѣ (Васильевъ, Городецъ и пр.), наполняя ихъ переселенцами изъ другихъ областей. Построенные на границѣ степей городки и сторожевые курганы Владиміръ связывалъ между собою обычнымъ въ тѣ времена валомъ и частоколомъ; на извѣстныхъ пунктахъ въ этомъ валу находились свободныя для проѣзда мѣста или ворота, оберегаемыя заставами изъ ратныхъ людей. Такимъ образомъ онъ едва ли не первый изъ русскихъ князей устроилъ непрерывныя укрѣпленныя линіи, защищавшія предѣлы Руси отъ кочевниковъ. Русь пользовалась при этомъ случай безчисленными курганами, которые со временемъ еще Скиескихъ насыпались надъ могилами вождей и знатныхъ мужей.

Но валъ и частоколъ не всегда были надежною защитою отъ хищныхъ степенныхъ ордъ, и онъ нерѣдко врывались въ Киевскіе предѣлы. Лѣтопись сообщаетъ иѣко-

торыя отчасти баснословныя сказанія изъ этой борьбы съ кочевниками. Такъ во время одной встречи съ ними на Трубежѣ, около Переяславля, отличился какой то русской юноша, который одолѣлъ въ единоборствѣ печенѣжскаго великана. Въ другой разъ, подъ Васильевымъ, Владимиръ съ малою дружиною вышелъ противъ Печенѣговъ, былъ разбитъ и укрылся подъ какимъ то мостомъ. Въ этотъ день случился праздникъ Преображенія, и князь далъ обѣтъ построить въ его честь храмъ въ Васильевѣ, если спасется. Онъ исполнилъ свой обѣтъ, и, построивъ храмъ, цѣлые 8 дней праздновалъ его освященіе великими пирами, которые задавалъ своей дружинѣ и гражданамъ. Воротясь въ Киевъ, онъ устроилъ такие же пиры и для кіевскихъ гражданъ. Въ третій разъ, когда Владимиръ находился на сѣверѣ въ Новогородской области, Печенѣги воспользовались его отсутствіемъ, осадили Бѣлгородъ и думали взять его голодомъ. Сказаніе говоритъ, будто граждане по совѣту одного мудрого старца обманули дикарей, показавъ имъ два колодезя, одинъ съ медвяною сытой, а другой съ киселемъ (для устройства которыхъ собрали по горстки разнаго хлѣба и взяли изъ княжей медуши лукно меду); чѣмъ и принудили непріятелей отступить отъ города.

Постоянныя войны съ Печенѣгами заставили Кіевскаго князя сдержать значительныя дружины, свои и наемныя; послѣднія состояли преимущественно изъ Варяговъ. По поводу издержеекъ на ратныхъ людей лѣтопись сообщаетъ краткое, но выразительное преданіе. По ея словамъ, Владимиръ послѣ принятия христіанства изъ князя суроваго и мстительнаго сдѣлался такъ кротокъ и милостивъ, что, опасаясь грѣха, не хотѣлъ строго наказывать и тяжкихъ преступниковъ, ограничиваясь взиманіемъ виры, т. е. денежнай пени; отчего умножились на Руси разбои. Тогда епископы сказали ему, что онъ поставленъ на казнь злымъ и на милость добрымъ и что разбойниковъ должно казнить. Князь послушался, отмѣнилъ виры и началъ казнить убийцъ и грабителей. Но вслѣдствіи, когда усилились войны съ Печенѣгами, епископы и старцы посовѣтовали князю возобновить виры, чтобы употребить ихъ на коней и оружіе, и князь снова послушалъ ихъ совѣта.

Трудна была въ тѣ времена служба ратныхъ людѣй. Они должны были постоянно сторожить границы и всегда быть готовыми къ отпору степныхъ ордъ, а въ тоже время держать въ повиновеніи племена, подвластныя Киевской Руси. Извѣстно также, что введеніе христіанства во многихъ мѣстахъ не обошлось безъ сильныхъ мятежей и возстаній со стороны языческаго населенія. Владиміръ цѣнилъ военные заслуги; по словамъ лѣтописи, онъ очень любилъ свою дружину, постоянно соѣтствовалъ съ нею о земскихъ и ратныхъ дѣлахъ, щедро награждалъ и часто пировалъ съ нею въ своей гридницѣ. Лѣтопись прибавляетъ, будто княжескіе гриди, т. е. дружинники, разъ какъ то подпивъ за столомъ, возроптали на дѣревянныя ложки, и Владиміръ велѣлъ наковать для нихъ серебряные; причемъ замѣтилъ, что съ дружиною онъ добудетъ серебро и золото также какъ его отецъ и дѣдъ. Извѣстно, что Владиміръ и его богатыри сдѣлались героями былевыхъ народныхъ пѣсенъ на востокѣ Европы, подобно тому какъ Карлъ Великій и его паладины на западѣ. Народъ далъ ему название „ласковаго князя“ и „краснаго солнышка“. Но пѣсенный Владиміръ конечно далекъ отъ Владимира исторического. Въ пѣсняхъ смѣшаны преданія о разныхъ эпохахъ и событияхъ и отнесены къ одному Владиміру. Пѣсенные богатыри, окружающіе Владимира (Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и пр.) суть лица вымышенныя народной фантазіей; хотя некоторые пытались открыть въ нихъ лица историческія, и ссылались на лѣтописи, въ которыхъ упоминаются, напримѣръ, Рагдай Удалой и Александръ Позовичъ. Но послѣдніе встрѣчаются только въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, куда занесены очевидно изъ баснословныхъ преданій и народныхъ былинъ⁽²⁶⁾.

Продолжая упорную войну со степными варварами, Русь во вторую половину Владимірова княженія наслаждалась почти непрерывнымъ миромъ со своими западными сосѣдями: Поляками, Уграми и Чехами. Вниманіе и силы знаменитаго польскаго короля Болеслава Храбраго въ то время были отвлечены борьбою съ германскимъ императоромъ Генрихомъ II, который требовалъ отъ Польши вас-

сальной зависимости. Владѣнія чешскія при Болеславѣ II распространились на Моравію и Силезію; въ съверныхъ Карпатахъ, т. е. въ странѣ Бѣлохорватской, онѣ сходились съ владѣніями Русскими. Впрочемъ послѣ смерти Болеслава II (999) въ Чешской землѣ наступили смуты, и области эти были утрачены Чехами. Въ Уграхъ современникомъ Владимира былъ король Стефанъ, точно также знаменитый утвержденiemъ христіанства въ своемъ народѣ. Всѣ эти сосѣдnie народы, не исключая и Угровъ, первоначально приняли христіанство по восточному или греческому обряду; но стараніями латинскихъ миссіонеровъ, при помощи нѣмецкаго вліянія, были привлечены къ Западной или Римской церкви. Послѣдняя тоже самое пыталаась сдѣлать и съ Русскимъ народомъ. Нѣть никакого сомнѣнія, что латинскіе миссіонеры въ теченіе X вѣка проникали въ Киевъ и склоняли русскихъ князей къ принятію крещенія по католическому обряду. На это намекаетъ между прочимъ извѣстное сказаніе о томъ, какъ къ Владимиру приходили послы отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ своей вѣры; причемъ были и послы отъ Нѣмцевъ, предлагавшіе вѣру Римскую. Но связи съ Византіей и вообще греческое вліяніе были слишкомъ сильны, чтобы не взять верха надъ домогательствами Римской куріи.

Когда восточное православіе окончательно утвердилось въ Россіи вмѣстѣ съ крещеніемъ Владимира, папы все таки не оставили своихъ попытокъ. Этимъ попыткамъ благопріятствовали дружескія отношенія Руси къ Германской имперіи, а также родственные связи Владимира съ князьями Чешскими и Польскими. По крайней мѣрѣ мы видимъ рядъ посольствъ и миссій. Во времія Ольги русскіе послы встрѣчаются при дворѣ Оттона I; а за тѣмъ, какъ сказано выше, послѣдовала неудачная миссія нѣмецкаго епископа Адальберта. При Ярополкѣ, по извѣстію одного лѣтописнаго свода (Никоновскаго), въ Киевѣ приходили послы отъ папы Римскаго; что не одинъ разъ повторилось и при Владиміре. Послѣдній повидимому благодушно принималъ этихъ пословъ и миссіонеровъ, хотя и не показывалъ ни малѣйшей склонности перемѣнить греческій обрядъ на латинскій. Впрочемъ въ тѣ времена

раздѣлениѣ церквей, хотя и обозначилось, но еще не совершилось окончательно, и еще не было той жестокой вражды, которая обнаружилась впослѣдствіи.

Одинъ изъ нѣмецкихъ миссіонеровъ, приходившихъ въ Россію, оставилъ намъ любопытное извѣстіе о своемъ пребываніи въ ней. То былъ Брунъ, впослѣдствіи, подобно Войтеху, получившій мученическій вѣнецъ въ странѣ Литовцевъ, къ которымъ онъ отправился проповѣдывать христіанскую вѣру. Въ 1006 году Брунъ прибылъ въ Киевъ, былъ радушно принятъ княземъ, и провелъ здѣсь мѣсяцъ. Отсюда онъ рѣшилъ идти для проповѣди къ Печенѣгамъ. Тщетно Владимиръ отклонялъ гостя отъ его намѣренія, представляя ему всѣ опасности, которыхъ неминуемо постигнутъ его посреди этого дикаго и свирѣпаго народа. Наконецъ онъ уступилъ просьбамъ Бруна, и самъ съ военнымъ отрядомъ проводилъ его въ степь. Онишли два дня до южныхъ предѣловъ Кіевскаго княжества, которые были ограждены крѣпкимъ тыномъ или частоколомъ. Пройдя пограничную заставу князь съ боярами сошелъ съ коней и сталъ на одномъ курганѣ; между тѣмъ какъ Брунъ съ своими спутниками стоялъ на другомъ, держа въ рукахъ крестъ и возглашая молитвы. Здѣсь они разстались. Цѣлые пять мѣсяцевъ Брунъ провелъ въ Печенѣгскихъ степяхъ, подвергаясь побоямъ и всякимъ лишеніямъ, и неоднократно былъ близокъ къ мученической смерти, но спасенъ отъ нея старшинами варваровъ. Изъ четырехъ печенѣгскихъ ордъ, обитавшихъ на западѣ отъ Днѣпра, онъ обошелъ три орды, а изъ четвертой приходили къ нему вѣстники отъ старѣйшинъ. Ему удалось окрестить 30 человѣкъ. Повидимому Бруну помогало то обстоятельство, что онъ явился къ Печенѣгамъ какъ бы примирителемъ ихъ, съ великимъ княземъ Русскимъ. Варвары охотно склонялись на миръ, и будто-бы обѣщали даже всѣ принять христіанство, если этотъ миръ съ Русскимъ княземъ будетъ проченъ. По крайней мѣрѣ такъ говорилъ Брунъ по возвращеніи въ Кіевъ. По его просьбѣ Владимиръ отправилъ къ Печенѣгамъ въ заложники одного изъ собственныхъ сыновей, съ которымъ отправился и одинъ изъ спутниковъ Бруна, посвященный имъ во епископа.

Печенѣжскаго. Но очевидно христіанство не успѣло утвердиться въ средѣ степныхъ дикарей. Только нѣкоторые изъ знатныхъ Печенѣговъ, попавшіе въ пленъ или искавшіе въ Кіевѣ убѣжища отъ своихъ соперниковъ, принѣли крещеніе и вступили въ службу Русскаго князя.

Но католическое духовенство по характеру своему не могло ограничиться одними дружескими сношеніями съ Русью, и еще при Владімірѣ успѣло обнаружить свои неуклонные виды на присоединеніе Русской церкви къ Риму. Поводомъ къ тому послужилъ родственный союзъ Русскаго княжескаго дома съ Польскимъ. Владіміръ женилъ одного изъ своихъ сыновей, Святополка Туровскаго, на дочери польскаго короля Болеслава Храбраго. Польская княжна прибыла на Русь въ сопровожденіи Рейнберна, епископа Колобрежскаго (Кольбергскаго). Послѣдній, по всемъ признакамъ, началъ склонять къ переходу въ латинство Туровскаго князя и его приближенныхъ, и не безъ успѣха. Такъ какъ Святополкъ въ это время имѣлъ старшинство между сыновьями Владіміра, то ему принадлежало право на великое княженіе Кіевское по смерти отца, и слѣдовательно католицизму открывалась возможность съ его помощью и всю Русь отторгнуть отъ Греческой церкви. Замыслы эти втайне поддерживалъ тестъ Святополка король Болеславъ. Послѣдній повидимому желалъ, что бы зять его захватилъ великое Кіевское княженіе, не дожидаясь смерти Владіміра; при чёмъ онъ конечно надѣялся воспользоваться смутами, чтобы увеличить свои владѣнія на счетъ Руси. По крайней мѣрѣ, Владіміръ узналъ о какихъ то замыслахъ Святополка, и заключилъ его въ темницу вмѣстѣ съ его женою и епископомъ Рейнберномъ. Окончаніе этого дѣла неизвѣстно; но Святополкъ вѣроятно успѣлъ оправдаться; такъ какъ во времія Владіміровой кончины мы видимъ его на свободѣ (²⁷⁾.

Самая живая и непрерывная сношенія Руси при Владімірѣ были конечно съ Византіей. Отсюда юная Русская церковь получала иконы, священную утварь и мастеровъ для сооруженія храмовъ, а также пастырскія наставленія и самихъ епископовъ. Но сношенія эти не ограничивались церковными дѣлами и торговлей, которая безъ сомнѣнія

усилилась еще болѣе сравнительно съ прошлымъ време-
немъ. Между Кіевомъ и Царыградомъ установился тѣс-
ный политический союзъ. Со временемъ своего брака съ ца-
ревной Анной Владиміръ до конца жизни оставался са-
мымъ вѣрнымъ союзникомъ Византіи, и усерднымъ по-
мощникомъ ея противъ виѣщихъ враговъ. Знаменитый
императоръ Василій II Болгаробойца искусно пользовал-
ся русскою помощью и былъ обязанъ ей многими своими
успѣхами. Кажется, еще во время своего пребыванія
въ Корсуні Владиміръ отправилъ на помощь затю зна-
чительный отрядъ войска; ибо Василій, благодаря рус-
ской дружинѣ, уже въ 989 году успѣлъ подавить опасное
возстаніе Варды-Фоки. Затѣмъ мы встрѣчаемъ шести-
тысячный русскій отрядъ въ войскахъ Василія II во время
его похода въ Арmenію (1000 г.). Въ продолжительной
борьбѣ Василія съ возставшими противъ Грековъ Дунай-
скими Болгарами, съ ихъ энергичнымъ вождемъ Самуи-
ломъ и его преемниками русскія вспомогательныя войска
также принимали дѣятельное участіе. Въ этой помощи
снова сказалось превосходство высоко развитой государ-
ственной политики Византійцевъ надъ политикою ихъ слав-
янскихъ сосѣдей: Русь сама способствовала новому уни-
чиженію возраждавшейся независимости своихъ Дунай-
скихъ соплеменниковъ. Сообща съ Русью дѣйствовали
Греки и тамъ, где ихъ владѣнія соприкасались и имѣли
общаго непріятеля, т. е. въ Тавридѣ, противъ Хазаръ.
Въ рукахъ послѣднихъ еще оставалась здѣсь небольшая
область. Около времени Владиміровой кончины импера-
торъ послалъ флотъ и войско, съ которымъ соединились
Русскіе. Эти соединенные силы взяли въ пленъ самого
хазарскаго князя, по имени Георгія Чула, и завоевали
остатокъ хазарскихъ владѣній въ Тавридѣ (28).

Во времена Владимира усилилось на Руси значеніе вар-
яжскихъ наемныхъ дружинъ. Извѣстно, что съ ихъ по-
мощью онъ завоевалъ себѣ Кіевское княженіе; съ тѣхъ-
поръ наемные Варяги въ значительномъ числѣ присут-
ствуютъ не только на сѣверѣ, въ Новгородѣ, но также и
въ Кіевѣ на службѣ великаго князя. Кромѣ платы и по-
честей наиболѣе заслуженные или наиболѣе знатные Нор-

манны награждаемы были иногда намѣстничествомъ въ русскихъ городахъ; нѣкоторые изъ нихъ навсегда поселились въ Россіи. Русскіе князья нерѣдко вступали въ дружескія и родственныя связи съ Норманскими конунгами. При частыхъ междуусобіяхъ и борьбѣ за королевскій престолъ въ самой Скандинавіи, обиженные, угнетенные противною стороною принцы Скандинавскіе иногда искали пріюта на востокѣ, въ странѣ Гардовъ. Такъ, по извѣстію исландскихъ сагъ, Олавъ, сынъ норвежскаго короля Тригвія, гонимый врагами, еще въ отроческихъ лѣтахъ нашелъ убѣжище на Руси. Въ числѣ бояръ Владимира-выхъ онъ встрѣтилъ даже роднаго дядю Сигурда, брата своей матери Аѣтриды. Олавъ воспитался при Киевскомъ дворѣ; потомъ отличился своими подвигами на службѣ Владимира, и сдѣлался однимъ изъ его военачальниковъ. Но его возвышение и любовь къ нему великаго князя возбудили ревность и нареканія русскихъ бояръ. Тогда Олавъ покинулъ Россію. Впослѣдствіи онъ принялъ крещеніе; послѣ многихъ превратностей и приключеній завладѣлъ норвежскимъ престоломъ, и усердно началъ вводить христіанство въ своеемъ королевствѣ. Между тѣмъ изгнанный имъ изъ Норвегіи ярлъ Эрикъ собралъ дружи-ну, и напалъ на сѣверозападные предѣлы Руси. Онъ захватилъ городъ Ладогу, четыре года грабилъ отсюда со-сѣднія Новгородскія волости и воевалъ съ Владимиromъ; но наконецъ принужденъ былъ удалиться.

Городъ Ладога (Альдейгаборгъ Скандинавскихъ сагъ) вообще служилъ главнымъ пристанищемъ для тѣхъ Варяговъ, которые плавали въ Новгородскій край или, какъ они его называли, въ Гольмгардъ. Здѣсь они вели тор-говлю съ Новгородцами, покупали у нихъ дорогіе мѣха и разныя ткани, привозимыя въ Россію съ востока изъ мусульманскихъ странъ или съ юга изъ Византіи. По крайней мѣрѣ въ сагахъ не однажды встречаются раска-зы о скатертяхъ, коврахъ, златотканыхъ одѣженахъ и другихъ драгоцѣнныхъ товарахъ, которые покупались варяжскими торговцами въ Гольмгардѣ для скандинавскихъ конунговъ. Изъ Ладоги многіе Варяги отправлялись въ Новгородъ, особенно по зимнему пути; такъ какъ плава-

ніе вверхъ по Волхову было затруднительно по причинѣ пороговъ. Весною, со вскрытиемъ водъ, они возвращались въ Ладогу, исправляли свои суда и отплывали на родину или отправлялись на морской разбойничій промыселъ. Одни и тѣ же люди, смотря по обстоятельствамъ, занимались торговлею или нанимались въ русскую военную службу; а при случаѣ тѣ же Варяги обращались въ пиратовъ, и грабили русскіе предѣлы; какъ это показываетъ война Эрика съ Владиміромъ. Восточные берега Балтійского моря, т. е. страны Кареловъ, Эстовъ и Курановъ, въ особенности служили поприщемъ столкновенія между русскими князьями и норманскими конунгами; ибо и тѣ и другіе хотѣли собирать дани въ этихъ странахъ. Кромѣ двухъ водяныхъ путей въ Восточную Европу, Нево-Ладожскаго и Западно-Двинскаго, Норманы проложили морской путь къ самымъ сѣвернымъ краямъ Восточной Европы: ихъ торговцы и пираты огибали Норвегію, входили въ Бѣлое море и приставали къ берегамъ Сѣверной Двины. Здѣсь, по извѣстію исландскихъ сагъ, лежала обширная Біармія, которую эти баснословные рассказы изображаютъ богатою страною, изобилующею мѣхами, серебромъ и золотомъ (29).

По нѣкоторымъ признакамъ, Владиміръ Великій подъ конецъ своего княженія уже не такъ ласкалъ Варяговъ и покровительствовалъ имъ какъ въ началѣ, когда онъ съ ихъ помощью утверждалъ свою власть. Съ одной стороны надменность и жадность этихъ наемниковъ, съ другой неудовольствие на ихъ возвышеніе, обнаруженное кореннымыми русскими боярами и дружинниками, охладили къ немъ Владимира во вторую половину его княженія. Но Варягамъ скоро представился новый случай показать свою силу и свое значеніе на Руси. Не безъ связи съ варяжскими отношеніями, какъ надобно полагать, возникло непопытвеніе одного изъ сыновей Владимира, отравившее отцу послѣдніе дни его жизни.

Трудно, почти невозможно было Кіевскому князю удержать въ полномъ подчиненіи всѣ русскія области, разбросанныя на огромномъ пространствѣ отъ Ладожскаго озера до Карпатскихъ и Кавказскихъ горъ. Раздача этихъ

областей въ намѣстничество членамъ одного рода хотя и подвинула, впередъ дѣло объединенія Восточной Европы подъ владычествомъ Русскаго племени; но въ тоже времѧ имѣла своимъ послѣдствиемъ неизбѣжныя междуусобія. Энергія и могучая воля Владимира поддерживали согласіе въ его семье до тѣхъ поръ, пока онъ бодро стоялъ во главѣ своихъ дружинъ, всегда готовый строго наказать всякую попытку неповиновенія. Физическая наслажденія, которымъ онъ предавался особенно въ молодости, а также тяжелые походы и великие труды подточили его организмъ, и безъ того не отличавшійся богатырскимъ сложеніемъ (о чемъ свидѣтельствуетъ латино-нѣмецкій лѣтописецъ Дитмаръ). Болѣзни начали удрученіе его.

Первая попытка къ отложенію отъ Киева произошла тамъ, где всего естественнѣе было ея ожидать, т. е. въ Новгородѣ. При своей отдаленности, при подвижномъ, промышленномъ характерѣ своего населенія, Новгородскій край всегда тяготился зависимостью отъ южной Руси и большими данями, которыми обложилъ его великий князь Киевскій. Со времени введенія христіанства вражда къ югу усилилась; такъ какъ въ Новгородѣ еще жила многочисленная языческая партія, только по наружности принявшая крещеніе. Мы знаемъ, что великие князья кievскіе содержали въ Новгородѣ наемную варяжскую дружину, что бы обуздывать беспокойную сѣверную Русь. Но эта наемная сила въ рукахъ честолюбиваго новгородскаго намѣстника или удѣльного князя увеличивала средства для борьбы съ самимъ великимъ княземъ Киевскимъ; что на самомъ себѣ испыталъ Владимиръ въ молодости. По его стопамъ пошелъ и сынъ его Ярославъ. Находясь въ постоянномъ общеніи съ Норманнами, Ярославъ приобрѣлъ себѣ друзей между ихъ вождями, и связи свои съ Скандинавіей скрѣпилъ женитьбою на Ингигердѣ, дочери шведскаго короля Олава Скѣткокунга. Исландскія саги рассказываютъ, что переговоры объ этомъ бракѣ длились довольно долго, и невѣста согласилась на него только послѣ разныхъ условій. Между прочимъ она вы требовала себѣ въ вѣно городъ Альдейгаборгъ или Ладогу. Ингигерда отправилась въ Гольмгардъ съ большою свитою,

во главѣ которой поставила своего родственника ярла Рагенвальда; послѣдній и получилъ отъ нея въ управление Альдейгаборгъ съ его областью. Саги изображаютъ Ингигерду женщиной гордой, умной и рѣшительной: она не замедлила пріобрѣсти большое вліяніе на своего мужа Ярослава. Очень вѣроятно, что не безъ этого вліянія послѣдній еще при жизни отца задумалъ отложитьсь отъ Киева и сдѣлаться независимымъ, самостоятельнымъ государемъ обширной Новогородской области. Его поддерживали въ этомъ намѣреніи стремленіе самихъ Новогородцевъ къ независимости отъ Киева, а также надежда на варяжскую помощь. Обстоятельства благопріятствовали ему и въ другомъ отношеніи: вниманіе и силы Киевской Руси были отвлекаемы къ южнымъ предѣламъ почти постоянною борьбою съ Печенѣгами. Какъ бы то ни было, Ярославъ вдругъ отказался платить великому князю установленную съ Новогорода ежегодную дань въ 2000 гривенъ.

Владимиръ весьма разгневался на сына, и велѣлъ исправлять пути для своего войска, которое хотѣлъ вести лично. Съ обѣихъ сторонъ начались ратныя приготовленія. Но силы измѣнили старому князю: онъ такъ заболѣлъ, что слегъ въ постель. Въ то же время пришло извѣстіе о новомъ нападеніи Печенѣговъ. Владимиръ отправилъ противъ нихъ киевскую рать подъ начальствомъ сына Бориса. Послѣднему хотя и была назначена въ удѣль Ростовская область; но отецъ очень его любилъ и держалъ при себѣ, также какъ и Глѣба Муромскаго, единогубробнаго Борису. Вслѣдъ за тѣмъ старый князь скончался, не достигши еще глубокой старости, но переживъ многихъ своихъ женъ, сыновей, даже внуковъ, въ томъ числѣ и христіанскую свою супругу, греческую царевну Анну. Любимымъ мѣстопребываніемъ Владимира Великаго было загородное село Берестово, гдѣ и застигла его кончина лѣтомъ 1016 года. Бояре проломали полъ въ теремѣ; завернули тѣло князя въ коверъ, спустили внизъ на веревкахъ, и отвезли его въ киевскій Десятинный храмъ Богородицы. Здѣсь оно было заключено въ мраморную гробницу, устроенную по образцу византійскихъ саркофаговъ, которая и была поставлена въ церкви рядомъ съ гробницею супру-

ти его Аны. Лѣтописецъ повѣствуетъ о безчисленномъ стеченіи народа при погребеніи знаменитаго князя; всѣ плакали и стенали отъ боярина до послѣдняго простолюдина. Нѣтъ сомнѣнія, что печаль была непрітворная; ибо хоронили государя щедраго, ласковаго, даровавшаго народу долголѣтній внутренній миръ и побѣду надъ виѣшними врагами, а главное, распространившаго свѣтъ христіанской религіи. Это былъ поистинѣ великий человѣкъ. Печаль народа усиливалась неопредѣленнымъ положеніемъ, въ которомъ оставалась Русская земля, опасеніемъ кровавыхъ раздоровъ и бѣдствій, которыхъ скоплялись надъ нею (30).

IV.

ЯРОСЛАВЪ I И ВОДВОРЕНИЕ УДѢЛЬНАГО ПОРЯДКА.

Святополкъ. Убиеніе Бориса и Глѣба. Ярославъ въ Киевѣ. Вмѣшательство Болеслава Храбраго. Торжество Ярослава. Мстиславъ Чѣрный. Единодержавіе Ярослава. Послѣдній морской походъ на Византию. Тѣсныя связи съ Норманнами. Устроеніе церковное. Дѣленіе на удѣлы. Изяславъ и другіе сыновья Ярослава. Ростиславъ Тмутрапанскій и Всеславъ Полодкій.

Услыхавъ о кончинѣ Владимира, Святополкъ Туровскій прискакалъ немедленно въ Киевъ, и сѣлъ на великороссийскомъ столѣ какъ старшій въ родѣ. Онъ началъ щедро одѣлять подарками знатнѣйшихъ гражданъ, что бы привлечь киевлянъ на свою сторону. Но они обнаруживали колебаніе. Имъ хорошо была известна нелюбовь Владимира къ Святополку; можетъ быть, покойный князь и не прочилъ его на киевскій столъ. Притомъ киевская рать находилась тогда въ походѣ съ Борисомъ, и граждане не знали еще, признаютъ ли Борисъ и войско Святополка великимъ княземъ. Послѣдній послалъ къ брату гонцовъ съ вѣстю о смерти отца и съ лестными предложеніями, т. е. съ обѣщаніями увеличить его удѣлья. Но опасенія съ этой стороны оказались напрасными. Борисъ не встрѣтилъ Печенѣговъ, и, возвращаясь назадъ, сталъ лагеремъ недалеко отъ города Переяславля на рѣчкѣ Алѣтѣ, впадающей въ Трубежъ. Этотъ добродушный, благочестивый князь былъ опечаленъ смертю родителя, и не питалъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ. Нѣкоторые дружиинники изъявили желаніе посадить его на киевскій столъ; но Борисъ отвѣталъ, что не подниметъ ру-

ки на брата старѣйшаго, котораго считаетъ себѣ „въ отца мѣсто“. Тогда войско, повидимому недовольное его уступчивостію, разошлось по домамъ, и онъ остался на берегу Альты съ немногими отроками.

Захвативъ въ свои руки великое княженіе, Святополкъ спѣшилъ не только обеспечить его за собою, но и по возможности завладѣть удѣлами другихъ братьевъ, т. е. установить единодержавіе. Средства, которыя онъ избралъ для этого, были согласны съ его вѣроломнымъ, свирѣпымъ характеромъ. Такимъ образомъ почти съ самыхъ первыхъ страницъ нашей исторіи мы видимъ на Руси постоянно возобновлявшуюся борьбу двухъ началъ: единодержавнаго и удѣльного, борьбу, которая происходила тогда и у другихъ Славянскихъ народовъ. Кроме примѣра самого Владимира Великаго, Святополкъ имѣлъ предъ глазами еще подобные же примѣры: въ Чехіи, гдѣ Болеславъ Рыжій пытался истребить своихъ братьевъ, и въ Польшѣ, гдѣ тестъ Святополка, Болеславъ Храбрый, дѣйствительно успѣлъ частію изгнать, частію ослѣпить братьевъ и такимъ образомъ сдѣлаться единовластителемъ. Очень можетъ быть, въ своихъ замыслахъ Святополкъ былъ ободряемъ собственнымъ тестемъ, который надѣялся теперь не только захватить часть русскихъ земель, но и угодить Римской церкви введеніемъ католичества въ Россіи при помощи своего зятя.

Не полагаясь на кіевскую дружину, Святополкъ отправился въ ближній Вышгородъ, и склонилъ вышгородскихъ бояръ помочь ему въ его намѣреніяхъ. Здѣсь нашлось нѣсколько злодѣевъ, которые взяли на себя избавить его отъ Бориса; то были Путша, Талецъ, Еловичъ и Ляшко, частію не русскаго (м. б. ляшскаго) происхожденія, если судить по ихъ именамъ. Съ отрядомъ вооруженныхъ людей они отправились на Альту, ночью напали на шатёръ Бориса и убили его вмѣстѣ съ нѣсколькими его отроками. Любопытно, что въ числѣ его убийцъ упоминаются два варяга, подобно тѣмъ двумъ варягамъ, которые убили Ярополка. Эти продажные люди играли немаловажную роль въ русскихъ междуусобіяхъ того времени, и нерѣдко служили орудіемъ разна-

го рода злодѣйствъ. Не смѣя показать тѣло Бориса Киевлянинъ, Святополкъ велѣлъ отвезти его въ Вышегородскій замокъ и похоронить тамъ подлѣ церкви св. Василія. Почти въ одно время съ Борисомъ погибъ и младшій его братъ Глѣбъ, котораго Владимиръ по его молодости держалъ при себѣ въ Киевѣ. При первыхъ признакахъ опасности юный князь сѣлъ съ нѣсколькоими отроками въ ладью, и поспѣшилъ изъ Киева въ свой Муромскій удѣлъ. Но Святославъ послалъ за нимъ погоню по Днѣпру. Она настигла Глѣба около Смоленска; отроки молодаго князя оробѣли, и собственный его поваръ, родомъ Торчинъ, по приказанію Горячѣра, начальника погони, зарѣзalъ Глѣба. Тѣло его было заключено между двумя колодами (т. е. выдолбленными обрубками), и зарыто въ лѣсу на берегу Днѣпра. Точно также Святополку удалось погубить еще одного брата, Святослава Древлянского. Послѣдній думалъ спастись бѣгствомъ къ Угорскому королю; погоня настигла его гдѣ то около Карпатскихъ горъ и умертила (³¹). Но съ нимъ окончилось злодѣйское истребленіе братьевъ. Отпоръ дальнѣйшимъ предпріятіямъ Святополка долженъ былъ послѣдовать съ сѣвера отъ сильнаго Новгородскаго князя.

Средства, собранныя для борьбы съ отцомъ, Ярославъ употребилъ на борьбу съ Святополкомъ. Онъ и его супруга Ингигерда слишкомъ потакали наемнымъ Варягамъ. Послѣдніе своею жадностію, высокомѣрiemъ и разнаго рода насилиями, особенно въ отношеніи женскаго пола, возбуждали противъ себя ненависть и иногда кровавое возмездіе со стороны Новгородцевъ. Князь въ такихъ случаяхъ принималъ сторону наемниковъ, и казнилъ многихъ гражданъ. Однако Новгородцы не отказали ему въ помоши деньгами и войскомъ, лишь бы не подчиниться Киевскому князю, не платить ему тяжкихъ даней и не принимать къ себѣ его посадниковъ. Около этого времени къ Ярославу прибыли съ небольшою дружиною два норвежскихъ витязя, Эймундъ и Рагнаръ; они вступили въ его службу на известный срокъ, выговоривъ себѣ, кроме обильного снабженія сѣбѣстными припасами, еще известное количество серебра на каждого воина; по

недостатку серебра эта наемная плата могла быть выдана имъ дорогими мѣхами, бобровыми и собольими. По словамъ хвастливой исландской саги, Эймундъ съ своими товарищами будто бы игралъ первую роль въ успѣшной борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ (32).

Встрѣча съверного ополченія съ южнымъ произошла на берегахъ Днѣпра подъ Любечемъ. Святополкъ кромѣ собственной рати привелъ съ собою наемныхъ полчища Печенѣговъ. Долго два ополченія стояли на противоположныхъ берегахъ рѣки, не решаясь перейти ее. Иногда, по обычаю того времени, они осыпали другъ друга насмѣшками и бранью. Напримѣръ, южные ратники кричали Новогородцамъ: „Эй вы плотники! Что пришли съ своимъ хромцемъ? (Ярославъ былъ хромъ). Вотъ мы заставимъ васъ рубить намъ хоромы!“ Наступили морозы, Днѣпръ сталъ покрываться льдомъ, начинался недостатокъ въ сѣвѣстныхъ припасахъ. Изворотливый Ярославъ между тѣмъ пріобрѣлъ себѣ пріятелей въ лагерѣ Святополка, отъ которыхъ получалъ вѣсти. Однажды ночью онъ переправился черезъ Днѣпръ, и напалъ на противника въ то время, когда тотъ не ожидалъ. Съверные ратники имѣли головы перевязанные убрусами, что бы отличать своихъ отъ непріятелей. Съча была упорная. Печенѣги, стоявшіе гдѣ то за озеромъ, не могли приспѣть во время. Къ утру Святополкъ былъ совершенно разбитъ и обратился въ бѣгство. Ярославъ вступилъ въ Киевъ, и занялъ великороссийскій столъ; послѣ чего щедро наградилъ Новогородцевъ, и отпустилъ ихъ домой (1017 г.). Но это было только начало борьбы. Святополкъ нашелъ убѣжище и помощь у своего тестя Болеслава Храбраго. Болеславъ былъ радъ слышать вѣда Руси и воспользоваться ея смутами; но онъ находился тогда въ войнѣ съ германскимъ императоромъ Генрихомъ II. Императоръ также хотѣлъ воспользоваться обстоятельствами, и предложилъ Ярославу напасть на ихъ общаго врага, короля Польскаго. Ярославъ дѣйствительно началъ войну съ Поляками, но почему то вѣль ее вяло и нерѣшительно. Недовольный имъ, Генрихъ II заключилъ миръ съ Болеславомъ. Тогда послѣд-

ній поспѣшилъ напасть на Русскаго князя, ведя съ собою кроме польской рати еще дружины Нѣмцевъ, Угровъ и Печенѣговъ. Ярославъ встрѣтилъ его на берегахъ Буга. По словамъ лѣтописи, воевода Ярослава Будый, глуумясь надъ противникомъ, кричалъ Болеславу: „Вотъ мы проткнемъ трескою (копьемъ) чрево твое толстое“. Польскій король былъ очень тученъ, такъ что едва могъ сидѣть на конѣ. Именно эта брань будто бы побудила его стремительно переплыть рѣку и напасть на Ярослава. Послѣдній былъ разбитъ и ушелъ опять на сѣверъ, въ свой Новгородъ. Кіевъ послѣ непродолжительной осады сдался Болеславу, который возстановилъ зятя на великокняжескомъ престолѣ. Здѣсь Польскій король захватилъ часть Ярославова семейства и его сестеръ, изъ которыхъ одну, именно Предиславу, сдѣлалъ своей наложницей, изъ мести: онъ когда то просилъ ея руки, но получилъ отказъ по различію вѣроисповѣданія.

Часть польской рати была размѣщена по русскимъ городамъ. Пребываніе ея вскорѣ сдѣжалось болѣшою тягостью для жителей. Самъ Святополкъ очевидно былъ недоволенъ тестемъ, который распоряжался на Руси какъ завоеватель. По городамъ начались кровавыя столкновенія жителей съ Поляками и избіеніе послѣднихъ. Тогда Болеславъ покинулъ Кіевъ и ушелъ, обремененный огромною добычею и множествомъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ были и сестры Ярослава. Онъ удержалъ за собою нѣкоторыя пограничныя области, напримѣръ, Червенскіе города.

Между тѣмъ Ярославъ не терялъ времени въ Новгородѣ, и собиралъ новыя силы. Лѣтопись говоритъ, что послѣ своего пораженія онъ хотѣлъ даже бѣжать за море къ Варягамъ; но Новгородцы съ своимъ посадникомъ Консентинымъ, сыномъ Добрыни, не пустили его, изрубивъ приготовленныя имъ ладьи. Они изъявили готовность снова биться за Ярослава и жертвовать имуществою для найма воиновъ, лишь бы не покориться Святополку. Начали собирать деньги: простые граждане были обложены взносомъ на войско по 4 куны, старости по 10 гривенъ, а бояре по 18 гривенъ. Призвали изъ за моря новыя дружины

Варяговъ. Но успѣху Ярослава болѣе всего помогъ упомянутый раздоръ Святополка съ Болеславомъ. Когда сѣверное ополченіе снова пошло на Киевъ, Святополкъ, нелюбимый Киевлянами, искалъ помощи у Печенѣговъ, и нанялъ многочисленныя ихъ толпы. Онъ встрѣтилъ Ярослава на берегу Альты, уже знаменитой убієніемъ Бориса. Лѣтопись говоритъ, что сѣча была злая и возобновлялась три раза, и что кровь обильно текла по удольямъ. Дрались цѣлый день, и только въ вечеру Ярославъ одолѣлъ. Святополкъ Окалиный бѣжалъ на западъ, къ Чехамъ; но умеръ гдѣ то на дорогѣ. По всѣмъ признакамъ это былъ злодѣй далеко недуженный (33).

Только послѣ смерти Святополка Ярославъ прочно утвердился на Киевскомъ столѣ, и, какъ выражается лѣтопись, „утеръ пота съ своей дружиной“. Но междуусобія въ семье Владимира еще не кончились. Обширныя владѣнія Ярослава возбуждали зависть въ остальныхъ его родственникахъ. Въ Полоцкѣ княжилъ въ то время племянникъ его Брячиславъ Изяславичъ. Онъ объявилъ притязанія на часть новгородскихъ областей; получивъ отказъ, напалъ на Новгородъ, взялъ его и разграбилъ (1021 г.). Вѣсть о приближеніи Ярослава съ войскомъ побудила Брячислава удалиться изъ Новгорода; но онъ захватилъ съ собою большое количество пленниковъ и заложниковъ. Въ Псковской области на рекѣ Судомѣ Ярославъ нагналъ Полоцкаго князя, поразилъ его, и освободилъ новгородскихъ пленниковъ. Послѣ того они заключили миръ, по которому Ярославъ увеличилъ Полоцкое княженіе городомъ Витебскомъ съ его волостью.

Едва окончилась война съ Полоцкимъ княземъ, какъ выступилъ другой соперникъ, борьба съ которымъ оказалась гораздо труднѣе. То былъ младшій братъ Ярослава, Мстиславъ Черный, князь Тмутраканскій, успѣвшій прославить себя богатырскими подвигами въ борьбѣ съ Таврическими и Кавказскими Черкесами, известными въ лѣтописяхъ подъ именами Козарь и Касоговъ. Между прочимъ лѣтописецъ нашъ сохранилъ преданіе о его войнѣ съ сосѣднимъ касожскимъ княземъ Редедею. По обычаю того времени общее сраженіе замѣнялось иногда еди-

ноборствомъ. Подобное единоборство сильный Редедя предложилъ Мстиславу. Они схватились. Мстиславъ одолѣлъ, бросилъ противника на землю и закололъ его ножомъ. По условію онъ взялъ семейство Редеди и все его имѣніе, а Касоговъ обложилъ данью. По возвращеніи въ Тмутракань князь построилъ церковь Богородицы, исполняя обѣтъ, который далъ въ трудную минуту своего поединка. Этотъ-то воинственный князь объявилъ притязанія на раздѣлъ русскихъ земель по ровну, и пошелъ на Киевъ во главѣ своей болгаро-русской дружины и черкесской конницы. Встрѣтивъ мужественное сопротивленіе со стороны Киевлянъ, Мстиславъ обратился на Черниговъ, взялъ его и сдѣлалъ своимъ столичнымъ городомъ. Ярослава въ то время не было въ Киевѣ. Онъ находился на сѣверѣ, и усмирялъ мятежъ въ Сузdalской землѣ. Тамъ случился сильный голодъ, и волхвы возмутили народъ, который еще былъ преданъ своей старой языческой религіи. Суевѣрные люди бросились избивать старухъ, которыхъ по словамъ волхвовъ причинили голодъ своимъ колдовствомъ. Ярославу удалось схватить многихъ волхвовъ, и частію казнить ихъ, частію заточить. А между тѣмъ изъ Камской Болгаріи купцы навезли много жита; тогда голодъ прекратился, и мятежъ утихъ. Это было въ 1024 году.

Въ Новгородѣ великий князь собралъ рать противъ Мстислава, и призвалъ изъ за моря наемныхъ Варяговъ. Они пришли подъ начальствомъ знатнаго витязя Якуна (т. е. Гакона), который обратилъ на себя вниманіе Русскихъ своею красивою наружностію и златотканою лудою или верхнею одеждю. Мстиславъ встрѣтилъ сѣверную рать недалеко отъ Чернигова у мѣстечка Листвена, и напалъ на нее въ темную бурную ночь, когда свирѣпствовала сильная гроза съ дождемъ. Въ чѣлѣ сѣверной рати стояла Варяжская дружина; Мстиславъ выставилъ противъ нея Черниговское или Сѣверское ополченіе. Объ это мужественное ополченіе разбилась неукротимая храбрость Норманновъ. Тмутраканскій князь остался побѣдителемъ; Ярославъ и Якупъ спаслись бѣгствомъ; при чемъ послѣдній потерялъ свою золотую луду. Осмотривая поутру поле битвы, Мстиславъ выразилъ особую радость тому, что

наибольшее число павшихъ пришлось на долю Сѣверянъ и Варяговъ; а его собственная тмутрацкая дружина осталась цѣла. Ярославъ снова удалился въ свой вѣрный Новгородъ. Побѣдитель послалъ сказать ему, что признаѣтъ его старшинство и ненамѣренъ добиваться Кієва. Однако Ярославъ не довѣрялъ брату, и воротился въ Кіевъ только во главѣ вновь собраннаго на сѣверѣ сильнаго ополченія. Тогда между братьями состоялся договоръ, по которому они раздѣлили между собою Русскую землю, назначивъ границею рѣку Днѣпръ: области, лежавшія на восточной сторонѣ Днѣпра, были уступлены Мстиславу (1025 г.).

Съ того времени братья жили дружно между собою, и общими силами воевали виѣшнихъ враговъ. Между промъ они вмѣстѣ ходили на Ляховъ. Въ тотъ годъ, когда братья помирились, скончался Болеславъ Храбрый, вскорѣ послѣ своего торжественнаго коронованія королевскимъ вѣнкомъ. Преемникъ его Мечиславъ II не былъ способенъ удержать завоеванія отца и внушить уваженіе сосѣдямъ. Со всѣхъ сторонѣ поднялись на него сосѣдніе народы, которые хотѣли воротить ту или другую отнятую у нихъ землю, а именно: Чехи, Угры, Нѣмцы и Русь. Ярославъ въ свою очередь воспользовался обстоятельствами; вмѣстѣ съ братомъ онъ повоевалъ пограничную Польскую землю, и воротилъ Руси Червенскіе города. Братья привели изъ польскаго похода большое число пленниковъ; часть ихъ, доставшуюся на долю Ярослава, онъ поселилъ по рѣкѣ Рости въ городкахъ, построенныхъ для защиты отъ степныхъ варваровъ. Взаимное согласіе братьевъ продолжалось до самой смерти Мстислава Чернаго, который однажды на охотѣ сильно заболѣлъ, и вскорѣ умеръ (1036). Лѣтописецъ говоритъ, что Мстиславъ отличался тучностію, румянымъ лицомъ и большими глазами, былъ очень храбръ и ласковъ къ своей дружинѣ, для которой не щадилъ ни имѣнія, ни питія, ни брачна. Онъ не оставилъ послѣ себѣ наследниковъ, и всѣ его земли достались Ярославу. Въ томъ же году послѣдній засадилъ въ порубъ, т. е. въ темницу, брата своего Судислава Псковскаго, неизвѣстно по какой причинѣ, вѣроятно за его притязанія на раздѣль

земель. Такимъ образомъ великий князь Кіевскій еще разъ соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ русскія области, за исключеніемъ Полоцкаго удѣла; и сталъ властителемъ единодержавнымъ. Это единовластіе дало Русской землѣ тишину внутри и силу противъ вышнихъ враговъ.

Въ самый годъ Мстиславовой смерти, когда великий князь отлучился въ Новгородъ, Печенѣги воспользовались его отсутствіемъ и въ большомъ числѣ подступили къ Кіеву. Получивъ о томъ извѣстіе, Ярославъ поспѣшилъ на помощь стольному городу съ Варягами и Новогородцами. Онъ далъ рѣшительную битву варварамъ подъ самыми стѣнами Кіева. Въ центрѣ его войска стояли Варяги, на правомъ крылѣ Кіевляне, на лѣвомъ Новогородцы. Послѣ упорной сѣчи Печенѣги потерпѣли полное пораженіе; во время бѣгства много ихъ перетонуло въ Сѣтомли и въ другихъ близкихъ рѣчкахъ. Со времени этой великой битвы лѣтопись уже не упоминаетъ болѣе о печенѣжскихъ набѣгахъ на Кіевскую область.

При Ярославѣ Русь увеличилась пріобрѣтеніемъ новыхъ земель и данниковъ, особенно на сѣверѣ въ странѣ Финскихъ племенъ. Между прочимъ Ярославъ, еще при жизни Мстислава, ходилъ на Чудь, обитавшую на западной сторонѣ Чудскаго озера, и, чтобы утвердить здѣсь свое господство, построилъ городъ, который назвалъ Юрьевымъ въ честь своего ангела; ибо христіанскоѳ его имя было Юрій или Георгій (1031). А, спустя лѣтъ 10 или 11, онъ послыаетъ въ ту же сторону своего сына Владимира Новогородскаго для завоеванія сосѣдняго съ Чудью финскаго народца Ямы, жившаго около Финскаго залива. Походъ хотя и былъ побѣдоносенъ; но дружина Владимира воротилась почти безъ коней, вслѣдствіе постигшаго ихъ сильнаго падежа. О русскихъ походахъ на сѣверовостокъ къ Уральскому хребту свидѣтельствуетъ извѣстіе о какомъ то Ульбѣ, который въ 1032 году ходилъ изъ Новгорода за такъ наз. Желѣзныя ворота, безъ сомнѣнія на лодкахъ по рѣкамъ; но въ этомъ походѣ потерялъ большую часть своей дружины (³⁴).

На западныхъ предѣлахъ Руси Ярославъ долженъ былъ укрощать своихъ беспокойныхъ сосѣдей, Литву и Ятвя-

говъ. По крайней мѣрѣ летопись упоминаетъ о его предпріятіяхъ въ ту сторону, вызванныхъ вѣроятно набѣгами этихъ племенъ. Кроме того онъ совершилъ нѣсколько судовыхъ походовъ въ Мазовію. Въ Польшѣ по смерти Мечислава II (1034) наступили жестокія смуты: вельможи изгнали его сына Казиміра, и начали самовольствовать. Чехи спѣшили воспользоваться этой анархіей, чтобы увеличить свои предѣлы на счетъ Поляковъ. Наконецъ Казиміръ съ помощью Нѣмцевъ воротилъ свой престолъ; онъ прекратилъ анархію; но не могъ усмирить нѣкого Моислава, который захватилъ Мазовію и хотѣлъ быть ея независимымъ властителемъ. Казиміру въ этомъ случаѣ помогъ родственныій союзъ съ Ярославомъ. Послѣдній выдалъ за польского короля свою сестру Марию (1043), которая по томъ перешла въ католичество и извѣстна у Поляковъ подъ именемъ Доброгнѣвы. Казиміръ вмѣсто вѣна, т. е. брачнаго подарка, возвратилъ Кіевскому князю 800 русскихъ плѣнниковъ, которые были взяты въ прежнихъ войнахъ. А Ярославъ помогъ ему усмирить Мазовію, куда онъ ходилъ два или три раза; при послѣднемъ походѣ Моиславъ былъ убитъ (1047). Союзъ съ Польшею былъ еще скрѣпленъ женитьбою Ярославова сына Изяслава на сестрѣ Казиміра (35).

Ярославово княженіе, между прочимъ, ознаменовалось послѣднимъ большимъ походомъ русскаго флота на Византію.

Послѣ Владимира Русь нѣкоторое время еще оставалась вѣрною союзницею Византіи, и вспомогательныя русскія дружины не разъ встрѣчаются въ ея войнахъ. Дружественные связи поддерживались взаимными торговыми выгодами: русскіе гости проживали въ Константинополѣ, греческіе приходили въ Кіевъ. Со временеми крещенія Руси къ военнымъ и торговымъ сношеніямъ прибавились и дѣятельныя сношенія церковные. Эти дружескія связи нарушены были въ 1043 году. Въ Константинополѣ изъ за чего то произошелъ споръ съ нѣкоторыми русскими торговцами; отъ спора дѣло дошло до драки, и одинъ изъ почетнѣйшихъ русскихъ гостей былъ убитъ. Отсюда возникло неудовольствіе между обоими правительствами. На

византійскомъ престолѣ въ то время сидѣлъ Константина Мономахъ, третій супругъ императрицы Зои. Извѣстно, что Зоя и ея незамужняя сестра Феодора, дочери Константина IX и племянницы Василія II Болгаробойцы, были послѣднимъ отпрыскомъ знаменитой Македонской династіи. Константина Мономахъ, государь безпечный и преданный своимъ удовольствіямъ, повидимому не спѣшилъ дать Руси необходимое удовлетвореніе за обиду. Ярославъ снарядилъ большой ладейный флотъ, и послалъ его подъ начальствомъ своего старшаго сына Владимира Новгородскаго съ воеводою Вышатою. Въ этой судовой рати находились и наемные Варяги. Византійскіе историки преувеличиваютъ ея число до 100.000. По извѣстію нашей лѣтоисци, Русь хотѣла высадиться на Дунай, вѣроятно съ намѣреніемъ поднять Болгаръ противъ Грековъ; но Варяги увлекли Владимира далѣе. Флотъ подошелъ къ Боспору, и готовился напасть на самый Царьградъ. Между тѣмъ императоръ велѣлъ заключить подъ стражу всѣхъ русскихъ купцовъ и воиновъ, находившихся въ Константинополѣ и другихъ городахъ. Онъ не одинъ разъ отправлялъ къ Владимиру пословъ съ мирными предложеніями; но тотъ предъявлялъ слишкомъ высокія требованія (византійцы говорятъ, будто онъ потребовалъ по три фунта золота на каждого воина). Этими переговорами Греки конечно желали выиграть время, чтобы приготовиться къ отпору. Дѣйствительно они успѣли собрать и снарядить флотъ, который подъ начальствомъ самого императора загородилъ входъ въ Боспоръ; а на берегахъ его расположились конные отряды. Послѣдовали битвы на морѣ.

Мелкія русскія суда старались держаться ближе къ берегу; тутъ съ помощью огнеметательныхъ снарядовъ Грекамъ удалось сжечь часть нашего флота и привести въ замѣшательство остальную. Многія русскія лады сильнымъ волненіемъ были брошены на береговыя скалы и потерпѣли крушеніе. Самъ Владимиръ едва не погибъ; его спасъ одинъ изъ воеводъ, Иванъ Творимірічъ, взявъ на свой корабль. Часть Русской рати, спасшаяся на берегъ послѣ крушенія своихъ судовъ, собралась тамъ въ числѣ шести тысячъ человѣкъ. Они рѣшили пробиваться въ отчество

сухимъ путемъ. Вышата не захотѣлъ оставить ихъ безъ воеводы. „Живъ ли буду, такъ съ ними, а если и погибну, такъ съ дружиною“, сказалъ онъ; сошелъ на берегъ, и самъ повелъ ихъ къ Дунаю. Императоръ съ торжествомъ воротился въ столицу, отрядивъ 24 корабля для преслѣдованія отступавшаго Владимира. Эти корабли были окружены русскими ладьями и почти всѣ погибли; при ченъ Русскіе взяли многихъ плѣнниковъ, и такимъ образомъ имѣли хотя небольшой успѣхъ въ своемъ походѣ. Но рать, предводимая Вышатой, большою частію истреблена превосходными силами Грековъ; оставшіеся въ живыхъ отведены плѣнниками въ Константинополь, гдѣ императоръ велѣлъ многихъ изъ нихъ ослыпить. Спустя три года, миръ былъ возобновленъ, и плѣнные обоюдно возвращены. Миръ этотъ скрѣпленъ бракомъ одного изъ сыновей Ярослава, его любимица Всеволода, съ греческой царевной, но неизвѣстно, съ дочерью или съ другой какой родственницей Константина Мономаха (⁴⁶).

Время Ярослава было также эпохой самыхъ дѣятельныхъ и дружескихъ связей съ Норманнами Скандинавіи, извѣстными у насъ подъ именемъ Варяговъ. Бракъ съ шведскою принцессою и помощь, оказанная варяжскими дружинами при завоеваніи Кіевскаго княженія, еще болѣе возвысили ихъ значение при дворѣ и въ войскѣ великаго князя Русскаго. Мы видимъ, что почти во всѣхъ важнѣйшихъ битвахъ варяжская дружины занимаетъ чело русской рати. Мы видимъ знатныхъ людей, даже королей и принцевъ скандинавскихъ, которые находятъ пріютъ у Русскаго князя, нерѣдко вступаютъ въ его службу, становятся его совѣтниками и помощниками въ дѣлахъ внутренняго управления и вѣнчаней защиты. Варяжские наемники и торговцы безъ сомнѣнія пользовались на Руси особымъ покровительствомъ великой княгини Ингигерды (въ православіи Ирины), которая имѣла большое вліяніе на своего супруга. Еще будучи новгородскую княгинею, она, какъ извѣстно, доставила своему родственнику Рагенвальду городъ Ладогу, въ качествѣ удѣльнаго княжества. Впослѣдствіи мужъ ея сестры норвежскій король Олавъ Святой, лишенный своего престола датскимъ

королемъ Канутомъ Великимъ, нашелъ убѣжище и почетъ при Киевскомъ дворѣ съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ Магнусомъ. Конечно не безъ помощи Кіевскаго князя онъ снарядилъ дружину, чтобы воротить себѣ утраченный престолъ, и высадился на берега Норвегіи; но погибъ въ битвѣ при Стиклестадѣ (1030 г.). Сынъ Олава Магнусъ, прозванный *Добрый*, оставилъ на попеченіи Ярослава и воспитывался вмѣстѣ съ его дѣтьми. Спустя нѣсколько лѣтъ, когда смуты въ Норвегіи и угнетенія, испытанныя отъ Датчанъ, заставили многихъ норвежскихъ вельможъ сожалѣть обѣ изгнаніи собственного королевскаго дома, Магнусъ съ русскою помощью воротился въ отчество и занялъ наследственный престолъ.

Младшій братъ Олава Святаго, Гаральдъ Смѣлый (Гардрада) послѣ битвы при Стиклестадѣ, гдѣ онъ былъ раненъ, также нашелъ убѣжище при Кіевскомъ дворѣ, и нѣкоторое время служилъ въ варяжской дружины великаго князя. Гаральдъ полюбилъ старшую дочь Ярослава и Ингигерды, Елизавету, и просилъ ея руки. Предложеніе изгнанного принца, не имѣвшаго ни земли, ни богатства, на первое время встрѣтило отказъ; но повидимому не безъусловный. Гаральдъ послѣ того отправился въ Царьградъ, и сдѣлался тамъ начальникомъ такой же варяжской дружины. Именно около этого времени византійскіе историки впервые упоминаютъ о наемномъ отрядѣ *Варанговъ* на византійской службѣ. Онъ возникъ вѣроятно по примѣру тѣхъ отрядовъ, которые служили Русскимъ князьямъ, и отчасти изъ тѣхъ Варяговъ, которые покидали Русь, что бы искать еще болѣе выгодной службы въ богатой Греческой имперіи. Наемные Варанги, по своей храбости иѣрности приняты были на себя условіемъ, сдѣлались въ послѣдствіи любимымъ войскомъ у византійскихъ императоровъ, и между прочимъ занимали самое видное мѣсто въ ихъ гвардіи. Сага о Гаральдѣ Смѣломъ расказываетъ баснословные примѣры его отваги и остроумія, а также его романтическія приключенія во времена византійской службы. По ея словамъ, онъ воевалъ, одерживалъ побѣды и бралъ для Грековъ непріятельскіе города въ Азіи, Африкѣ и Сицилії; ходилъ въ Іерусалимъ;

но не забывалъ о своей привязанности къ русской княжнѣ, и, будучи самъ поэтомъ, въ честь ея сложилъ пѣсню. Въ этой пѣснѣ онъ говоритъ объ отчаянныхъ битвахъ, объ опасностяхъ, которыхъ преодолѣлъ, и сѣтуетъ на пренебреженіе, оказанное ему русскою дѣвою. Между тѣмъ награды и добыча, награбленная во время походовъ, сдѣлали его богатымъ человѣкомъ. Онъ могъ теперь бросить жизнь изгнаника, искателя приключений и воротиться въ отчество, гдѣ царствовалъ его племянникъ Магнусъ. Гаральдъ опять прїѣхалъ въ Киевъ, получилъ наконецъ руку Елизаветы, и отправился въ Норвегію, гдѣ, спустя нѣсколько лѣтъ, наслѣдовалъ своему племяннику, погившему въ битвѣ съ врагами (1047). Впослѣдствіи и самъ Гаральдъ Смѣлый, какъ известно, также палъ во время своей отчаянной высадки на берега Англіи (37).

Мы видѣли, что Владимиръ подъ конецъ жизни пересталъ возвышать Варяговъ; но Ярославъ, кажется, до конца оставался ихъ другомъ, отчасти подъ вліяніемъ Ингигерды, а отчасти потому, что Варяги, какъ и всякие наемники, въ рукахъ великаго князя были надежнымъ орудіемъ для поддержки его самовластія. Незамѣтно также, чтобы Ярославъ послѣ услугъ, оказанныхъ Новгородцами въ борьбѣ его съ Святополкомъ, освободилъ ихъ отъ варяжского гарнизона. По крайней мѣрѣ лѣтопись говоритъ, что Новгородъ до самой смерти Ярослава ежегодно платилъ Варягамъ количество гривенъ, установленное еще Олегомъ. Новгородскимъ намѣстникомъ при Ярославѣ былъ его старшій сынъ Владимиръ, который, судя по известію вѣкоторыхъ сѣверныхъ лѣтописей, былъ также какъ и отецъ его женатъ на какой то норманской принцессѣ. Ладога и Новгородъ продолжали служить главными пристанищами для Варяговъ, приходившихъ на Русь въ качествѣ гостей или ищущихъ службы, а также и для варяжскихъ принцевъ, отправлявшихся къ Киевскому двору. Былъ и другой путь изъ Скандинавіи въ Россію, по Западной Двинѣ. Несомнѣнно, что торговцы и наемники варяжскіе посыпали Полоцкъ; но послѣдній тогда началъ выдѣляться изъ об-

щаго состава Руси подъ владѣніемъ своихъ мѣстныхъ князей.

Здѣсь, въ этихъ родственныхъ, дружескихъ связяхъ Игорева дома съ Варягами, въ томъ положеніи, которое эти иноземцы заняли на Руси при Владимірѣ Великомъ и особенно при сыне его Ярославѣ, въ происхожденіи послѣдующихъ кіевскихъ князей, по матери, отъ Скандинавскаго королевскаго дома, въ частыхъ призывахъ варяжскихъ дружинъ и въ громкой славѣ, которую пользовались тогда норманскіе викинги, — здѣсь и надобно искать гародышъ той басни, которая впослѣдствіи такъ распросранилась и укрѣпилась. Извѣстно, что эта басня весь русскій княжескій родъ начала вести отъ варяжскихъ принцевъ, которые будто бы были когда то призваны въ Новогородскую землю для водворенія въ ней порядка.

Кромѣ родственныхъ связей съ государями Византіи, Польши и Скандинавіи, Ярославъ вступалъ въ такія же связи и съ другими европейскими владѣтелями. Такъ вторая его дочь Анна была выдана за Генриха I, короля Французскаго, а третья, Анастасія, за короля венгерскаго Андрея I. Были также и родственные связи съ владѣтелями Германіи: нѣмецкіе лѣтописцы говорятъ о бракѣ двухъ германскихъ принцессъ съ князьями русскими (можетъ быть, съ Вячеславомъ и Игоремъ, младшими сыновьями Ярослава). Все это указываетъ на дружескія сношенія Кіевскаго двора почти со всѣми важнѣшими дворами съверной и средней Европы. Есть даже извѣстіе о родственномъ союзѣ русскаго княжескаго дома съ королями Англіи и пребываніи въ Россіи двухъ англійскихъ принцевъ, искавшихъ убѣжища при дворѣ Ярослава (³⁸). Очевидно Русь того времени занимала не послѣднее мѣсто въ международныхъ отношеніяхъ Европы, и жила общею европейскою жизнью.

Великое значеніе Ярослава I въ Русской исторіи впрочемъ основано не столько на его удачныхъ войнахъ и вышнихъ связяхъ, сколько на его трудахъ по внутреннему устроенію Русской земли. Въ этомъ отношеніи пер-

вое мѣсто принадлежитъ его дѣятельности на пользу христіанской церкви.

Владимиръ Великій вмѣстѣ съ христіанствомъ утвердилъ въ Россіи и порядокъ греческой іерархіи. Русская церковь составила особую митрополію, зависимую отъ патріарха Константинопольскаго. Зависимость эта выражалась въ особенности постановлениемъ высшаго духовнаго сановника, т. е. Кіевскаго митрополита, а въ начальѣ и другихъ іерарховъ или епископовъ. Мы не имѣемъ точныхъ несомнѣнныхъ свѣденій о первыхъ кіевскихъ митрополитахъ. Позднѣйшіе лѣтописные своды называютъ первымъ русскимъ митрополитомъ Михаила, прибывшаго съ Владимиромъ изъ Корсуня. Преемникомъ его они именуютъ Леонтия; за Леонтиемъ слѣдовалъ Ioannъ, управлявшій церковью во второй половинѣ княженія Владимира и въ первой Ярослава; Ioannу былъ преемникомъ Феопемтъ. Эти митрополиты, поставленные константинопольскимъ патріархомъ, назначались изъ духовенства Греческой имперіи; но весьма вѣроятно, что они были происхожденія Болгарскаго или по крайней мѣрѣ имѣли свѣденія въ Славянскомъ языке; безъ чего дѣятельность ихъ на Руси была бы очень затруднительна. Извѣстно, что вмѣстѣ съ христіанствомъ Русь получила богослуженіе и Священное писаніе на языке Славяно болгарскомъ. Вмѣстѣ съ митрополитами первые наши епископы и многие священники были также по всей вѣроятности изъ Болгаръ. Они приносили съ собою богослужебныя книги и другіе болгарославянскіе переводы.

Духовенство, какъ прибывавшее изъ Византійской имперіи, такъ и прежде существовавшее въ Кіевской крещеной Руси, могло удовлетворить только первой необходимости. Но съ распространениемъ христіанства и построениемъ храмовъ въ русскихъ областяхъ сильно возрастила и потребность въ своихъ собственныхъ служителяхъ церкви, въ наставникахъ вѣры, близкихъ къ народу, вполнѣ ему понятныхъ и способныхъ бороться съ язычествомъ, которое было сильно даже въ населеніи, считавшемся христіанскимъ; не говоримъ о дальніхъ областяхъ, коснувшихъ еще въ грубомъ идолопоклонствѣ. Уже Владимиръ при-

казывалъ братъ дѣтей и отдавать ихъ въ книжное учение, вѣроятно для того, что бы приготовить изъ нихъ священнослужителей. Лѣтописецъ прибавляетъ любопытную черту: матери этихъ дѣтей плачали по нимъ какъ по мертвѣцамъ, потому что еще не утвердились въ вѣрѣ. Ярославъ продолжалъ дѣло своего отца и поручалъ церковнослужителямъ обучать грамотѣ дѣтей; а въ Новгородѣ, по извѣстію лѣтописи (позднѣйшихъ сводовъ) онъ устроилъ училище, состоявшее изъ 300 мальчиковъ, сыновей священниковъ и старостъ.

На Руси повторилось почти тоже, что мы видимъ въ Дунайской Болгаріи. Тамъ христіанство окончательно было введено княземъ Богорисомъ; а сынъ его Симеонъ произвелъ уже эпоху процвѣтанія Болгарской словесности. Такъ и у насъ Ярославъ, сынъ князя, утвердившаго на Руси христіанство, отличался особою приверженностью къ дѣлу книжному. Онъ собиралъ писцовъ для списыванія болгарскихъ рукописей; причемъ иногда поручалъ переводить прямо съ греческаго или исправлять болгарскіе переводы. Изъ словъ лѣтописи можно заключить, что онъ даже самъ списалъ иѣкоторыя священные книги и принесъ ихъ въ даръ созданному имъ храму св. Софіи. При Ярославѣ и съ его поощреніемъ начали распространяться на Руси и монашескія общини; а однимъ изъ главныхъ занятій монастырскихъ въ Средніе вѣка, какъ извѣстно, было списываніе книгъ.

Ярославъ не щадилъ издержекъ на виѣшнее благољпіе церкви, которое такъ сильно дѣйствуетъ на воображеніе юнаго, мало развитаго общества, еще не окрѣпшаго въ вѣрѣ. Самыя великолѣпныя постройки, совершенныя имъ, конечно принадлежали столичному Кіеву, и произведены съ помощью греческихъ мастеровъ. Вопервыхъ, онъ обвелъ городъ новыми каменными стѣнами. Одна изъ воротъ въ этихъ стѣнахъ названы были Золотыми, въ подражаніе такимъ же воротамъ Цареградскимъ; а надъ ними построена церковь въ честь Благовѣщенія. Новые стѣны были обширнѣе прежнихъ; между прочимъ онъ обнимали часть поля, на которомъ происходила выше упомянутая послѣдняя битва съ Печенѣгами, окончивша-

яся ихъ совершеннымъ пораженiemъ. Въ память этой битвы и на ея мѣстѣ Ярославъ въ слѣдующемъ 1037 году заложилъ знаменитый соборный храмъ св. Софіи. Храмъ съ тѣмъ же именемъ существовалъ въ Кieвѣ уже при Владimирѣ Великомъ, но только на другомъ мѣстѣ; по крайней мѣрѣ о немъ упоминаетъ иѣменецкій лѣтописецъ Дитмаръ, по поводу вступленія въ Кieвъ Boleslava Xrabrago. Во время междуусобныхъ войнъ Святополка съ Ярославомъ этотъ храмъ сгорѣлъ; вместо него Ярославъ построилъ новый, и въ болѣе великолѣпномъ видѣ. Онъ былъ украшенъ фресковою живописью и роскошными мозаиками или, какъ тогда называлось, мусіeю. Кроме того Ярославъ построилъ въ Кieвѣ монастырь св. Георгія, въ честь своего ангела, и монастырь св. Ирины (вѣроятно въ честь своей супруги). Вообще древнѣйшіе и главные храмы Кieва строились болѣею частію въ подражаніе пареградскимъ и носили ихъ имена, каковы св. Софія, св. Ирина, а также храмы въ честь Богородицы, столь распространенные въ Византіи (начиная съ знаменитаго Влахернскаго). По образцу Кieва и въ другихъ главныхъ городахъ Руси встрѣчаемъ соборные храмы преимущественно или Софійские, или Богородичные (Рождественские и Успенские). Такъ почти въ одно время съ Кieвской Софіей создана была и славная Софія Новгородская. По свидѣтельству лѣтописей, сначала эта Софійская церковь была деревянная о тринадцати верхахъ, построенная первымъ епископомъ Новгорода Ioакимомъ на берегу Волхова; но она сгорѣла. Тогда сынъ Ярослава Владimиръ, удѣльный князь Новогрѣодскій, вмѣстѣ съ епископомъ Лукою Жидятою въ 1045 году заложилъ новый Софійскій соборъ, уже каменный и нѣсколько на другомъ мѣстѣ, хотя тоже на берегу Волхова. Этотъ храмъ построенъ и украшенъ фресковою живописью также съ помощью греческихъ художниковъ. Строитель его, Владimиръ Ярославичъ, спустя нѣсколько лѣтъ, скончался и былъ въ немъ погребенъ (39).

Такимъ образомъ построеніе христіанскихъ храмовъ повело за собою пересажденіе въ Россію изящныхъ искусствъ изъ Византіи. При Ярославѣ, по извѣстію лѣтописей, прїехали къ намъ изъ Греціи церковные пѣвцы,

которые научили Русскихъ осьмогласному или такъ наз.
демественному пѣнію.

Признавая русскую іерархію въ зависимости отъ цареградскаго патріарха, Ярославъ въ тоже время допускалъ эту зависимость только до извѣстной степени. Онъ ревниво оберегалъ княжескую власть въ самыхъ дѣлахъ церковныхъ, и оставлялъ за собою решеніе іерархическихъ вопросовъ. Такъ въ концѣ его княженія нужно было поставить нового митрополита, а между тѣмъ великий князь находился въ разладѣ съ византійскимъ правительствомъ. Тогда онъ созвалъ соборъ изъ русскихъ епископовъ, и велѣлъ имъ поставить на митрополію священника изъ села Берестова, Иларіона, отличавшагося книжною ученостю и бывшаго однимъ изъ первыхъ нашихъ духовныхъ писателей. Этотъ Иларіонъ является такимъ образомъ первымъ киевскимъ митрополитомъ русского происхожденія. Соборнымъ поставленіемъ его однако не была нарушена связь Русской церкви съ Греческой, и по возобновленіи дружественныхъ сношеній возобновились почтительныя, сыновнія отношенія киевского митрополита къ цареградскому патріарху. Первые христіанскіе князья наши, т. е. Владимиръ и Ярославъ, воздвигая храмы и полагая начало духовному сословію, выѣстъ съ тѣмъ старались обеспечить материальными средствами существование и дальнѣйшее развитіе этого сословія. По примѣру византійскихъ императоровъ, они дарили извѣстную часть изъ княжихъ доходовъ на содержаніе храмовъ и ихъ причта, надѣляя ихъ землями и разными угодьями. Кромѣ того они опредѣлили въ пользу духовенства часть доходовъ съ судопроизводства, подчинивъ епископамъ разбирательство вѣкоторыхъ тяжебныхъ дѣлъ и проступковъ. Ярославъ пользуется въ исторіи славою нашего первого законодателя: ему приписывали древнѣйшій сводъ русскихъ узаконеній, извѣстный подъ именемъ Русской Правды.

Онъ соединилъ въ своемъ владѣніи почти всѣ русскія земли. Но это единовластіе было личное и временное. Подобно Владиміру Великому, онъ возстановилъ единство русскихъ земель только для того, чтобы укрѣпить ихъ за своимъ собственнымъ семействомъ, а не для того, чтобы вод-

ворить на Руси единодержавіе. Нравы и понятія восточныхъ Славянъ того времени были слишкомъ далеки отъ подобной мысли; никакія распоряженія, никакія завѣщанія въ этомъ смыслѣ не могли оказаться дѣйствительными. Понятіе о Руси какъ о единомъ, нераздѣльномъ владѣніи, о единомъ *государствѣ*, еще не сложилось. Если бы Киевскій князь вадумалъ всю Русскую землю отдать одному сыну, то остальные сыновья и родственники не признали бы такого распоряженія, и общими силами подняли бы противъ него оружіе. Государственное начало и единеніе Русскихъ земель, повторяясь, поддерживались только тѣмъ, что они находились во владѣніи одного княжескаго рода и что князь, сидѣвшій въ Киевѣ, считался старѣйшиной всѣмъ князьямъ Русскимъ.

Ярославъ, подобно отцу, дѣду и прадѣду, еще при жизни своей раздавалъ сыновьямъ въ управление или въ намѣстничество свои земли. Старшій его сынъ Владимиръ, по установившемуся обычаю, былъ намѣстникомъ въ сѣверномъ Новгородѣ. Онъ, скончался за два года до смерти отца, и тогда въ Новгородѣ былъ переведенъ изъ Турова Изяславъ, оставшійся теперь старшимъ. Лѣтопись рассказываетъ, что Ярославъ передъ смертью распорядился областями такимъ образомъ: Изяславу онъ назначилъ Киевъ, Святославу Черниговъ, Всеволоду Переяславль, Игорю Владиміръ Волынскій и Вячеславу Смоленскъ. При этомъ онъувѣщевалъ ихъ жить въ любви и согласіи между собою и должно дѣйствовать противъ враговъ; въ противномъ случаѣ предрекалъ гибель Русской землѣ, которую ихъ отцы и дѣды стяжали великими трудами. Онъ внушишаль имъ слушаться старшаго брата, имѣя его „въ отца място“; а старшему завѣщаль не давать въ обиду никого изъ братьевъ и помогать обиженному. Но подобныя увѣщанія составляютъ общее място; ихъ конечно дѣлалъ почти каждый попечительный отецъ своимъ дѣтямъ. Лѣтописецъ впрочемъ тутъ же сообщаетъ, что во время кончины Ярослава Изяславъ былъ въ Новгородѣ, Святославъ во Владимірѣ Волынскомъ, а въ Киевѣ оставался только Всеволодъ, котораго отецъ очень любилъ и всегда держалъ при себѣ. (40) Во всякомъ случаѣ сыновья Ярослава должен-

ствовали быть тѣснѣе связаны между собою, нежели сыновья Владимира: послѣдніе рождены въ язычествѣ отъ разныхъ женъ и наложницъ; тогда какъ Ярославичи были плодомъ брака, освященнаго церковью, были дѣти не только одного отца, но и одной матери.

Ярославъ дожилъ до глубокой старости: смерть застигла его на 76 году отъ роду въ ближнемъ Вышгородѣ, въ февралѣ 1054 года. Все володѣ распорядился погребеніемъ: тѣло покойнаго князя возложили на сани, съ молитвами и церковными пѣснопѣніями привезли въ Киевъ, и опустили въ мраморную гробницу, которая поставлена въ одномъ изъ придѣловъ воздвигнутаго имъ Софійскаго собора.

Младшіе его сыновья, Игорь и Вячеславъ, скоро послѣдовали за своимъ отцомъ, и удѣлы ихъ достались старшимъ, преимущественно Изяславу. Такимъ образомъ послѣдній, удержавъ за собою Новгородъ, владѣлъ землями Киевскою и Волынскою, т. е. почти всею страною на западѣ отъ Днѣпра. Святославъ, кромѣ Чернигова, захватилъ себѣ всю область Сѣверянъ, Вятичей, Рязань, Муромъ и Тмутракань, скѣдовательно всѣ земли на востокѣ отъ Днѣпра. Все володѣ помѣстился въ южномъ Переяславль на рѣкѣ Трубежѣ; но къ этому удѣлу онъ еще получилъ почти все верхнее Поволжье, т. е. земли Ростовскую, Сузальскую и Бѣлозерскую. Затѣмъ каждый изъ трехъ братьевъ въ своихъ удѣлахъ раздавалъ города и волости въ управление или намѣстничество членамъ собственнаго семейства. Еще былъ живъ одинъ изъ сыновей Владимира Великаго, Судиславъ, заключенный Ярославомъ въ порубъ. По старшинству своему онъ теперь имѣлъ право занять великокняжескій Киевскій столъ; но, просидѣвъ болѣе 20 лѣтъ въ заключеніи, старикъ не думалъ уже о своихъ правахъ. Племянники освободили его, взявъ съ него присягу не исматривать княженія, и онъ вскорѣ умеръ чернецомъ.

Послѣ Ярослава недолго продолжался внутренній миръ на Руси, хотя три его сына жили пока въ согласіи между собою. Но у нихъ нашлись родственники, которые не хотѣли помириться съ ихъ львиными частями при раздѣлѣ земель, и вотъ мало по малу открылся долгій, непре-

рыйный рядъ княжескихъ междуусобій изъ за удѣловъ или волостей.

Первый примѣръ междуусобія на этотъ разъ подалъ родной племянникъ Ярославичей, Ростиславъ, сынъ ихъ старшаго брата Владимира Новгородскаго. Былъ ли онъ совершенно обдѣленъ дядями или получилъ отъ нихъ слишкомъ незначительную волость, въ точности неизвѣстно. Мы видимъ только, что этотъ предпримчивый князь обратился въ Новгородъ, гдѣ еще живы были воспоминанія объ его отцѣ, который повидимому пользовался народною любовью. Здѣсь Ростиславъ набралъ себѣ вольную дружину. Въ числѣ его товарищѣ упоминаются и знатные новгородскіе люди, Порѣй и Вышата. Послѣдній былъ сынъ Изяславова посадника Остромира, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ погибъ въ одномъ походѣ на Чудь. Ростиславъ удалился въ Тмутраканскій край, манившій къ себѣ своимъ отдѣльнымъ положеніемъ, торговыми связями съ промышленнымъ Корсунемъ и сосѣдствомъ съ воинственными Кавказскими народами, гдѣ легко было набирать вспомогательные наемные отряды. Этимъ краемъ въ то время управлялъ Глѣбъ, старшій сынъ Святослава Ярославича. Ростиславъ вытѣснилъ изъ Тмутраканя своего двоюроднаго брата. Отецъ послѣдняго Святославъ явился на помощь сыну, и воротилъ ему удѣлъ. Но едва Святославъ отправился назадъ въ свой Черниговъ, какъ Ростиславъ снова изгналъ Глѣба и снова занялъ Тмутракань (1064 г.), гдѣ и княжилъ до своей смерти. Но княженіе это было кратковременно: оно продолжалось только два года. Ростиславъ скоро сдѣлался грозенъ для своихъ сосѣдей, т. е. для корсунскихъ Грековъ и кавказскихъ Касоговъ. Послѣдніе принуждены были платить ему дань; а Греки, тяготясь сосѣдствомъ такого воинственнаго князя, рѣшились его извести. Лѣтоопись наша расказываетъ, что какой то греческій начальникъ или катапанъ пріѣхалъ къ Русскому князю, подольстился къ нему и по томъ отравилъ его во время пира, когда князь пилъ здоровье своего гостя. Онъ погребенъ въ томъ каменномъ храмѣ Богородицы, который былъ построенъ Мстиславомъ Чернымъ. Послѣ смерти Ростислава граждане Тмутра-

кана послали въ Черниговъ просить Святослава, чтобы онъ снова отпустилъ къ нимъ на княжение своего сына Глѣба: очевидно послѣдній пользовался ихъ любовью. Святославъ исполнилъ ихъ просьбу. Памятникомъ Глѣбова управления на этомъ концѣ древней Руси служитъ известный Тмутраканскій камень, представляющій плиту, на боковой сторонѣ которой высѣчена надпись. Эта надпись свидѣтельствуетъ, что князь Глѣбъ въ 1068 году мѣриль по льду проливъ между городами Корчевомъ и Тмутраканемъ, и насчиталъ 14.000 сажень.

Почти въ одно время съ Ростиславомъ противъ Ярославичей поднялся другой племянникъ, впрочемъ двоюродный. Это былъ полоцкій князь Всеславъ, сынъ Брячислава (умершаго въ 1044 году). Своимъ предпримчивымъ и беспокойнымъ характеромъ онъ не уступалъ Ростиславу. Лѣтопись изображаетъ его княземъ хитрымъ и жестокимъ. У него отъ природы была на головѣ какая то язвина, вслѣдствіе чего онъ носилъ повязку, и суевѣрные люди приписывали этой повязкѣ особое волшебное значеніе. Всеславъ, по всей вѣроятности, питалъ неудовольствіе за то, что его ограничивали одною Полоцкою областью и не давали ему части въ другихъ русскихъ земляхъ. Подобно отцу своему, онъ обнаружилъ притязанія на Новгородскій край или по крайней мѣрѣ на ближнія новгородскія волости. Сначала онъ пытался осаждать Псковъ, но безъ успѣха; затѣмъ явился съ войскомъ подъ самыми Новгородомъ, ворвался въ него и сжегъ часть города; при чемъ ограбилъ храмъ св. Софіи, снявъ самые колокола и паникадила. Тогда Ярославичи соединенными силами отправились воевать Полоцкую землю. Они взяли городъ Минскъ, и съ свойственною тому времени жестокостью избили мужское населеніе, а женъ и дѣтей раздали въ рабство своимъ дружинникамъ. Всеславъ встрѣтилъ дядей не далеко отъ этого города на берегахъ рѣчки Немизы. Дѣло происходило въ мартѣ мѣсяцѣ, и земля была еще покрыта глубокимъ снѣгомъ. Послѣ упорной битвы Ярославичи побѣдили; но очевидно борьба съ такимъ противникомъ оказалась нелегкою; такъ какъ они пред-

почти прибѣгнуть къ вѣроломству. Князья сѣхались для переговоровъ гдѣ то около Смоленска, и расположились лагеремъ на противоположныхъ берегахъ Днѣпра. Ярославичи пригласили Всеслава перейхать на ихъ сторону, и поцѣловали крестъ, т. е. присягнули въ его безъопасности. Но едва Изяславъ ввелъ его въ свой шатерь, какъ Пелоцкаго князя схватили, отвезли въ Кіевъ, и засадили въ порубъ вмѣстѣ съ двумя его сыновьями (⁴¹).

Такое вѣроломство, по словамъ лѣтописца, не замедлило вызвать Божье наказаніе на князей-клятвопреступниковъ. Русскую землю посѣтили новые враги иноплеменники. То были Половцы, народъ одного корня съ Печенѣгами, но еще болѣе дикій и многочисленный.

V.

ПОЛОВЦЫ И ВЛАДИМІР МОНОМАХЪ.

Торки и Куманы. Двукратное изгнаніе Іаяслава. Святославъ Черниговскій и его сыновья. Всеволодъ Переяславскій. Святополкъ II. Олегъ Святославичъ и междоусобія за Черниговъ. Любецкій съездъ. Ослѣпленіе Василька и споры за Волынь. Съездъ Витичевскій. Ожесточеніе на Половцевъ. Соединенные походы князей въ степи. Владиміръ Мономахъ въ Киевѣ. Поученіе дѣтямъ. Усмирение непокорныхъ князей. Пѣнь Володаря. Столкновеніе съ Греками на Дунаѣ. Политика Владимира.

Послѣ извѣстнаго пораженія Печенѣговъ подъ самимъ Киевомъ въ 1036 году наша лѣтопись уже не упоминаетъ объ ихъ нашествіяхъ на Русскую землю. Упорная, побѣдоносная борьба съ ними Владимира и Ярослава очевидно ослабила ихъ силу; окончательно ихъ сломили собственная междоусобія и другіе кочевники, надвигавшіе съ востока. Въ IX вѣкѣ, какъ извѣстно, Печенѣговъ оттеснили изъ за Дона ихъ единоплеменники Узы въ союзѣ съ хазарскими каганами. Когда Печенѣги разсѣялись въ Черноморскихъ степяхъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, Узы заняли ихъ кочевья въ степяхъ Задонскихъ. Не всѣ Печенѣги ушли изъ прежнихъ своихъ степей; часть ихъ осталась между Узами, отъ которыхъ, по словамъ Константина Багрянородного, она отличалась болѣе короткимъ платьемъ, достигавшимъ только до колѣнъ и не имѣвшимъ рукавовъ. Въ первой половинѣ X вѣка, по извѣстію того же Константина, пустынное пространство въ пять дней Ѣзы отдѣляло Печенѣговъ отъ Узовъ. Но послѣдніе недолго оставались въ покотѣ на новыхъ мѣстахъ. Въ свою

очередь тѣснимые другими кочевниками, они перешли на западную сторону Дона и стали подвигать свои кочевья къ степямъ Днѣпровскимъ, гдѣ снова столкнулись съ Печенѣгами. Подобно Печенѣгамъ, Узы были туркотатарскій народъ, дѣлившійся на разныя орды подъ управлениемъ своихъ родовыхъ старѣшинъ или хановъ. Русскіе князья въ борьбѣ съ Печенѣгами пользовались иногда ихъ враждою съ Узами. Изъ послѣднихъ, также какъ изъ первыхъ, они при случаѣ нанимали вспомогательную конницу для войны съ союзами. Мы видѣли, что уже Владимира Великаго въ походѣ противъ Камскихъ Болгаръ имѣлъ у себя конныхъ Торковъ. Этимъ именемъ русская лѣтопись называетъ Узовъ.

Печенѣги еще храбро держались противъ Узовъ. Но въ послѣдніе годы Ярославова княженія между печенѣжскими ордами возникли жестокія междоусобія. Поводомъ къ нимъ послужила вражда самаго сильного изъ печенѣжскихъ хановъ Тураха противъ Кегена, который изъ простыхъ людей возвысился въ число главныхъ старѣшинъ, благодаря своимъ подвигамъ въ войнахъ съ Узами. Тѣсненный соперникомъ, Кегенъ убѣжалъ съ частью Печенѣговъ за Дунай, и отдался подъ покровительство императора Константина Мономаха съ обязанностію защищать греческіе предѣлы отъ набѣговъ собственныхъ соплеменниковъ. Тогда Узы окончательно взяли верхъ надъ Печенѣгами, которые остались въ степяхъ между Днѣпромъ и Дунаемъ; что побудило послѣднихъ къ новымъ переходамъ за Дунай, гдѣ они получали отъ византійского правительства земли для поселенія, преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ Болгаріи, которыя запустѣли послѣ истребительныхъ войнъ Василія II Болгаробойцы.

Но и Узы или Торки не долго господствовали въ степяхъ Приднѣпровскихъ и грабили Русскіе предѣлы. Вскорѣ съ сѣвера ихъ потѣсили русскіе князья; а съ востока по ихъ собственнымъ слѣдамъ надвинулись на нихъ орды Кумановъ, которые известны въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ *Половцевъ*. Первое упоминаніе о Половцахъ встрѣчается вскорѣ по смерти Ярослава. Именно въ 1055 году князь Переяславскій Всеvolodъ побѣдоносно воевалъ

съ Торками, и въ томъ же году заключилъ миръ съ Половцами, которые приходили съ своимъ ханомъ Болушемъ. Оченьѣ вѣроятно, что Русскій князь заключилъ союзъ съ болѣе отдаленными варварами или съ Половцами, противъ сосѣднихъ враговъ или Торковъ. Спустя пять лѣтъ послѣ того, мы видимъ, что русскіе князья рѣшили общими силами ударить на послѣднихъ. Не только собрались вмѣстѣ Ярославичи, т. е. Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ; но съ ними соединился и Всеславъ Полоцкій. Многочисленная русская рать, конная и судовая, пошла на Торковъ, и произвела между ними такой погромъ, что тѣ бѣжали далѣе на югъ. Тамъ повидимому ихъ доканали Куманы. Угнетенные ими, Узы или Торки, вслѣдъ за Печенѣгами, цѣлыми ордами начали переходить за Дунай въ предѣлы Византійской имперіи. Кроме того большія толпы ихъ, захваченные въ плѣнъ русскими князьями, были поселены на южныхъ предѣлахъ Киевской и Переяславской области, для защиты этихъ предѣловъ отъ другихъ степняковъ. Въ послѣдующей исторіи того края играли не маловажную роль полууочевые потомки этихъ Торковъ или такъ наз. Черные Клобуки.

Русь ничего не выиграла съ паденiemъ Печенѣговъ и Узовъ. Ихъ мѣсто въ степяхъ заняли ближайшіе ихъ соотечественники, еще болѣе свирѣпые и многочисленные Куманы или Половцы, которые не замедлили начать свои опустошительныя вторженія и сильно потѣсили южно-русскія области (42).

Уже въ слѣдующемъ году послѣ погрома Торковъ Половцы пришли грабить Переяславскую область, и разбили Всеволода. Въ 1068 году они явились снова. Братья Ярославичи соединили свои дружины, и дали имъ битву на берегахъ рѣчки Альты, слѣдовательно почти подъ самыи Переяславлемъ; но были разбиты и побѣжали, Святославъ въ Черниговъ, а Изяславъ со Всеволодомъ въ Киевъ. Послѣ того Половцы во всѣ стороны распустили свои загоны для грабежа. Киевляне были сильно недовольны поведенiemъ своего князя и его дружинниковъ. Они своеvolично собрались на вѣче на торговой площади въ нижнемъ городѣ, т. е. на Подолѣ, и оттуда

послали сказать великому князю: „дай намъ оружіе и коней; хотимъ еще биться съ Половцами“. Великий князь отказался уступить этому шумному требованію. Тогда граждане подняли мятежъ. Они бросились въ верхній городъ, сначала къ дому киевскаго тысяцкаго, т. е. главнаго воеводы, Коснича; но тотъ успѣлъ скрыться. Отсюда одна часть мятежниковъ направилась къ тюрьмѣ, что бы выпустить колодниковъ и Всеслава Полоцкаго; а другая ко двору княжескому. Изяславъ въ это время сидѣлъ съ дружиною на сѣняхъ своего терема. Нѣкоторые бояре совѣтовали ему убить поскорѣе Всеслава. Но великий князь ни на что не рѣшался; наконецъ потерялъ голову, покинулъ Киевъ вмѣстѣ съ братомъ Всеволодомъ, и бѣжалъ въ Польшу къ своему родственнику королю Болеславу. Киевляне между тѣмъ освободили Всеслава и поставили его своимъ княземъ. Дворъ и имущество Изяслава были при этомъ разграблены мятежною чернью.

То, чего тщетно требовали Киевляне отъ Изяслава, т. е. новой битвы съ Половцами, разсѣявшимися для грабежа, исполнилъ мужественный Святославъ Черниговскій. Онъ вышелъ съ трехтысячной дружиной противъ варваровъ, которые свирѣпствовали около Чернигова, и столкнулся съ ихъ главнымъ двѣнадцати тысячнымъ отрядомъ на берегахъ рѣки Сновы. „Уже намъ некуда дѣваться. *Потянемъ!*“ закричалъ князь своей дружинѣ; ударилъ на Половцевъ, разбилъ ихъ, и взялъ въ пленъ самого предводителя.

Цѣлые семь мѣсяцевъ Всеславъ занималъ столъ велиокняжескій. Король польскій Болеславъ II, по прозванію Смѣлый, находился въ двойномъ родствѣ съ Изяславомъ; такъ какъ онъ былъ двоюроднымъ братомъ киевскому князю по своей матери, и въ тоже время деверемъ по своей сестрѣ, супругѣ Изяслава. Воинственный Болеславъ радушно принялъ бѣглеца, и охотно выступилъ въ походъ для возвращенія ему Киевскаго стола. Киевляне пошли ему навстрѣчу подъ начальствомъ Всеслава. Но послѣдній въ Бѣлгородѣ ночью тайкомъ покинулъ киевскую рать и уѣжалъ въ свой Полоцкъ. Киевляне воротились домой, и на вѣчѣ рѣшили послать къ братьямъ великаго князя съ просьбою прийти и защитить Киевъ отъ Поляковъ и

отъ мести Изяслава. „Если не поможете намъ—говорили они,—то зажмемъ городъ и уйдемъ въ Греческую землю“. Святославъ и Всеволодъ дѣйствительно вступились за нихъ, и велѣли сказать старшему брату: „Не води Ляховъ на Кіевъ; если же хочешь погубить городъ, то знай, что намъ жаль отцовскаго стола“. Изяславъ послушался, но не вполнѣ. Сынъ его (Мстиславъ), вошедшій въ городъ съ передовою дружиною, многихъ гражданъ избилъ, а другихъ ослѣпилъ, мсти за освобожденіе Всеслава Полоцкаго. Болеславъ съ Ляхами прогостиль въ Кіевѣ цѣлую зиму (1069). Онъ конечно не даромъ помогъ Изяславу: кромѣ богатыхъ подарковъ, по извѣстію нѣкоторыхъ польскихъ лѣтописцевъ, на обратномъ пути онъ занялъ часть Червонной Руси съ крѣпкимъ городомъ Переышлемъ, который впрочемъ былъ взятъ имъ послѣ мужественной обороны (48).

Съ возвращеніемъ Изяслава въ Кіевъ, казалось, ничто не нарушало согласія между тремя братьями. Согласіе это продолжалось около 18 лѣтъ послѣ смерти ихъ отца. Благодаря ихъ единодушію, Всеславъ Полоцкій нѣкоторое время былъ лишенъ своего удѣла; а его новое нападеніе на Новгородъ отбито Новогородцами подъ предводительствомъ Глѣба Святославича. Въ 1072 году происходило перенесеніе мощей Бориса и Глѣба въ Вышгородъ изъ старой деревянной церкви въ новую каменную, построенную Изяславомъ. Братья съѣхались на торжество съ своими боярами, и послѣ литургіи пировали всѣ вмѣстѣ „съ любовью великою“, какъ выражается лѣтописецъ. А въ слѣдующемъ году между ними уже идетъ катора, т. е. распра. Лѣтописецъ не говоритъ ясно о ея причинахъ; нетрудно догадаться, что возникъ споръ о волостяхъ. Поводомъ къ нему повидимому послужилъ все тотъ же неугомонный Всеславъ Полоцкій, который успѣлъ снова воротить себѣ наследственный удѣлъ и вступилъ въ какіе то переговоры съ великимъ княземъ, возбудившіе неудовольствіе Святослава Черниговскаго. Послѣдній подговорилъ Всеволода, и они вмѣстѣ изгнали Изяслава изъ Кіева. По всей вѣроятности

граждане кіевские питали неудовольствіе на Изяслава и за его мщеніе, совершенное съ помощью Лиховъ, и за его небреженіе о защитѣ Руси отъ хищныхъ Половцевъ; тогда какъ мужественный Святославъ имѣлъ за собою славу побѣдителя на берегахъ Сновы.

Изяславъ, успѣвшій увести съ собою много цѣннаго имущества, вторично обратился къ своему родственнику Болеславу Смѣлому за помощью. Но польскій король на этотъ разъ не изъявлялъ охоты вооружиться за его права, хотя и присвоилъ себѣ большую часть привезеннаго имъ имущества. Изгнаникъ поѣхалъ въ Германію, гдѣ у русскихъ князей того времени были также родственныя связи съ владѣтельными лицами. Онъ обратился къ императору Генриху IV, признавая его судью въ своемъ дѣлѣ съ братами и подкрѣпляя свои просьбы подарками. Но Генрихъ былъ слишкомъ занятъ собственными дѣлами и борьбою съ мятежными вассалами, что бы предпринять вооруженное вмѣшательство въ дѣла отдаленной Россіи. Онъ ограничился отправленіемъ посольства въ Кіевъ съ требованіемъ, что бы этотъ городъ былъ возвращенъ старшему брату. Святославъ почтительно принялъ посольство, и отпустилъ его съ такими богатыми дарами, которые возбудили удивленіе между Нѣцами. По крайней мѣрѣ одинъ изъ ихъ лѣтописцевъ говоритъ, что „никогда мы не видали столько золота, серебра и дорогихъ тканей“. Не добившись ничего отъ Генриха IV, Изяславъ обратился къ его знаменитому противнику, къ папѣ Григорію VII. Онъ отправилъ въ Римъ своего сына, чтобы просить папу о заступленіи и принести жалобу на вѣроломство короля польскаго. Изгнаникъ даже готовъ былъ повидимому признать папскую власть надъ Русскою церковью, лишь бы добиться своего личнаго удовлетворенія. Хотя и отвлекаемый въ то время важнѣйшими дѣлами, Григорій VII не упустилъ удобнаго случая показать свое верховенство надъ земными владыками. Онъ прислалъ двѣ грамоты, одну милостивую Изяславу, а другую укорительную Болеславу, котораго упрекалъ за неправедно присвоенное имущество Русскаго князя (⁴⁴). Въ это именно время мы находимъ польскаго

короля въ союзѣ съ братьями Изяслава: такъ въ слѣдующемъ 1076 году юные сыновья ихъ, Олегъ Святославичъ и Владимиръ Всеиволодовичъ (Мономахъ), ходили съ русскою дружиною на помощь Болеславу противъ Чеховъ. Но въ томъ же году великій князь Святославъ скончался, и обстоятельства вновь измѣнились въ пользу Изяслава. Польскій король внялъ наконецъ его просьбамъ и далъ ему вспомогательное войско, съ которымъ тотъ пошелъ на Всеиволода; занявшаго Киевъ. Всеиволодъ не упорствовалъ и поспѣшилъ помириться съ старшимъ братомъ. Изяславъ снова сѣлъ на Киевскомъ столѣ, а младшему брату отдалъ Черниговскую область. Но эта передача въ свою очередь послужила источникомъ большихъ междуусобій, потому что двѣти Святослава считали Черниговъ своимъ наследственнымъ удѣломъ, своею отчиною.

Святославъ оставилъ пять сыновей: Глѣба, Олега, Давида, Романа и Ярослава. Одна любопытная рукопись сохранила намъ изображеніе этихъ князей вмѣстѣ съ ихъ родителями. Святославъ, подобно отцу своему Ярославу, былъ книголюбецъ, и заставлялъ переписывать для себя славяно болгарскія рукописи. До насъ дошелъ въ подлиннику, переписанный для него въ 1073 году, сборникъ различныхъ статей преимущественно религіознаго содержанія. Къ этому Святославову Сборнику приложенъ рисунокъ, который изображаетъ князя и его семейство, состоящее изъ супруги и пяти упомянутыхъ сыновей. Всѣ они представлены въ цвѣтныхъ кафтанахъ, спускающихся ниже колѣнъ и подпоясанныхъ золотнымъ кушакомъ. У кафтановъ золотые воротники и узкіе рукава съ золотными пурпурными. На головахъ сыновей шапки или клобуки съ мѣховой опушкой и синимъ закругленнымъ верхомъ. Клобукъ самаго Святослава имѣетъ верхъ болѣе низкій и повидимому золотой. Кромѣ того на немъ наброшены верхній плащъ (япанча или корзно), зеленый съ золотою каймою, застегнутый на правомъ плечѣ пряжкою съ дорогимъ камнемъ. Сапоги у всѣхъ изъ цвѣтнаго сафьяна. Сыновья всѣ безбородые; а отецъ, обладающій круглымъ красивымъ лицемъ, имѣетъ густые усы и подстриженную бороду. У княгини вокругъ головы обвернутъ платокъ или фата,

спускающаяся однимъ концомъ на правую сторону. На ней надѣто длинное верхнее платье съ широкимъ, отложнымъ воротникомъ, золотымъ поясомъ и широкими рукавами, подъ которыми замѣтны золотые поручи нижняго каftана.

Старшій изъ Святославичей Глѣбъ, какъ мы видѣли, снискалъ себѣ извѣстность своимъ управлениемъ въ Тмутракани. Затѣмъ встрѣчаемъ его княземъ Новгородскимъ, побѣдителемъ Всеслава Погоцкаго и усмирителемъ народнаго мятежа. Уже 80 лѣтъ минуло съ той поры, когда Добрыня съ Путятой огнемъ и мечемъ сокрушили идололюбіе въ Новгородѣ Великомъ; но сѣверная Русь все еще помнила о своей старой религіи, и здѣсь все еще была сильна языческая партія. Въ 1071 году, по словамъ лѣтописи, тамъ явился какой то волхвъ, который началъ смущать народъ мнимыми чудесами и хулою на христіансскую вѣру. Новгородская чернь подняла мятежъ, и хотѣла убить епископа. Епископъ облекся въ ризы, взялъ крестъ, вышелъ къ народу, и сказалъ: „Кто вѣруетъ волхву, пусть идетъ за нимъ; а кто почитаетъ крестъ—слѣдуетъ за мною“. Князь Глѣбъ Святославичъ съ дружиною сталъ подлѣ епископа; но около волхва собралась большая народная толпа. Глѣбъ спряталъ топоръ подъ скутомъ (т. е. подъ плащемъ), подошелъ къ волхву и спросилъ: „Знаешь ли, что будетъ завтра?“ „Знаю“, отвѣчалъ онъ. „А знаешь ли, что будетъ сегодня?“ „Я сотворю великия чудеса“. Тогда Глѣбъ ударилъ волхва топоромъ, и тотъ упалъ мертвый. Мятежъ послѣ того утихъ, и толпа разошлась по домамъ.

Послѣ смерти отца Глѣбъ вскорѣ погибъ въ какомъ то походѣ на Заволочью, т. е. въ странѣ сѣверной Чуди. Братья его Олегъ и Романъ были посажены отцомъ, первый во Владимѣрѣ Волынскомъ, а второй въ Тмутракани. Но дядья вывели Олега изъ Владимира, и повидимому рѣшили оставить за дѣтьми Святослава только отдаленные Муромо-Рязанскія земли и Тмутракань. Съ такимъ рѣшенiemъ не могли помириться предпримчивые Святославичи и особенно самый беспокойный изъ нихъ, Олегъ. Онъ не поѣхалъ въ свой Муромскій удѣль, а отправился къ Роману въ Тмутракань,

и тамъ соединился еще съ однимъ обдѣленнымъ племянникомъ Ярославичей, съ Борисомъ Вячеславичемъ. Средства для борьбы съ старшими князьями оказались подъ рукою; это были половецкія дружины, всегда готовыя за плату или за добычу помогать кому угодно. Олегъ и Борисъ наняли Половцевъ и пошли къ Чернигову на Всеволода. Послѣдній былъ разбитъ на рекѣ Сожице; при чёмъ пали многіе знатные бояре русскіе, между прочимъ Иванъ Жирославичъ, Туки, братъ Чудиновъ, и Порѣй.

Изгнанный изъ Чернигова, Всеволодъ обратился за помощью въ Кіевъ къ старшему брату. Изяславъ старался утѣшить его, напоминаль о собственномъ двукратномъ изгнаніи изъ Кієва, и выражалъ готовность положить свою голову за обиду братию. Онъ собралъ большое войско, и двинулъся со Всеволодомъ противъ мятежныхъ племянниковъ. Сынъ Всеволода Владиліръ Мономахъ, княжившій въ Смоленскѣ, также поспѣшилъ на помощь отцу. Ярославичи осадили Черниговъ, граждане котораго, кажется, были преданы Святославову семейству: они мужественно оборонялись, хотя лхъ молодые князья находились въ отсутствіи. Но Олегъ и Борисъ скоро явились съ новыми наемными толпами Половцевъ. Тогда Ярославичи оставили осаду города и пошли на встрѣчу племянникамъ. Въ виду неравныхъ силъ, Олегъ желалъ уклониться отъ битвы; но пылкій Борисъ хвалился выйти на бой съ одною собственою дружиною. Гдѣ то недалеко отъ Чернигова на мѣстѣ, которое въ лѣтописи названо Нѣжатиной нивой, произошла жаркая битва. Борисъ палъ въ этой сѣчѣ. Изяславъ стоялъ посреди своихъ пѣшихъ полковъ, когда какой то непріятельскій всадникъ наскакалъ на него, и поразилъ его копьемъ. Великій князь упалъ мертвымъ. Сраженіе окончилось победою Всеволода. Разбитый Олегъ опять ушелъ въ Тмутракань. Тѣло Изяслава отвезли въ Кіевъ, и положили въ мраморной гробницѣ въ Десятинной церкви (1078 г.). Смерть за младшаго брата въ глазахъ народа искутила отчасти воспоминаніе о слабыхъ сторонахъ Изяславова княженія. Это мы видимъ изъ тѣхъ теплыхъ словъ, которыми лѣтописецъ сопровождаетъ рассказъ о его погребеніи: онъ особенно ста-

вить современнымъ князьямъ въ примѣръ братиюю любовь Изяслава.

Старшимъ княземъ на Руси оставался теперь послѣдній изъ Ярославичей, Всеволодъ. Онъ занялъ Киевскій столъ; а Черниговъ передалъ своему сыну Владимиру Мономаху. Сыновей своего старшаго брата Изяслава онъ щедро наградилъ удѣлами: Ярополку Изяславичу отдалъ область Волынскую; а Святополка Изяславича посадилъ въ Новгородъ. Но Святославичи, Романъ и Олегъ, а также Давидъ Игоревичъ и три сына умершаго Ростислава Тиутраканскаго, Рюрикъ, Василько и Володарь, считали себя обдѣленными, и продолжали оружіемъ добиваться волостей; средства къ тому доставляли Половцы, Хазаро-Черкесы и вольныя русскія дружины. Романъ и Олегъ, изъ своего Тиутракана снова ходили съ половецкою и черкесскою конницею добывать Черниговъ; во время этого похода Романъ былъ убитъ самими Половцами; а Олегъ, скваченный тиутраканскими Хазарами, выданъ Грекамъ, которые заточили его на островъ Родосъ (⁽⁵⁾).

Ростиславичи, такие же воинственные, беспокойные князья какъ ихъ отецъ, получили въ удѣлъ Червенскіе города, которые хотя и были захвачены Болеславомъ Смѣлымъ, но вновь возвращены Русью, благодаря смутамъ, наступившимъ въ Польшѣ. Недовольствуясь этими городами, Ростиславичи старались отнять у Ярополка часть Волынской земли. Давидъ Игоревичъ добился нѣкоторыхъ волостей въ той же землѣ. Между тѣмъ и неугомонный Всеславъ Полоцкій также продолжалъ свои непріязненные дѣйствія. Тщетно Всеволодъ пытался смирять непокорныхъ родственниковъ и посыпалъ на нихъ своего сына Владимира Мономаха: междуусобія, потушенные въ одномъ мѣстѣ, съ новою силою возникали въ другомъ. Русь страдала при немъ и отъ частыхъ половецкихъ набѣговъ; а Киевское населеніе терпѣло еще обиды отъ княжескихъ тунновъ. Удрученный старостію и болѣзнями, Всеволодъ самъ мало занимался главными обязанностями князя, т. е. судомъ и расправою, и предоставлялъ дѣла своимъ тунамъ: народная жалоба на ихъ грабительства и неправды проникли и въ самую лѣтопись, обыкновенно столь благо-

склонную къ роду Мономаха. Сверхъ того княженіе Все-волода ознаменовалось и другими бѣдствіями, каковы чрезвычайный моръ, истребившій много народа, и страшная засуха, сопровождаемая лѣсными пожарами.

Въ 1093 году Всеvolодъ умеръ, и былъ погребенъ въ великомъ Софійскомъ храмѣ, тамъ же гдѣ и отецъ его Ярославъ, любившій его болѣе другихъ дѣтей. Онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, Владимира Мономаха и Ростислава, и нѣсколькихъ дочерей. Изъ послѣднихъ Анна или Янка, какъ называется ее лѣтопись, отличавшаяся приверженностью къ церкви, дѣвицей постриглась въ монахини, и основала женскій монастырь при храмѣ св. Андрея. По смерти митрополита Ioanna, извѣстного своею учено-стію и своими сочиненіями, Янка предпринимала путешество въ Царьградъ, и оттуда привезла въ Кіевъ новаго митрополита, именемъ также Ioanna, мужа неученаго, притомъ еще скопца. Послѣдній не понравился народу, который, смотря на его блѣдное лицо, называлъ его мертвѣцомъ (навѣе); впрочемъ онъ и дѣйствительно скоро умеръ. Другая дочь Всеvolода, Евпраксія, имѣла замѣчательную судьбу. Сначала она была выдана за мужъ за одного нѣмецкаго маркграфа. Оставшись вдовою, въ 1089 году она вступила въ новый бракъ съ императоромъ Генрихомъ IV, успѣвшимъ также одовѣть. Но послѣдній бракъ былъ самый несчастный. Много пришлось ей вытерпѣть насилий и всячаго рода оскорблений отъ жестокаго и развратнаго супруга. Она даже была лишена свободы; но успѣла бѣжать, и нашла убѣжище у знаменитой Tosканской маркграфини Matильды, съ помощью которой хлопотала о разводѣ передъ папою Урбаномъ II. Потомъ она воротилась на родину, въ Кіевъ; здѣсь постриглась, скончалась въ 1109 году, и погребена въ Печерскомъ монастырѣ. Янка пережила ее четырьмя годами (⁴⁶).

Со смертію послѣдняго изъ сыновей Ярослава велико-княжеское достоинство должно было перейти къ одному изъ его внуковъ. По родовымъ понятіямъ того времени старшинство принадлежало Святополку Изяславичу, т. е. сыну старшаго изъ Ярославичей, занявшихъ Кіевской столъ. Хотя Кіевляне и выражали желаніе имѣть княземъ

мужественного Владимира Мономаха, который призванъ былъ своимъ умирающимъ отцомъ въ Киевъ и присутствовалъ при его погребеніи; но Владимиръ не хотѣлъ нарушить права Святополка и навлекать междуусобную войну. Онъ послалъ за нимъ въ Туровъ звать его на великоняжескій столъ; а самъ отправился въ свой Черниговскій удѣль. Не даромъ Киевляне желали обойти Святополка: онъ скоро обнаружилъ свою неспособность внушить уваженіе младшимъ родичамъ и страхъ внѣшнимъ врагамъ Россіи.

Половцы шли воевать Русскую землю въ то время, когда до нихъ достигла вѣсть о смерти Всеволода; они отправили пословъ къ Святополку съ предложеніемъ мира, сопровождая это предложеніе конечно разными требованіями. Святополкъ, не внимая совѣтамъ опытныхъ кievскихъ бояръ, служившихъ его отцу и дядѣ, послушалъ своихъ дружинниковъ, пришедшихъ съ нимъ изъ Турова, и велѣлъ заключить подъ стражу половецкихъ пословъ. Тогда Половцы принялись опустошать русскіе предѣлы и между прочимъ осадили Торческъ, городъ находившійся на рѣкѣ Росі, на границѣ со степью, и населенный преимущественно плѣнными Торками. Святополкъ спохватился, отпустилъ половецкихъ пословъ, и самъ предлагалъ миръ; но теперь уже трудно было остановить орду. Имѣя у себя не болѣе 800 отроковъ, великій князь по совѣту неразумныхъ людей хотѣлъ выступить противъ варваровъ; однако послушалъ наконецъ старыхъ бояръ, и послалъ просить помощи у Владимира Мономаха. Послѣдній не замедлилъ придти изъ Чернигова, а своего младшаго брата Ростислава призвалъ изъ Переяславля. Но силы собрались недостаточныя. Когда князья пришли къ рѣкѣ Стугнѣ, Владимиръ совѣтовалъ остановиться, и, угрожая отсюда Половцамъ, войти съ ними въ переговоры. Но Святополкъ отважился на битву, которой требовало и пылкое кievское юношество. Рѣка Стугна находилась тогда въ разливѣ. (Дѣло происходило въ маѣ мѣсяца). Войска переправились черезъ нее, миновали городъ Треполь и вышли за валъ, насыпанный Русью для защиты отъ степняковъ. Тутъ встрѣтила Русскихъ Половецкая орда, и ударила прежде всего на дружину Святополка; послѣдняя не выдер-

жала и побѣжала; за тѣмъ варвары сломили дружины Владимира и Ростислава. Святополкъ бросился съ своими людьми въ ближній городъ Треполь; а Черниговцы и Переяславцы побѣжали къ Стугиѣ и пошли черезъ нее въ бродъ; при чёмъ Ростиславъ утонулъ. Владимиръ, хотѣвшій подхватить брата, самъ едва не пошелъ ко дну. Онъ потерялъ въ этой битвѣ значительную часть своей дружины со многими боярами, и очень печаленъ воротился въ Черниговъ. А Святополкъ въ ту же ночь изъ Треполя убѣжалъ въ Кіевъ. Тогда Половцы, распустивъ свои загоны по Русской землѣ, безпрепятственно принялись грабить и брать полонъ. Загоны ихъ доходили до Вышгорода, т. е. къ сѣверу отъ Кіева. Святополкъ попытался снова сразиться съ варварами, и опять былъ разбитъ на голову. Между тѣмъ осажденный Торческъ болѣе девяти лѣтъ мужественно оборонялся; наконецъ, томимый голодомъ и жаждою, отворилъ ворота. Варвары зажгли городъ, а жителей его раздѣлили между собою, и увѣли въ свои вежи вмѣстѣ съ огромнымъ полономъ, захваченнымъ въ другихъ городахъ и селахъ. Въ слѣдующемъ 1094 году Святополкъ заключилъ миръ съ Половцами, и, чтобы скрѣпить его, женился на дочери сильнѣйшаго изъ половецкихъ хановъ Тугорканы. Но эта война была только началомъ тѣхъ бѣдствій и междуусобныхъ браней, которыми ознаменовалось княженіе Святополка—Михаила.

Причиной междуусобій, происходившихъ при Святополкѣ II, было продолженіе споровъ съ одной стороны за Черниговъ, съ другой за Волынь. Олегъ Святославичъ, заточенный греческимъ правительствомъ на островъ Родосъ, пробылъ тамъ два года. Но съ восшествіемъ на византійскій престолъ знаменитаго Алексія Комнина обстоятельства измѣнились. Русскій князь не только получилъ свободу, но, кажется, и помощь, съ которой воротилъ себѣ Тмутраканскій столъ (въ 1083 г.); при чёмъ строго наказалъ крамольныхъ тмутраканскихъ Хазаръ, и казнилъ главныхъ виновниковъ своей ссылки. Около десяти лѣтъ Олегъ сидѣлъ смирно въ Тмутракані; но по смерти Всеволода онъ въ 1094 году явился съ толпами Половцевъ подъ Черниговомъ, что бы завоевать

свой наследственный удѣлъ. Владіміръ Мономахъ, еще не оправившійся отъ пораженія на берегахъ Стугны, на этотъ разъ не былъ готовъ къ борьбѣ. Когда непріятели начали выжигать монастыри и села, лежащія около Чернигова, онъ послѣ осьмидневной обороны помирился съ Олегомъ, сдалъ ему городъ; а самъ съ своимъ семействомъ подъ прикрытиемъ небольшой дружины прошелъ сквозь половецкія толпища, и удалился въ свой наследственный Переяславль. Однако Олегъ не вдругъ утвердился въ Черниговской области. Святополкъ и Владіміръ Мономахъ пригласили его идти вмѣстѣ съ ними на Половцевъ; но онъ уклонился отъ войны съ бывшими союзниками. Въ слѣдующемъ 1096 году Святополкъ и Владіміръ послали звать Олега въ Киевъ, чтобы сообща разсудить о защите Русской земли отъ варваровъ и подумать о томъ совокупно съ епископами, игуменами, боярами и городскими старцами. Олегъ далъ гордый отвѣтъ: „не пристало судить меня епископамъ, игуменамъ и смердамъ“. „Такъ ты нейдешь ни на поганыхъ съ нами, ни на совѣтъ къ намъ; а замышляешь поганымъ помогать противъ насъ“— велѣли сказать ему Святополкъ и Владіміръ, и, соединясь, пошли на Олега. Послѣдній былъ изгнанъ изъ Чернигова; но вместо Тмутраканя онъ удалился теперь въ другой наследственный удѣлъ Святославичей, въ землю Муромо-Рязанскую.

Не задолго до того времени одинъ изъ сыновей Владіміра Мономаха, Изяславъ, выгналъ изъ Мурома посадниковъ Олега и завладѣлъ этимъ городомъ. Олегъ съ Рязанцами пришелъ къ Мурому, и подъ его ютѣнами разбилъ Изяслава; послѣдній палъ въ этой битвѣ; а его ростовскіе и бѣлозерскіе дружинники были взяты въ плѣнъ и заключены въ оковы. Недовольствуясь возвращенiemъ Муромскаго удѣла, Олегъ въ свою очередь захватилъ сосѣднія волости Ростовскую и Сузальскую, наследственные въ семье Мономаха, размѣстилъ тамъ своихъ посадниковъ и началъ собирать дани. Тогда противъ Олега выступилъ его крестникъ, старшій сынъ Мономаха Мстиславъ, княжившій въ Новгородѣ Великомъ. Онъ явился въ Сузальской области и выгналъ оттуда Олеговыхъ посадниковъ.

Скромный Мстиславъ послѣ того предложилъ крестному отцу миръ. „Я моложе тебя,—вѣрѣлъ онъ сказать Олегу—пересытайся съ моимъ отцомъ, возврати захваченную дружину; а я во всемъ тебя послушаю“. Къ тому же времени вѣроятно относится сохраненное въ лѣтописи письмо Мономаха къ Олегу. Не смотря на печаль о потерѣ младшаго сына, Владимиръ однако склоняется на миролюбивыя убѣжденія Мстислава; онъ обращается къ своему врагу съ словами примиренія, и въ трогательномъ посланіи къ нему изливаетъ свои чувства отца и христіанина. Но коварный Олегъ желалъ переговорами только выиграть время, чтобы приготовить силы и напасть врасплохъ. Была первая недѣля великаго поста. Мстиславъ въ Суздалѣ однажды сидѣлъ за обѣдомъ, когда къ нему пришла вѣсть, что Олегъ уже появился на Клязьмѣ. Молодой князь успѣлъ собрать свою дружину, состоявшую изъ Новогородцевъ, Ростовцевъ и Бѣлозерцевъ, поспѣшилъ на встрѣчу Олегу, и разбилъ его на берегахъ рѣчки Колокши, впадающей въ Клязьму. Преслѣдуя своего крестнаго отца и дядю въ глубь Рязанской области, Мстиславъ вѣрѣлъ ему сказать: „Не бѣгай, а пошли лучше къ братьямъ съ просьбою; они не лишатъ тебя Русской земли (т. е. удѣла въ южной Руси); я также попрошу за тебя своего отца“. Олегъ наконецъ послѣдовалъ его совѣту, и на этотъ разъ мирные переговоры повели къ знаменитому Любецкому съѣзду, который прекратилъ жестокія междоусобія за Черниговъ.

Въ 1097 году въ Любечѣ на берегахъ Днѣпра собрались старшіе князья, внуки Ярослава, Святополкъ, Владимиръ Мономахъ, Давидъ Игоревичъ и Олегъ съ братомъ своимъ Давидомъ, кромѣ того племянникъ ихъ Василько Ростиславичъ. „Зачѣмъ мы губимъ Русскую землю своими сордами;—говорили они другъ другу—а Половцы радуются нашимъ междоусобнымъ бранямъ и разносятъ нашу землю; будемъ отныне за одно, и пусть каждый владѣеть своею отчиною“. Вслѣдствіе этого порѣшили, чтобы Святополкъ по прежнему держалъ Кіевъ, а Владимиръ Мономахъ земли Переяславскую и Ростовскую, Давидъ, Олегъ и Ярославъ Святославичи Черниговскую и Муромо-Рязанскую, Давидъ Игоревичъ Владиміро-Волынскую, Ростислави-

чамъ оставлены города, которые назначены были еще Все-володомъ, именно, Володарю Переяшль, а Васильку Теребовль. Князья поцѣловали крестъ, т. е. присягнули на этомъ рѣшѣніѣ, и обязались вооружиться всѣмъ на того, кто вѣдумаетъ нарушить согласіе. Затѣмъ они разѣхались. Такимъ образомъ Черниговъ былъ возвращенъ Святославичамъ.

Любецкій съездъ имѣетъ то значеніе въ нашей исторіи, что на немъ ясно высказалось стремленіе Руси къ раздробленію на отдѣльныя земли (отчины), т. е. къ закрѣпленію этихъ земель за известными вѣтвями Русскаго княжескаго дома, а слѣдовательно къ нѣкоторому ихъ обособленію. Постановленіе этого съѣзда легло въ основу почти всѣхъ послѣдующихъ между княжескихъ отношеній.

Но едва утихла междоусобная брань со стороны Чернигова, какъ она быстро и неожиданно возникла съ другой стороны: за Черниговскимъ выступилъ вопросъ Волынскій, сопровождаемый дѣлами еще болѣе кровавыми и драматическими. Прежде нежели перейти къ дальнѣйшимъ событиямъ, необходимо упомянуть объ одномъ случаѣ, имѣющемъ съ ними тѣсную связь. Выше сказано, что въ княженіе Всеволода племянникъ его Ярополкъ Изяславичъ получилъ въ удѣльь Владиміро-Волынскую область, и что съ нимъ враждовали его сосѣди Ростиславичи: послѣдніе желали увеличить свои удѣлы на счетъ Волынской земли. Однажды Ярополкъ Изяславичъѣхалъ изъ Владимира въ свой червенскій Звенигородъ и лежалъ на возу. Вдругъ одинъ изъ дружиинниковъ, его сопровождавшихъ, по имени Нерадецъ, улучивъ минуту, вонзилъ князю въ бокъ свой мечъ, и ускакалъ. Убийца бѣжалъ въ Переяшль къ старшему изъ Ростиславичей Рюрику; поэтому на нихъ и пало подозрѣніе въ подговорѣ къ владѣянію, которое повидимому осталось безнаказаннымъ. Послѣ того удѣльь Владиміро-Волынскій достался Давиду Игоревичу.

За Давидомъ утверждена Волынь и на Любецкомъ съѣздѣ, исключая нѣкоторой ея части, прилежавшей къ Червенскому городамъ и отданной двумъ Ростиславичамъ, Васильку и Володарю (старшій ихъ братъ Рю-

рикъ уже умеръ). Коварный, завистливый Давидъ тяготился сосѣдствомъ Ростиславичей. Неизвѣстно, хотѣлось ли ему владѣть всѣю Волынскою землею безраздѣльно, или онъ не считалъ себѣ безопаснѣмъ съ ихъ стороны; но дѣло въ томъ, что онъ послушалъ нѣкоторыхъ злыхъ совѣтниковъ и рѣшился погубить Василька; а для этого воспользовался старымъ, темнымъ дѣломъ о смерти Ярополка Изяславича. Изъ Любеча волынскій князь вмѣсть съ Святополкомъ прибылъ въ Киевъ, и началъ внушать ему, будто Владимиръ Мономахъ и Василько Ростиславичъ сговорились дѣйствовать за одно: первый хочетъ завладѣть Кіевомъ, а второй Владиміромъ. Обстоятельства какъ бы подтверждали его наивѣты: Василько дѣйствительно собиралъ силы, звалъ къ себѣ Берендеевъ и Торковъ, и готовился къ войнѣ. Великій князь сначала выражалъ недовѣріе къ словамъ Давида; но послѣдній напомнилъ ему обѣ участіи его старшаго брата Ярополка, прямо утверждая, что тотъ погибъ отъ Ростиславичей. Напоминаніе это подействовало на слабодушнаго Святополка; онъ сдѣгался доступенъ внушеніямъ Давида, который твердилъ: „пока не схватимъ Василька, ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владимірѣ“.

Межу тѣмъ Василько, возвращаясь изъ Любеча, также прибылъ къ Кіеву. 4-го ноября онъ переправился съ своимъ обозомъ черезъ Днѣпръ у Выдубецкаго монастыря; вечеромъ ужиналъ въ монастырѣ, и потомъ ночевалъ въ своемъ лагерѣ. Поутру Святополкъ — Михаилъ прислалъ просить, что бы онъ погостили въ Кіевѣ до имянинъ его, великаго князя, т. е. до 8-го ноября. Василько отказывался, говоря, что нужно спѣшить домой, что ему грозитъ рать отъ Поляковъ. Новый поводъ для злыхъ внушеній Давида Святополку: „смотри, онъ совсѣмъ не почитаетъ тебя за старѣшаго, и вотъ увидишь, какъ вернется домой, такъ и захватитъ твои волости Туровъ и Пинскъ, и Берестѣе“. Святополкъ послалъ сказать Васильку, что бы тотъ побывалъ къ нему хотя на короткое время. Василько сѣлъ на коня, и съ нѣкоторыми слугами покинулъ въ Кіевъ. По словамъ лѣтописи, какой то отрокъ, т. е. изъ младшихъ дружин-

никовъ, предупреждалъ его объ опасности, но тщетно; князь не повѣрилъ, вспоминая недавнее крестное цѣлованіе въ Любечѣ, и сказалъ: „Воля Господня да будетъ“. Въ гридинцѣ у Святополка онъ встрѣтился съ Давидомъ; между тѣмъ какъ хозяинъ разговаривалъ съ гостемъ, Давидъ сидѣлъ молча, потупивъ взоры, Святополкъ вышелъ подъ предлогомъ распорядиться о завтракѣ; вслѣдъ за нимъ ушелъ и Давидъ. На Василько тотчасъ напали воины и заключили его въ оковы. Дѣло было очень важное; поэтому Святополкъ на другой день собралъ своихъ бояръ вмѣстѣ съ кievскими старѣшинами и сообщилъ имъ слышанное отъ Давида: будто Василько говорился съ Владимиромъ Мономахомъ убить великаго князя и завладѣть его городами. Бояре и старцы недоумѣвали, вѣрить этому или не вѣрить, и дали отвѣтъ уклончивый: „ты, князь, долженъ беречь свою голову, и, если обвиненіе справедливо, Василько подлежитъ наказанію; но, если Давидъ молвилъ неправду, то пусть отвѣчаетъ за нее передъ Богомъ“. Узнавъ о томъ, игумены монастырей поспѣшили ходатайствовать за Василька передъ великимъ княземъ. Тогда Давидъ удвоилъ свои усилия запугать послѣдняго и склонить его на ослѣпленіе узника; Святополкъ послѣ нѣкотораго колебанія согласился.

Въ туже ночь Ростиславича привезли въ Звенигородъ, мѣстечко верстахъ въ десяти отъ Киева, и остановились съ нимъ въ одной избѣ. Тутъ Василько увидалъ княжаго пастуха, родомъ Торчинъ, точившаго ножъ; онъ догадался, что его хотятъ ослѣпить и горько заплакалъ. Дѣйствительно, вошли два конюха, одинъ Святополковъ, другой Давидовъ, разослали коверъ и хотѣли повалить князя; послѣдній, хотя и связанный, отчаянно оборонялся; позвали еще двоихъ. Василька повалили, положили ему на грудь доски и сѣли на нихъ всѣ четверо; кости несчастнаго захрустѣли. Тогда Торчинъ съ звѣрскою жестокостью совершилъ ослѣпленіе. Замертво положили князя на телѣгу, и повезли во Владимиръ Волынскій. Когда проводники остановились обѣдать въ мѣстечкѣ Здвиженії, они сняли съ Василька сорочку, и отдали вымыть попадѣй. Вымывъ ее и надѣвъ опять на князя, попадья

начала плакать по немъ какъ по мертвомъ. Отъ этого плача князь очнулся, выпилъ свѣжей воды, и, ощупавъ грудь, сказалъ: „зачѣмъ вы сили съ меня окровавленную сорочку? Пусть бы я умеръ въ ней и вмѣстѣ съ нею представалъ предъ Богомъ“. Во Владимірѣ Давидъ посадилъ пленника подъ стражу, и приставилъ къ нему 30 воиновъ съ двумя княжими отроками, Уланомъ и Колчею. Сидя въ заключеніи, Василько, въ минуту смиренія, говорилъ, что Богъ конечно наказалъ его за гордость. Не было у него и помышленія на Святополка или Давида; но были у него обширные замыслы. Онъ собиралъ войско и призывалъ Берендеевъ и Торковъ съ Печенѣгами, что бы идти на Ляховъ. Онъ думалъ сказать Давиду и брату своему Володарю: „дайте мнѣ младшую свою дружину, а сами пейте и веселитесь; я же пойду въ землю Ляшскую, возьму ее и отомщу за землю Русскую“. Потомъ онъ хотѣлъ захватить какую то часть Дунайскихъ Болгаръ и поселить ихъ у себя; а послѣ того намѣренъ былъ проситься у Святополка и Владимира на Половцевъ и тамъ или добыть себѣ славы, или сложить свою голову за Русскую землю. „Я уже возвеселился душою, слыша, что ко мнѣ идутъ Берендики; но Богъ низложилъ меня за мое высокоуміе“ — заключилъ узникъ.

Вѣсть объ ослѣплении Василька привела въ ужасъ другихъ князей; „никогда такого дѣла не было въ родѣ нашемъ“, говорили они. Владиміръ Мономахъ немедленно призвалъ къ себѣ Святославичей, Давида и Олега, и вмѣстѣ съ ними пошелъ къ Кіеву. На упреки, обращенные къ великому князю, послѣдній оправдывался тѣмъ, что говорилъ ему Давидъ Игоревичъ о замыслахъ Василька. „Нечего тебѣ ссытаться на Давида, — отвѣчали ему братья — не въ Давидовомъ городѣ былъ взять и ослѣпленъ Василько“. Владиміръ и Святославичи готовились уже переправиться за Днѣпръ, что бы изгнать Святополка изъ Кіева, когда къ нимъ явились послами отъ Кіевлянъ мачиха Владимира и митрополитъ Николай. Они умоляли князей не губить Руси новою междуусобною бранью и не радовать тѣмъ Половцевъ; послѣдніе придутъ и возьмутъ землю Русскую, которую ста-

рые князья стяжали своею храбростю и своими величими трудами. Владиміръ былъ тронутъ этими увѣщаніями; онъ чтилъ супругу своего отца, чтилъ и санъ святительскій, и согласился на миръ, но съ тѣмъ, чтобы самъ Святополкъ шелъ на Давида Игоревича и наказалъ бы его за гнусную клевету. Святополкъ обѣщалъ. Между тѣмъ Володарь Ростиславичъ уже началъ войну съ Давидомъ, и соглашался на миръ только подъ условіемъ выдачи своего ослѣпленного брата. Давидъ дѣйствительно выдалъ ему Василька; но миръ былъ непродолжителенъ. Слѣпой Василько жаждалъ мести; кроме того былъ споръ о нѣкоторыхъ городахъ, и война возгорѣлась снова. Ростиславичи осадили Давида въ самомъ Владимірѣ, и послали сказать гражданамъ, что они не хотятъ разорять городъ, а требуютъ только выдачи своихъ злодѣевъ Турика, Лазаря и Василя, которые подговаривали Давида на ослѣпленіе Василька. Граждане заставили князя выдать Лазаря и Василя (Турикъ успѣлъ бѣжать въ Кіевъ). Ростиславичи повѣсили ихъ, и отступили отъ города. Примѣръ этихъ людей показываетъ, какое дѣятельное участіе въ смутахъ того времени имѣли бояре и дружинники княжеские, и какъ они подчиняли своему вліянію князей недальновидныхъ или слабодушныхъ.

Святополкъ медлилъ исполнить обѣщаніе, данное Владиміру Мономаху и Святославичамъ. Только въ 1099 г. онъ собрался наконецъ и пошелъ на Давида. Послѣдній обращался съ просьбою о помощи къ союзнику своему польскому королю Владиславу Герману; но и Святополкъ тоже предлагалъ Владиславу свой союзъ и послалъ ему богатые дары. Осажденный во Владимірѣ и не получая помощи отъ Поляковъ, Давидъ принужденъ былъ сдать городъ Святополку и довольствоваться небольшою оставленною ему волостью. Но междуусобія этимъ не кончились. Великій князь, поощренный успѣхомъ, вздумалъ теперь выгнать и Ростиславичей изъ Волынской земли, что бы владѣть ею сполна. Еще слишкомъ жива была память о могуществѣ Кіевскаго государя, господствовавшаго надъ всѣми русскими землями, и даже такой непредпримчивый князь какъ Святополкъ II (конечно не безъ

вліянія кіевскихъ бояръ) обнаруживаетъ попытку если не къ объединенію, то къ возможно-большему захвату земель въ свои руки. А въ подобныхъ случаяхъ благодатная Волынская земля, какъ ближайшая къ Кіевской и не отдаленная отъ нея никакими естественными преградами, обыкновенно служила первымъ предметомъ кіевскихъ домагательствъ. Борьба съ храбрыми братьями однако была неудачна. Тогда великий князь призвалъ на помощь угорского короля Коломана. Но на этотъ разъ общая опасность помирила Ростиславичей съ Давидомъ: онъ соединился съ ними противъ Святополка, что бы воротить себѣ Владиміръ. Давидъ привелъ наемную половецкую помощь. Съ нимъ пришелъ знаменитый половецкій ханъ Бонякъ, и они рѣшили напасть на Угровъ, которые стояли около Переяславля на рѣкѣ Вагрѣ и были гораздо многочисленнѣе Половцевъ. Лѣтописецъ нашъ по этому поводу сообщаетъ любопытныя подробности о Бонякѣ. Въ ночь передъ битвою онъ выѣхалъ изъ своего стана въ поле, и началъ выть по волчьи; ему отклинулся сначала одинъ волкъ, потомъ завыли и многіе. Бонякъ воротился въ станъ и сказалъ Давиду: „завтра намъ будетъ побѣда надъ Уграми“. Поутру онъ раздѣлилъ войско на три части: впередъ пустилъ своего воеводу Алтунона, Давида поставилъ назади подъ стягомъ, т. е. подъ знаменемъ, съ его русскою дружиною; а самъ съ остальными Половцами устроилъ засаду по сторонамъ. Угры стояли заставами; Алтунона напалъ на первую заставу, и, пустивъ стрѣлы, обратился въ притворное бѣгство. Угры дались въ обманъ и начали его преслѣдоввать; когда они миновали засады, Бонякъ вышелъ и напалъ на нихъ съ тыла; Алтунона повернулъ имъ въ лицѣ; подоспѣлъ и Давидъ. Бонякъ, по выражению лѣтописи, сбилъ Угровъ въ мячъ, „какъ соколъ сбиваетъ галокъ“. Угры бросились спасаться бѣгствомъ; при чёмъ много ихъ перетонуло въ рѣкахъ Вагрѣ и Санѣ.

Война Давида и Ростиславичей съ Святополкомъ продолжилась до слѣдующаго 1100 года; въ августѣ этого года князья собрались на новый съездъ, который на сей разъ происходилъ подъ Витичева (⁴⁷). Святополкъ, Владимиръ

Мономахъ, Давидъ и Олегъ Святославичи въ сопровождении своихъ дружинниковъ съѣхались, что бы разсудить дѣло Давида Игоревича, и, кажется, по его собственной жалобѣ. Онъ также явился на съѣздъ. „Ну вотъ ты сидишь теперь съ нами на одномъ коврѣ; — сказали братья Давиду — говори, въ чёмъ твоя жалоба“. Давидъ былъ смущенъ, и отвѣчалъ, что они сами его призвали. Братья встали, сѣли на коней, и каждый подъѣхалъ къ своей дружинѣ, что бы посовѣтоваться съ нею. Давидъ между тѣмъ сидѣлъ въ сторонѣ и ждалъ рѣшенія. Пере говоривъ съ боярами и между собою, братья отрядили своихъ мужей, Святополкъ Путяту, Владиміръ Орогостя и Ратибора, Давидъ и Олегъ Святославичи какого то Торчина, и велѣли сказать Давиду Игоревичу слѣдующее:

„Не даемъ тебѣ стола Владимірскаго, потому что ты бросилъ ножъ между пами, и сдѣлалъ то, чего никогда не бывало въ Русской землѣ. Мы тебя не подвергаемъ заключенію, и не дѣлаемъ тебѣ никакого другого зла; ступай, садись въ Бужскѣ и Острогѣ; Святополкъ даетъ тебе еще Дубно и Чарторыйскъ, Владиміръ двѣсти гривенъ, Давыдъ и Олегъ также двѣсти гривенъ“.

Опальный князь долженъ былъ подчиниться рѣшенію братьевъ. Владиміръ Волынскій остался за Святополкомъ; послѣдній далъ еще Давиду городъ Дорогобужъ, гдѣ тотъ впослѣдствіи и умеръ.

Какъ Любецкій съѣздъ порѣшилъ споръ о Черниговѣ, такъ Витичевскій съѣздъ прекратилъ междуусобія за Волынскую область. Водворивъ миръ въ Русской землѣ, князья склонились на убѣжденія Владимира Мономаха и соединенными силами обратились теперь на своихъ общихъ враговъ, т. е. на дикихъ Половцевъ. Борьба Руси съ этими кочевниками около того времени принимаетъ ожесточенный, упорный характеръ. Столъ же коварные какъ и хищные, половецкие ханы часто заключали миръ съ русскими князьями; при чёмъ брали дары и клялись не нападать на русскія земли; но вслѣдъ за тѣмъ забывали о своихъ клятвахъ и вновь приходили жечь, грабить и уводить въ плѣнъ русское населеніе. Такое вѣроломство ожесточило русскихъ людей, и только этимъ общимъ

ожесточеніемъ можно объяснить слѣдующій поступокъ Владимира Мономаха, наиболѣе уважавшаго клятвы и договоры, наиболѣе рыцарственного изъ русскихъ князей того времени.

Въ 1095 году два половецкихъ хана, Итларь и Китанъ, пришли къ Владимиру въ Переяславль для заключенія мира. Итларь съ своими людьми вошелъ въ самый городъ, и расположился на дворѣ Ратибора; а Китанъ сталъ за городомъ между валами, взявъ къ себѣ въ заложники одного изъ сыновей Владимира Выхъ, Святослава. Ратиборъ былъ старый, знатный бояринъ, служившій воеводою еще отцу Мономаха. Этотъ бояринъ и его семья почему то особенно злобились на Половцевъ, и задумали вѣроломнымъ образомъ перебить своихъ гостей. Въ тоже время въ Переяславлѣ находился кievскій бояринъ Словята, присланный отъ Святополка съ какимъ то порученіемъ (очевидно относившимся къ тѣмъ же Половцамъ). За одно съ нимъ Ратиборовичи начали уговаривать Владимира на истребленіе Половцевъ. Князь колебался, говоря: „какъ можно это сдѣлать послѣ только что данной присяги?“. Дружина успокоивала его совѣсть словами: „нѣтъ въ томъ грѣха; Половцы всегда даютъ клятву сохранять миръ и всегда ее нарушаютъ, безпрестанно проливая кровь христіансскую“. Владимиръ, хотя и неохотно, но далъ свое соглашеніе. Въ ту же ночь Словята съ отрядомъ изъ Русскихъ и Торковъ подкрался къ стану Китана: сначала выкрали молодаго Святослава; а потомъ бросились на Половцевъ и всѣхъ перебили вмѣстѣ съ ханомъ. Итларь съ своими людьми между тѣмъ ночевалъ на дворѣ Ратибора, ничего не зная объ участіи Китана. Поутру его пригласили въ избу, чтобы позавтракать и обогрѣться; такъ какъ дѣло было въ концѣ февраля. Но едва ханъ и его свита вошли въ избу, какъ ихъ заперли, вскрыли потолокъ, и оттуда первый Ольбегъ Ратиборичъ угодилъ стрѣлою прямо въ сердце Итларя; затѣмъ избили и всѣхъ его людей. Такое вѣроломство конечно не принесло никакой существенной пользы Русской землѣ. Оно только еще болѣе ожесточило обѣ стороны. Вслѣдъ за тѣмъ Святополкъ и Владимиръ соединенными силами предприняли походъ въ степи, ра-

зорили нѣкоторыя половецкія вежи и воротились съ большою добычею, состоявшую изъ челяди, коней, верблюдовъ и прочаго скота. Это былъ тотъ походъ, отъ участія въ которомъ уклонился Олегъ Святославичъ. Половцы въ томъ же году отомстили нашествіемъ на кievскіе предѣлы; они долго осаждали городъ Юрьевъ, на рѣкѣ Роси, и наконецъ сожгли его, носкъ того какъ онъ былъ оставленъ своими жителями. Этихъ выходцевъ изъ Юрьева Святополкъ поселилъ на мѣстѣ древняго Витичева, на высокомъ холму праваго Днѣпровскаго берега, и вновь основанный здѣсь городъ назвалъ своимъ именемъ *Святополкъ*.

Въ слѣдующемъ 1096 году, когда великий князь и Владимиръ были заняты междуусобною воиною съ Олегомъ Святославичемъ, Половцы воспользовались удобнымъ временемъ и усилили свои набѣги. Свирѣпый ихъ ханъ Бонякъ разорялъ правый берегъ Днѣпра до самаго Кієва; при чемъ опустошилъ окрестности столицы и обратилъ въ пепель загородный великокняжескій дворъ на Берестовѣ; а другой ханъ, Кура, свирѣпствовалъ на лѣвой сторонѣ около Переяславля. Пришелъ тестъ Святополка Тугорканъ, и осадилъ самый Переяславль, въ отсутствіе Владимира. Тогда Святополкъ и Владимиръ, соединясь, переправились за Днѣпъръ у Заруба и неожиданно для Половцевъ явились подъ Переяславлемъ. Варвары были разбиты на голову. Въ числѣ убитыхъ былъ и Тугорканъ; великий князь велѣлъ его какъ своего тестя отвезти въ столицу и погребести у Берестова. Но между тѣмъ какъ князья еще находились въ Переяславлѣ, Бонякъ пользуясь отсутствіемъ войска, явился опять около Кіева и едва не ворвался въ самый городъ. Онъ сжегъ нѣсколько монастырей и селъ, въ тоимъ числѣ и красный княжескій дворъ, построенный Всеволодомъ на Выдумецкомъ холму. При этомъ неожиданномъ нашествіи пострадала и знаменитая Печерская обитель. Варвары съ дикими криками напали на нее въ тотъ часъ, когда иноки послѣ заутрея спали по своимъ кельямъ. Вырубивъ монастырскія ворота, они принялись грабить, поджигать храмъ Богородицы и рыскать по пустымъ кельямъ, изъ которыхъ мо-

яхи успѣли спастись бѣгствомъ. Услыхавъ объ этомъ нашествіи, Святополкъ и Владимиръ спѣшили ударить на Боняка; но онъ съ такою же быстротою ушелъ въ степи, съ какою пришелъ. Русскіе князья погнались за нимъ, но не могли настичь.

Подобныя нападенія Половцевъ повторялись почти ежегодно; русскимъ князьямъ иногда удавалось вбремя сбратъ силы и поразить ту или другую толпу варваровъ. Нерѣдко князья съѣзжались вмѣстѣ съ половецкими ханами, заключали съ ними миръ, скрѣпляли его взаимными клятвами и даже браками съ ихъ дочерьми. Но ничего не могло прекратить губительныхъ половецкихъ набѣговъ. Оборонительная война оказывалась слишкомъ недостаточною; надобно было повести борьбу болѣе энергичную и дружную, что бы отбить движеніе степи на Южную Русь. Благодаря усиленіямъ Владимира Мономаха, такую именно наступательную борьбу повели русскіе князья въ началѣ XII вѣка. Это наступленіе восточноевропейскаго народа на своихъ турецкихъ сосѣдей совпало по времени съ такимъ же движеніемъ западноевропейскихъ народовъ противъ другой части того же Турецкаго племени, которая вышла изъ тѣхъ же Закаспійскихъ степей и, объединясь подъ знаменемъ Сельджукидовъ, распространила свое господство почти на всю Переднюю Азію. Славные русскіе походы въ глубь половецкихъ степей совпали съ началомъ Крестовыхъ походовъ для освобожденія Святой земли. Владимиръ Мономахъ и Готфридъ Бульонскій, это два вождя-героя одновременно подвизавшіеся на защиту христіанского мира противъ враждебнаго ему востока.

Въ 1103 г. Владимиръ пригласилъ Святополка весною вмѣсть выступить въ походъ на Половцевъ; но дружины отсовѣтывали походъ на томъ основаніи, что не время было отрывать земледѣльцевъ отъ поля. Для совѣщанія объ этомъ дѣлѣ князья сѣхались недалеко отъ Киева на лѣвомъ берегу Днѣпра у Долобскаго озера, и сѣли въ одномъ шатре, каждый съ своей дружиной. Владимиръ первый прервалъ молчаніе:

„Братъ, ты старший, начни же говорить, какъ намъ охранять Русскую землю?“

Святополкъ отвѣталъ:

„Братъ лучше ты начни“.

„Какъ же мнѣ говорить!—возразилъ Владимиръ—Противъ меня и мои и твоя дружина; скажутъ, что я хочу погубить и поселянъ, и пашни. Но вотъ что для меня удивительно: какъ вы ихъ жалѣете, а того не подумаете, что станетъ весною смердъ пахать на своей лошади; а пріѣдетъ вдругъ половчинъ, убьетъ смерда стрѣлою, лошадь его, жену и дѣтей возметъ себѣ, да и гумно зажжетъ. Почему же обѣ этомъ то вы не подумаете?“

Дружина единодушно признала справедливость его словъ.

„Я готовъ идти съ тобою“, сказалъ Святополкъ.

„Великое, братъ, добро сдѣлаешь Русской землѣ“, заѣтилъ Владимиръ.

Князья встали, поцѣловались, и послали звать съ собою въ походъ Святославичей. Олегъ отговорился болѣзнию, но братъ его Давидъ пошелъ. Кроме этихъ старшихъ князей въ походъ отправилось нѣсколько ихъ младшихъ родственниковъ съ своими дружинами, въ томъ числѣ и одинъ изъ сыновей незадолго умершаго Всеслава Полоцкаго. Князья двинулись съ конною и пѣшею ратью; послѣдняя плыла на лодкахъ по Днѣпру, а вторая вела своихъ коней берегомъ. Миновавъ пороги, лодки остановились у острова Хортицы; пѣхота вышла на берегъ, всадники сѣли на коней, и, соединясь, пошли въ степь. Послѣ четырехдневнаго похода Русь достигла непріятельскихъ кочевьевъ. Приготовляясь къ битвамъ, князья и воины усердно молились, и творили разные обѣты: одинъ обѣщалъ раздать щедрую милостыню, другой сдѣлать похертование на монастырь.

Междудѣмъ половецкіе ханы, заслышивъ о русскомъ походѣ, также собрались на съѣздъ, и начали совѣщаться. Старшій изъ нихъ, Урусоба, совѣтовалъ просить ми-ра. „Русь будетъ крѣпко съ нами биться, ибо много зла надѣвали мы Русской землѣ“, говорилъ онъ. Но болѣе молодые предводители не хотѣли его слушать, и хвалились, избивши Русь, идти въ ея землю и взять ея города. По-

ловцы выслали впередъ Алтунопу, который славился у нихъ своимъ мужествомъ. Онъ столкнулся съ сторожевымъ русскимъ отрядомъ, былъ окружены, побитъ и самъ палъ въ этой сечѣ. Ободренные первымъ успѣхомъ, русскіе полки смѣло ударили на главныя силы Половцевъ. Варвары подобно густому бору покрывали широкое поле; но не было въ нихъ бодрости; по словамъ нашей лѣтописи, и всадники, и кони стояли въ какой то дремотѣ. Половцы недолго выдерживали стремительное нападеніе Руси, и побѣжали. Битва происходила 4-го апрѣля. Въ ней пало до двадцати половецкихъ князей, въ томъ числѣ и Урусоба. Одинъ изъ сильнейшихъ хановъ, Бельдюзъ былъ взятъ въ плѣнъ, и началъ предлагать великому князю за себя выкупъ, обѣщая много золота, серебра, коней и всякаго скота. Святополкъ отослалъ его къ Владиміру. „Сколько разъ клялись вы не воевать Русской земли?“ сказалъ ему Мономахъ. „Зачѣмъ не удерживалъ своихъ сыновей и родичей, что бы они не нарушили клятвы и не проливали христіанской крови?“ — и велѣлъ изрубить его на части. Русскіе разорили многія вежи половецкія и взяли большую добычу плѣнниками, конями, верблюдами и прочимъ скотомъ. Они захватили также нѣкоторыя вежи Печенѣговъ и Торковъ, соединившихся съ Половцами. Съ великою честью и славою воротились князья въ свои города.

Но сила кочевниковъ далеко не была сломлена этимъ блестательнымъ походомъ. На слѣдующіе годы варвары отомстили Руси новыми набѣгами. Еще были живы свирѣпый Бонякъ и старый Шаруканъ. Однажды они вмѣстѣ пришли на Русь, и остановились подъ городомъ Лубно на берегахъ Сулы. Святополкъ и Владиміръ соединились на этотъ разъ съ Олегомъ Черниговскимъ. Они ударили на Половцевъ такъ неожиданно, что тѣ не успѣли „и стяга поставить“, и были разбиты на голову. На Успеньевъ день, въ храмовой праздникъ Печерского монастыря, Святополкъ воротился изъ похода и отправилъся прямо въ обитель благодарить за побѣду. Русскіе князья заключили миръ съ половецкими ханами; при чемъ на дочери одного изъ этихъ хановъ, Аепы, Влади-

міръ жениль своего младшаго сына Юрія, знаменитаго впослѣдствіи Долгорукаго. Олегъ Святославичъ жениль своего сына Святослава на дочери другаго хана, кото-рый также назывался Аепа. Но эти мирные договоры и брачные союзы, по обыкновенію, не прекратили враждебныхъ дѣйствій и набѣговъ половецкихъ. Тогда Мономахъ убѣдилъ русскихъ князей совершиТЬ новый большо-шой походъ общими силами, что бы разгромить поло-вецкія вежи и въ самыхъ степяхъ Задонскихъ.

Во главѣ соединеннаго ополченія снова стали Свято-полкъ, Владиміръ Мономахъ и Давидъ Святославичъ. На этотъ разъ князья выступили еще въ болѣе раннее вре-мя чѣмъ прежде, именно въ концѣ февраля, что бы совершиТЬ походъ до наступленія лѣтняго зноя, столь тягостнаго въ южныхъ степяхъ. До рѣки Хороля войско шло еще зимнимъ путемъ, но тутъ надобно было бросить сани. Оно постепенно миновало Псѣль, Ворсклу, Донецъ и прочія рѣки; а на шестой недѣлѣ во вторникъ достигло береговъ Дона. На этихъ берегахъ находились осѣд-лые становища главныхъ половецкихъ хановъ. Русь об-леклась въ брони, которая во время похода обыкновен-но складывалась на воза. Полки устроились и въ боевомъ порядке двинулись къ городу хана Шарукана; по распоряженію Владиміра священники шли впереди войска съ пѣніемъ тропарей и кондаковъ. Шаруканцы вы-шли на встречу Руси съ поклономъ, съ рыбью и виномъ; чѣмъ и спасли свои жилища отъ разоренія. Слѣдующій за тѣмъ городокъ хана Сугра былъ сожженъ. Въ чет-вергъ русская рать отъ Дона пошла далѣе. На другой день, 24 марта, она встрѣтилась съ половецкою ордою. Русскіе остались побѣдителями, и праздновали свою по-бѣду вмѣстѣ съ днемъ Благовѣщенія. Главная битва про-изошла въ страстной понедѣльникъ, на берегахъ Сала. Враги были очень многочисленны, и опять подобно густо-му бору окружили русскую рать. Упорная сѣча длилась до тѣхъ поръ, пока Владиміръ Мономахъ стремительнымъ натискомъ во главѣ своего полка не рѣшилъ побѣду. По словамъ лѣтописной легенды Половцы оправдывали свое пораженіе чудесною помощью, которую оказывали хри-

стіанамъ какіе то свѣтлые воины, носившіеся надъ русскими полками. Снова съ огромнымъ количествомъ пѣнниковъ и всякаго скота воротились Русскіе изъ похода. Лѣтописецъ прибавляетъ, что слава этихъ побѣдъ далеко разнеслась между другими народами, какъ то: Греками, Уграми, Ляхами, Чехами, и дошла до самаго Рима (48).

Въ апрѣль 1113 года скончался великий князь Святополкъ-Михаилъ на пути около Вышгорода. Его положили въ лодку, привезли въ Кіевъ и похоронили въ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ, который былъ имъ самимъ основанъ. Ближайшее право на великокняжескій столъ имѣли Святославичи, Давидъ или Олегъ; впрочемъ старшинство ихъ было спорное; такъ какъ ихъ отецъ Святославъ насильно отнялъ Кіевскій столъ у своего старшаго брата Изяслава и умеръ еще при его жизни. Вопросъ о старшинствѣ рѣшенъ голосомъ народнымъ, который единодушно указывалъ на Владимира Мономаха, въ дѣйствительности уже давно стоявшаго во главѣ русскихъ князей; а Святославичи были нелюбимы, особенно за свою дружбу съ Половцами и многія разоренія, причиненные ими Русской землѣ. Граждане кіевскіе собрались на вѣче, и послали въ Переяславль къ Владиміру просить его на столъ отцовскій и дѣдовскій. Владиміръ медлилъ: можетъ быть, старшинство Святославичей приводило его въ раздумье. Между тѣмъ въ Кіевѣ, при отсутствії княжеской власти, начались безпорядки. Чернь бросилась на дворы нелюбимыхъ сановниковъ, именно тысяцкаго Путяти и иѣкоторыхъ соцкихъ, и разграбила ихъ; потомъ пограбила дворы Жидовъ, которые купили себѣ разныя льготы у Святополка II, и по обыкновенію своему многихъ повергли въ нищету въ качествѣ жадныхъ ростовщиковъ. Тогда лучшіе граждане послали сказать Владиміру: „князь, иди скорѣе въ Кіевъ, а, если не придешь, то знай, что поднимется большое зло; уже не соцкихъ и не Жидовъ только будутъ грабить, а пойдутъ на вдовую княгиню, на бояръ и монастыри, и ты будешь отвѣтчиать передъ Богомъ, если разграблять монастыри“. Владиміръ послѣ того не медлилъ боѣ и послѣшилъ въ Кіевъ. Его встрѣтили митрополитъ и епископы со всѣмъ народомъ, и онъ торжественно сѣлъ

на столъ своего отца и дѣда. Мятежъ утихъ; настало твердое, умное правлѣніе Мономаха. Онъ достигъ уже шестидесятилѣтняго возраста, когда занялъ велиокняжескій столъ.

Владимиръ Мономахъ написалъ для своихъ дѣтей знаменитое Поученіе, которое вмѣстѣ съ упомянутымъ письмомъ къ Олегу служитъ нагляднымъ памятникомъ его ума, благочестія, начитанности и грамотности. Оно служитъ также яркимъ изображеніемъ его неутомимой дѣятельности. Судя по этому изображенію, большую часть жизни своей онъ провелъ внѣ дома, значительную часть ночей спалъ на сырой землѣ; дома и въ дорогѣ все дѣлалъ самъ и за всѣмъ присматривалъ; до свѣта поднимался съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною, судилъ людей,ѣздила на охоту и т. д. „Всѣхъ походовъ моихъ было 83, а другихъ маловажныхъ не упомню; съ Половцами заключалъ миръ 19 разъ; до сотни князей ихъ отпустилъ на свободу, а болѣе двухъ сотъ изрубилъ и потопилъ. На охотѣ въ лѣсахъ я вязалъ дикихъ коней заразъ по 10 и 20; дважды туръ металъ меня на своихъ рогахъ вмѣстѣ съ конемъ; одна лось топтала меня, а другая бодала, вепрь сорвалъ мечъ съ бедра, медвѣдь схватилъ зубами подкладъ у колѣна, лютый звѣрь (барсъ?) вскочилъ ко мнѣ на бедра и повалилъ коня вмѣстѣ со мною; но Богъ сохранилъ меня невредимымъ“. Убѣждая дѣтей жить въ мирѣ и согласіи, онъ даетъ имъ между прочимъ слѣдующія наставленія: „Больше всего имѣйте страхъ Божій, не поддавайтесь лѣни; на войнѣ не полагайтесь на воеводъ, а за всѣмъ смотрите сами; женъ своихъ любите, но не давайте имъ надъ собою власти; старого человѣка почитайте какъ отца, а молодаго какъ брата; строго наблюдайте правосудіе и крестное цѣлованіе; гостей и пословъ чтите, если не дарами, то питиемъ и брашномъ, ибо они распускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую и худую славу. Что знаете, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь; отецъ мой и дома сидя научился пяти языкамъ; въ этомъ бываетъ честь отъ другихъ земель“ (49).

Вообще лѣтопись изображаетъ намъ Владимира Мономаха идеаломъ русскаго князя: онъ мирилъ враждующихъ,

свято соблюдаетъ крестное цѣлованіе; подаетъ примѣръ набожности, правосудія, гостепріимства и превосходитъ всѣхъ воинскими доблестями. Послѣ Ярослава это былъ первый изъ его преемниковъ, который на самомъ дѣлѣ осуществилъ понятія о великовладѣльской власти; младшіе родичи повиновались ему какъ отцу; а тѣхъ, которые пытались завести распри, онъ наказывалъ отнятіемъ удѣловъ. Внѣшніе враги присмирили.

Однако и при этомъ великому князю было двѣ междуусобныя войны, одна въ Полоцкой землѣ, другая на Волыни. Какая была причина войны между Мономахомъ и старшимъ изъ полоцкихъ князей, Глѣбомъ Всеславичемъ, въ точности неизвѣстно. Лѣтопись объясняетъ єе враждою, которую потомки Рогнѣды питали къ другимъ потомкамъ Ярослава. Очевидно полоцкіе князья, не получая доли въ остальныхъ русскихъ земляхъ, старались отдѣлиться, не хотѣли признавать надъ собою старшинство кіевскаго князя, слушаться его какъ отца, юзить къ нему на поклонъ и по его требованію являться на помощь съ своими дружинами. А Глѣбъ Всеславичъ Минскій кромѣ того, подобно отцу своему, нападалъ еще на иѣкоторыясосѣднія волости, конечно съ цѣлью увеличить свой наследственный удѣлъ. Владимиръ два раза ходилъ на Глѣба; во второй разъ онъ взялъ Минскаго князя въ пленъ, и привелъ въ Кіевъ, гдѣ тотъ и умеръ вскорѣ. Во Владимирѣ Волынскомъ сидѣлъ сынъ Святополка-Михаила Ярославъ, женатый на внучкѣ Мономаха, на дочери его старшаго сына Мстислава. Неизвѣстно также, изъ за чего собственно Ярославъ разсорился съ Мономахомъ, и отослалъ отъ себя свою супругу, а его внучку. Угрожаемый великимъ княземъ, Ярославъ убѣжалъ къ своему союзнику и родственнику, королю польскому Болеславу Кривоустому, женатому на его сестрѣ Сбыславѣ. Польскіе короли почти всегда охотно поддерживали междуусобія въ Русской землѣ, и помогали младшемъ князьямъ противъ старшихъ, чтобы не дать усилиться послѣднимъ. Кромѣ Поляковъ, венгерскій король Стефанъ II на просьбу Ярослава о помощи нѣтолько не отказалъ ему, но и лично привелъ свои полки. Такимъ образомъ Ярославъ съ многочисленнымъ ополчені-

емъ изъ Угровъ, Поляковъ и Русскихъ явился подъ стѣнами Владимира Волынского, въ которомъ сидѣть одинъ изъ сыновей Мономаха, мужественный Андрей Владимировичъ. Великий князь началъ собирать войско, что бы идти на помощь сыну; но помошь оказалась излишнею. Однажды Ярославъ подѣхалъ близко къ городскимъ стѣнамъ и угрожалъ гражданамъ жестокой местью, если они не отворять ему ворота и не выдуть къ нему съ поклономъ. Но въ то время, какъ онъ разѣзжалъ около города, изъ послѣдняго незамѣтно вышли два наемныхъ ляха, и спрятались въ засадѣ; а когда Ярославъ возвращался въ лагерь, они внезапно бросились на него и нанесли ему смертельный ударъ копьеемъ (1123 г.). Тогда и всѣ союзники его принуждены были разойтись по домамъ⁽⁵⁰⁾. Въ числѣ послѣднихъ находились на этотъ разъ известные братья Ростиславичи, Володарь и Василько. Причина, почему они пристали къ врагамъ Мономаха была слѣдующая.

Воинственные Ростиславичи много зла сдѣлали своимъ сосѣдямъ Ляhamъ, съ которыми постоянно имѣли споры о границахъ. Володарь, князь Пере myшля, нерѣдко съ наемными Половцами разорялъсосѣднія польскія области. Тщетно король Болеславъ Кривоустый пытался смирить Володаря; послѣдній особенно былъ страшенъ тѣмъ, что дѣйствовалъ противъ Польши въ союзѣ съ другими ее врагами, съ языческими Пруссами и Поморянами. Усердіе и ловкость одного изъ вельможъ польскихъ помогли Болеславу освободиться отъ этого опаснаго непріятеля. Нѣкто Петръ Власть, родомъ датчанинъ, вызвался захватить Володаря хитростью. Этотъ новый Зопиръ съ тридцатью вѣрными слугами отправился въ Пере myшль, выдалъ себѣ за человѣка, обиженного польскимъ королемъ, вступилъ въ службу Володаря и вкрадся въ его довѣренность. Однажды на охотѣ въ лѣсу, когда дружина Володаря разсѣялась въ погонѣ за звѣремъ, Петръ съ своими слугами напалъ на князя, схватилъ его и умчалъ въ Польшу. Сынъ Володаря Владимирко и братъ Василько вступили въ переговоры съ королемъ, и только за огромный выкупъ удалось имъ освободить князя. Они собрали все что могли, и отправили въ Польшу на возахъ и на вер-

блюдахъ множество золота и серебра, драгоценныхъ со- судовъ и греческихъ тканей; такъ что, по выражению одного латинского летописца, отъ этого выкупа „объдняла вся Русь“ (конечно Червонная). Кроме выкупа Володарь принужденъ былъ дать обязательство не только отступиться отъ союза съ врагами Польши, но и помочь противъ нихъ Полякамъ (51).

Прежними своими походами и подвигами Владимира Мономахъ на столько обезопасилъ предѣлы Руси, что во время своего княжения онъ уже не ходилъ лично на сосѣдей, а посыпалъ своихъ мужественныхъ сыновей. Такъ старшій сынъ его Мстиславъ, княжившій въ Новгородѣ Великомъ, совершилъ съ Новгородцами и Псковичами большої походъ за озеро Лейпусъ въ землю Ливонской Чуди и взялъ я городъ Оденпе или Медвѣжью Голову (1116 г.). Другой его сынъ Юрій (Долгорукій), посаженный отцомъ въ Ростовской землѣ, ходилъ на судахъ Волгою въ землю Камскихъ Болгаръ, и возвратился съ большимъ плѣномъ и добычею (1120 г.). Третій сынъ Мономаха Ярополкъ и одинъ изъ сыновей черниговскаго князя Давыда по слѣдамъ своихъ отцовъ ходили съ ихъ войсками за Донъ, гдѣ погромили Половцевъ и Ясовъ или Аланъ (1116 г.). Ярополкъ въ этомъ походѣ плѣнилъ одну красивую алансскую княжну, на которой и женился. Вѣроятно не безъ связи съ этимъ погромомъ часть Хазаръ, а также нѣкоторыя орды Печенѣговъ и Торковъ, порабощенные Половцами, возстали противъ своихъ притѣснителей; однако послѣ кровопролитной борбы были побѣждены, бѣжали въ русскіе предѣлы, и поселены великимъ княземъ на свободныхъ земляхъ. Впрочемъ часть Печенѣговъ и Торковъ вмѣстѣ съ Берендеями вскорѣ была изгнана изъ Руси, конечно за свои мятежи и разбой.

Ко времени Владимира Мономаха относится еще одно столкновеніе Руси съ Греками.

По примѣру отцовъ и дѣдовъ, великие князья кіевскіе продолжали заключать родственные союзы съ разными государствами европейскими, именно польскими, угорскими, нѣмецкими, скандинавскими и греческими. Мономахъ, какъ известно, былъ сынъ греческой царевны; самъ онъ всту-

пала въ бракъ три раза, и первой супругой его была Гида, дочь англійскаго короля Гарольда, павшаго въ битвѣ при Гастингсѣ; а старшій сынъ его Мстиславъ былъ женатъ на Христинѣ, дочери шведскаго короля (52). Одна изъ дочерей Мономаха, Евфимія, сдѣлалась супругою угорскаго короля Коломана (впрочемъ старый и ревнивый мужъ потомъ отоспалъ ее къ отцу); а другая его дочь, Марія, находилась замужемъ за греческимъ царевичемъ Леономъ. Этотъ царевичъ былъ сыномъ злополучнаго византійскаго императора Романа Діогена, который попалъ въ пленъ къ Туркамъ и лишился престола. Леонъ въ 1116 году появился на Дунаѣ съ войскомъ, набраннымъ вѣроятно изъ Руси и Половцевъ, и завладѣлъ нѣкоторыми болгарскими городами. Знаменитый византійскій императоръ Алексій Комненъ послышалъ отдѣлься отъ соперника съ обычнымъ своимъ искусствомъ. Онъ подоспалъ двухъ сарацинъ, которые пришли въ Дористолъ къ Леону съ предложеніемъ своихъ услугъ, и, улучивъ минуту, убили его. Тогда Владіміръ Мономахъ, желая отомстить за смерть зятя или вѣрище вступаясь за права его маленькаго сына, а своего внука Василія, отправилъ на Дунай войско подъ начальствомъ Ивана Войтишича, который и размѣстилъ въ дунайскихъ городахъ русскихъ посадниковъ. Но Дористолъ вскорѣ былъ захваченъ Греками. Владіміръ послалъ для взятія этого города одного изъ своихъ сыновей, Вячеслава, съ воеводою Фомою, сыномъ известнаго боярина Ратибора; но и они не могли взять Дористола. А потомъ и остальные дунайскіе города снова перешли въ руки Грековъ, вѣроятно по мирному договору съ Владіміромъ. Во всякомъ случаѣ подъ конецъ Мономахова княженія мы видимъ его опять въ дружескихъ отношеніяхъ съ Византіей; въ 1122 г., уже по смерти Алексія Комнена при его сынѣ Іоаннѣ Комненѣ, онъ выдаетъ свою внучку, дочь Мстислава, замужъ за какого то греческаго царевича. А несчастный его внукъ Василій Леоновичъ воспитывался при Кіевскомъ дворѣ, и впослѣдствіи погибъ въ одной битвѣ Мономаховичей съ Ольговичами (53).

Какъ и всѣ великие государственные люди, Владіміръ

Мономахъ славенъ не одними военными доблестями; онъ былъ замѣчательенъ и на поприщѣ мирной, гражданской дѣятельности. На его заботы о правосудії указываетъ Русская Правда, которую онъ дополнилъ новыми статьями. Владимиръ любилъ также строиться, и ему приналежало нѣсколько замѣчательныхъ сооруженій. Между прочимъ лѣтопись упоминаетъ о мостѣ, устроенному че-резъ Днѣпръ (вѣроятно мостъ судовой, разводный). Въ его княженіе были расширены укрѣпленія Новгорода Великаго, а городъ Ладога обведенъ каменною стѣною. Ему приписываютъ основаніе города Владимира въ Ростовско-Суздальской землѣ, въ которую онъ предпринималъ довольно частныя поѣздки. По примѣру дѣда и прадѣда, онъ много заботился о созиданіи храмовъ; при немъ довершенъ въ Вышгородѣ каменный храмъ Бориса и Глѣба, куда и были перенесены останки этихъ мучениковъ. Памяти послѣднихъ онъ оказывалъ особое уваженіе, и въ честь ихъ создалъ „прекрасную“ церковь на самомъ мѣстѣ убіенія Бориса.

Великое княженіе Мономаха впрочемъ ознаменовалось и нѣкоторыми обычными бѣдствіями, посѣвшими древнюю Русь, каковы засуха и землетрясеніе (на югѣ), наводненіе (въ Новгородѣ) и пожары. Особенно страшный пожаръ разразился въ Кіевѣ въ 1124 году. Онъ продолжался два дня, 23 и 24 іюня, обратилъ въ пепель Подоль и часть Верхняго города; однихъ церквей, по словамъ лѣтописи, сгорѣло будто бы до 600. Погорѣло и Жидовское предмѣстье. Были вѣроятно и другія бѣдствія, не занесенные въ лѣтопись, напримѣръ саранча, которая тучами налетала на южную Русь изъ странъ прилежащихъ къ Дунаю и Черному морю; она пожирала все, что встрѣчала на своемъ пути: хлѣбъ, траву, древесныя листья и пр. Судя по нашей лѣтописи, особенно опустошительные набѣги саранчи происходили въ княженіе предшественника Владимира Святополка Михаила.

При всемъ своемъ стремлѣніи къ единству русскихъ земель подъ верховною властью кіевскаго князя, Владиміру Мономаху не могла и въ голову придти мысль объ уничтоженіи удѣльного порядка, который вполнѣ сроднил-

ся съ духомъ и понятіями того времени. Подобно своему дѣду и прадѣду, онъ хлопоталъ только о томъ, что бы соединить какъ можно болѣе областей въ рукахъ своихъ и своего потомства. Черниговскіе Святославичи, галицкіе Ростиславичи и ѡтчили полоцкіе Всеславичи отстояли свои наслѣдственные удѣлы; но за то Владиміру, въ качествѣ великаго князя Кіевскаго, оружiemъ и ловкой политикой удалось еще разъ собрать подъ владѣніемъ одного дома почти всѣ остальные русскія области.

Владиміръ Мономахъ скончался на 74-мъ году отъ рожденія, 19 мая 1125 года, во время своей поѣздки въ родной Переяславль. Тамъ онъ наблюдалъ за окончаніемъ упомянутой выше „прекрасной“ церкви Бориса и Глѣба, которую соорудилъ на берегу Альты, недалеко отъ самого города. Сыновья, внуки и бояре перенесли его въ Кіевъ и погребли въ Софійскомъ соборѣ, рядомъ съ отцомъ его Всеvolодомъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что весь народъ и всѣ люди плакали по немъ, какъ „дѣти по отцу или по матери“. По его выраженію, это былъ „братолюбецъ, нищетолюбецъ и добрый страдалецъ за Русскую землю“, о которомъ слава прошла по всѣмъ странамъ; особенно онъ былъ страшенъ „поганымъ“, т. е. Половцамъ.

VI.

ПЕЧЕРСКИЕ ПОДВИЖНИКИ.

Начало почитанію Бориса и Глѣба. Троекратное перенесеніе мощей. Происхожденіе Печерскаго монастыря. Антоній. Варлаамъ. Феодосій. Студійскій уставъ. Покровительство великихъ князей. Построеніе Успенскаго храма. Процвѣтаніе обители. Ея подвижники. Ея вліяніе.

Прежде нежели перейдемъ къ дальнѣйшему обозрѣнію главныхъ событий, остановимся на некоторыхъ сторонахъ древней русской жизни, и преимущественно на той сторонѣ, которая со временемъ Владимира Святославича получила столь великое значеніе: посмотримъ на важнѣйшія явленія юнаго русскаго христіанства при Ярославѣ, его сыновьяхъ и внукахъ.

Вмѣстѣ съ обрядами и уставами Русская церковь приняла отъ Греческой ея праздники и почитаніе ея святыхъ. Русскіе еще удерживали свои языческія имена; но сверхъ того при крещеніи получали наименование въ честь какого либо святаго; отсюда мы видимъ у нашихъ князей почти всегда двойное имя: одно мірское, русское, другое христіанское, греческое. Дни своихъ святыхъ князья отличали особымъ празднествомъ, и въ честь ихъ нерѣдко создавали храмы, начиная съ Владимира-Великаго, который построилъ нѣсколько церквей во имя св. Василія. Иногда они устраивали для этого цѣлые монастыри; такъ въ Кіевѣ были основаны монастыри: Георгіевскій Ярославомъ-Георгіемъ, Димитріевъ Изяславомъ-Димитріемъ, Михайловскій Златоверхій Святоополкомъ—Михаиломъ и т. д. Но кроме греческихъ святыхъ Русская церковь рано начала прославлять память и своихъ собственныхъ подвижниковъ, устроить въ честь ихъ

празднества и даже воздвигать имъ храмы. Между ними первое мѣсто по времени и почитанію принадлежитъ двумъ братямъ мученикамъ Борису и Глѣбу. Они еще прежде великаго отца своего торжественно причтены къ лику святыхъ изволеніемъ русскихъ князей и греко-русскихъ іерарховъ.

Вотъ что повѣствуютъ о томъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, служившія однимъ изъ любимыхъ предметовъ чтенія въ древней Руси и потому дошедшія до насъ въ многочисленныхъ спискахъ. Сказанія эти любопытны и въ томъ отношеніи, что сообщаютъ нѣкоторыя живыя черты изъ данной эпохи.

Тѣло Бориса, убиеннаго на Альтѣ, по приказу Свято-полка Окаяннаго было отвезено въ Вышгородъ и погребено возлѣ церкви св. Василія. Между тѣмъ останки Глѣба, заключенные между двумя колодами, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пребывали въ лѣсу на берегу Днѣпра, недалеко отъ мѣста его убиенія. Ярославъ, утвердясь окончательно въ Кіевѣ, велѣлъ перевезти ихъ въ Вышгородъ и похоронить рядомъ съ Борисомъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Въ населеніи Вышегородскомъ начала ходить молва о разныхъ знаменіяхъ, которыя совершились на мѣстѣ погребенія двухъ братьевъ. Расказывали между прочимъ, что однажды иноземцы Варяги пришли въ Вышгородъ; одинъ изъ нихъ нечаянно ступилъ на это святое мѣсто; вдругъ изъ земли вышло пламя и опалило ему ноги. Пономарь св. Василія разъ послѣ утрени забылъ погасить свѣчу, горящую гдѣ то вверху храма; произошелъ пожаръ; церковную утварь успѣли вынести, но деревянный храмъ сгорѣлъ до тла. Это событие признали какъ знаменіе того, что на мѣстѣ старого храма должно воздвигнуть новый, въ честь Бориса и Глѣба. Вышегородскія власти донесли Ярославу о знаменіяхъ и народной молвѣ; „нелѣпо такимъ свѣтильникамъ быти сокровенными подъ землею“—говорили они. Ярославъ внялъ этому голосу. Великій князь, бояре, митрополитъ Ioannъ и духовенство, въ сопровожденіи народной толпы, со крестами отправились въ Вышгородъ. Съ молитвами и пѣніемъ псалмовъ вырыли гробы братьевъ изъ земли, и на

время поставили ихъ въ часовнѣ, устроенной на мѣстѣ сгорѣвшей церкви. Вскорѣ повелѣніемъ великаго князя здѣсь былъ воздвигнутъ деревянный храмъ о пяти верхахъ или главахъ и украшенъ иконною живописью; на видномъ мѣстѣ поставили икону съ изображеніемъ князей-мучениковъ. Когда все было приготовлено, Ярославъ и духовенство опять отправились съ крестнымъ ходомъ въ Вышгородъ. Митрополитъ Иоаннъ освятилъ храмъ во имя свв. Бориса и Глѣба; ихъ раки перенесены сюда и поставлены на правой сторонѣ. Торжество происходило 24 іюля, въ день убиенія Бориса, и на этотъ день установлено было ежегодное празднество въ память свв. мучениковъ. Ярославъ въ теченіе цѣлыхъ осми дней угощалъ въ Вышгородѣ бояръ, духовенство и жителей. Митрополитъ поставилъ священниковъ и дьяконовъ для новой церкви, назначилъ имъ старѣйшину (протоіерея), и уставилъ ежедневное служеніе заутрени, вечерни и св. литургіи; а великий князь отдалъ десятую часть Вышегородской дани на содержаніе храма и священнослужителей. Молва о чудесахъ, совершившихся у гробовъ мучениковъ, постепенно распространилась по Русской землѣ, и сюда начали приходить богомольцы изъ другихъ областей. Русскіе князья съ особымъ усердіемъ чтили память Бориса и Глѣба, видя въ нихъ заступниковъ и покровителей всего своего рода.

Прошло лѣтъ двадцать послѣ упомянутаго празднества. Церковь Бориса и Глѣба стала приходить въ ветхость, и преемникъ Ярослава, Изяславъ, велѣлъ близъ старой соорудить новую церковь, также деревянную, но обѣ одной главѣ. Въ маѣ 1072 года происходило торжественное перенесеніе въ нее св. мощей. Намѣстникомъ княжимъ въ Вышгородѣ былъ тогда знатный кіевскій бояринъ Чудинъ. Къ этому торжеству прїѣхали сюда братья Изяслава, Святославъ Черниговскій и Всеvolodъ Переяславскій, съ своими дѣтьми и боярами. А вокругъ митрополита Георгія собрались епископы изъ ближнихъ епархій, каковы Неофитъ Черниговскій, Петръ Переяславскій, Никита Бѣлогородскій, и Михаиль Юрьевскій, а также игумены кіевскихъ монастырей съ своими чернецами; въ чи-

слѣдѣи игуменовъ находился и знаменитый Феодосій Печерскій. Когда новая церковь была освящена, приступили къ перенесенію мощей изъ старой церкви. Сначала взяли Бориса. Князья сами подняли на свои рамена его деревянную раку, и понесли ее, предшествуемы митрополитомъ и духовенствомъ, которое шло со свѣчами и кадилами. Въ новой церкви раку Бориса открыли, приложились къ его мощамъ, и переложили ихъ въ каменную гробницу. Потомъ взяли Глѣба. Такъ какъ онъ уже лежалъ въ тяжеломъ каменномъ гробу, то его поставили на сани, и повлекли ихъ веревками. Въ дверяхъ гробница остановилась, и только послѣ многократно возглашенаго всѣмъ народомъ „Господи помилуй“ она тронулась. Когда ее поставили на мѣсто, князья приложились къ мощамъ Глѣба. При этомъ митрополитъ взялъ его руку, и благословилъ ею всѣхъ троихъ князей-братьевъ. Святославъ попросилъ приложить руку святаго къ своему вереду, который былъ у него на шеѣ, потомъ къ глазамъ и къtemени. Когда начали пѣть литургію, этотъ князь обратился къ своему боярину Берну съ словами: „что то колетъ меня въ голову“, и снялъ свой клубокъ. Бернъ нашелъ у него на головѣ ноготь отъ руки св. Глѣба, взялъ его и подалъ князю, который сохранилъ у себя эту святыню. Сказаніе прибавляетъ еще, что митрополитъ Георгій, родомъ грекъ, не вѣрилъ чудесамъ русскихъ мучениковъ; но когда онъ открылъ раки святыхъ и нашелъ ихъ тѣлеса нетленными и благоухающими, то его обуялъ страхъ, и онъ всенародно молился обѣ отпущеніи своего грѣха. Послѣ литургіи князья устроили веселый ниръ, и раздали богатую милостынью нищимъ и убогимъ.

Когда Святославъ захватилъ великое княженіе Киевское, онъ началъ строить въ Вышгородѣ каменную церковь во имя Бориса и Глѣба. Она была возведена уже на 50 локтей въ вышину при кончинѣ Святослава; братъ и преемникъ его Всеволодъ довершилъ ея построеніе; но вслѣдъ затѣмъ въ одну ночь верхъ ея обрушился. Подобные случаи съ каменными храмами были въ тѣ времена нерѣдки на Руси; очевидно Русскіе еще не успѣли хорошо усвоить себѣ отъ Грековъ искусство дѣлать своды и при-

готовлять добродушную известь. Послѣ того дѣло о построѣніи каменнаго храма пришло было въ нѣкоторое забвеніе, особенно въ бурное время слѣдующаго великаго князя Святополка—Михаила. Между тѣмъ и вторая деревянная церковь Бориса и Глѣба стала приходить въ ветхость. Тогда Олегъ Святославичъ Черниговскій задумалъ совершить дѣло, начатое его отцомъ; онъ нанялъ мастеровъ, снабдилъ ихъ всѣмъ потребнымъ и велѣлъ вновь возводить обрушившуюся церковь. Когда она была окончена, Олегъ неоднократно просилъ Святополка поставить въ нее гробницы святыхъ; но тотъ не соглашался: „не дерзну переносить ихъ съ мѣста на мѣсто“;— говорилъ великий князь. Только послѣ его смерти, когда на Киевскомъ столѣ сѣлъ Владимиръ Мономахъ, совершилось третье торжественное перенесеніе св. мощей, въ 1115 году 2 мая. На это новое торжество собрались въ Вышгородѣ великий князь Владимиръ съ сыновьями, и Святославичи, Давидъ и Олегъ, также съ сыновьями и боярами. Митрополитомъ киевскимъ былъ тогда Никифоръ; изъ другихъ городовъ прибыли епископы Феоктистъ Черниговскій, Лазарь Переяславскій, Мина Полоцкій и Даниилъ Юрьевскій; между игумами киевскими первое мѣсто занимали Прокоръ Печерскій и Сильвестръ Выдубецкій (нашъ первый лѣтописецъ).

Сначала освятили новую церковь, и затѣмъ былъ веселый пиръ, устроенный Олегомъ Святославичемъ. А на слѣдующій день приступили къ перенесенію гробницъ. Прежде возложили на сани Борисову, и повлекли ихъ за веревки. Вышгородѣ наполненъ былъ великимъ множествомъ народа, стекшагося сюда даже изъ отдаленныхъ областей; не только площади, но и всѣ стѣны городскія были покрыты людьми. На пути торжественнаго шествія устроенъ былъ съ обѣихъ сторонъ заборъ или решетка; но отъ напора толпы она поломалась. Произошла такая давка, что духовенство, князья и бояре не могли почти двигаться съ гробницей. Тогда Владимиръ велѣлъ разрѣзать куски греческихъ паволокъ и бросать ихъ народу вмѣсть съ платьемъ, бѣличными мѣхами и серебряными деньгами. Часть толпы отхлынула, такъ что можно было про-

везти раку Бориса. Такимъ же способомъ провезли и раку Глѣба; при чемъ его тяжелый саркофагъ опять остановился было на дорогѣ, и отъ усилий народа полопались веревки, привязанныя къ санямъ. По поводу этого перенесенія мощей вышелъ споръ у Владимира Мономаха съ Давидомъ и Олегомъ Святославичами. Первый хотѣлъ поимѣстить гробницы посреди храма и соорудить надъ ними серебряный шатерь; онъ конечно имѣлъ въ виду примѣръ своего великаго прадѣда, котораго рака вмѣстѣ съ гробницею его супруги Анны стояла посреди Десятинаго храма. Но Святославичи настаивали на томъ, что бы гробницы помѣщены были на правой сторонѣ въ комарѣ или углубленіи, которое назначилъ для того отецъ ихъ Святославъ при самомъ основаніи храма. Что бы решить споръ, митрополитъ и епископы предложили жребій, употреблявшися въ Византіи. На престолѣ положено было два одинаковыхъ свитка: одинъ съ именемъ Владимира Мономаха, а другой съ именами Давида и Олега; послѣ богослуженія митрополитъ или кто другой изъ іерарховъ взялъ съ престола одинъ изъ свитковъ. Вынулся жребій Святославичей, и гробницы были поставлены въ комарѣ. Князья и бояре три дня праздновали это перенесеніе мощей, и раздавали щедрую милостыню нищимъ и убогимъ; послѣ чего разъѣхались по своимъ городамъ.

Владимиръ Мономахъ, который еще прежде того оковалъ раки святыхъ серебряными позлащенными досками, теперь украсилъ ихъ и всю комару серебромъ, золотомъ рѣзьбою изъ хрустали и позлащенными паникадилами. Сказаніе прибавляетъ, что иностранцы, даже Греки, дивились богатству и изяществу этихъ украшеній. Не ограничиваясь Вышегородскимъ храмомъ, Владимиръ вскорѣ заложилъ и собственный каменный храмъ во имя Бориса и Глѣба на берегу Альты, на самомъ мѣстѣ убиенія Бориса. Этотъ храмъ онъ строилъ и украшалъ въ теченіе всего своего киевскаго княженія; близъ него онъ и самъ скончался. Благодаря усердію князей, почитаніе братьевъ—мучениковъ скоро распространилось по всѣмъ областямъ. Ихъ прославляли какъ „заступниковъ земли Русской“, и воздвигли имъ храмы почти во всѣхъ главныхъ

городахъ Руси. Между прочимъ, спустя двадцать лѣтъ по смерти Мономаха, его внукомъ заложена была каменная церковь Бориса и Глѣба подъ Смоленскомъ на Смѣднѣ, т. е. близъ того мѣста, гдѣ былъ убитъ Глѣбъ. Въ томъ же XII вѣкѣ мы встрѣчаемъ храмъ во имя Бориса и Глѣба и въ Константинополѣ, впрочемъ не въ самой столицѣ, а за Золотымъ Рогомъ въ предмѣстіи, извѣстномъ подъ именемъ Галаты. Этотъ храмъ построенъ былъ конечно для русскихъ торговцевъ и воиновъ, проживавшихъ въ Византії (54).

Вмѣстѣ съ христіанствомъ перешло къ намъ и одно изъ самыхъ важныхъ его явлений—монашество. При Ярославѣ мы встрѣчаемъ въ Кіевѣ уже нѣсколько монастырей. Вслѣдъ за русскими послами, торговцами и военными людьми, со временемъ Владимира начали отправляться въ Византію и тѣ русские люди, которые были движимы желаніемъ посѣтить святые мѣста, поклониться мощамъ угодниковъ и особенно видѣть страну, гдѣ подвизался самъ Спаситель. Такимъ образомъ возникло русское паломничество. Уже въ первую эпоху нашего христіанства оно достигло значительныхъ размѣровъ, потому что соответствовало подвижному, любознательному характеру русского человѣка и его глубоко религіозному настроению. Константинополь, Аеонъ, Іерусалимъ—вотъ тѣ мѣста, куда направлялись многочисленные русские паломники. Возвращаясь на родину, они приносили рассказы о славныхъ греческихъ монастыряхъ, о святости греко-восточныхъ подвижниковъ. Суровая аскетическая жизнь аеонскихъ монаховъ въ особенности привлекала русскихъ людей, потому что наиболѣе соответствовала ихъ характеру и религіознымъ понятіямъ молодаго христіанскаго общества. Аеонъ скоро сдѣлался предметомъ ревностнаго подражанія для тѣхъ, которые были одушевлены горячею вѣрою и жаждою подвиговъ, и которыхъ не удовлетворяли русскіе монастыри, основанные князьями, щедро надѣленные отъ нихъ имѣніями и разными льготами. Таковъ именно былъ основатель знаменитой Кіевопечерской лавры, Антоній.

Онъ происходилъ изъ города Любеча, отправился паломникомъ въ Грецію, на Аеонъ плѣнился жизнью черне-

цовъ и упросилъ одного игумена постричь его въ монахи. Возвратясь въ Россію въ послѣдніе годы Ярославова княженія, Антоній обошелъ кіевскіе монастыри; но ни одинъ не полюбился ему. Онъ искалъ строгаго, уединеннаго подвижничества, и поселился на берегу Днѣпра посреди холмовъ, обросшихъ лѣсомъ, около села Берестова въ небольшой пещерѣ. Эту пещеру, по словамъ лѣтониси, искалъ митрополитъ Иларіонъ въ то время, когда онъ былъ священникомъ въ Берестовѣ, что бы уединяться сюда для молитвы. Слава святой, постнической жизни Антонія не замедлила распространиться между окрестными жителями; многие приходили къ отшельнику, что бы получить отъ него благословеніе. Явились и такие, которые, желая подражать ему, вырыли себѣ пещеры подъ него и по своей просьбѣ получили отъ него постриженіе. Такимъ образомъ около Антонія собралась небольшая монашеская братія. Иночі искали особую пещеру, въ которой устроили церковь, и отправляли въ ней богослуженіе.

Но поселясь вблизи такого города, какъ столъный Кіевъ, пещерная братія, не долго могла сохранять свое уединеніе, свою нищету и полное отчужденіе отъ міра. Слава святаго подвижника не замедлила привлечь вниманіе не однихъ простыхъ и бѣдныхъ людей, но также богатыхъ и знатныхъ. Самъ преемникъ Ярослава, великий князь Изяславъ и его бояре оказывали почетъ Антонію, и приходили къ нему за благословеніемъ. Однако возникающая монастырская община подверглась вскорѣ большому неудовольствію со стороны великокняжескаго двора.

Старшій Изяславовъ бояринъ Іоаннъ имѣлъ сына, который любилъ приходить къ пещерникамъ, чтобы пользоваться ихъ наставительною бесѣдою. Житіе иноческое наконецъ такъ полюбилось ему, что онъ рѣшилъ оставить отцовскій домъ, жену, почести и поселиться съ Антоніемъ и братіей. Однажды молодой бояринъ пріѣхалъ на конѣ въ богатой одеждѣ, окруженный конными отроками; передъ нимъ вели другаго коня въ блестящей сбруї. Иночі вышли изъ пещеръ и поклонились ему какъ подобало вѣльможѣ. Онъ отвѣчалъ имъ земнымъ поклономъ; потомъ снялъ съ себя боярскую одежду и положилъ передъ Анто-

ніемъ; поставилъ передъ нимъ коней своихъ, и сказалъ, что всю эту мірскую прелестъ отдастъ на его волю, а самъ хочетъ быть монахомъ и жить въ пещерѣ. Тщетно святой старецъ говорилъ ему о гнѣвѣ, который постигнетъ его отъ отца; юноша остался непреклоненъ. Антоній велѣлъ постричь его и облечь въ монашескую одежду; при постриженіи онъ былъ нареченъ Варлаамомъ. Всльдъ за тѣмъ пришелъ и постригся любимый евнухъ и домоправитель великаго князя; его назвали Ефремомъ. Тогда великий князь, возбуждаемый еще и бояриномъ Іоанномъ, сильно разгнѣвался на пещерскихъ иноковъ, и грозилъ разослать ихъ въ заточеніе, если они не возвратятъ постриженныхъ. Антоній готовился уже уйти съ иноками въ другую область; но супруга великаго князя, родомъ полька, смягчила его гнѣвъ; она указала на тѣ бѣды, которыя постигли ея родину послѣ удаленія изъ нея чернепцовъ. Бояринъ Іоаннъ не былъ доволенъ такимъ оборотомъ дѣла. Онъ отправился самъ съ толпою отроковъ въ пещеры; схватилъ своего сына, велѣлъ насильно одѣть его въ боярское платье и со связанными руками привести въ свой домъ. Варлаамъ въ теченіе трехъ дней сидѣлъ молча, и не принималъ пищи. Іоаннъ наконецъ сжалился надъ нимъ и отпустилъ его въ пещеры. Отецъ, мать, жена и слуги провожали его изъ дома съ великимъ плачемъ; а пещерскіе иноки встрѣтили его съ великою радостію, прославляя Бога, что услышалъ ихъ молитву.

Когда число братій умножилось, Антоній поставилъ для нея игумномъ этого Варлаама; а самъ, любя уединеніе, затворился въ своей пещерѣ. При Варлаамѣ иноки, недовольствуясь тѣсною пещерною церковью, построили небольшой деревянный храмъ во имя Успенія Богородицы; но онъ скоро оказался также тѣсень. По просьбѣ иноковъ Антоній послалъ сказать Изяславу: „князь, Богъ умножаетъ братію, а мѣсто малое; дай намъ ту гору, которая находится надъ пещерами“. Изяславъ исполнилъ эту просьбу. Тогда иноки построили уже настоящій монастырь, т. е. воздвигли просторную деревянную церковь, подлѣ нея монашескія келліи, и все это окружили тыномъ или оградою. Монастырь по своему пещерному происхожденію со-

хранилъ въ народѣ название *Печерскаго*. Около того же времени Изяславъ—Димитрій основалъ въ Кіевѣ монастырь св. Димитрія и одарилъ его богатыи мѣніемъ; а чтобы придать ему болѣе славы, перевелъ въ него игумена того же Варлаама изъ Печерской обители, уже знаменитой въ народѣ своею святостію. Печерская братія обратилась къ Антонію съ просьбою поставить ей другаго игумена, и Антоній поставилъ Феодосія. Послѣдній и былъ настоящимъ устроителемъ Печерскаго монастыря.

Недалеко отъ Кіева находился городокъ Васильевъ. Въ этомъ городкѣ родился Феодосій. Родители его, повидимому люди достаточные, вскорѣ переселились въ Курскъ. Здѣсь отрокъ рано началъ обнаруживать свое высокое призвание. Онъ не любилъ одѣваться въ нарядное платье, чуждался дѣтскихъ игръ, которыми занимались его сверстники, но охотно учился грамотѣ или вмѣстѣ съ слугами принималъ участіе въ работахъ домашнихъ и сельскихъ. Феодосій едва достигъ юношескаго возраста, когда отецъ его умеръ. Матери его, женщинѣ очень крутаго нрава съ мужескими привычками и еще не твердой въ христіанской вѣрѣ, не нравились благочестивыя наклонности сына, его удаленіе отъ мірскихъ забавъ и почестей; не рѣдко она подвергала его побоямъ, но не могла измѣнить его поведеніе. Феодосій уже былъ сиѣдаемъ жаждою аскетическихъ подвиговъ. Однажды онъ тайкомъ ушелъ изъ дома, и присталъ къ паломникамъ, которые отправлялись на поклоненіе св. мѣстамъ. Мать догнала его, схватила за волосы бросила на землю и топтала ногами; вернувшись домой, она нѣкоторое время держала его въ кандалахъ, чтобы онъ не ушелъ опять. Получивъ свободу, юноша началъ прилежать къ церковной службѣ, которую посѣщалъ каждый день, и занялся печеніемъ просфоръ для церкви. Такъ какъ мать то ласкала, то суровостью старалась отклонить его отъ этого, унизительного по ея мнѣнію, занятія, то онъ ушелъ въ одинъ ближній городъ, поселился тамъ у священника и продолжалъ печь просфоры. Мать отыскала его и опять съ побоями воротила въ свой домъ. Недовольствуясь ежедневнымъ посѣще-

ніемъ церковной службы, Феодосій тайно отъ матери съ помощью кузнеца приготовилъ себѣ желѣзныя вериги, которыя и началъ носить подъ одѣждою. Воевода курскій обратилъ вниманіе на смиренного, благочестиваго юношу, и сталъ оказывать ему свое расположеніе. Однажды въ большой праздникъ воевода устроилъ пиръ и пригласилъ всѣхъ старѣшихъ людей города; а Феодосію указалъ прислуживать гостямъ. По просьбѣ матери онъ согласился надѣть чистую праздничную одѣжду; но при этомъ мать его замѣтила на сорочкѣ кровь, происходившую отъ желѣзныхъ веригъ, разъѣдавшихъ кожу; съ яростью принялась она его бить и сняла съ него вериги. Юноша все перенесъ съ кротостью, и отправился прислуживать пирующимъ.

Однажды вниманіе Феодосія поразили слова Евангелія: „аще кто не оставитъ отца или матерь и въ вслѣдъ меня не идетъ, то нѣсть мене достоинъ“, и потомъ: „придите ко мнѣ всѣ тружающіеся и обремененные, и азъ покою вы“. Онъ твердо рѣшился уйти и постричься въ монахи. Феодосій воспользовался случаемъ, когда мать его на значительное время отлучилась въ село, и въ третій разъ ушелъ изъ дому. Онъ много слышалъ о кіевскихъ монастыряхъ, и желалъ ихъ видѣть. Не зная пути, юноша повстрѣчалъ обозъ съ товарами, и, слѣдя за нимъ издали, черезъ три недѣли достигъ Кієва. Странникъ обошелъ разные кіевскіе монастыри, прося принять его въ число братіи; но тамъ, видя его простоту и худыя одѣжды, отказывали ему. Наконецъ онъ услыхалъ о св. Антоніѣ, спасавшемся въ пещерѣ; пришелъ къ нему однимъ изъ первыхъ, и просилъ о постриженіи. Антоній благословилъ его и велѣлъ совершить надъ нимъ постриженіе ученику своему Никону, имѣвшему санъ священника. Феодосій ревностно предался молитвѣ и трудамъ печерскихъ подвижниковъ. Между тѣмъ мать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тщетно искала его по всей окрестной странѣ, и обѣщала большую награду тому, кто откроетъ его убѣжище. Наконецъ она получила извѣстіе, что ея сына видѣли ходящимъ по кіевскимъ монастырямъ и просищимъ о постриженіи. Она немедленно отправилась туда, долго разы-

скивала, наконецъ узнала о его убѣжищѣ, пришла къ Антонію, и умоляла показать ей сына. Феодосій сначала отказывался отъ этого свиданія; но по просьбѣ Антонія вышелъ изъ пещеры. Мать была поражена его измѣнившимся, исхудальнымъ лицомъ, и съ горькимъ плачемъ начала просить его, чтобы онъ воротился домой. Но всея ея мольбы на этотъ разъ остались тщетны. Тогда, чтобы жить недалеко отъ сына, она послѣдовала его совѣту, и сама постриглась въ ближней женской обители.

Таковъ былъ человѣкъ, котораго Антоній поставилъ игуменомъ Печерскаго монастыря послѣ удаленія Варлаама. Закаленный въ трудахъ и лишеніямъ, владѣя твердою волею и необычайной энергіей, Феодосій подавалъ братію примѣръ непрерывной дѣятельности, поста и изнуренія плоти. Онъ самъ носилъ воду, рубилъ дрова, топилъ печи и ходилъ въ ветхой одеждѣ; но братію держалъ строго, и требовалъ безъусловнаго послушанія игумену. Число печерскихъ иноковъ между тѣмъ умножилось до сотни, и Феодосій—нетолько великий подвижникъ, но и замѣчательный правитель—озабочился введеніемъ опредѣленного монастырскаго устава. За образцомъ его онъ обратился туда же, откуда пришелъ къ намъ и весь церковный строй, т. е. въ Византію.

Въ числѣ цареградскихъ монастырей въ тѣ времена особенно славилась обитель св. Феодора Студита, расположенная неподалеку отъ Золотыхъ воротъ. Названіе Студійскаго она получила въ честь основателя своего патріція Студіуса; а ея слава началась со времени знаменитаго ея настоятеля и устроителя Феодора Студита, который явился однимъ изъ главныхъ борцовъ за православіе въ эпоху иконоборческой ереси, въ концѣ VIII и началѣ IX вѣка. Онъ же далъ своему монастырю и болѣе строгія правила (⁵⁵). Говорятъ, при немъ число студійскихъ монаховъ простипалось до 1000. Съ той эпохи Студійскій монастырь считался однимъ изъ важнѣйшихъ столповъ греческаго православія. Тотъ же монастырь сдѣлался главнымъ пріютомъ для русскихъ иноковъ и паломниковъ, особенно для тѣхъ, которые занимались списываніемъ церковныхъ книгъ.

Въ Студійскомъ монастырѣ нѣкоторое время проживалъ упомянутый выше пещерскій инонъ Ефремъ скопецъ (бывшій домоправитель великаго князя Изяслава). Съ его помощью Феодосій досталъ полный списокъ Студійскаго устава, который и ввелъ въ своеи монастырѣ. Уставъ этотъ предписывалъ, впервыхъ, общежитіе, т. е. отрицать частное имущество и отдѣльную трапезу монаховъ. Затѣмъ онъ опредѣлялъ разныя степени и должности, каковы кромѣ игумена: доместикъ, руководившій церковнымъ пѣніемъ и чтеніемъ, экономъ, вѣдавшій монастырское имущество, келарь, имѣвшій подъ своимъ надзоромъ братскую трапезу, просфорю и вообще съѣстные припасы, и т. д. Братія дѣлилась на схимниковъ, простыхъ чернцовъ и мірянъ, готовившихся къ иночеству, но еще не постриженныхъ (послушниковъ). Уставъ опредѣлялъ ежедневный порядокъ церковныхъ службъ, церковное пѣніе, чтеніе, стояніе, поклоны, сидѣніе за трапезой, монастырскую пищу и пр. Никакое дѣло не начиналось безъ благословенія игумена, напримѣръ, ни звонъ въ было, созывавшій на моленіе, ни печеніе хлѣбовъ, и т. п. Первоначально инонки кормились скучными приношеніями окрестныхъ жителей и трудами рукъ своихъ: между прочимъ они плели копытца (обувь) и клобуки, которые носили въ городъ на продажу. Но мало по малу князъ и бояре, привлекаемые славою Печерской обители, начали приходить сюда за благословеніемъ и приносить дары; а нѣкоторые начали давать монастырю недвижимыя имущества, т. е. земли, разныя угодья и цѣлые села. Великій князь Изяславъ особенно полюбилъ Феодосія, нерѣдко призывалъ его къ себѣ или самъ запросто прїѣзжалъ къ нему въ обитель. По этому поводу Житіе Феодосія расказываетъ слѣдующій случай. Однажды великій князь по обыкновенію своему, распустивъ бояръ по домамъ, прибылъ въ монастырь только въ сопровожденіи пяти или шести отроковъ, т. е. простыхъ дружинниковъ. У воротъ онъ слѣзъ съ коня, такъ какъ всегда пѣши входилъ на дворъ монастырскій. Но въ этотъ разъ случилось время полуденное, въ которое братія по обѣдѣ почивала отъ своихъ нощныхъ молитвъ и утреннихъ службъ. На это время игу-

мень запретилъ вратарю пускать въ монастырь кого бы то ни было до вечеренъ. Тщетно великій князь стучался въ ворота и просилъ отворить себѣ: вратарь ссыпался на игуменское запрещеніе и совѣтовалъ гостю подождать до вечерняго часу. Только убѣдясь, что это дѣйствительно былъ великій князь, онъ побѣжалъ доложить о томъ игумену. Послѣдній конечно поспѣшилъ на встрѣчу высокому гостю, который между тѣмъ смиренno ждалъ, пока отворять ему ворота.

Когда Изяславъ былъ изгнанъ своими братьями и Святославъ сѣлъ на Кіевскомъ столѣ, Феодосій не только не преклонился передъ его властію, но съ твердостію началъ обличать незаконный поступокъ съ старшимъ братомъ. Не ограничиваясь словеснымъ порицаніемъ, онъ писалъ Святославу обличительныя посланія. Святославъ съ своей стороны сильно гнѣвался на строгаго игумена, и грозилъ ему заточеніемъ. Просьбы бояръ и пещерской братіи однако смягчили Феодосія: онъ разрѣшилъ Святославу прибыть въ монастырь, встрѣтилъ его съ подобающею честью, и много бесѣдовалъ съ нимъ, стараясь ироткими словами преклонить его на примиреніе съ старшимъ братомъ. Съ тѣхъ поръ Святославъ не рѣдко прїѣзжалъ въ монастырь, что бы наслаждаться бесѣдою святаго мужа. Феодосій также приходилъ иногда къ Святославу. Однажды—повѣстуетъ Житіе—игуменъ пришелъ во дворецъ въ то время, когда здѣсь веселились, и по обычаю забавляли великаго князя ирою на гусяхъ, органахъ и другихъ заморскихъ инструментахъ. Игуменъ сѣлъ подлѣ князя и поникъ головою. Потомъ онъ спросилъ: „будетъ ли также и на томъ свѣтѣ?“ Князь былъ тронутъ этими словами и велѣлъ перестать. Съ тѣхъ поръ, заслышивъ приходъ святаго мужа, онъ приказывалъ замолчатъ своимъ пѣвцамъ и гусярамъ. Между кіевскими боярами особыеннымъ расположениемъ Феодосія пользовался Янъ Вышатичъ и его жена Марья, отличавшіеся добрымъ, благочестивымъ житіемъ. Игуменъ любилъ иногда посѣщать ихъ и бесѣдовать съ ними о дѣлахъ милосердія, о царствіи небесномъ, о смертномъ часѣ и пр.

Изъ пещерскихъ иноховъ наиболѣе близкимъ къ Феодосію былъ Никонъ великий, какъ называетъ его Житіе, тотъ самый ученикъ Антонія, который совершилъ постриженіе надъ Феодосіемъ. Во время поставленія послѣдняго на игуменство Никонъ отсутствовалъ: онъ отправился на островъ Тмутраканскій, и основалъ тамъ особый монастырь по примѣру Печерскаго, и также въ честь Богородицы. Когда здѣсь скончался князь Ростиславъ Владимировичъ, то граждане Тмутраканя упросили Никона идти въ Черниговъ къ Святославу и склонить его, что бы онъ опять отпустилъ къ нимъ на княженіе своего старшаго сына Глѣба. Во время этого путешествія Никонъ посѣтилъ родной монастырь, свидѣлся съ своимъ другомъ Феодосіемъ и далъ ему слово воротиться въ Печерскую обитель. Онъ дѣйствительно воротился, и жилъ въ великомъ согласіи и дружбѣ съ Феодосіемъ. Очень часто видали ихъ вмѣстѣ трудающимися во время свободнѣе отъ церковной службы: великій Никонъ спивалъ и переплеталъ рукописи, а Феодосій сидѣлъ подлѣ него, и прядѣлъ нити, потребныя для этого переплета.

Такъ какъ монастырь все болѣе расширялся и приходилъ въ цвѣтущее состояніе, то Феодосій задумалъ воздвигнуть уже большой каменный храмъ въ честь Успенія Богородицы и взялъ для этого благословеніе у св. Антонія. Великій князь Святославъ подарилъ для церкви мѣсто неподалеку отъ старого Печерскаго монастыря на Берестовомъ полѣ, и пожертвовалъ на ея сооруженіе до ста гривенъ золота. Онъ призвалъ мастеровъ изъ Греціи для постройки этого храма, и самъ первый началъ рѣть землю подъ его основаніе. Изъ бояръ наиболѣе значительный вкладъ на украшеніе Печерскаго храма принесъ знатный варяжскій выходецъ Шимонъ, принявшій православіе и сдѣлавшійся однимъ изъ вельможъ князя Все-волода Ярославича. Онъ подарилъ золотую цѣпь въ пятьдесятъ гривенъ и драгоценный вѣнецъ, доставшіеся ему въ наслѣдство отъ отца. Закладка храма совершилась въ 1073 году. Феодосій съ братіей ежедневно и неутомимо трудился при постройкѣ, помогая мастерамъ. Но уже близился его собственный конецъ. Въ томъ же 1073 году

скончался св. Антоній; а въ слѣдующемъ, едва было выведено основаніе новой церкви, Феодосій сильно разнесся. Онъ собралъ братію и сказаъ: „Вотъ я отхожу отъ васъ; посовѣтуйтесь между собою и изберите себѣ игумомъ кого пожелаете, что бы я благословилъ его“. Братія, переговоривъ между собой, просила благословить на игуменство Стефана доместика, одного изъ учениковъ Феодосія, и послѣдній исполнилъ ея желаніе. За два дня до его кончины приходилъ къ нему великий князь Святославъ съ сыномъ Глѣбомъ. Умирающій игуменъ благословилъ ихъ, и взялъ съ великаго князя слово имѣть попеченіе о его монастырѣ. Онъ скончался 3 мая 1074 года, и по своему желанію былъ погребенъ въ той пещерѣ, которую ископалъ своими руками и въ которую, будучи игуменомъ, имѣлъ обыкновеніе затворяться во время великаго поста. Преемникъ его Стефанъ ревностно продолжалъ построеніе храма. Но онъ уже не имѣлъ той же жизненной воли, которая держала братію въ строгомъ подчиненіи. Спустя года три, по причинѣ какихъ то неудовольствій, онъ принужденъ былъ оставить Печерскую обитель, и не подалеку отъ нея основалъ новый монастырь, который названъ Кловскимъ по мѣсту, где находился, или Влахернскимъ, по своему храму, сооруженному въ честь Влахернской Богородицы. Въ послѣдствіи Стефанъ былъ рукоположенъ во епископа Владимира Волынского. Преемникъ его на пещерскомъ игуменствѣ, великий Никонъ окончилъ храмъ Успенія; при немъ начались расписаніе и мозаичные украшенія этого храма, исполненные иконоисцами и художниками цареградскими. Но освященіе его совершилось уже при слѣдующемъ игумѣ Иоаннѣ въ 1089 году, въ княженіе Всеволода, когда тысяцкимъ въ Кіевѣ или главнымъ воеводою былъ другъ Феодосія упомянутый выше бояринъ Янъ. Храмъ былъ освященъ митрополитомъ Иоанномъ, которому при этомъ сослужили епископы Лука Бѣлогородскій, Исаія Ростовскій, Иоаннъ Черниговскій и Антоній Юрьевскій. Вмѣстѣ съ новымъ храмомъ построены и новыя келліи для братіи, которая перешла сюда изъ старого монастыря. Тѣло Феодосія, остававшееся семнадцать лѣтъ въ пещерѣ, было перенесено въ новый храмъ и положено въ правомъ притворѣ.

Святая обитель все болѣе и болѣе пріобрѣтала значенія въ глазахъ князей и народа.. Лѣтопись, напримѣръ, говоритъ, что великій князь Святополкъ имѣлъ обыкновеніе, собираясь въ походъ или другое какое путешествіе, приходить въ Печерскій монастырь, «что бы тамъ помолиться у гроба св. Феодосія и взять благословеніе отъ игумена. Послѣ погрома, понесенного въ 1096 году отъ Полоццевъ, обитель скоро оправилась, продолжая богатѣть и украшаться дорогими постройками. Богатства ея росли вслѣдствіе щедрыхъ вкладовъ отъ людей княжескаго и боярскаго рода. Шимонъ Варягъ, помогавшій своимъ имуществомъ при сооруженіи Печерскаго храма, былъ и погребенъ въ обители. Въ послѣдствіи сынъ этого Шимона Георгій, бывшій тысяцкимъ въ Ростовѣ, прислая, какъ говорятъ, пятьсотъ гривенъ серебра и пятьдесятъ золота, что бы золотомъ и серебромъ оковать раку св. Феодосія. Знатные люди не рѣдко изъявляли желаніе быть погребенными въ этомъ святомъ мѣстѣ или погребались здѣсь по усердію своихъ родственниковъ. Такъ въ Печерскомъ храмѣ Успенія близъ Феодосія были погребены тѣла любимой имъ четы, боярина Яна Вышатича, достигшаго девяностолѣтняго возраста, и его супруги Маріи. Тамъ же положенъ прахъ Глѣба Всеславича, князя Минскаго, взятаго въ пленъ Владиміромъ Мономахомъ. Этотъ Глѣбъ и супруга его, дочь несчастнаго Ярополка Изяславича (убитаго Нерадцемъ), дали вкладу въ Печерскій монастырь до семисотъ гривенъ серебра и до ста гривенъ золота. Глѣбъ умеръ въ 1119 году. Супруга его жила вдовою около сорока лѣтъ, умерла на восемьдесятъ пятомъ году отъ роду, и положена подъ своего мужа. Она завѣщала обители пять сель съ челядью и все свое движимое имущество, „даже до повойника“, какъ замѣчаетъ лѣтопись. Въ этомъ случаѣ она подражала не только мужу, но и отцу своему, который подарилъ Печерскому монастырю нѣсколько собственныхъ волостей. Въ Успенской церкви была погребена и сестра Мономаха Евпраксія, бывшая супруга императора Генриха IV.

Такимъ образомъ Кіевъ, это средоточіе Русской политической жизни, по естественному ходу исторіи сдѣлался

и средоточиемъ русского православія, главнымъ мѣстомъ русскихъ святынь. Въ самомъ Кіевѣ красовались храмы Десятинный и Софійскій съ гробницами Владимира и Ярослава. Въ сѣверномъ его пригородѣ, т. е. въ Вышгородѣ, находились раки чисто русскихъ святыхъ Бориса и Глѣбъ, а въ южныхъ окрестностяхъ сіяла Печерская обитель съ могилами также чисто русскихъ святыхъ, Антонія, Феодосія и многихъ другихъ подвижниковъ, погребенныхъ въ ея знаменитыхъ пещерахъ. Мало по малу съ отдаленныхъ концевъ Руси народъ привыкъ стекаться въ Кіевѣ на поклоненіе его святынямъ.

Изъ тѣхъ печенскихъ иноковъ, которые сдѣлались предметомъ монастырскихъ сказаний, въ послѣдствіи вошедшихъ въ сборникъ Житій или такъ называемый Патерикъ Печерскій, особенно замѣчательны: Даміанъ цѣлитель, Матвій прозорливецъ, Исаакій затворникъ, старецъ Іеремія, который помнилъ крещеніе Русской земли при Владимірѣ, Агапітъ врачъ безмездный, Маркъ гробокопатель, Алимпій, первый русский иконописецъ, Никола Святоша и др. Они были современниками Феодосія или подвизались, вскорѣ послѣ него.

Много чудныхъ легендъ повѣствуется о печенскихъ подвижникахъ, объ ихъ необыкновенномъ постничествѣ, терпѣніи и особенно объ ихъ неутомимой борьбѣ съ злыми духами, которые постоянно изощряются въ разныхъ способахъ, что бы искушать подвижниковъ и мѣшать ихъ спасенію. (По большей части это олицетвореніе страстей или побужденій человѣческой плоти, легкомыслія, гордости и другихъ слабостей). Вотъ, напримѣръ, Матвій прозорливецъ стоитъ однажды въ церкви и видится ему, какъ бѣсь, въ образѣ Ляха, несетъ въ полѣ своей луды или плаща цвѣтки, называемые лѣпнами, и бросаетъ ихъ то на того, то на другаго изъ братіи, поющеій заутреню. Къ кому цвѣтокъ прилипнетъ, того начинаетъ сильно клонить ко сну; немножко постоявъ, онъ уходитъ въ свою келлію и засыпаетъ; но къ кому цвѣтокъ не прилипнетъ, тотъ бодро выстаиваетъ службу до конца. Въ другой разъ, во время игуменства великаго Никона, онъ за утренней службой хотѣлъ взглянуть на игу-

мена, и на мѣстѣ его увидѣлъ бѣса, стоящаго въ образѣ ослиномъ; Матвѣй понялъ, что престарѣлый Никонъ еще не всталъ отъ сна. Или вотъ Исаакій затворникъ, бывшій прежде купцомъ въ городѣ Торопцѣ и раздавшій все имѣніе нищимъ, сидѣть въ своей тѣсной пещерѣ; до самой полуночи онъ пѣлъ псалмы и молился, и теперь, погасивъ свѣтильникъ, присѣлъ, что бы немного отдохнуть. Вдругъ пещера его озарилась ослѣпительнымъ свѣтомъ; представили два прекрасные юноши, и говорятъ: „Исаакій! мы ангелы, а се идетъ къ тебѣ Христосъ; поклонись ему въ землю“. Затворникъ не спохватился осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, и поспѣшилъ совершить поклонъ. Вдругъ бѣсы воскликнули: „теперь ты уже нашъ, Исаакій!“ Вся келлія наполнилась бѣсами, которые принялись играть въ сопѣли, бубны и гусли, и заставили плясать затворника до истощенія силъ; такъ что, наругавшись надъ нимъ, оставили его еле живаго. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ лежалъ онъ, пораженный полнымъ разслабленіемъ и лишенный языка. Но въ послѣдствіи мало по малу Исаакій оправился, наложилъ на себя юродство, подвергъ себя всякаго рода лишеніямъ и трудамъ; пока наконецъ удостоился загладить свой грѣхъ и побѣдить бѣса. А вотъ и другой затворникъ Никита, который подвизался во времія игуменства великаго Никона. Онъ затворился въ надеждѣ получить отъ Бога даръ чудотворенія, и былъ конечно наказанъ за свое лжесмиреніе. Лукавый явился къ нему въ образѣ ангела, какъ будто посланного самимъ Богомъ. Никита съ его помощью началъ рассказывать о томъ, что дѣжалось въ отдаленныхъ областяхъ, и скоро прослылъ за пророка. Особенно онъ поражалъ приходящихъ къ нему своею начитанностію въ книгахъ Ветхаго завѣта. Но страннымъ показалось, что онъ никогда не хотѣлъ ни говорить, ни слышать объ евангeliї и апостолѣ. Отсюда игуменъ и другіе старцы скоро догадались, въ чемъ дѣло. Они пришли къ затворнику, и молитвами своими отогнали отъ него бѣса. Оказалось, что Никита не только не отличался ученостію, но никогда прежде не читалъ Св. писанія; такъ что старцы послѣ съ трудомъ научили его грамотѣ. Съ тѣхъ поръ,

оставивъ затворничество, онъ предался истинному смиренію и благочестію.

Первый изъ русскихъ князей, вступившихъ инокомъ въ Печерскую обитель, былъ Николай Святоша, сынъ черниговскаго князя Давида, внукъ Святослава Ярославича. Подобно дѣду, онъ носилъ языческое имя Святослава, откуда и получилъ прозваніе Святоши. Въ 1106 году онъ постригся, и затѣмъ проходилъ разныя послушанія, прежде нежели поселился въ келлії: три года работалъ на братію въ поварнѣ и три года былъ монастырскимъ прихватникомъ.

Печерская обитель имѣла великое вліяніе на русское монашество. По образцу ея стали распространяться въ Россіи и другіе общежительные монастыри; подвижники ея сдѣлялись предметомъ подражанія для иноковъ. О важномъ ея значеніи въ исторіи Русской церкви свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что уже съ самыхъ первыхъ временъ своего существованія она преимущественно передъ всѣми другими монастырями начала снабжать русскія области іерархами. Такъ инокъ Ефремъ, бывшій домоправитель великаго князя и приславшій Феодосію изъ Царьграда списокъ Студійскаго устава, въ послѣдствіи поставленъ епископомъ южнаго Переяславля, и озnamеновалъ здѣсь свое архіерейство построенiemъ многихъ храмовъ, каменныхъ городскихъ стѣнъ и другихъ зданій. Между прочимъ онъ возвелъ въ Переяславль какое то *банное строение*; чего по замѣчанію лѣтописи прежде не было на Руси. (По мнѣнію Карамзина, болѣе другихъ вѣроятному, это былъ баптистеріумъ или крещальня при соборномъ храмѣ). Даље, Стефанъ, преемникъ Феодосія на игуменствѣ, возведенъ на архіерейскую каѳедру Владимира Волынскаго; упомянутый выше затворникъ Никита является въ послѣдствіи епископомъ Великаго Новгорода; Исаія, печенскій инокъ при Феодосіѣ, потомъ прославился какъ епископъ Ростовскій, и др. Нѣкоторые изъ печенскихъ иноковъ не только извѣстны какъ проповѣдники христіанства въ тѣхъ областяхъ Россіи, которыя еще коснѣли въ язычествѣ; но и запечатлѣли свои апостольскіе подвиги смертію мучениковъ. Таковы: св. Леонтій, предшествен-

никъ Исаи на Ростовской кафедрѣ, какъ говорятъ, погибшій тамъ отъ язычниковъ, и св. Кукша, который крестилъ много народу въ странѣ дикихъ Вятичей, но наконецъ принялъ отъ нихъ смерть вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ Никономъ (36).

Основатели и подвижники Печерского монастыря свидѣтельствуютъ о той силѣ характера, о томъ устоѣ и многостороннихъ способностяхъ, которыми природа одарила Русскій народъ. Онъ одинаково является великимъ въ своихъ представителяхъ на поприщѣ государственного и церковнаго быта. То глубокое религіозное чувство, которое въ періодъ языческій доводило русскаго человѣка до кровавыхъ жертвоприношеній идоламъ, очищенное свѣтомъ новой религіи, обратило его къ подвигамъ самоистязанія и смиренія, но не тупаго, рабкаго смиренія, а сознательного и дѣятельнаго. Христіанская Русь усвоивъ себѣ идеалы, принесенные Греческою церковью, и ревностно старается осуществить ихъ въ лицѣ своихъ подвижниковъ. Не уступая въ аскетизмѣ восточнымъ образцамъ, они не разрываютъ всѣхъ связей съ міромъ; а стараются вліять на улучшеніе его нравственности, на улучшеніе самыхъ гражданскихъ отношеній, разумѣется, сообразно съ своими понятіями, со степенью своего собственнаго развитія.

Какъ и во всей средневѣковой Европѣ, монастыри явились на Руси зачатками и хранителями книжной образованности. Развѣтъ русской письменности связанъ съ тою же Киево-печерскою обителью, по преимуществу передъ другими монастырями. Здѣсь подвизалась и отсюда вышла значительная часть древнерусскихъ писателей.

VII.

НАЧАЛО КНИЖНОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Поученія митрополитовъ. Иларіонъ. Сочиненія Феодосія. Несторъ Печерскій. Происхожденіе лѣтописи. Сильвестръ Выдумецкій ея со-ставитель. Басня о призваніи Варяговъ. Даніиль Паломникъ. Про-исхожденіе Русской Правды. Судебная вира. Различие по сословіямъ. Хозяйство и торговля. Женщина. Иноземцы. Церковный судъ. Положе-ніе Духовенства. Языческие волхвы.

Книжное дѣло въ Россіи получило свое начало вмѣстѣ съ водвореніемъ греческаго христіанства и славянобол-гарскихъ переводовъ Св. писанія. Византійская словес-ность надолго осталась образцомъ и главнымъ источни-комъ для нашей словесности; а книжный болгарскій языкъ и болгарская грамота легли въ основу русской письмен-ности. Древнійшими памятниками ея служатъ славянскіе переводы договоровъ Олега, Игоря и Святослава; хотя они относятся въ эпохѣ послѣднихъ языческихъ князей; но несомнѣнно, что въ эту эпоху уже существовала кре-щеная Русь, а следовательно и церковнославянская гра-мота.

Въ числѣ первыхъ русскихъ писателей являются наши первые митрополиты и другіе іерархи, приходившиe къ намъ изъ Византіи. Славянскій языкъ, употреблявшійся ими, заставляетъ предполагать, что константинопольскій патріархъ назначалъ на русскія кафедры именно тѣ лица, которые были славянского происхожденія, или тѣхъ Грековъ, которые были знакомы съ церковнославянскимъ языкомъ. (Возможно впрочемъ и то, что въ случаѣ ма-лого знакомства съ этимъ языкомъ они для своихъ по-

славій къ паствѣ имѣли подъ рукой славянскихъ переводчиковъ). Таковы, напримѣръ, митрополиты Іоаннъ, современникъ Всеволода, названный въ лѣтописи мужемъ книжнымъ и ученымъ, и Никифоръ, современникъ Владимира Мономаха. Сочиненія этихъ и другихъ іерарховъ представляютъ по преимуществу разнаго рода правила и поученія; онѣ имѣли своею задачею внутреннее благоустройство юной Русской церкви и опредѣленіе ея вѣшнихъ отношеній, разрѣшеніе безпрерывно возникавшихъ вопросовъ со стороны обрядовой и житейской, борьбу съ разными языческими обычаями, которые медленно уступали свое мѣсто христіанскимъ установленіямъ, и т. п.

Отъ митрополита Іоанна дошло до насъ *Церковное Правило*, обращенное къ черноризцу Іакову, который вѣроятно предлагалъ митрополиту разные вопросы на разрѣшеніе. Въ этомъ посланіи митрополитъ возстаетъ противъ торговли рабами, золхвованія, пьянства, нескромныхъ пѣсенъ, плясокъ и другихъ языческихъ обычаевъ, а также противъ вольнаго сожитія съ женщиной и существовавшаго въ простонародьѣ мнѣнія, что вѣчальный обрядъ изобрѣтенъ только для князей и вообще людей знатныхъ. Особенно замѣтио стараніе греко-русскихъ іерарховъ оградить Русскую церковь отъ вліянія папства, отъ сближенія съ латинствомъ. Старанія эти тѣмъ понятнѣе, что русскіе князья находились въ дѣятельномъ общеніи и въ родственныхъ связяхъ съ другими государами европейскими, особенно съ сосѣдями своими, королями польскими, нѣмецкими, скандинавскими и угорскими; тогда какъ именно во второй половинѣ XI вѣка совершилось окончательное раздѣленіе церквей, и послѣдовали тѣ мѣры Григорія VII, который еще болѣе усилилъ различіе въ характерѣ греческаго и латинскаго клира. Митрополитъ Іоаннъ въ своемъ Правилѣ осуждаетъ обыкновеніе русскихъ князей отдавать своихъ дочерей замужъ въ чужія земли (гдѣ онѣ обыкновенно окатоличивались). А митрополитъ Никифоръ посвятилъ Владимиру Мономаху цѣлое посланіе объ отличіяхъ Римской церкви отъ Православной. Онъ насчитываетъ до двадцати отличій, между которыми главное мѣсто занимаютъ: служеніе на опрѣ-

снокахъ, безбрачіе и брадобритіе священниковъ, а также учение объ исходеніи Духа Святаго отъ Отца и *Сына*; послѣднее онъ называетъ „великимъ зловѣрствомъ“.

Тоже стремленіе къ поученію, наставлению и утвержденію въ правилахъ христіанской церкви заключается и въ дошедшихъ до насъ произведеніяхъ собственно русскихъ іерарховъ и подвижниковъ. Рядъ этихъ писателей открывается тѣмъ самымъ Иларіономъ, который былъ первымъ киевскимъ митрополитомъ русского происхожденія и съ которымъ связано пещерное начало знаменитой Киевской обители. До насъ дошло нѣсколько его сочиненій, а именно: „Ученіе о Ветхомъ и Новомъ законѣ“, съ которымъ соединена „Похвала кагану нашему Владиміру“, и „Исповѣданіе вѣры“. Свѣтлый умъ, начитанность и даровитость, которыми отличаются эти произведенія, вполнѣ объясняютъ намъ, почему великій князь Ярославъ показалъ такое уваженіе къ ихъ автору, изъ простыхъ священниковъ возвысивъ его на степень русского митрополита. Первое изъ названныхъ сочиненій направлено въ особенности противъ іудейства; что подтверждается присутствіемъ на Руси іудейскихъ колоній и пропаганды, шедшихъ вѣроятно съ югостока изъ Хазаріи при посредствѣ нашихъ Тмуtrakанскихъ владѣній. (О еврейской колоніи въ Киевѣ упоминаетъ Житіе Феодосія; объ озлобленіи Кіевлянъ противъ жидовъ свидѣтельствуетъ лѣтопись по поводу смерти Святополка II). Перешедши отъ Ветхаго завѣта къ Новому, отъ іудейства къ христіанству, авторъ говоритъ о крещеніи Русскаго народа и превозносить виновника этого крещенія, кагана Владимира. Тутъ слово его проникнуто одушевленіемъ и отличается истиннымъ красорѣчиемъ. „Уже не капища сограждаемъ— говоритъ онъ,— но Христовы церкви виждемъ. Уже не заикаемся бѣсамъ другъ друга; но Христосъ за насъ закаляетъ бываетъ. Уже не кровь жертвъ вкушай, погибаемъ; но Христовой пречистой крови вкушай, спасаемся“. „Всѣ страны, города и люди чтуть и славить каждый своего учителя въ Православной вѣрѣ. Похвалимъ же и мы, по мѣрѣ малыхъ силъ нашихъ, великия и дивныя дѣла нашего учителя и наставника, великаго кагана нашей земли,

Владимира, внука старого Игоря, сына славного Святослава, которые своею храбростью и мужествомъ прославились во многихъ странахъ и нынѣ поминаются со славою⁴. Особенно живая картина заключается въ слѣдующемъ описаніи Руси послѣ крещенія: „Тогда сойнце Евангельское освѣтило нашу землю, капища разрушились, церкви поставляются, идолы сокрушаются и иконы святыхъ являются; монастыри стали на горахъ; апостольская труба и евангельскій громъ огласилъ всѣ грады; симъ, возносимый Богу, освятилъ воздухъ; мужи и жены, малые и большиe, всѣ люди, наполнивъ церкви, возвеличили Бога“. Похвалу Владимиру Иларіонъ оканчиваетъ похвалою своему покровителю Ярославу, который совершилъ великое дѣло, начатое отцомъ. Кроме блестящей картины, начертанной авторомъ, изъ его произведенія мы видимъ, какъ уже съ самаго водворенія христіанской религіи на Руси, духовенство поддерживаетъ священное значение княжеской власти, находя въ ней опору своему высокому положенію и призванію. Русская церковь усвоиваетъ себѣ отличительную черту церкви Греческой отъ Латинской: безпритязательность первой на господство свѣтское и смиреніе передъ властю гражданскою или государственною. Да иначе и быть не могло при слабости феодатического начала, обнаруженной еще въ языческій періодъ, и при исключномъ, довольно широкомъ развитіи княжеской власти у Русского народа.

Въ XI вѣкѣ не одинъ Иларіонъ прославлялъ великия дѣла Владимира. Этотъ князь вообще сдѣлался любимымъ героемъ нашей народной и книжной словесности. Отъ эпохи первыхъ Ярославичей до насъ дошла еще „Похвала князю Владимиру“, сочинитель которой называетъ себя Іаковомъ Мнихомъ. Полагаютъ, что это былъ тотъ самый пресвитеръ Іаковъ, инокъ печерскій, котораго Феодосій при своей кончинѣ предлагалъ наречь себѣ преемникомъ; но братія отвѣчала, что онъ постриженъ не въ Печерскомъ монастырѣ, и пожелала имѣть игумномъ Стефана, ученика и постриженника Феодосіева. Знаменитый игуменъ печерскій самъ любилъ заниматься книжнымъ дѣломъ, и писалъ поученія. До насъ не дошло ни одного изъ

обличительныхъ посланій къ великому князю Святославу, о которыхъ упоминаетъ Житіе Феодосія. Но мы имѣемъ нѣсколько его поученій, обращенныхъ преимущественно къ монастырской братії, каковы наставлениа о любви къ Богу, о милостыніи, терпѣніи, трудахъ и пр. Въ нѣкоторыхъ поученіяхъ своихъ онъ, какъ строгій аскетъ, сильно вооружается противъ пьянства, распущенности нравовъ, суетрій и разныхъ игрищъ, оставшихся отъ язычества. „Несть ли поганый (языческій) обычай—восхищаетъ онъ: кто повстрѣчаетъ на дорогѣ чернеца или черницу, свинью или лысаго коня, то возвращается назадъ? Другіе вѣрятъ въ чохъ, въ волхваніе, или занимаются ростомъ, воровствомъ, скоморошествомъ, гуслями, сопѣлями и вообще неподобными дѣлами“. „Или, когда мы стоимъ въ церкви, то можно ли смеяться и шептаться? Все это заставляетъ вѣсть дѣлать окаянный діаволъ“. Феодосій между прочимъ, въ отвѣтъ на собственный запрошъ великаго князя Изяслава, написалъ къ нему посланіе о Варяжской или Латинской вѣрѣ; въ чемъ предварилъ упомянутыхъ выше митрополитовъ Іоанна и Никифора. Онъ также исчисляетъ отличія Латинской церкви; но вооружается противъ нихъ еще съ большою энергией; также охуждаетъ брачные союзы русскихъ государей съ западными, и вообще совѣтуетъ православнымъ избѣгать общенія съ латинами (⁵⁷⁾.

Отъ поученій и наставлений, какъ вести себя добруму христіанину, истинному сыну Православной церкви, книжная словесность наша естественно должна была переходить къ живымъ примѣрамъ, къ изображенію тѣхъ мужей, которые пріобрѣли славу мучениковъ, подвижниковъ, вообще людей святыхъ, угодившихъ Богу. Отсюда въ древнерусской словесности очень рано развился богатый отдель, посвященный жизнеописанию и прославленію подобныхъ мужей. Рядомъ съ переводными житіями святыхъ общехристіанскихъ и преимущественно греческихъ, начали появляться сказанія и о русскихъ угодникахъ. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ все той же Печерской обители. Ея необычайное начало и процвѣтаніе постоянно склоняли мысли печерскихъ иноковъ къ ея славнымъ

основателямъ и устроителямъ, Антонію и Феодосію, а также къ ихъ ближайшимъ послѣдователямъ. Рассказы объ этихъ мужахъ сдѣвались однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ чтенія и списыванія въ древней Россіи. Во главѣ такихъ произведеній стоитъ „Житіе преподобнаго отца нашего Феодосія, игумена Печерскаго“. Подобно твореніямъ митрополита Иларіона оно отличается прекраснымъ языкомъ, толковымъ изложеніемъ и обнаруживаетъ несомнѣнныи литературный талантъ его сочинителя. А сочинителемъ этого житія былъ пещерскій ионокъ Несторъ. О немъ мы знаемъ только то немногое, что онъ самъ мимоходомъ замѣчаетъ о себѣ въ этомъ Житіи Феодосія. А именно, Несторъ вступилъ въ Печерскій монастырь при преемнике Феодосіевомъ Степанѣ, былъ имъ постриженъ и возведенъ въ дьяконскій санъ. Феодосія онъ не зналъ лично; но большинство ионоковъ еще находилось подъ живымъ впечатлѣніемъ этого необыкновенного человѣка, и монастырь былъ полонъ рассказами о его дѣятельности. Вдохновенный этими рассказами и тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, которымъ была окружена память о св. игуменѣ, Несторъ рѣшился описать его житіе. Оно указываетъ на нѣкоторыхъ изъ братіи, которые помогали ему своими воспоминаніями. Главнымъ источникомъ для него служили бесѣды Феодора, который исполнялъ должность келаря при Феодосіѣ. Этому Феодору, по словамъ Нестора, мать Феодосія сама рассказывала исторію своего сына до его бѣгства изъ Курска въ Кіевъ. Нѣкоторые подробности о св. игуменѣ сообщилъ Нестору ионокъ Иларіонъ, который былъ искусенъ въ книжномъ дѣлѣ, и часто занимался перепискою книгъ въ келлії самаго Феодосія, т. е. подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Поминаетъ онъ о расказахъ и другихъ ионоковъ, которыхъ не называетъ по имени. Очевидно самъ Феодосій, любившій книжное дѣло, своимъ примѣромъ и поощреніемъ много содѣйствовалъ тому литературному направленію, которое мы встрѣчаемъ въ Печерской обители преимущественно передъ другими русскими монастырями того времени. Любовь къ книжному дѣлу можетъ быть имѣла нѣкоторое вліяніе и на сочувствие Феодосія къ Студійскому монастырю предпочтительно передъ другими

греческими обителями, потому что въ немъ кромѣ общеизитія процвѣтала и литературная дѣятельность. Когда Несторъ приступилъ къ Житію Феодосія, онъ уже достаточно былъ подготовленъ къ своей задачѣ, достаточно опытенъ въ сочинительствѣ. Въ предисловіи къ этому труду онъ замѣчаетъ, что Господь уже сподобилъ его написать „О житіи, убіеніи и чудесахъ святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба“. Эти князья-мученики, какъ сказано выше, сдѣлались также однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ древнерусскихъ сказаній; не одинъ Несторъ описывалъ житіе братьевъ-мучениковъ и главнаго устроителя Печерской обители; но ему принадлежитъ починъ въ томъ и другомъ случаѣ. Въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ онъ также называетъ себя „грѣшнымъ“ Несторомъ и упоминаетъ о себѣ какъ о сочинителѣ, который тщательно распрашивалъ людей знающихъ и собирая расказы о свв. братьяхъ (58).

По всѣмъ признакамъ эти два произведенія, исполненные высокихъ достоинствъ, доставили Нестору уваженіе современниковъ и прочную память въ потомствѣ. Можетъ быть, онъ написалъ и еще что либо, до насъ недошедшее. Во всякомъ случаѣ его авторскою славою преимущественно можно объяснять то обстоятельство, что въ послѣдствіи съ его именемъ стали связывать такой важный памятникъ древнерусской словесности, какъ начальная Русская лѣтопись; хотя она ему не принадлежала.

Наши лѣтописи возникли при непосредственномъ участіи самихъ русскихъ князей. Извѣстно, что уже сынъ первого христіанского князя въ Киевѣ, Ярославъ, отличался любовью къ просвѣщенію книжному, собирая около себя переводчиковъ и писцевъ; заставляя переводить съ греческаго или переписывать уже готовые славяно-болгарскіе переводы. Тутъ надобно разумѣть переводы Св. писанія, творенія отцовъ церкви, а также византійскіе хронографы. Объ усердіи Ярослава къ успѣхамъ словесности Русской свидѣтельствуетъ и покровительство, оказанное имъ такому даровитому писателю какъ Иларіонъ, его волею возвѣшенный въ санъ митрополита. У насъ повторилось тоже явленіе какъ въ Дунайской Болгарії:

Борисъ крестился со всемъ Болгарскою землею; а при сыне его книголюбцѣ Симеонѣ началось уже прощаніе болгарской книжной словесности. Сыновья Ярослава продолжали дѣло отца. По крайней мѣрѣ известно, что Святославъ Ярославичъ имѣлъ у себя уже значительное книгохранилище, отъ которого дошелъ извѣстный подъ его именемъ Сборникъ. Дьякъ Иоаннъ, переписавшій этотъ сборникъ съ болгарской рукописи для Святослава Ярославича, замѣтилъ обѣ этомъ князѣ въ своемъ послѣсловіи, что онъ „божественными книгами исполнилъ свои полати“. Князьямъ подражали и некоторые ихъ бояре. Отъ той же эпохи сохранился у насъ списокъ евангелія, извѣстный подъ именемъ „Остромірова“. Онъ былъ написанъ по заказу Остроміра, бывшаго родственникомъ великому князю Изяславу Ярославичу и его посадникомъ въ Новѣгородѣ, какъ о томъ замѣтилъ въ послѣсловіи самъ списатель какой то дьяконъ Григорій.

Особенно прилежавшимъ книжному просвѣщенію являлся внукъ Ярослава Владиміръ Мономахъ, который и самъ былъ авторомъ. До насть дошли два его произведенія: краснорѣчивое письмо къ Олегу Святославичу по поводу своего сына Изяслава, павшаго въ бою, и знаменитое Поученіе, обращенное къ дѣтямъ. Если бы оба эти произведенія и были написаны съ помощью кого либо изъ близкихъ ему духовныхъ лицъ, во всякомъ случаѣ значительная доля творчества несомнѣнно принадлежитъ здѣсь самому князю. Участіе Владимира Мономаха въ дѣлѣ русской словесности яснѣе всего подтверждается тѣмъ, что именно во время его кіевскаго княженія и конечно не безъ его содѣйствія былъ составленъ нашъ первый лѣтописный сводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что начатки лѣтописнаго дѣла на Руси относятся ко времени болѣе раннему, и по всей вѣроятности къ эпохѣ книголюбца Ярослава. Краткія замѣтки о важныхъ событияхъ военныхъ, о рожденіи и смерти князей, о построеніи важнѣйшихъ храмовъ, о солнечныхъ затмѣніяхъ, о голодѣ, морѣ и т. п. могли быть заносимы въ такъ наз. Пасхальные таблицы. Изъ этихъ таблицъ развились лѣтописи на западѣ; такъ было и у насъ. Пасхальные таблицы перешли къ намъ конечно изъ Византіи съ

ихъ лѣтосчислѣніемъ по индиктамъ, съ солнечнымъ кругомъ и т. п. Упомянутыя замѣтки, какъ и въ Западной Европѣ, вели у насъ грамотные монахи при главныхъ епископскихъ храмахъ или въ тишинѣ монастырскихъ келлій. Съ развитіемъ грамоты сама собою явилась на Руси потребность объяснить, откуда взялись русскіе князья старые иувѣковѣчить дѣла князей современныхъ: явилась потребность въ исторической словесности. Переводные византійские хронографы или обозрѣнія все-мірной исторіи послужили ближайшими образцами для нашей лѣтописи. Такая лѣтопись естественно должна была явиться въ средоточіи Русской земли, вблизи главнаго русскаго князя, т. е. въ стольномъ Кіевѣ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы далѣе за Печерскою обителью, на крутомъ берегу Днѣпра находился Михайловскій монастырь Выдубецкій, которому особенно покровительствовалъ великий князь Всеволодъ Ярославичъ, отецъ Мономаха. Между прочимъ онъ построилъ здѣсь каменный храмъ св. Михаила. Послѣ Всеволода этотъ монастырь пользовался особымъ уваженіемъ и покровительствомъ со стороны его потомства. Когда Владіміръ Мономахъ утвердился на Кіевскомъ столѣ, игуменомъ Выдубецкаго монастыря былъ Сильвестръ. Ему то и принадлежитъ начало нашихъ лѣтописныхъ сводовъ или такъ наз. *Повѣсть временныхъ лѣтъ*, которая взяла на себя задачу расказать: „откуда пошелъ Русскій народъ, кто въ Кіевѣ сперва княжилъ и какъ установилась Русская земля“. Авторъ Повѣсти очевидно владѣлъ навыкомъ въ книжномъ дѣлѣ и замѣчательнымъ дарованіемъ. Въ основу своего труда онъ положилъ византійскаго хронографа Георгія Амартола, жившаго въ IX вѣкѣ, и его продолжателей, имѣя подъ рукою славяноболгарскій переводъ этого хронографа. Отсюда Сильвестръ между прочимъ заимствовалъ описание разныхъ народовъ и языковъ, населившихъ землю послѣ потопа и столпотворенія Вавилонскаго. Отсюда же онъ взялъ извѣстіе о первомъ нападеніи Руси на Царьградъ въ 865 г. и о нападеніи Игоря въ 941. Повѣсть нерѣдко украшается текстами и большими выписками изъ Св. писанія, изъ сборниковъ ветхо-

завѣтныхъ сказаній (т. е. изъ Палеи), изъ нѣкоторыхъ церковныхъ писателей греческихъ (напр. Меѳодія Патарскаго и Михаила Синкела) и писателей русскихъ (напр. Феодосія Печерскаго), а также изъ сочиненій славяноболгарскихъ (напр. изъ Житія Кирилла и Меѳодія); что свидѣтельствуетъ о довольно обширной начитанности автора и его подготовкѣ къ своему дѣлу. Рассказы о первыхъ временахъ наполнены легендами и баснями, какъ это бываетъ въ начальной исторіи всякаго народа; но чѣмъ ближе къ своему времени, тѣмъ Повѣсть становится полнѣе, достовѣрнѣе, обстоятельнѣе. Достовѣрность ея конечно усиливается со временемъ окончательного возвращенія христіанства въ Кіевской землѣ, особенно со временемъ Ярослава, когда грамота стала развиваться на Руси и когда начались упомянутыя выше замѣтки при Пасхальныхъ таблицахъ. Слѣды этихъ таблицъ видны въ томъ, что лѣтописецъ, рассказывая событія по годамъ, обозначаетъ и такие годы, происшествія которыхъ ему остались неизвѣстны или въ которые ничего замѣчательнаго не случилось. Для XI вѣка ему служили еще воспоминанія старыхъ людей. Сильвестръ самъ указываетъ на одного изъ такихъ стариковъ, именно на кіевскаго боярина Яна Вышатича, того самаго, который былъ другомъ Феодосія Печерскаго и скончался въ 1106 г. девяноста лѣтъ отъ роду. Приводя извѣстіе о его кончинѣ, сочинитель Повѣсти замѣчаетъ: „многое слышанное отъ него я внесъ въ эту лѣтопись“. Исторія второй половины XI вѣка и начала XII-го совершилась на глазахъ самого автора. Его добросовѣстное отношеніе къ своему дѣлу видно изъ того, что рассказы объ этомъ времени онъ старался собирать изъ первыхъ рукъ, т. е. спрашивалъ по возможности очевидцевъ и участниковъ. Таковы, напримѣръ, свидѣтельства какого то пещерскаго инока о св. игумѣ Феодосіѣ, объ открытіи и перенесеніи его мощей изъ пещеры въ храмъ Успенія, повѣствованіе какого то Василія объ ослѣплѣніи и содержаніи подъ стражею Василька Ростиславича, и т. п.

Владиміръ Мономахъ по всей вѣроятности не только поощрялъ составленіе этой лѣтописи; но можетъ быть и

самъ помогалъ автору сообщеніемъ свѣденій и источниковъ. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить, напримѣръ, занесеніе въ лѣтопись его письма къ Олегу Святославичу и Поученія своимъ дѣтямъ, а также извѣстные договоры съ Греками Олега, Игоря и Святослава, договоры, славянскіе переводы которыхъ хранились конечно при Киевскомъ дворѣ. Возможно также, что не безъ его вѣдома и одобренія занесена на первыя страницы лѣтописи и извѣстная басня о томъ, что Русь призвала изъ заморя трехъ варяжскихъ князей для водворенія порядка въ своей обширной землѣ. Когда и какъ впервые была пущена въ ходъ эта басня, конечно навсегда останется неизвѣстнымъ; но появленіе ея во второй половинѣ XI-го или въ первой XII вѣка достаточно объясняется обстоятельствами того времени. Въ исторіи нерѣдко встрѣчается наклонность государей выводить свой родъ отъ знатныхъ иноземныхъ выходцевъ, отъ княжескаго племени другой земли, даже отъ племени незначительного, но почему либо сдѣлавшагося знаменитымъ. Этому тѣснолюбивому желанію вѣроятно не были чужды и русскіе князья того времени и можетъ-быть самъ Мономахъ. Мысль о варяжскомъ происхожденіи русскаго княжескаго дома весьма естественно могла возникнуть въ тѣ времена, когда въ Европѣ еще гремѣла слава норманскихъ подвиговъ и завоеваній; когда цѣлое Англійское королевство сдѣжалось добычею норманскихъ витязей, а въ южной Италии основано ими новое королевство, откуда они громили Византійскую имперію; когда на Руси еще живы были воспоминанія о тѣсныхъ связяхъ Владимира и Ярослава съ Варягами, о храбрыхъ варяжскихъ дружинахъ, сражавшихся во главѣ ихъ ополченій. Наконецъ такая мысль естественнѣе всего могла возникнуть при сыновьяхъ и внукахъ честолюбивой и умной норманнской принцессы Ингигерды, супруги Ярослава. Можетъ быть, эта мысль первоначально явилась не безъ участія обруссѣвшихъ сыновей или потомковъ тѣхъ норманскихъ выходцевъ, которые дѣйствительно нашли свое счастье въ Россіи. Примѣръ такихъ знатныхъ выходцевъ представляетъ Шимонъ, племянникъ того варяжского князя Якуна, который былъ

союзникомъ Ярослава въ войнѣ съ Мстиславомъ Тмутраканскимъ. Изгнанный изъ отечества своимъ дядею, Шимонъ со многими единоземцами прибылъ въ Россію, вступилъ въ русскую службу и принялъ православіе; въ послѣдствії онъ сдѣлался первымъ вельможею Всеволода Ярославича и богатыми приношеніями помогалъ при построеніи пѣчерского храма Богородицы. А сынъ его Георгій при Мономахѣ былъ намѣстникомъ въ Ростовѣ. Въ эпоху лѣтописца еще продолжались дружественные и родственные связи Русскаго княжескаго дома съ норманскими государями. Самъ Владиміръ Мономахъ имѣлъ въ первомъ бракѣ Гиду, дочь англійскаго короля Гарольда; старшій сынъ ихъ Мстиславъ былъ женатъ на Христианѣ, дочери шведскаго короля Инга Стенкильсона; двѣ внучки Владимира выданы за скандинавскихъ принцевъ.

Когда Сильвестръ принялъся за свой лѣтописный трудъ, уже два съ половиною вѣка прошло отъ первого нападенія Руси на Константинополь, упомянутаго въ хроникѣ Амартола. Съ этого нападенія лѣтописецъ собственно и начинаетъ свою „Повѣсть временныхъ лѣтъ“. Но, согласно съ наивными понятіями и литературными пріемами той эпохи, онъ предположилъ этому историческому событию нѣсколько басенъ, какъ бы объясняющихъ предыдущія судьбы Руси. Между прочимъ онъ расказываетъ кievское преданіе о трехъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоревѣ, княжившихъ когда то въ землѣ Полянѣ и основавшихъ Кіевъ; а рядомъ съ нимъ поставилъ сказаніе — котораго первое зерно по всей вѣроятности пришло изъ Новгорода — сказаніе о трехъ братьяхъ Варягахъ, призванныхъ изъ моря въ Новгородскую землю. Этотъ домыселъ очевидно еще не былъ тогда общеизвѣстнымъ преданіемъ: на него не встрѣчаемъ намека ни въ одномъ изъ другихъ произведеній Русской словесности того времени. Но въ послѣдствії ему особенно посчастливилось. Сказаніе расширялось и видоизмѣнялось; такъ что у позднѣйшихъ составителей лѣтописныхъ сводовъ уже не Русь и Славяне Новгородскіе призываютъ къ себѣ варяжскихъ князей, какъ это было у первого лѣтописца; а Славяне, Кривичи и Чудь призываютъ Варяговъ — Русь, т. е. уже весь великий Рус-

скій народъ причисленъ къ Варягамъ и является въ Россію подъ видомъ какой то пришлой изъ за моря княжеской свиты. Въ такомъ искаженіи первоначальной легенды виновны конечно невѣжество и небрежность позднѣйшихъ списателей Сильвестра. Сильвестръ окончилъ свою Повѣсть въ 1116 году. Владимиrъ Мономахъ очевидно былъ доволенъ его трудомъ: спустя два года, онъ велѣлъ поставить его епископомъ своего наслѣдственного города Переяславля, гдѣ Сильвестръ и скончался въ 1123 году (59).

Почти въ одно время съ Повѣстью временныхъ лѣтъ игумена Сильвѣстра написано произведеніе другаго русскаго игумена, Даніила, именно: *Хожденіе въ Іерусалимъ*. Мы видѣли, что паломничество или обычай ходить на поклоненіе святымъ мѣстамъ возникъ на Руси вслѣдъ за вовореніемъ христіанской религіи. Уже въ XI вѣкѣ, когда Палестина находилась подъ властью Турокъ Сельджуковъ, русскіе паломники проникали туда и терпѣли тамъ притѣсненія наравнѣ съ прочими христіанскими пилигримами. Число ихъ увеличилось съ начала XII вѣка, когда крестоносцы завоевали Святую землю и основали тамъ королевство. Занятые борьбою съ другими Турками, т. е. съ Половцами, наши князья не участвовали въ крестоносныхъ походахъ; тѣмъ не менѣе русскіе люди сочувствовали великому движенію западныхъ народовъ противъ невѣрныхъ. Сочувствіе это отразилось и въ запискахъ Даніила о своемъ хожденіи. Онъ именуетъ себя просто русскимъ игуменомъ, не называя своего монастыря; судя по нѣкоторымъ его выраженіямъ полагаютъ, что онъ былъ изъ Черниговской области. Даніилъ не одинъ посѣтилъ Святую землю; онъ упоминаетъ о цѣлой дружинѣ русскихъ паломниковъ и нѣкоторыхъ называетъ по именамъ. Все его сочиненіе дышитъ глубокою вѣрою и благоговѣніемъ къ священнымъ предметамъ, которые онъ удостоился видѣть. Онъ съ похвалою говоритъ о королѣ іерусалимскомъ Балдуинѣ, который оказалъ вниманіе русскому игумену и позволилъ ему поставить на Гробѣ Господнемъ кандило за русскихъ князей и за всю Русскую землю. Въ числѣ князей, которыхъ имена нашъ игуменъ

записалъ для молитвы объ ихъ здравіи въ Лаврѣ св. Савы, гдѣ онъ имѣлъ пріютъ, первое мѣсто занимаютъ: Свято-полкъ—Михаилъ, Владіміръ(Мономахъ)—Василій, Олегъ—Михаилъ и Давидъ Святославичи (60).

Къ эпохѣ Ярослава, его сыновей и внуковъ относится весьма важный памятникъ гражданскаго состоянія Руси въ тѣ времена. Это такъ называемая *Русская Правда* или первое записанное собраніе нашихъ древнѣйшихъ законовъ. У Русскихъ, какъ и вездѣ, основою законодательства послужили установившіеся обычай и отношения. Первые сборники законовъ отвѣчали обыкновенно на потребности суда и расправы, какъ самыхъ необходимыхъ условій сколько нибудь устроенного человѣческаго общества. Главнѣйшая общественная потребность состоитъ въ томъ, что бы оградить безопасность личную и имущественную; а потому всякое древнѣе законодательство носить характеръ по преимуществу уголовный, т. е. прежде всего опредѣляетъ наказанія и пени за убийство, побой, раны, воровство и другія преступленія противъ личности или собственности.

Начало Русской Правды восходитъ ко временамъ болѣе древнимъ, чѣмъ княженіе Ярослава. Уже при первомъ исторически известномъ кіевскомъ князѣ, при Олегѣ, встрѣчаются указанія на статьи *Русского закона*, именно въ договорѣ съ Греками. Такія же указанія повторяются и въ договорѣ Игоря. Ярославъ, известный своею любовью къ земскому устроенію и книжному дѣлу, повидимому велѣлъ собрать вмѣстѣ правила и обычай, относящіяся къ судопроизводству, и составить письменный сводъ для руководства судьямъ на будущее время. Первая статья этого свода опредѣляетъ пеню за самое важное преступление, за убийство. Эта статья представляетъ явный переходъ отъ состоянія варварскаго, почти первобытнаго, къ состоянію болѣе гражданственному. У Руссовъ, какъ и у другихъ народовъ, находившихся на низкихъ ступеняхъ общественного развитія, личная безопасность ограждалась преимущественно обычаемъ родовой мести; т. е. обязанностью за смерть родственника мстить смертью убійцы.

Съ принятиемъ христіанства и успѣхами гражданственности эта статья естественно должна была подвергнуться смягченію или измѣненію, что и совершилось не вдругъ, а весьма постепенно; ибо обычай кровавой мести такъ вѣдрился въ народные нравы, что искоренить его было нелегко. Владимиrъ Великій, по извѣстію лѣтописи, уже колеблется между смертною казнью и вирою. Послѣ своего крещенія, подъ вліяніемъ новой религіи, онъ по видимому отмѣнилъ смертную казнь и право кровавой мести, а положилъ за убийство денежную пеню или виру; потомъ, когда умножились разбой, по совѣту самихъ епископовъ, началъ казнить смертью разбойниковъ; а подъ конецъ опять отмѣнилъ казнь и приказалъ взыскивать виру.

Ярославъ въ первой статьѣ Русской Правды дозволилъ за убийство кровавую месть, но только близкимъ родственникамъ, именно сыновьямъ, братьямъ и племянникамъ. Если же местниковъ не было (за неимѣніемъ близкихъ родственниковъ или за ихъ отказомъ отъ кровавой мести), то убийца долженъ платить извѣстную виру. Но и это исключение для близкихъ степеней родства существовало только до сыновей Ярослава. Послѣ него Изяславъ, Святославъ и Всеvolодъ собрались для общаго совѣта о строеніи земскомъ вмѣстѣ съ своими главными боярами; тутъ были тысяцкие, кievскій Коснячко, черниговскій Переиѣгъ и Переяславскій Никифоръ, кроме того бояре Чудинъ и Мивула. Они пересмотрѣли Русскую Правду, дополнили ее новыми статьями, и между прочимъ совсѣмъ отмѣнили право кровавой мести, замѣнивъ ее вирою во всѣхъ случаяхъ для свободного человека. Владимиrъ Мономахъ вскорѣ по своемъ утвержденіи въ Киевѣ приступилъ къ новому пересмотру Русской Правды, вызванному конечно новыми обстоятельствами и развивавшимися потребностями. Въ своемъ загородномъ дворѣ на Берестовѣ онъ по обычаю для совѣта о такомъ важномъ дѣлѣ, призвалъ своихъ тысяцкихъ, Ратибора кievскаго, Прокопія бывшего городского, Станислава Переяславскаго, бояръ Нажира и Мірослава. Кроме того на этомъ совѣтѣ присутствовалъ Иванко Чудиновичъ, бояринъ Олега Святославича. Важнѣйшее дополненіе Владимира, кажется, относилось къ уставу о

рѣзахъ или ростѣ; не забудемъ, что по смерти Свято-полка Михаила Кіевляне подняли мятежъ и разграбили именно Евреевъ, конечно возбудившихъ къ себѣ ненависть своимъ обычнымъ лихомѣствомъ. Дополненія и перемѣны въ Русской Правдѣ продолжались и послѣ Мономаха; но основная ея части оставались тѣ же.

Посмотримъ теперь, въ какомъ видѣ явлются передъ нами общественные понятія и отношенія нашихъ предковъ на основаніи Русской Правды.

Во главѣ всей Русской земли стоитъ великий князь Кіевскій. Онъ заботится о земскомъ строѣ, устанавливаетъ судъ и расправу. Онъ окруженнъ боярами или старшою дружиною, съ которою совѣтуется о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, подтверждаетъ старые уставы или производить въ нихъ перемѣны. Въ дѣлахъ земскихъ онъ особенно совѣтуется съ *тысяцкими*; ихъ название указываетъ на существовавшее когда то военно-народное дѣленіе по тысячамъ и сотнямъ; но въ данную эпоху, по всѣмъ признакамъ, это были главные земскіе сановники, назначаемые изъ заслуженныхъ бояръ и помогавшия князю въ управлѣніи; *тысяча* обозначала уже не столько числительное дѣленіе, сколько земское или волостное. Иногда великій князь для рѣшенія важнѣйшихъ земскихъ дѣлъ собираетъ старшихъ между удѣльными князьями, какъ, напримѣръ, Изѧславъ I и Святополкъ II. Но Ярославъ и Владимиrъ Мономахъ, умѣвшіе на дѣлѣ быть главою княжескаго дома, издаютъ уставы для всей Русской земли, не спрашивая непремѣнного согласія князей удѣльныхъ.

Мѣстомъ для суда служитъ дворъ князя, а въ областныхъ городахъ дворъ его намѣстника; судъ производить князь лично или чрезъ своихъ тіуновъ. Въ опредѣленіи разныхъ степеней наказанія ясно видно раздѣленіе народа на три состоянія или на три сословія: дружину княжескую, смердовъ и холоповъ. Главную массу населенія составляли *смерды*; это было общее название для свободныхъ жителей городовъ и селъ. Другое общее название для нихъ было *люди*, въ ед. числѣ *людинъ*. За убийство людина платилась вира или пена, опредѣленная въ **40** гривенъ. Высшее состояніе составляло военное сосло-

віе или книжая дружива. Но и последняя имѣла разныя степени. Простые друдинники носили названія *дѣтскихъ, отроковъ, тридѣй и мечниковъ*; за убійство такого простаго друдинника назначалась обыкновенная вира, какъ за купца или другого смерда, т. е. 40 гривенъ. Старшіе друдинники были люди приближенные къ князю, его бояре или, какъ они называны въ Русской Правдѣ, *княжеские мужи*. За убійство такого мужа назначена двойная вира, т. е. 80 гривенъ. Судя по этой двойной вирѣ, къ „*княжимъ мужамъ*“ Правда относить и главныхъ княжихъ слугъ или челядинцевъ, исправлявшихъ должности судей, домоправителей, сельскихъ старостъ, старшихъ конюховъ и т. п. Дорогобужцы какъ то при Изяславѣ Ярославичѣ убили тіуна конюшаго, состоявшаго при табунѣ великаго князя; послѣдній наложилъ на нихъ двойную виру; этотъ примѣръ обращенъ въ правило при подобныхъ случаяхъ и на будущее время.

Рядомъ съ свободнымъ населеніемъ въ городахъ и селахъ жили несвободные люди, носившия названія *холоповъ, челяди и рабовъ*. Первоначальнымъ источникомъ рабства въ древней Россіи, какъ вездѣ, служила война, т. е. плѣнныхъ обращали въ рабовъ, и продавали наравнѣ со всякой другой добычей. Русская Правда опредѣляетъ еще три случая, когда свободный человѣкъ становился полнымъ или *обѣльнымъ* холопомъ: кто купленъ при свидѣтеляхъ, кто женится на рабѣ безъ ряда или договора съ ея господиномъ и кто пойдетъ безъ ряда въ тіуны или ключники. Холопъ не имѣлъ никакихъ гражданскихъ правъ и считался полною собственностью своего господина: за убійство холопа или рабы виры не полагалось; но если кто убьетъ чужаго холопа неповинно, то долженъ былъ заплатить господину стоимость убитаго и князю 12 гривенъ такъ наз. *продажи* (т. е. пени или штрафа). Кромѣ полныхъ холоповъ существовало еще сословіе полусвободное, *наймиты* или *закупни*; это были работники, нанимавшіеся на известный срокъ. Если работникъ, взявъ деньги впередъ, уѣгалъ отъ господина, тогда онъ обращался въ полнаго или обѣльного холопа.

Если убійца скроется, то виру должна была выплачивать

вервь, т. е. община, и такая вира называлась *дикою*. Затѣмъ опредѣляются пени за раны и побои. Напримѣръ, за отсѣченіе руки или другое важное увѣчье полвиры, т. е. 20 гривенъ, въ княжую казну; а изувѣченому 10 гривень; за ударъ палкою или мечемъ необнаженнымъ 12 гривень и т. д. О воровствѣ обиженный прежде всего долженъ объявить на торгу; если же не объявилъ, то нашедши свою вещь, не можетъ взять ее самъ, а долженъ вести на *сводъ* человѣка, у котораго нашелъ ее, т. е. отыскивать вора, постепенно переходя къ каждому, отъ кого была пріобрѣтена вещь. Если не найдутъ вора и вервь или община не окажетъ при этомъ всей нужной помощи, то она должна платить за украденную вещь. Воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія ночью, могъ быть убитымъ безнаказанно „замѣсто пса“; но если хозяинъ продержалъ его до утра или связалъ, то долженъ уже вести его на княжій дворъ, т. е. представить на судъ. Для доказательства преступленія истецъ обязанъ былъ представлять *видоковъ* и *послуховъ*, т. е. свидѣтелей; кромѣ свидѣтелей требовалась *рота* или присяга. Если же не было представлено ни свидѣтелей, ни ясныхъ доказательствъ преступленія, то употреблялось испытаніе раскаленнымъ жѣлезомъ и водою.

За маловажныя преступленія виновный платилъ *продажу* или пеню въ княжую казну; а болѣе важныя, каковы разбой, коневая татьба и зажигательство, вели за собою *потокъ* или изгнаніе и *разграбленіе* имущества. Часть виръ и продажъ назначалась княжимъ слугамъ, помогавшимъ производить судъ и расправу и носившимъ название *варниковыхъ, метельниковъ, ябетниковъ* и пр. Въ областяхъ при производствѣ суда и слѣдствія эти княжіе слуги и ихъ кони содержались на счетъ жителей. Рѣзы или проценты разрѣщаются мѣсячные и третные, первые только при займахъ на короткое время; за слишкомъ большие рѣзы ростовщикъ могъ быть лишенъ своего капитала. Дозволенные рѣзы простирались до 10 кунъ на гривну въ годъ, т. е. до 20 процентовъ.

На ряду съ земледѣліемъ скотоводство, охота и бортный или пчелиный промыселъ также имѣли важное мѣсто въ русскомъ хозяйствѣ того времени. За воровство или

порчу всякой скотины установлена особая пенья, именно за кобылу, вола, корову, свинью, барана, овцу, козу и пр. Особенная забота видна о коняхъ. Коневый тать выдавался князю на потокъ; между тѣмъ какъ клѣтной тать платилъ князю 3 гривны пени. Если кто на чужаго коня только сядетъ безъ спросу хозяина, то наказывался тремя гривнами пени. За перекопаніе межи, бортной и ролейной (пашенной), назначено 12 гривенъ продажи; столько же за срубку межеваго дуба и за стеску бортнаго знака. Пчеловодство очевидно было еще первобытное, лѣсное, и собственность обозначалась особыми знаками, зарубленными на бортахъ, т. е. на дуплахъ, которыхъ служили ульями. За порчу *перевѣса* виновный платилъ хозяину гривну, да князю пени 3 гривны. Перевѣсомъ называлась сѣть, устроенная на просѣкѣ въ лѣсу или въ другомъ какомъ мѣстѣ съ особыми приспособленіями для ловли дикихъ птицъ. Жито не обмолоченное складывалось на гумнѣ, а обмолоченное пряталось въ ямы; за кражу того и другаго взыскивалось по 3 гривны и 30 кунъ продажи, т. е. пени князю; а обиженному или возвращалось украденное или платился *урокъ*, т. е. его стоимость. За сожженіе чужаго гумна или двора виновный не только платилъ пострадавшему за всю его потерю, но и самъ выдавался князю на потокъ, а домъ его на грабежъ княжимъ слугамъ.

Русская Правда свидѣтельствуетъ также о развитіи торговли, довольно значительномъ по тому времени. Она огранижаетъ, напримѣръ, купца отъ окончательного разоренія въ случаѣ несчастія. Если онъ потерялъ ввѣренный ему товаръ вслѣдствіе крушенія судна, вслѣдствіе войны или пожара, то не отвѣчаетъ; но если потеряетъ или испортитъ по своей винѣ, то довѣрители поступаютъ съ нимъ какъ хотятъ. Очевидно торговля на Руси велась тогда въ значительной степени на вѣру, т. е. въ кредитъ. Въ случаѣ предъявленія на купцѣ разныхъ долговъ, сначала подлежали удовлетворенію довѣрявшіе ему гости или торговцы иноземные, а потомъ уже изъ остатковъ имущества свои, туземные. Но если на комъ есть княжій долгъ, то послѣдній удовлетворялся прежде всѣхъ.

Тѣлесныя наказанія, судя по Русской Правдѣ, въ тѣ времена не допускались для свободнаго человѣка; они существовали только для холоповъ. Отъ послѣднихъ свободные люди отличались еще и тѣмъ, что они носили при себѣ оружіе, по крайней мѣрѣ имѣли или могли имѣть мечь при бедрѣ.

Права женщины по этому древнему законодательству опредѣляются недостаточно ясно; но положеніе ея вообще не было безправное. Такъ за убійство свободной женщины платится полвиры, т. е. 20 гривень. Наслѣдство (*задница*) смерда, неоставившаго сыновей, переходитъ къ князю, и только незамужнимъ дочерямъ выдается нѣкоторая часть. Но въ боярскомъ и вообще въ дружинномъ сословіи, если нѣтъ сыновей, то дочери наслѣдуютъ родительское имущество; при сыновьяхъ же они не наслѣдуютъ; а братья обязаны только выдать сестеръ замужъ, т. е. нести сопряженные съ тѣмъ расходы. Дѣти, рожденные отъ рабы, не наслѣдуютъ; но получаютъ свободу вмѣстѣ съ матерью. Вдовѣ идетъ только то, что мужъ ей назначилъ; впрочемъ она управляетъ домомъ и имѣніемъ малолѣтнихъ дѣтей, если не выдѣтъ вторично замужъ; а дѣти обязаны ей повиноваться.

Различая населеніе древней Руси по сословіямъ или по роду занятій, Русская Правда отчасти дѣлить его по областямъ. Такъ она различаетъ Русина и Словенина. Подъ первымъ очевидно разумѣется житель Южной Руси, особенно Приднѣпровья; а подъ вторымъ житель сѣверныхъ областей, особенно земли Новогородской. Кромѣ того Правда упоминаетъ о двухъ инородческихъ разрядахъ, именемъ о Варягахъ и Колбягахъ. Напримѣръ, если убѣжавшій холопъ скрылся у Варяга или Колбяга и послѣдній продержитъ его три дня не объявивъ, то платить три гривны хозяину холопа за обиду. По обвиненію въ дракѣ отъ Варяга или Колбяга требовалась только рота, т. е. присяга; тогда какъ туземцу надобно было представить еще двухъ свидѣтелей. Въ случаѣ *покленной виры* (обвиненія въ убійствѣ), для туземца требовалось полное число свидѣтелей, т. е. семья, а для Варяга и Колбяга только два. Вообще въ законодательствѣ видно несомнѣнное покрови-

тельство или смягчение условий для иноземцевъ. Статьи эти подтверждаютъ постоянное присутствіе на Руси Варяговъ въ XI и XII вв., впрочемъ со второй половины XI вѣка уже больше въ качествѣ торговцевъ, нежели наемныхъ воиновъ. Кто были Колбяги, въ точности еще не рѣшено. Наиболѣе вѣроятно то мнѣніе, которое разумѣеть подъ ними юговосточныхъ инородцевъ древней Руси, известныхъ отчасти подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ.

Правда не упоминаетъ о томъ обычай, который у средневѣковыхъ народовъ извѣстенъ былъ подъ именемъ „Суда Божія“, т. е. о судебномъ поединкѣ. Но обычай этотъ несомнѣнно существовалъ на Руси издревле и былъ совершенно въ духѣ воинственнаго Русскаго племени. Когда двѣ тяжущіяся стороны были недовольны судебнымъ приговоромъ и не могли прийти ни къ какому соглашенію, то съ дозволенія князя они рѣшали свою тяжбу мечемъ. Противники вступали въ бой въ присутствіи своихъ родственниковъ, и побѣжденный отдавался на волю побѣдителя (61).

Русская Правда, унаследованная отъ временъ еще языческихъ, не упоминаетъ о томъ сословіи, которое въ христианскія времена получило на Руси важное значеніе, т. е. о сословіи церковномъ, о духовенствѣ. Когда восторжествовала у насъ Греческая церковь, то и духовенство конечно устроилось по образцу греческаго. По примѣру Византіи оно облечено было разными правами и преимуществами. Оно получило также и свой судъ, руководствомъ для котораго служили славянскіе переводы греческаго Номокана или Кормчей книги: здѣсь соединены были караваніе церкви уставы императорскіе съ постановленіями церковныхъ соборовъ. Владимиръ Великій издалъ уставъ, которымъ постановилъ особый церковный судъ, запретивъ вмѣшательство въ него боярамъ и вообще градскимъ судьямъ. Этотъ уставъ былъ подтвержденъ и распространенъ Ярославомъ и его преемниками. Суду митрополита и епископовъ подчинены не только всѣ лица духовныя, т. е. священники, церковнослужители и чернецы, но и люди, состоящіе подъ покровительствомъ церкви (просвирни, слѣпцы, рабы, отпущенныя на волю по духовному

завѣщанію, калики, *прещеники*, т. е. получившіе чудесное исцѣленіе, и пр.). Кромѣ того духовному суду подлежали: міряне, преступившіе противъ церкви, напримѣръ виновные въ еретичествѣ, колдовствѣ, а также семейная тяжбы и проступки противъ нравственности, каковы нарушение брака, оскорблѣніе родителей, оскорблѣніе женской чести, ссоры между близкими родственниками и пр. Нѣкоторые случаи воровства и разбоя судились сообща властями духовными и мірскими, т. е. судомъ смѣстнымъ. Наказанія и пени за преступленія, судимыя церковью, опредѣлены денежныя, также какъ въ Русской Правдѣ. Въ этомъ случаѣ народные нравы заставляли жндаеи русскихъ отступать отъ греческаго судопроизводства, въ которомъ существовали и тельсныя наказанія. Виды съ церковныхъ судовъ шли въ пользу епископовъ, и следовательно служили для нихъ источникомъ доходовъ. Кроме того на содержаніе храмовъ, монастырей и вообще духовенства князья опредѣляли недвижимое имущество; они начали раздавать имъ не только разныя угодья (рыбныя, бортныя, луга, мельницы и т. п.), но и населенные земли, т. е. деревни и села. А нѣкоторые князья, по примѣру Владимира, отдѣляли церкви десятину, т. е. десятую часть изъ разныхъ своихъ доходовъ, напримѣръ, изъ даний, лововъ, стадъ, жита и пр. (62).

Духовенство не замедлило пріобрѣсти высокое положеніе въ нашемъ государственномъ и общественномъ строѣ. Въ важныхъ случаяхъ князья призывали на совѣтъ не однихъ бояръ и городскихъ старцевъ, но также епископовъ и игуменовъ. Во время княжескихъ междуусобій духовныя лица, исполняя свое нравственное назначеніе, нерѣдко являлись посредниками въ переговорахъ враждующихъ сторонъ и ихъ примирителями. Церковная власть водворялась на Руси подъ покровительствомъ власти княжеской, и потому не могла входить въ соперничество съ этой послѣднею. Уже самое язычество Славянорусского племени, неуспѣвшее выработать сильнаго жреческаго сословія, показало, что въ этомъ племени было мало задатковъ для развитія єеократіи. Къ тому же и преданія Византійской церкви, съ ея подчиненіемъ свѣтской вла-

сти, не представляли повода для никаких либо неумъренныхъ притязаній со стороны церковной іерархіи. Поэтому Русское православіе уже съ самаго начала своего существованія обнаружило коренное различие съ западнымъ католицизмомъ: оно осталось чуждо властолюбивымъ стремленіямъ папства. Находя для себя опору въ княжеской власти, церковная іерархія въ свою очередь давала этой власти религіозное освященіе въ глазахъ народа и тѣмъ содѣствовала еще большему ея укрѣпленію. Напримѣръ, намъ неизвѣстно, какими обрядами сопровождалось посаженіе на столъ нового князя во времена языческія; но въ эпоху христіанскую это посаженіе стало совершаться уже въ главномъ или соборномъ храмѣ стольнаго города, сопровождаемое благословеніемъ іерарховъ и молитвами всего клира. Самое христіанство, уже процвѣтавшее въ главныхъ средоточіяхъ русской жизни, еще далеко не утвердилось по всей Русской землѣ, и при утвержденіи его духовная власть находила естественную поддержку со стороны власти свѣтской. Въ этомъ отношеніи обнаружилось другое важное отличіе Русского православія отъ западнаго католицизма. Совокупныя усилия духовной и свѣтской власти для вдоворенія христіанской религіи на Руси далеко не походили на дѣйствія Латинской церкви, которая нерѣдко обращала языческие народы мечемъ или всякаго рода насилиемъ, и воздвигала на нихъ крестовые походы. Русская церковь съ этой стороны болѣе напоминала свой первообразъ, церковь Греческую, которая единственно силою проповѣди и образовательного вліянія успѣла насадить свою религію у многихъ восточныхъ народовъ.

Вдали отъ главныхъ городовъ христіанство довольно медленно распространялось между племенами, вошедшиими въ составъ Русской земли. Особенно упорную борьбу съ язычествомъ проповѣдники новой религіи должны были выдерживать на сѣверѣ, гдѣ въ населеніи преоблада旣 финскій элементъ и гдѣ языческие волхвы пользовались еще значительнымъ вліяніемъ на народъ. Здѣсь жители, даже принявши крещеніе, иногда возвращались къ своимъ языческимъ богамъ и производили мятежи, будучи

возмущаемы волхвами. При сыновьяхъ Ярослава, какъ мы видѣли, въ самомъ Новгородѣ произошло такое возмущеніе. На поюощь церковной іерархіи явилась власть сѣтская: князь Глѣбъ съ дружиною защитилъ духовенство и усмирилъ мятеожъ. Подобное событие около того же времени совершилось и въ Ростовской области. Тамъ случился неурожай. Явились два волхва изъ Ярославля, и объявили, что они знаютъ, кто скрываетъ хлѣбъ. Почитая колдуновъ и захарей, суевѣрный народъ особенно склоненъ приписывать чародѣйственную силу женщинамъ-вѣдьмамъ. На нихъ то и начали указывать волхвы. Они ходили по Волгѣ и Шекснѣ и называли самыхъ домовитыхъ женщинъ. Жители приводили къ нимъ своихъ матерей, сестрѣ и женѣ: волхвы надрѣзывали у нихъ за плечами, и показывали видъ, будто вынимаютъ оттуда хлѣбъ, медъ и рыбу. Послѣ того они убивали этихъ женщинъ, а имѣнья ихъ брали себѣ. Такимъ образомъ волхвы дошли до города Бѣлаозера, и расположились подъ лѣсомъ; около нихъ собралась толпа человѣкъ въ 300. Въ этомъ городѣ случился тогда воевода Святославовъ Янъ Вышатичъ, прѣѣхавшій для сбора дани. Узнавъ, что коварные волхвы пришли изъ волости его князя и слѣдовательно его смерды, Янъ послалъ требовать отъ толпы ихъ выдачи; но получилъ отказъ. Имѣя около себя не болѣе двѣнадцати отроковъ или дружинниковъ, онъ попытался схватить ихъ силою; но волхвы скрылись въ лѣсу. Тогда воевода объявилъ Бѣлоозерцамъ, что не уйдетъ отъ нихъ цѣлое лѣто, если не выдастъ ему волхвовъ. Бѣлоозерцы дѣйствительно поймали ихъ, и привели къ Яну. Затѣмъ лѣтопись передаетъ любопытную бесѣду его съ волхвами о вѣрѣ. По ихъ ученію, Богъ однажды мылся въ бани, и, отерши потъ ветошкою, бросилъ ее съ неба на землю; изъ этой ветошки дѣяволь сотворилъ человѣка, а Богъ вложилъ въ него душу; вотъ по чему по смерти человѣка душа его идетъ на небо къ Богу, а тѣло идетъ въ землю, къ Антихристу, который сидѣтъ въ бездѣ; въ этого то Антихриста или подземного бога они и вѣруютъ. Воевода Янъ Вышатичъ безъ сомнѣнія былъ тотъ самый, который является другомъ Феодосія Печер-

скаго и живымъ источникомъ для лѣтописи Сильвестра Выдубецкаго; слышанное имъ языческое ученіе онъ передавалъ лѣтописцу, очевидно, примѣняясь къ христіанскимъ понятіямъ. Волхвы подверглись заслуженной участіи. Янъ велѣлъ ихъ бить, выдергать у нихъ бороды и связанныхъ бросить въ лодку. На устьѣ Шексны онъ выдалъ ихъ для мести родственникамъ убитыхъ женщинъ, и тѣ повѣсили волхвовъ на дубу (68).

Народная масса на Руси, какъ и въ другихъ европейскихъ земляхъ, принимала христіанство болѣе внѣшнимъ образомъ, чѣмъ внутреннимъ, т. е. болѣе обряды новой религії, нежели ея духовную сторону, и продолжала упорно хранить многія языческія преданія и обычаи. Духовенство должно было начать постоянную борьбу съ народными суевѣріями; лучшіе представители Русской церкви, какъ известно, писали поученія, направленные противъ вѣры въ волшебство и разныхъ языческихъ обычаяхъ. Эти обычаи и преданія, вкоренившися въ течение долгаго ряда вѣковъ, конечно весьма медленно уступали свое мѣсто новымъ, христіанскимъ понятіямъ. Тѣмъ не менѣе христіанство неотразимо дѣйствовало на вновь обращенный народъ. Уже самая сущность новой религії— любовь къ ближнему столь доступная общему пониманію— и вмѣстѣ съ тѣмъ прекращеніе кровавыхъ человѣческихъ жертвъ ненасытному Перуну не могли не произвести благодѣтельного переворота въ народныхъ представлениихъ о Верховномъ существѣ и не повліять на смягченіе грубыхъ, жестокихъ нравовъ.

Вмѣстѣ съ православіемъ открылся гораздо болѣе широкій путь вліянію греческой образованности на Русскій народъ. Церковь явилась сильнейшимъ проводникомъ этого вліянія, чѣмъ существовавшія прежде торговыя и политическія сношенія. Она принесла съ собою грамотность и развитіе книжной словесности, и слѣдовательно образовала цѣлый классъ населенія, которому сдѣлалось доступно питаніе высшими, духовными интересами. Съ другой стороны принесенное ею изящное храмовое зодчество и стройное богослуженіе наглядно и непосредственно вліяли на цѣлый народъ улучшеніемъ его вкуса и воз-

бужденіемъ художественныхъ стремленій. Наконецъ, Православная церковь, своими непреложными догматами объединя и очищая народныя вѣрованія, видоизмѣнившися по характеру племенъ и окружающей природы, подчиняла раздробленныя части Руси непосредственному вліянію одной и той же образованности, и могущественно способствовала сліянію этихъ племенъ въ одно цѣлое, въ одну великую Русскую народность.

VIII.

РАЗВИТИЕ ОБЛАСТНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ.

Мстиславъ I. Дѣла черниговскія и полоцкія. Значеніе слѣдующаго периода. Ярополкъ II. Распри въ семье Мономаховичей. Борьба съ Ольговичами. Всеволодъ-Гаврилъ и Новогородцы. Всеволодъ II Ольговичъ. Его политика разъединенія. Владимірко и Галицкое княжество. Отношенія польскія. Игорь Ольговичъ въ Киевѣ. Его пораженіе и пленъ.

Со смертію Владимира почти окончилось поколѣніе внуковъ Ярослава I. Въ живыхъ оставался еще младшій изъ Святославичей, Ярославъ. Но это былъ князь непредпримчивый, миролюбивый, который довольствовался своимъ старшинствомъ между потомками Святослава, т. е. старшимъ въ ихъ родѣ столомъ Черниговскимъ, и не думалъ объявлять какія либо притязанія на Киевское княженіе. Поэтому старшій сынъ Мономаха Мстиславъ, при жизни отца долго княжившій въ Новгородѣ, безпрепятственно занялъ столъ Киевскій. Это былъ достойный преемникъ своего знаменитаго предшественника, воспитанный въ его трудовой школѣ и вполнѣ способный поддержать значеніе великаго князя Киевскаго на той высотѣ, на которой оно было поставлено. Подобно отцу, онъ умѣлъ держать въ страхѣ сосѣднихъ варваровъ и въ повиновеніи младшихъ князей, а строптивыхъ родичей строго наказывалъ.

Впрочемъ въ началѣ своего княжѣнія Мстиславъ допустилъ нарушеніе обычнаго права по отношенію къ старшинству, именно въ семье черниговскихъ Святославичей. Сынъ Олега Всеволодъ внезапно напалъ на дядю своего Ярослава, и отнялъ у него Черниговъ. Ярославъ

обратился къ великому князю, и напомнилъ о данной клятвѣ сохранить за нимъ Черниговскій столъ. Великій князь изъявилъ намѣреніе помочь дядѣ и наказать племянника, хотя послѣдній былъ женатъ на дочери самого Мстислава. Онъ началъ готовиться къ походу на Черниговъ. Всеяводъ Ольговичъ, обманутый надеждою на помощь своихъ союзниковъ Половцевъ, прибѣгъ къ переговорамъ; началъ упрашивать Мстислава и подкупилъ его совѣтниковъ; такъ что знатнѣйшіе бояре киевскіе стали поддерживать его домогательства. Конечно и просьбы дочери также колебали рѣшиимость великаго князя. Въ раздумыѣ онъ обратился къ собору священниковъ. Около того времени митрополитъ Никита скончался, а новый митрополитъ еще не былъ назначенъ. Между духовными лицами наибольшимъ значеніемъ въ Киевѣ пользовался тогда Григорій, игуменъ Андреевской обители. Онъ былъ любимцемъ Мономаха, и находился въ большомъ почетѣ у Мстислава; этотъ Григорій принялъ сторону Всеявода. Нетрудно было предвидѣть рѣшеніе собора, въ которомъ большинство голосовъ заранѣе принадлежало Всеяводу. Къ тому же и вообще древнерусское духовенство считало одною изъ главныхъ своихъ обязанностей отвращать князей отъ междуусобной браны и пролитія крови. Соборъ принялъ на себя грѣхъ клятвопреступленія. Мстиславъ послушалъ его совѣта, и оставилъ Всеявода въ покое. Ярославъ удалился на берега Оки въ свои Муромо-Рязанскія волости, гдѣ вскорѣ и скончался. Этотъ случай послужилъ примѣромъ и для другихъ князей къ нарушенію старыхъ родовыхъ обычаевъ, и поощрилъ племянниковъ не уважать иногда старшинство дядей.. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что Мстиславъ потомъ до конца своихъ дней сожалѣлъ объ учиненной имъ несправедливости.

Семья Мономаха въ это время владѣла болѣею частію Руси. Мстиславъ занималъ великое княженіе Кіевскное. Братья его сидѣли: Ярополкъ въ южномъ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей во Владимірѣ Волынскомъ, Юрій въ землѣ Ростовско-Сузdalльской; а сыновья: Всеяводъ въ Новѣгородѣ Великомъ, Изяславъ въ Курскѣ, Ро-

стиславъ въ Смоленскѣ. Слѣдя отцовской политикѣ, Мстиславъ задумалъ пріобрѣсти для своего рода еще одну область, именно Кривскую или Полоцкую, часть которой уже была завоевана Мономахомъ (Минскъ). Несмотря на потерю Минского удѣла, полоцкіе Всеславичи никакъ не хотѣли, подобно другимъ русскимъ князьямъ, подчиниться великому князю Кіевскому. Мстиславъ отправилъ на нихъ своихъ братьевъ и сыновей. Всеволодъ Черниговскій также долженъ былъ участвовать въ этомъ походѣ. Южная и сѣверная дружины съ разныхъ сторонъ вошли въ Полоцкую землю и погромили нѣкоторые ея города (1129). Всеславичи смирились, но ненадолго. Въ слѣдующемъ году, когда Мстиславъ собиралъ рать противъ Половцевъ, Всеславичи, вопреки недавней присягѣ, отказались идти вмѣстѣ съ Русью на „шелудиваго“ Боняка. Управившись съ Половцами, великій князь рѣшилъ покончить съ враждебнымъ родомъ Всеслава. Неизвѣстно, какимъ образомъ ему удалось захватить въ свои руки большинство полоцкихъ князей съ ихъ женами и дѣтьми. Затѣмъ онъ посадилъ ихъ въ ладьи, и отправилъ въ Царыградъ къ своему родственнику императору Ioannu Комнену. Тамъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, полоцкіе князья вступили въ греческую службу, и отличились своимъ мужествомъ въ походахъ противъ Сарацинъ. А волость ихъ была отдана Изяславу, одному изъ сыновей великаго князя (64).

Мстиславъ не уступалъ своему отцу и въ дѣятельной защите русскихъ предѣловъ отъ враждебныхъ сосѣдей. Пословамъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводовъ его воеводы будто бы загнали Половцевъ не только за Донъ, но и за Волгу. Кроме того онъ посыпалъ своихъ сыновей воевать Чудскіе народцы, беспокоившіе новгородскія земли. Волости Пинско-Туровскаго Полѣсся и вновь завоеванная Полоцкая земля приводили Кіевскаго князя въ непосредственное столкновеніе съ западными сосѣдями русскихъ Славянъ, съ беспокойными Литовцами. Въ годъ своей смерти великій князь вмѣстѣ съ сыновьями самъ предпринималъ удачный походъ на Литву.

Мстиславъ, долго бывшій новгородскимъ княземъ, по

всѣиъ признакамъ сохранялъ живыя связи съ Новгородомъ и послѣ того, какъ перешелъ на югъ. Такъ по смерти своей первой супруги Христины онъ, еще при жизни отца, женился на дочери знатнаго боярина новогородскаго Димитрія Завидича. Почти въ одно время съ нимъ и старшій сынъ Мстислава Всеволодъ — Гаврійль, бывшій его преемникомъ въ Новгородѣ, также женился на новогородской боярышнѣ. Самая древнійшая изъ княжескихъ грамотъ, дошедшихъ до насъ въ подлинникѣ, равно свидѣтельствуетъ о расположеніи Мстислава къ своему первому удѣлу. Эта грамота дана была новогородскому Юрьеву монастырю на иѣкоторыя земли и судныя пошлины. Тутъ же находится приписка и сына его Всеволода о томъ, что онъ даритъ серебряное блюдо для употребленія за монастырскою трапезою⁽⁶⁵⁾. Во время великаго княженія Мстислава любимую его Новгородскую область постигли болѣшія бѣдствія: чрезвычайные весенниe разливы и осенне морозы причинили сильные неурожаи, послѣдствіемъ которыхъ былъ жестокій голодъ, такъ что въ 1128 г. въ Новгородѣ осьмина ржи стоила полгривны, цѣна огромная для того времени. По свидѣтельству Новгородской лѣтописи, голодавшіе Ѳли макину, липовый листъ, березовую кору, мохъ, конину. Много народа погибло отъ этого голода, и родители часто отдавали своихъ дѣтей въ рабство иноземнымъ гостямъ, чтобы только спасти ихъ отъ смерти. На улицахъ, площадяхъ, по дорогамъ люди падали мертвыми; въ городѣ распространился невыносимый смрадъ отъ труповъ, которыхъ не успѣвали вѣремя вывозить.

Мстиславъ-Ѳеодоръ скончался послѣ кратковременнаго княженія, пятидесяти шести лѣтъ отъ рожденія, слѣдовательно еще въполномъ развитіи силъ (1132 г.). Его похоронили въ монастырѣ св. Ѳеодора: онъ самъ создалъ этотъ монастырь въ честь святаго, имена котораго носилъ. То былъ послѣдній изъ великихъ князей Кіевскихъ, умѣвшихъ строго охранять свое верховное значеніе между родичами и тѣмъ поддерживать единство Русскихъ земель. Послѣ него уже не видимъ въ Кіевѣ подобныхъ князей. Впрочемъ положеніе ихъ становилось все труднѣе и труд-

иже въ томъ случаѣ, если бы они хотѣли подражать своимъ предшественникамъ по отношенію къ князьямъ удѣльнымъ. Нужны были бы нечеловѣческія усилия, что бы удержать въ единеніи какъ развѣтвившееся потомство Владимира Великаго, такъ и русскія области, разбросанныя на огромномъ пространствѣ и стремившіяся къ отдѣльной политической жизни.

Хотя семья Мономаховичей и владѣла большою частію Руси, но и самая эта семья въ свою очередь раздѣлилась на разныя поколѣнія, которыхъ соперничали другъ съ другомъ. Поэтому періодъ, послѣдующій за смертію Мстислава I, представляетъ постоянное обособленіе русскихъ областей подъ управлѣніемъ нѣкоторыхъ вѣтвей княжаго дома, которыхъ все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ истинныхъ самостоятельныхъ династій. Въ основаніе этого обособленія, какъ мы видѣли, легло дѣленіе, утвержденное Любецкимъ съѣздомъ. Киевскій князь уже не можетъ какъ прежде раздавать удѣлы и перемѣщать младшихъ князей съ одного конца Руси на другой. Понятіе о старшинствѣ въ цѣломъ потомствѣ Игоревичей запутывается вслѣдствіе ихъ чрезвычайного размноженія и раздѣленія; все чаще и чаще возникаетъ изъ за него соперничество племянниковъ съ дядями. Киевъ начинаетъ переходить изъ рукъ въ руки; при чемъ сохраняется еще вѣктория тѣнь родового права; но въ сущности дѣйствуетъ уже право наиболѣе сильнаго или наиболѣе отважнаго. Древняя метрополія русскихъ городовъ, хотя и продолжаетъ еще служить средоточиемъ русской образованности, но уже мало по малу утрачиваетъ значеніе того средоточія, которымъ она служила въ политической жизни Русскаго народа.

Мстиславу наследовалъ на великому княженіи братъ его Ярополкъ. Послѣдній еще при жизни своего отца Мономаха отличился удачными походами въ глубь Полоцкихъ степей. При Мстиславѣ онъ занималъ столъ Переяславскій, который былъ старшимъ послѣ Киева въ родѣ Мономаховичей, но въ то же время и самымъ беспокойнымъ, потому что находился на пограничье съ степными варварами. Ярополкъ прославилъ себя здѣсь новы-

ми подвигами противъ Половцевъ. Но одной его отваги оказалось недостаточно, что бы поддержать значеніе великаго князя, и, едва онъ занялъ Киевскій столъ, какъ между младшими князьями открылись безконечные споры и войны за волости. Распри начались въ самой семье Мономаховичей; а источникомъ для нихъ явился помянутый столъ Переяславскій, который былъ предметомъ многихъ желаній, потому что служилъ переходомъ уже къ великому княженію. Ярополкъ II самъ подалъ поводъ къ смутамъ. Нарушивъ права своихъ братьевъ, онъ, по уговору съ Мстиславомъ, передалъ этотъ столъ старшему своему племяннику Всеволоду — Гаврілу, княжившему дотолѣ въ Новгородѣ. Но едва Всеволодъ вступилъ въ Переяславль, какъ въ тотъ же день явился дядя его Юрій Ростовскій и изгналъ его отсюда. Юрій конечно не хотѣлъ допустить, чтобы племянникъ перебилъ у него старшинство. Но Ярополкъ въ свою очередь изгналъ Юрія изъ Переяславля, который передалъ другому^у племяннику, второму сыну Мстислава, Изяславу; потомъ однако перемѣнилъ рѣшеніе и отдалъ Переяславль брату своему Вячеславу; а его Туровскій удѣлъ перешелъ къ Изяславу Мстиславичу. Вячеславъ, вѣроятно недовольный беспокойнымъ сосѣдствомъ съ Половцами, вскорѣ самъ покинулъ Переяславль и воротился въ свой Туровъ, откуда изгналъ Изяслава, а Переяславль снова достался Юрію. Тогда Изяславъ Мстиславичъ соединился съ братомъ своимъ Всеволодомъ Новгородскимъ; считая себя обдѣленными, они подняли оружіе противъ дядей.

Всеволодъ Ольговичъ, сидѣвшій дотолѣ смиро въ Черниговѣ, видя распри въ самой семье Мономаха, поспѣшилъ воспользоваться ими, что бы воротить нѣкоторыя утраченныя волости, напримѣръ, Курскъ и другіе города по рѣкѣ Сейму. Онъ вступилъ въ союзъ съ племянниками противъ дядей, и нанялъ Половцевъ. Въ южной Руси закипѣло междоусобіе. Нѣсколько разъ князья мирились, и снова начиналась брань. То Всеволодъ Ольговичъ съ Половцами опустошалъ лѣвый берегъ Днѣпра, осаждалъ Переяславль и подходилъ къ самому Киеву; то Ярополкъ съ братьями и Черными Клобуками разорялъ

землю Черниговскую и подступалъ къ самому Чернигову. Между тѣмъ бывшій источникъ этихъ междуусобій, Переяславль, Ярополкъ взялъ у Юрія и передалъ младшему ихъ брату Андрею; а удѣлъ послѣдніго, Владимира Волынскаго, отдалъ племяннику своему Изяславу Мстиславичу; чѣмъ удовлетворилъ его и отвлекъ отъ союза съ Ольговичами Черниговскими. Наконецъ въ 1139 году, не задолго до своей смерти, Ярополкъ заключилъ миръ съ Ольговичами у черниговскаго города Моравійска, на берегу Десны. Послѣдніе достигли своей цѣли: Курскъ и некоторые другие города отошли отъ Переяславского княжения къ Черниговскому.

Это междуусобіе захватило не одну южную Россію: оно отозвалось и на сѣверѣ, гдѣ произошло тогда первое исторически известное столкновеніе Новгородцевъ съ Сузальцами.

Не одни младшіе князья отказывали въ повиновеніи Ярополку. Древній вѣчевой Новгородъ также воспользовался его затруднительнымъ положеніемъ и слабыми сторонами его характера, а равно соперничествою разныхъ вѣтвей княжаго рода. Онъ явно началъ стремиться къ освобожденію себя отъ кievской зависимости и къ полному самоуправлению. Всеволодъ Мстиславичъ послѣ своей неудачной попытки занять Переяславскій столъ воротился въ Новгородъ, гдѣ онъ княжилъ столь долгое время. Но граждане встрѣтили его очень не ласково. Они роптали на то, что онъ вздумалъ ихъ знаменитый городъ предпочесть южному Переяславлю, и сначала не хотѣли принять его; потомъ однако смигчились, и снова признали его своимъ княземъ. Но прежнія дружескія отношенія и прежнее уваженіе къ княжеской власти уже были нарушены. Новгородъ собиралъ съ своихъ обширныхъ сѣверовосточныхъ владѣній для великаго князя Кіевскаго особую дань, подъ именемъ „Печерской“. Граждане вдругъ отказались платить эту дань Ярополку, и не хотѣли слушать увѣщаній Всеволода. Только братъ его Изяславъ, присланный дядею, уговорилъ ихъ заплатить. Посадники новгородскіе прежде назначались великимъ княземъ Кіевскимъ изъ знатныхъ бояръ, мѣстныхъ или при-

сданныхъ изъ южной Руси. Теперь Новогородцы стали присвоивать себѣ право выбирать и сѣнять посадниковъ по своей волѣ. Явились партіи, неизбѣжная при всякомъ выборѣ властей; отсюда начали умножаться внутреннія смуты.

Когда произошла междуусобная брань Мстиславичей съ ихъ дядями, Новогородцы приняли сторону первыхъ. Они склонились на убѣжденія своего князя Всеволода и его брата Изяслава идти войною на Юрія Суздальскаго тѣмъ охотнѣе, что у нихъ издавна существовали споры съ Суздальцами за нѣкоторыя пограничныя области и дани, собираемыя съ сѣверныхъ инородцевъ. Однако были и такие граждане, которые противились этой войнѣ. Отсюда воиники бурныхъ вѣч. Сторонники войны одолѣли и рѣшили походъ; при чемъ, по обычаю, нѣкоторыхъ своихъ противниковъ сбросили съ моста въ Волховъ. На походѣ опять произошли несогласія; ратные люди смѣнили посадника Петрилу, выбрали на его мѣсто Иванка Павловича, и воротились назадъ. Но тутъ поднялись новые распри. Партия Мстиславичей опять взяла верхъ, и войско снова выступило въ походѣ съ княземъ Всеволодомъ. Между тѣмъ удобное для военныхъ дѣйствій время было упущенено. Наступила глубокая зима. Тщетно митрополитъ Михаилъ, на ту пору случившійся въ Новгородѣ, отсовѣтывалъ походъ. Новогородцы заключили его подъ стражу, и выступили. На пути ихъ преслѣдовали жестокія мятежи и морозы. Тѣмъ не менѣе они достигли непріятельской земли, пришли къ мѣсту, называемому Ждановой горой, и здѣсь встрѣтили суздальскую рать. Битва на Ждановой горѣ была неудачна для Новогородцевъ; они потеряли много людей, въ томъ числѣ храбраго посадника Иванка, и воротились домой (1134). Тогда только граждане отпустили митрополита въ Киевъ.

Когда Мстиславичи примирились съ дядями, то естественно они сдѣлались теперь непріятелями своихъ недавнихъ союзниковъ, черниговскихъ Ольговичей. Къ той же перемѣнѣ союза Всеволодъ Мстиславичъ началъ склонять и Новогородцевъ. Но случилось такъ, что въ это время военное счастіе повернуло на сторону черниговскихъ князей;

Ярополкъ потерпѣлъ отъ нихъ пораженіе на берегахъ Супоя. (Здѣсь погибъ упомянутый выше внукъ Мономаха Василько Леоновичъ). Это пораженіе отозвалось и въ Новгородѣ. Партия враждебная Всеволоду Мстиславичу усилилась и взяла верхъ надъ его приверженцами. Изъ Пскова и Ладоги, двухъ важнѣйшихъ новгородскихъ пригородовъ, были призваны граждане для общаго совѣта на вѣчѣ, и тутъ рѣшено изгнать князя Всеволода. Ему объявили слѣдующія вины. Во первыхъ, зачѣмъ не блюдетъ смердовъ или простыхъ людей, и, вмѣсто того, что бы оборонять ихъ на судѣ и заботиться о хорошемъ управлѣніи, занимается болѣе охотою, собаками и ястребами? Во вторыхъ, зачѣмъ хотѣлъ уйти на княженіе въ Переяславль и пренебрѣгъ Новгородомъ? Въ третьихъ, склонилъ Новгородцевъ идти войною на Суздальцевъ, а самъ первый ушелъ съ поля битвы на Ждановой горѣ. Наконецъ, въ четвертыхъ, сначала уговаривалъ Новгородцевъ приступить къ союзу съ Черниговскимъ княземъ, а теперь склоняетъ къ его противникамъ. Всеволода Мстиславича со всѣмъ его семействомъ заключили подъ стражу на дворѣ епископскомъ, гдѣ стерегли его ежедневно 30 вооруженныхъ людей. А на княженіе къ себѣ Новгородцы пригласили Святослава Ольговича, брата Всеволода Черниговскому, побѣдителю при Супоѣ. Когда онъ прибылъ, тогда отпустили и Всеволода Гавриила, послѣ двухмѣсячнаго заключенія. Но съ удаленіемъ его спокойствіе не водворилось въ Новгородѣ.

У Всеволода оставалась здѣсь значительная партия приверженцевъ, которая непріязненно относилась къ новому князю. Святославъ Ольговичъ кромѣ того возбудилъ противъ себя и владыку новгородского Нифонта. Будучи вдовъ, князь хотѣлъ жениться на какой то новгородской боярынѣ; но владыка запретилъ вѣнчать его, говоря, что не слѣдуетъ вступать въ бракъ съ этой женщиной. Святославъ однако настаивалъ на своемъ, и былъ повѣнчанъ собственнымъ своимъ священникомъ. Приверженцы Всеволода даже покушались на жизнь Святослава, и однажды едва не убили его стрѣлою. Послѣ этого неудачнаго покушенія некоторые знатные люди уѣхали ко Всеволоду

въ кіевскій Вышгородъ, который былъ данъ ему въ удѣлъ дядею Ярополкомъ. Перебѣжчики приглашали Всеволода сънова воротиться на сѣверъ, увѣряя, что Новогородцы и Псковичи только ждутъ его прибытія, чтобы опять посадить на своеи столъ. Князь поѣхалъ во Псковъ, гдѣ граждане дѣйствительно приняли его съ почетомъ. Но когда Новогородцы узнали о томъ, поднялся жестокій мятежъ. Противники Всеволода опять взяли верхъ на вѣчѣ, и многіе пріятели его поспѣшили спастись бѣгствомъ во Псковъ. Чернь разграбила ихъ дома; а съ оставшихся въ Новгородѣ взяла денежнную пеню. Набрали до 1500 гривенъ, и употребили ихъ на приготовленія къ войнѣ со Всеволодомъ. Святославъ дѣйствительно выступилъ въ походъ съ Новогородцами, ведя съ собою еще вспомогательную дружину, призванную съ юга, и даже наемныхъ Половцевъ. Псковичи обнаружили твердую рѣшимость защищать Всеволода. Они подѣлали засѣки въ лѣсахъ, и завалили всѣ дороги, ведущія изъ Новгорода ко Пскову. Новогородское ополченіе дошло до мѣста, называемаго Дубровною, за нѣсколько переходовъ отъ Пскова, и, увидавъ трудности дальнѣйшаго движенія, воротилось. Такимъ образомъ Псковичи впервые получили себѣ особаго князя; что составляло предметъ ихъ желаній. Но Всеволодъ, въ крещеніи Гавріилъ, княжилъ у нихъ недолго. Онъ скончался въ 1138 году, и былъ погребенъ въ Троицкой соборной церкви, имъ самимъ построенной, гдѣ и донынѣ находится его гробница и хранится его мечъ. Преемникомъ ему во Псковѣ остался его братъ Свято-полкъ. Но и соперникъ Всеволода Святославъ Ольговичъ не долго вняжалъ въ Новгородѣ. Торговля новогородская много терпѣла по причинѣ враждебныхъ отношеній къ Мономаховичамъ, которые владѣли сосѣдними областями, Ростовскою, Смоленскою и Псковскою; вслѣдствіе прекратившихся подвозовъ сдѣлалась сильная дороговизна хлѣба. Поэтому Новогородцы уже въ слѣдующемъ 1139 году изгнали Святослава Ольговича, и выпросили себѣ у Юрия Суздальскаго его сына Ростислава, впрочемъ не на долго. По смерти Ярополка, когда на Кіевскомъ столѣ сѣлъ Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, Новогородцы снова

призвали его брата Святослава Ольговича; но вскорѣ сно-
ва выжили Святослава и опять посадили у себя Рости-
слава Юрьевича. Такая частая перемѣна князей у нихъ
уже вошла въ обычай (66).

Не одни Новогородцы воспользовались смутами, насту-
пившими послѣ Мстислава, и соперничествомъ разныхъ
вѣтвей княжескаго дома, что бы ослабить свое подчине-
ніе южной Руси. Тѣми же обстоятельствами воспользова-
вались и Полочане, что бы воротить своихъ старыхъ
князей и свою независимость отъ Кієва. Изгнавъ полоц-
кихъ Всеславичей, Мстиславъ отдалъ эту область второ-
му сыну Изяславу. Но при Ярополкѣ II Изяславъ, добива-
ясь удѣла въ южной Руси, покинулъ непріязненный По-
лоцкій край. Полочане призвали къ себѣ одного изъ вну-
ковъ Всеслава, Василька, который вѣроятно избѣжалъ
участи другихъ своихъ родичей. А немедленно по смерти
Ярополка въ Полоцкую землю воротились еще двое изъ
князей, изгнанныхъ его старшимъ братомъ въ Грецію.

Въ 1139 году скончался великий князь Ярополкъ Влад-
имировичъ. Слѣдующій за нимъ братъ Вячеславъ Туров-
скій, имѣвшій теперь старшинство въ семье Мономахо-
вичей, поспѣшилъ занять Кіевъ. Но онъ былъ извѣстенъ
недостаткомъ твердости и мужества въ своемъ характерѣ,
и не пользовался уваженіемъ у своихъ братьевъ и пле-
мянниковъ. Поэтому соперникомъ ему выступилъ пред-
ставитель другой отрасли Ярославова потомства, чернигов-
скій князь Всеvolodъ Ольговичъ, не менѣе своего отца
отличавшійся честолюбіемъ и предпріимчивостію, толь-
ко самый Всеvolodъ, который когда то не призналъ стар-
шинства своего дяди Ярослава и отнялъ у него Черни-
говъ. Онъ неожиданно явился подъ стѣнами Кіева, и за-
жегъ конецъ Копыревъ. Вячеславъ не рѣшился на борь-
бу, уступилъ ему Кіевъ и ушелъ въ свой Туровскій
удѣлъ. Черниговскій князь собственно не имѣлъ пра-
ва на Кіевскій столъ, потому что отецъ его никогда
не былъ великимъ княземъ; но Ольговичи, приписывали
это обстоятельство несправедливости Кіевлянъ и Моно-
маха, и ни зачто не хотѣли помириться съ устрани-
емъ своего рода отъ великаго княженія. Что бы укрѣ-

питься въ Киевъ, Всеволоду нужно было только поддерживать несогласие племянниковъ съ дядями въ семье Мономаха. Племянниковъ удалось привлечь на свою сторону тѣмъ легче, что они приходились ему шурья по его женѣ, дочери Мстислава I. Особенно важенъ былъ для Всеволода союзъ съ самимъ даровитымъ и храбрымъ изъ нихъ, съ Изяславомъ Мстиславичемъ, сидѣвшимъ тогда во Владимірѣ Волынскомъ: Всеволодъ обѣщалъ оставить ему послѣ своей смерти великонижеский столъ помимо его дядей.

Дружба Всеволода съ Мономаховичами однако вызвала вскорѣ неудовольствіе его собственныхъ братьевъ, и тѣмъ болѣе, что наследственный Черниговскій удѣлъ онъ передалъ не родному брату Игорю Ольговичу, а двоюродному Владиміру Давидовичу. Чтобы удовлетворить настоящимъ родныхъ братьевъ, Всеволодъ попыталъ добыть для нихъ отъ Мономаховичей области Переяславскую и Волынскую; но неудачно. Въ южномъ Переяславѣ сидѣлъ младшій изъ сыновей Мономаховыхъ Андрей. Когда великій князь послалъ сказать ему, что бы онъ перешелъ въ Курскъ, Андрей отвѣчалъ: „Дѣдъ и отецъ мой княжили въ Переяславѣ, а не въ Курскѣ; живой не пойду изъ своей волости; а если убьешь меня, вспомни, Святополкъ тоже убилъ Бориса и Глѣба; но долго ли послѣ того самъ княжилъ“? Приступы Ольговичей къ Переяславлю были отбиты. Въ то же время Изяславъ Мстиславичъ отбился отъ своихъ соперниковъ на Волыніи. Всеволодъ помирился съ Мономаховичами; такъ что по смерти Андрея не отдалъ Переяславля кому либо изъ братьевъ, а перевезъ сюда Вячеслава Туровскаго. Тогда родные и двоюродные братья, обманутые въ своей надеждѣ на богатыя волости, соединились и подняли брань на Всеволода. Но за послѣдняго вступились сами Мономаховичи. Эта междуусобная война, опустошившая южную Русь, была окончена только при посредствѣ князя-инока. Еще живъ былъ Николай Святоша, двоюродный братъ Ольговичей и родной Давидовичей. Всеволодъ вызвалъ Святошу изъ монастырской келліи, и послалъ уговаривать братьевъ къ миру; тотъ успѣшно выполнилъ это

порученіе. Такимъ образомъ Всеволодъ съумѣлъ до самой смерти (1146 г.) удержаться въ Кіевѣ, благодаря своей политики разъединенія. Онъ то помогалъ Ольговичамъ противъ Мономаховичей, то послѣднимъ противъ первыхъ; Ольговичей ссорилъ съ Давидовичами, а Мономаховичей—племянниковъ съ Мономаховичами—дядями.

Такая узкая политика самосохраненія незамедлила пріести свои плоды въ отношеніяхъ Кіева къ русскимъ областямъ. Постоянно занятый собственною безопасностью, великий князь все менѣе и менѣе могъ оказывать вліянія на другія области, особенно на тѣ, которыхъ были отдалены отъ него и по самому географическому положенію. Межъ тѣмъ какъ Черниговъ, Смоленскъ, Волынь еще принимали непосредственное участіе въ судьбахъ Кіева, на съверовостокѣ начинали жить своею особою политическою жизнью земли Суздальская и Рязанская; а на съверѣ Новгородъ пріобрѣталъ право призывать князей изъ той или другой вѣтви княжескаго рода, по своему усмотрѣнію, и все болѣе ослаблялъ свои связи съ Кіевомъ. На съверозападѣ Полоцкая земля, съ возвращеніемъ собственныхъ князей, окончательно выдѣлялась изъ общаго состава Руси. На югозападѣ такою же особою политическою жизнью начинала жить Русь Червонная или Галицкая.

Въ послѣдней области явилась въ то время замѣчательная личность, которая положила основаніе сильному княжеству Галицкому. То былъ Владими́рко, сынъ Володаря Ростиславича. Володарь и братъ его извѣстный слѣпецъ Василько, оба умерли въ 1124 году. Сыновья не наследовали отъ своихъ отцовъ ихъ дружбы и согласія. Честолюбивый, предпріимчивый Владими́рко воспользовался потомъ смертью роднаго брата и двухъ двоюродныхъ, чтобы захватить въ свои руки обѣ наследственные волости своего рода, т. е. Переяславльскую и Теребовльскую. Только небольшой удѣлъ Звенигородскій оставался еще за его роднымъ племянникомъ, Иваномъ Ростиславичемъ. Владими́рко утвердилъ свою столицу въ городѣ Галичѣ на берегахъ Днѣстра, и съ тѣхъ поръ Червонная Русь стала называться Галицкимъ княжествомъ, Галиціей. Много ума и ловкости нужно было, что бы укрѣ-

пить и расширить это княжество, отсюду окруженнное сильными и враждебными соседями, каковы Угры и Поляки на западѣ и русскіе соперники на востокѣ. Галицкій князь безспорно владѣлъ тѣми, хотя и не всегда похвальными, чертами, съ которыми являются въ исторіи некоторые основатели или двигатели государственной силы. Онъ умѣлъ найтись при всѣхъ затрудненіяхъ и извлечь пользу изъ всякаго столкновенія своихъ соседей; но за то не стѣснялся въ выборѣ средствъ; клятвы и договоры были для него только дѣломъ политики, и онъ забывалъ о нихъ, какъ скоро миновала надобность. Съ Уграми, смотря по обстоятельствамъ, онъ былъ то союзникомъ, то врагомъ. Соперничество между Мономаховичами и Ольговичами, возникшее изъ за Киевскаго стола, представило ему удобный случай не только вполнѣ освободиться отъ нѣкотораго подчиненія Киеву, но и расширить свое княжество на счетъ соседнихъ волынскихъ городовъ. Послѣднее обстоятельство заставило великаго князя кievскаго Всеволода Ольговича въ 1144 году предпринять походъ въ Галицию съ сильною ратью, въ которой участвовали Ольговичи, часть Мономаховичей и еще наемные Половцы. Владимірко съ своей стороны получилъ помощь отъ Угровъ.

Обѣ рати сошлись подъ Звенигородомъ; ихъ раздѣляла небольшая рѣчка Бѣлка. Всеволодъ вѣльмъ навести гати, переправился черезъ рѣчку, и зашелъ въ тылъ непріятельскому войску; такъ что отрѣзалъ его отъ сообщенія съ Галичемъ и Переышлемъ. Галичане пришли въ уныніе, опасаясь за свои семейства. Тогда Владимірко прибѣгъ къ своей дипломатической ловкости. Онъ вступилъ въ переговоры не съ самимъ великимъ княземъ, а съ его братомъ Игоремъ, и взялъ послѣдняго за самую чувствительную струну, пославъ сказать ему: „если помиришь меня съ своимъ братомъ, то послѣ его смерти я помогу тебѣ сѣсть въ Киевъ“. Игорь дѣйствительно принялъ усердно хлопотать въ пользу галицкаго князя, и уговорилъ Всеволода заключить миръ. Противники съѣхались вмѣстѣ, и по обычаю утвердили миръ крестнымъ пѣлованіемъ. „Многоглаголивый“ (по выраженію лѣтописи) Владимірко отвѣтался отъ опасности уплатою 1400 гри-

венъ серебра, которыи Всеволодъ добросовѣстно раздѣлилъ между своими братьями и союзниками.

Граждане Галича были недоволыни строгостю и самовластіемъ своего князя, и попытались отложитьсь отъ него. Они воспользовались временемъ, когда Владимірко уѣхалъ на охоту; послали въ Звенигородъ за его племянникомъ Иваномъ Ростиславичемъ, и посадили его у себя на столѣ. Владимірко, не теряя времени, собралъ войско, и осадилъ Галичъ. Во время одной вылазки Иванъ Ростиславичъ былъ отрѣзанъ отъ города; онъ пробился сквозь непріятелей и бѣжалъ къ Дунаю, откуда степью пробрался въ Кіевъ къ Всеволоду Ольговичу. Галичане еще нѣкоторое время оборонялись, но наконецъ принуждены были отворить ворота. Владимірко казнилъ злоу смертію многихъ участниковъ мятежа; а Звенигородскій удѣльній племянника взялъ себѣ, и такимъ образомъ утвердилъ полное единовластіе въ землѣ Галицкой. Но великий князь Кіевскій не желалъ подобнаго усиленія Галиції. Онъ вступился за изгнанного племянника, и снова собралъ многочисленную рать, призвавъ на помощь князей Черниговскаго, Переяславскаго, Смоленскаго, Туровскаго, Владимірскаго и дикихъ Половцевъ. Походъ, предпринятый зимою, на этотъ разъ былъ неудаченъ. Дожди согнали снѣгъ и произвели распутницу. Рать добралась кое какъ до Звенигорода, осадила его и сожгла виційский остrogъ. Многіе граждане, вѣроятно желавшіе снова имѣть своимъ княземъ Ивана Ростиславича, сошлись на вѣче и разсуждали о томъ, что надобно сдать городъ. Но воевода Владимірковъ, какой то Иванъ Халдѣевичъ, оказался чловѣкомъ рѣшительнымъ и энергичнымъ. Онъ схватилъ троихъ главныхъ зачинщиковъ смуты, велѣлъ каждого разрубить пополамъ и выбросить ихъ трулы за городскую стѣну. Этотъ поступокъ устрашилъ остальныхъ за говорщиковъ, и съ того дня жители отчаянно оборонялись; они отбили всѣ приступы, и потушили всѣ пожары, произведенные осаждавшими. Всеволодъ долженъ былъ снять осаду и уйти назадъ. Неудачѣ этого предпріятія способствовало также болѣзненое состояніе великаго князя, окончившееся вскорѣ его смертію.

Въ обоихъ походахъ Всеволода Ольговича на Галицкую Русь принимали участіе Поляки, въ качествѣ союзниковъ великаго князя Киевскаго. Въ Польшѣ около того времени произошли великия перемѣны, которыя на долго задержали развитіе Польскаго могущества; что въ свою очередь способствовало безопасноти русскихъ предѣловъ съ этой стороны. Въ 1139 году сиончался король Болеславъ III Кривоустый, послѣдній представитель эпохи Болеславовъ, эпохи возстанія и величія Польскаго государства. Кривоустый съ успѣхомъ продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ: онъ удачно воевалъ съ Чехами и Нѣмцами, и отбился отъ притязаній Германской имперіи на ленную зависимость Польши. Замѣтальна въ особенности борьба его съ языческими племенами Поморскихъ Славянъ, противъ которыхъ онъ предпринималъ многократные походы, дѣйствуя въ союзѣ съ Датчанами. Ему удалось овладѣть землями Лютичей и Ратаровъ и утвердить здѣсь христіансскую церковь. Эта борьба съ язычниками имѣла характеръ крестовыхъ походовъ, подобныхъ тѣмъ, которые совершились тогда на востокѣ королями и рыцарями Западной Европы. Завоеваніемъ Поморья Болеславъ Кривоустый вознаградилъ потерю нѣкоторыхъ земель, напримѣръ, Червонной Руси и Моравіи, завоеванныхъ Болеславомъ Храбрымъ и утраченныхъ его преемниками. Кривоустый былъ женатъ на Сбыславѣ, дочери Святополка II Михаила. Это родство дало Полякамъ поводъ вымѣшиваться въ дѣла Руси по смерти Святополка въ пользу его потомства; но при такихъ князьяхъ, какъ Владислѣръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ, подобное вымѣшательство не имѣло обыкновенно никакого успѣха.

У польскихъ князей, какъ на Руси и въ Чехіи, еще сильны были родовые обычаи, вытекавшіе изъ понятія, что каждый членъ княжеской семьи имѣетъ право на удѣльное владѣніе. Рядомъ съ этими обычаями и тамъ видимъ постоянное стремленіе старшаго князя къ полному подчиненію себѣ младшихъ или просто къ единовластію. Такъ Болеславъ Кривоустый долго боролся съ своимъ мятежнымъ братомъ Збигнѣвомъ, наконецъ въролом-

но схватилъ его, велѣлъ ослѣпить и заключить въ темницу. Но самъ онъ передъ смертю раздѣлилъ королевство между четырьмя сыновьями, ничего не назначивъ только пятому, самому младшему изъ нихъ Казимиру (впослѣдствіи прозванному *Справедливымъ*). Старшій Болеславичъ Владиславъ II, получившій главный городъ Краковъ и Силезію, по характеру своему не былъ способенъ внушить братьямъ уваженіе къ своему старшинству. Но его супруга Агнеса, дочь австрійскаго маркграфа и племянница императора Конрада III Гогенштауфена, не хотѣла терпѣть самостоятельность младшихъ князей, и, побуждаемый ея упреками, Владиславъ вздумалъ смирить ихъ оружіемъ. Тогда проявилось то значеніе, которое успѣли уже пріобрѣсти себѣ польскіе вельможи и духовные сановники. Изъ личныхъ и сословныхъ видовъ они приняли сторону младшихъ братьевъ; Владиславъ былъ лишенъ своего королевскаго удѣла и изгнанъ изъ Польши. Въ этихъ междуусобіяхъ привыкъ участіе и великий князь кіевскій Всеволодъ, какъ союзкъ Владислава II, потому что дочь его Звенислава была за старшимъ сыномъ краковскаго короля, Болеславомъ Высокимъ. Два раза русскіе полки ходили въ Польшу на помощь Владиславу, и добились только того, что братья (Болеславъ Кудрявый и Мечиславъ Старый) уступили ему четыре города. Въ свою очередь и польскій король помогалъ Всеволоду Ольговичу въ его борьбѣ съ Владиміркомъ Галицкимъ. Въ послѣдствіи, уже по смерти Всеволода, Владиславъ II снова и окончательно былъ изгнанъ изъ Польши своими братьями. Этотъ Владиславъ между прочимъ велѣлъ выколоть глаза и отрѣзать языкъ тому самому боярину Петру Власту, который когда то помогъ его отцу въ роломнымъ образомъ захватить въ пленъ Володаря Ростиславича. Несчастный польскій бояринъ нашелъ убѣжище на Руси.

Водворившаяся въ Польшѣ удѣльная система ослабила ея политическое значеніе. Она между прочимъ слишкомъ на полтора столѣтія задержала распространеніе польскихъ предѣловъ на востокъ; такъ что сосѣднія русскія княже-

ства, особенно Волынь и Галиція, въ теченіе этого времени могли развиваться безъ помѣхи со стороны Польши.

За годъ до своей смерти Всеволодъ Ольговичъ собралъ въ Киевѣ наиболѣе значительныхъ князей Южной Руси, и объявилъ имъ, что онъ, по примѣру Владимира Мономаха и Мстислава I, хочетъ еще при жизни утвердить ихъ присягою съ своимъ преемникомъ, и что старшинство, т. е. Киевскій столъ, онъ оставляетъ брату своему Игорю. Черниговские Давидовичи и Ольговичи присягнули немедленно; Изяславъ Мстиславичъ Волынскій, которому Киевъ тоже былъ обѣщанъ Всеволодомъ, сначала колебался; но потомъ и онъ принужденъ былъ поцѣловать крестъ. Игорь съ своей стороны присягнулъ „имѣть братью въ любовѣ“. Когда великий князь воротился изъ втораго Галицкаго похода уже тяжко больнымъ, онъ послалъ къ Изяславу Мстиславичу и къ Давидовичамъ спросить: стоятъ ли они въ крестномъ цѣлованіи брату Игорю; тѣ отвѣчали: „ стоимъ“. Въ то же время кіевскіе граждане, по требованію Всеволода присягнули Игорю какъ своему великому князю. Онъ также взялъ присягу и съ жителей Вышгорода. Умирающій Всеволодъ велѣлъ отвезти себя въ этотъ городъ; онъ надѣялся получить облегченіе въ мѣстѣ, уже прославленномъ чудотвореніями, или желалъ лечь у гроба свв. братьевъ - мучениковъ. Дѣйствительно здѣсь онъ скончался, и погребенъ въ храмѣ Бориса и Глѣба.

Игорь Ольговичъ созвалъ Кіевлянъ въ Верхнемъ городѣ на дворъ Ярослава, и вновь заставилъ ихъ подѣлывать себѣ крестъ. Но двукратная присяга оказалась не-надежнымъ средствомъ тамъ, гдѣ ее не подкрѣпляло народное расположение. Вслѣдъ затѣмъ граждане сѣли на коней, и собрались въ Нижнемъ городѣ, т. е. на Подолѣ, возлѣ такъ наз. Туровой божницы, и послали звать Игоря къ себѣ на вѣче. Тотъ выѣхалъ съ своей дружиной; но остановился въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ народа, и послалъ брата Святослава спросить Кіевлянъ, чего они хотятъ. Граждане начали приносить жалобы на тіуновъ покойнаго Всеволода Ольговича, на Ратшу и Тудора: „первый — говорили они — разорилъ своими неправдами

Кievъ, а второй Вышгородъ⁴. Вѣроятно, въ этомъ вѣчѣ участвовали и граждане сосѣдняго Вышгорода. По требованію народнаго собранія Святославъ сошелъ съ коня, и за своего старшаго брата поцѣловалъ крестъ на томъ, что великий князь будетъ наблюдать правду и не дастъ народу въ обиду тіунамъ. Киевляне спѣшились, и вновь присягнули не мыслить никакого зла противъ Игоря и Святослава. Послѣдній воротился въ сопровожденіи лучшихъ людей; великий князь также сошелъ съ коня, и также поцѣловалъ крестъ на исполненіе обѣщаннаго. Но лучшимъ людямъ очевидно не удалось примирить народъ съ новымъ княземъ. Едва братья воротились въ теремъ и сѣли обѣдать, какъ получили извѣстіе, что киевская чернь прямо съ вѣча бросилась грабить дворъ Ратши, а также дворы княжихъ мечниковъ. Игорь послалъ брата съ дружиною, и тотъ едва укротилъ грабителей. Ясно, что перемѣны въ наслѣдованіи Киевскаго стола и борьба изъ за него княжихъ родовъ принесли свой плодъ. Уваженіе къ достоинству великаго князя стало падать; граждане киевскіе, подобно Новогородцамъ, сдѣлались свое-вольнѣ и привыкаютъ мѣнять своихъ князей, смотря по расположению или по другимъ обстоятельствамъ. Ольговичей они вообще не любили. Эта нелюбовь усилилась во время Всеволода, который допускалъ неправды и притѣсненія отъ тіуновъ. Однако онъ удержался въ Kievѣ до конца своей жизни, благодаря личной энергіи и несогласіямъ Мономаховичей. Игорь еще менѣе полюбился Киевлянамъ, а въ дарованіяхъ онъ очевидно уступалъ своему старшему брату.

Граждане, преданные семьѣ Мономаховой, завели сношенія съ Изяславомъ Мстиславичемъ, который находился по сосѣдству, въ южномъ Переяславлѣ, и звали его на Киевскій столъ. Въ этихъ тайныхъ переговорахъ участвовали и некоторые старые бояре киевскіе, между прочимъ Иванъ Войтишичъ и самъ тысяцкій Улѣбъ. Изяславъ, въ крещеніи Пантелеимонъ, принялъ благословеніе отъ переяславскаго епископа Евфимія въ церкви св. Михаила, выступилъ съ дружиной изъ Переяславля, и у Заруба перешелъ Днѣпръ. Здѣсь соединились съ нимъ оби-

татели Поросья или такъ наз. Черные Клобуки. То были иѣкоторые остатки Печенѣговъ и Торковъ, поселеніе старыми князьями по р. Роси съ обязанностю оберегать киевскіе предѣлы отъ степныхъ варваровъ. Черными Клобуками они прозваны конечно по своимъ высокимъ бараньимъ шапкамъ; иначе называли ихъ Беренди и Берендичи.

Получивъ извѣстіе о приближеніи непріятеля, Игорь приготовился къ оборонѣ; съ нимъ соединились братъ его Святославъ Ольговичъ и племянникъ Святославъ Всеволодичъ. Они стали съ своими дружинами таборомъ (лагеремъ) виѣ города; Киевская рать расположилась особо, на урочищѣ, называвшемся Ольгова могила. Едва показались полки Изяслава, какъ Киевляне перешли на его сторону; тоже сдѣлали Ульбъ и Иванъ Войтишичъ съ своими отроками. Ольговичи однако не потеряли бодрости и смѣло вступили въ битву. Но ихъ дружины попали въ неудобное мѣсто, пересѣченное оврагами и болотами; Черные Клобуки заѣхали имъ въ тылъ, а Изяславъ ударили въ бокъ. Ольговичи побѣжали. Но только одному Святославу удалось перебраться за Днѣпръ и уйти въ свой Новгородъ-Сѣверскій удѣлъ; племянникъ его Всеволодичъ укрылся въ киевскомъ монастырѣ св. Ирины; а великий князь Игорь во время бѣгства завязъ въ болотѣ. Будучи болѣнъ ногами, онъ не могъ бѣжать далѣе; его взяли въ плѣнъ и отослали въ Переяславль, гдѣ засадили въ монастырскій порубъ. Между тѣмъ Киевляне вмѣстѣ съ побѣдителями принялись грабить имѣніе и скотъ разбогатѣвшихъ дружинниковъ Всеволода и Игоря, какъ въ самомъ Киевѣ, такъ и въ селахъ; грабили не только дома, но розыскивали ихъ имущество и по монастырямъ, куда зажиточные люди отдавали на храненіе свои сокровища. Этимъ грабежомъ Киевляне истили дружинникамъ за понесенные отъ нихъ притѣсненія и вымогательства. Подобное возмездіе было въ нравахъ того времени; но нельзя въ этомъ случаѣ не видѣть также и проявленія необузданного народнаго своеолія, при явномъ ослабленіи великокняжескаго достоинства. Соперничество князей изъ за Киевскаго стола неизбѣжно заста-

влило ихъ дѣлать разныя поблажки страстямъ и порывамъ толпы, что бы упрочить за собою народное расположение.

Такъ началось недолговременное, но обильное событіеми княженіе Изяслава Мстиславича въ Киевѣ.

IX.

ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИКЪ.

Изяславъ II. Его союзъ съ Давидовичами и опустошениe Съверской области. Московское свиданіе Святослава Ольговича съ Юріемъ Долгорукимъ. Измѣна Давидовичей и убіеніе Игоря. Изяславъ II въ Новгородѣ. Юрій въ Кіевѣ. Угорская помощь и торжество Изяслава. Его дядя Вячеславъ. Побѣда на Рутѣ. Въроломство и смерть Владимира. Его преемникъ. Митрополитъ Климентъ Смолятичъ. Юрій на Кіевскомъ столѣ. Изяславъ Давидовичъ. Ростиславъ великий князь. Его путешествіе въ Новгородъ и кончина.

Княженіе Изяслава II Пантелеимона продолжалось около осми лѣтъ (1146 — 1154). Все это время наполнено почти непрерывною борьбою съ Ольговичами и роднымъ дядей Юріемъ Суздальскимъ. Послѣдній объявилъ пріязнія на Кіевскій столъ по праву своего родового старшинства надъ племянникомъ. Но Изяславъ не признавалъ этого права: старшіе племянники уже начали со-перничать съ младшими дядями. Почти всѣ русскія области и всѣ вѣтви княжескаго дома принимали участіе въ этой борьбѣ, одни на сторонѣ племянника, другіе на сторонѣ дяди и Ольговичей. Не одинъ русскія области, со-сѣдніе народы, именно Половцы, Угры и Поляки, также принимали въ ней дѣятельное участіе. Съ обѣихъ сторонъ совершено много подвиговъ, обнаружено много таланта, энергіи и ловкости. Два раза Изяславъ II былъ изгоняемъ своимъ дядею изъ Кіева и принужденъ уступить ему великое княженіе, и два раза возвращался въ Кіевъ; такъ что умеръ великимъ княземъ. Нѣкоторые удѣльные князья не рѣдко мѣняли свои союзы, и мы встрѣ-

чаемъ ихъ то въ лагерь дяди, то въ лагерь племянника. При этомъ каждый изъ областныхъ князей конечно пре-
следовалъ свои личные виды или руководствовался обя-
занностями кровного родства. Но въ общемъ движении
исторіи рядомъ съ развивавшимся стремлениемъ областей
къ самостоятельной политической жизни мы видимъ, какъ
вырабатывалось нечто подобное политическому равновѣ-
сію между областными княжествами, тому равновѣсію,
которое было необходимымъ условіемъ ихъ самостоятель-
ности.

Невозможно въ сжатомъ очеркѣ прослѣдить всѣ любо-
пытныя подробности знаменитой борьбы племянника съ
дядею. Остановимъ вниманіе только на главнѣйшихъ со-
бытіяхъ и на личностяхъ, наиболѣе выдающихся (67).

Важное значеніе въ этой борьбѣ имѣли двое Давидови-
чей, Изяславъ и Владиміръ, владѣвшіе черниговскими
городами. Иногда они являются союзниками Изяслава II
противъ своего двоюроднаго брата Святослава Ольгови-
ча; а иногда действуютъ противъ великаго князя за одно
съ Ольговичами. Святославъ пригласилъ ихъ общими
силами добиваться освобожденія Игоря. Но тѣ безъ сом-
нѣнія опасались, что Игорь, получивъ свободу, потре-
буетъ отъ нихъ Черниговскаго стола; тогда какъ они
желали отнять у Святослава и самыи Новгородъ Сѣвер-
скій. Поэтому Давидовичи въ началѣ соединились съ ве-
ликимъ княземъ Изяславомъ II. Но и Святославъ Оль-
говичъ нашелъ себѣ союзниковъ. Во первыхъ, онъ обрати-
лся за помощью къ своимъ половецкимъ сватамъ. Из-
вѣстно, что первою его супругою была дочь хана Аепы;
хотя этотъ ханъ уже умеръ; однако два его брата, Тюн-
ракъ и Камоса, по первому требованію Сѣверского князя
явились къ нему съ тремя стами всадниковъ. Съ нимъ
соединилось и нѣсколько младшихъ князей, обдѣленныхъ
своими старшими родичами. Между прочимъ упомянутый
выше племянникъ Владимірка Галицкаго Иванъ, прозван-
ный Берладникомъ, вступилъ въ его службу съ отря-
домъ южнорусской вольницы; прозваніе свое онъ полу-
чили отъ одного заднѣстровскаго города Берлада, кото-
рый служилъ притономъ болгарскимъ и русскимъ бѣгле-

цамъ и повольникамъ. Но главного союзника Святославъ Ольговичъ нашелъ въ самой семье Мономаховичей, въ лицѣ сильного суздальского князя Юрія Владимировича Долгорукаго. Святославъ послалъ звать его на великое вняженіе, захваченное племянникомъ помимо дяди; онъ ставилъ условiemъ только освобожденіе Игоря Ольговича, а съ своей стороны обѣщалъ Юрію помогать въ достижениії Кіевскаго стола. Юрій дѣйствителъно заключилъ союзъ съ Съверскимъ княземъ, и выступилъ къ нему на помощь. Но Изяславъ Мстиславичъ на этотъ разъ съумѣлъ отвлечь его отъ южной Руси. Онъ послалъ гонца въ Рязань къ своему пріятелю Ростиславу Ярославичу съ просьбой напасть на Сузdalскую землю. Рязанскій князь исполнилъ его просьбу, и Юрій отъ Козельска повернулся назадъ, отпустивъ къ Святославу только небольшой отрядъ съ сыномъ своимъ Иваномъ.

Межъ тѣмъ Давидовичи уже воевали Съверскую обласъ, и осадили Новгородъ; но всѣ ихъ приступы были отбиты. Съ досады они принялись грабить и жечь тѣ села, гдѣ находились скотъ, запасы хлѣба, меду и другаго имущества Ольговичей. На рекѣ Рахнѣ, не далеко отъ Новгорода, они захватили княжіе табуны въ 1000 коней и 3000 кобыль; а хлѣбъ и дома пожгли. Въ какомъ то сельцѣ Игорь устроилъ себѣ „добрый дворъ“, гдѣ было наготовлено много вина и меду въ погребахъ, а въ кладовыхъ всякой утвари, желѣзной и мѣдной. Давидовичи вели покласть на воза сколько можно было увезти; а остальное сожгли вмѣстѣ съ дворомъ; при чёмъ сгорѣли ближняя церковь св. Георгія и гумно, на которомъ стояло 900 стоговъ. Они осадили Путивль; но не могли его взять, пока не пришелъ на помощь самъ Изяславъ. Тогда граждане Путивля выслали съ поклономъ къ великому князю, и сдались ему, но съ клятвеннымъ уговоромъ, что онъ не отдастъ жителей въ полонъ ратнымъ людямъ. Изяславъ исполнилъ клятву, и взялъ только дворъ Святославовъ со всѣмъ его добромъ. Въ княжихъ погребахъ здѣсь нашли 500 берковцевъ меду и 80 карчагъ вина; забрали 700 человѣкъ княжей челяди, и все это побѣдители раздѣлили между собою. Не пощадили и самый храмъ

Вознесенія, откуда взяли серебряные сосуды, кадильницы, шитые золотомъ покровы, евангеліе въ кованомъ переплѣтѣ и другія богослужебныя книги, а также сняли и колокола. Эти извѣстія лѣтописи о добычѣ, захваченной у Ольговичей, бросаютъ любопытный свѣтъ на ихъ хозяйственный бытъ, на ихъ домовитость, равно и на зажиточность самыхъ областей.

Узнавъ, что Путинъ взятъ и великий князь идетъ на Новгородъ Сѣверскій, Святославъ Ольговичъ началъ соѣтствоваться съ своими союзниками, т. е. съ Иваномъ Юрьевичемъ Суздальскимъ, Иваномъ Берладниковомъ и поло-вецкими ханами. На совѣтѣ рѣшено не ждать Изяслава въ Новгородѣ, а спасаться далѣе на сѣверъ въ лѣсную сторону Брянскую и Каравеевскую, и тамъ ожидать помощи отъ Юрія. Изяславу Давидовичу сильно не хотѣлось упустить изъ рукъ двоюроднаго брата; онъ отпросился у великаго князя, взялъ у него часть кievской дружины съ воеводою Шварномъ, и налегкѣ, безъ обоза, съ 3000 коннicy поскакалъ къ Каравееву. Услыхавъ приближающуюся погоню, Святославъ и его союзники вдругъ обернулись, ударили на Изяслава Давидовича и разбили его; такъ что онъ со стыдомъ прибѣжалъ къ великому князю. Послѣдній, раздосадованный этою неудачею, самъ послѣшилъ къ Каравееву. Но Святославъ Ольговичъ ушелъ отсюда далѣе въ землю Вятичей. Великий князь не рѣшился преслѣдовать его по глухимъ, лѣснымъ дебрямъ, и воротился въ Кіевъ, предоставивъ Сѣверскую область въ распоряженіе Давидовичей. Но едва онъ оставилъ восточную сторону Днѣпра, какъ здѣсь обстоятельства начали измѣняться въ пользу гонимаго имъ Сѣверскаго князя. Однимъ изъ виновниковъ этой перемѣны былъ Святославъ Всеволодичъ, родной племянникъ Ольговичей. Взятый въ пленъ при сверженіи Игоря, этотъ молодой князь былъ обласканъ и надѣленъ волостями отъ Изяслава II, которому онъ тоже приходился племянникомъ, но только по матери. Будучи оставленъ вмѣстѣ съ Давидовичами для продолженія войны, онъ отдался родственному влечению, и тайно извѣщалъ дядю о движеніяхъ его непріятелей. Въ тоже время отъ Юрія приспѣла къ Свя-

тославу на помощь бѣлозерская дружина въ 1000 человѣкъ, хорошо вооруженныхъ. Дѣла его поправились.

Юрій, покончивъ съ Рязанскимъ княземъ, въ слѣдующемъ 1147 году повоевалъ новогородскія волости по р. Мстѣ; такъ какъ Новгородцы держали сторону Изяслава. А Святославъ Ольговичъ, по желанію Сузdalского князя, разорилъ часть Смоленской земли, именно берега Протвы, гдѣ жила Голядь и откуда съверская дружина вывела большой полонъ. Затѣмъ по приглашенію Юрія Святославъ отправился на свиданье съ нимъ въ *Москву*. Впереди себя онъ послалъ сына Олега, который привезъ Сузdalскому князю въ подарокъ красиваго пардуса или барса (вѣроятно не живаго, а только шкуру этого звѣря). Свиданіе князей сопровождалось веселыми пирами; причемъ гость и его дружинники были щедро одѣлены подарками отъ тароватаго хозяина. Свиданіе Юрія Долгорукаго съ Святославомъ Ольговичемъ въ мартѣ 1147 года замѣчательно въ особенности тѣмъ, что по этому поводу лѣтопись впервые упоминаетъ имя *Москвы*, столь знаменитой впослѣствіи, а тогда еще незначительного города, расположеннаго посреди глухихъ лѣсовъ на берегу рѣки *Москвы*, на пограничье Сузdalскихъ владѣній съ Черниговскими и Рязанскими. Укрѣпивъ союзъ съ Долгорукимъ, Святославъ изъ *Москвы* воротился въ землю Вятичей. Лѣтопись прибавляетъ любопытную черту: на этомъ походѣ у него умеръ престарѣлый бояринъ Петръ Ильичъ, который служилъ еще отцу его Олегу; отъ ста-
рости онъ уже не могъ сѣсть на коня, потому что имѣлъ девяносто лѣтъ отъ роду.

На помощь Святославу Ольговичу приспѣли съ одной стороны новые толпы Половцевъ, съ другой суздальскій отрядъ, предводимый сыномъ Юрія Глѣбомъ. Пришла и вольная южнорусская дружина извѣстная подъ именемъ Бродниковъ, которые при этомъ впервые упоминаются въ лѣтописи. Безъ сомнѣнія то были предшественники знаменитыхъ впослѣствіи дружинъ казацкихъ. Святославъ началъ отбирать у Давидовичей землю Вятскую, и выгналъ ихъ посадниковъ изъ *Брянска*, *Мценска* и другихъ городовъ. Тогда Давидовичи вступили

въ переговоры съ двоюроднымъ братомъ при посредствѣ его племянника Святослава Всеволодича. Вследствіе этихъ переговоровъ они отступились отъ великаго князя и заключили противъ него союзъ съ Ольговичами. Но союзъ свой держали пока втайне. Предположено было заманить Изяслава на восточную сторону Днѣпра и схватить его, а потомъ освободить Игоря Ольговича. Послѣдній теперь не былъ опасенъ Давидовичамъ своими правами на Черниговъ, какъ князь уже отрекшійся отъ міра. Надобно замѣтить, что не задолго до того времени Игорь, заключенный въ монастырскій порубъ въ Переяславлѣ, опасно занемогъ и просилъ великаго князя о постриженіи. Изяславъ сжалілся надъ нимъ, и велѣлъ исполнить его просьбу. Разобрали верхъ Игоревой тюрьмы и вынесли его оттуда едва живаго; но, спустя нѣсколько дней, ему сдѣлалось легче. Игоря отвезли въ Кіевъ, и помѣстили въ Федоровомъ монастырѣ, гдѣ онъ постригся и принялъ схиму.

Согласно своимъ замысломъ, Давидовичи послали къ великоку князю снова звать его къ себѣ на помощь. Изяславъ собралъ бояръ, дружину, кіевскихъ мужей, и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи вмѣстѣ съ братомъ Ростиславомъ Смоленскимъ и съ Черниговскими князьями идти на Святослава Ольговича и на дядю своего Юрія въ самую Сузdalскую землю. Кіевляне отговаривали великаго князя, и совѣтовали ему не довѣряться Черниговскимъ князьямъ. Но Изяславъ настаивалъ, ссылаясь на ихъ крестное цѣлованіе. Тогда Кіевляне дали знаменательный отвѣтъ: „князь, ты на насъ не гнѣвайся; на племя Володиміра не можемъ поднять руки, а на Ольговичей пойдемъ хотя и съ дѣтьми“. Изяславъ однако остался при своемъ намѣреніи, и выступилъ съ дружиною и кіевскими охотниками; а остальныхъ не принуждалъ. Переправясь за Днѣпръ, онъ послалъ боярина Ульба въ Черниговъ извѣстить о своемъ походѣ. Но здѣсь бояринъ узналъ, что Черниговскіе князья уже измѣнили великому князю и хотятъ его схватить. Ульбъ поспѣшно воротился къ нему съ этимъ извѣстіемъ. Желая уличить измѣнниковъ, Изяславъ опять шлетъ къ Давидовичамъ

посла, съ просьбою, чтобъ они передъ началомъ общаго похода снова поцѣловали крестъ въ своеимъ вѣрномъ и неизмѣнномъ союзѣ съ великимъ княземъ. Давидовичи отказались, говоря, что они уже цѣловали крестъ. Тогда кіевскій посолъ, заранѣе наученный какъ ему дѣйствовать, изложилъ передъ ними все, что было донесено великому князю объ ихъ измѣнѣ, и спросилъ: правда ли это? Давидовичи были смущены, и молча переглядывались другъ съ другомъ; потомъ сказали послу: „выди вонъ и посиди; мы тебя позовемъ опять“. Долго думали они; наконецъ позвали послана, и велѣли сказать великому князю, что дѣйствительно поцѣловали крестъ Святославу Ольговичу, потому что имъ жаль своего брата, лишенаго свободы. Они поручили просить Изыслава объ освобожденіи Игоря, уже чернеца и схимника, и обѣщали за то оставаться вѣрными великому князю.

Въ отвѣтъ на признаніе Давидовичей, Изыславъ возвратилъ имъ крестныя или договорныя грамоты, съ упрекомъ въ ихъ неблагодарности: тогда какъ онъ собственными трудами добылъ для нихъ Новгородъ Сѣверскій, Путівль и другія волости Ольговичей. Въ тоже время отправилъ гонцовъ къ брату своему Ростиславу въ Смоленскъ, чтобы извѣстить его объ измѣнѣ Черниговскихъ князей и звать къ себѣ на помощь. Послалъ и въ Кіевъ съ тѣмъ же извѣстіемъ. На время своего отсутствія онъ поручилъ блюсти стольный городъ младшему своему брату Владимиру, митрополиту Клименту и тысяцкому Лазарю. По желанію великаго князя, власти созвали Кіевлянъ на вѣче у собора св. Софіи, и здѣсь великоніжескій посолъ во всеуслышаніе повѣдалъ объ измѣнѣ Черниговскихъ князей и объ опасности, которой подвергался Изыславъ Мстиславичъ; а въ заключеніе напомнилъ народу его слова, что на Ольговичей онъ пойдетъ хотя и съ дѣтьми. „Доспѣвайте — прибавилъ посолъ: — у кого есть конь, на конѣ, у кого нѣтъ, въ ладьѣ; измѣнники хотѣли не только убить великаго князя, но и васъ всѣхъ искоренить“. Это торжественное обращеніе къ народу, такому впечатлительному какъ Кіевляне, обращеніе, долженствовавшее возбудить его усердіе, оказалось полити-

ческою ошибкою, излишнею заботою Изяслава о своемъ самосохраненіи.

Выслушавъ посла, народъ заволновался, и началъ кричать, что онъ радуется избавленію великаго князя отъ погибели, приготовленной измѣнниками, и что готовъ идти на нихъ и съ дѣтми. Но вдругъ какой то чело-вѣкъ возвысилъ голосъ, и сказалъ приблизительно слѣдующее:

„Мы рады идти за нашего князя; но подумаемъ прежде, какъ бы въ наше отсутствіе не вышло того же, что случилось при Изяславѣ Ярославичѣ, когда недобрые люди высыпали Всеслава изъ поруба и посадили его на книжій столъ. А Игорь, врагъ нашего князя, даже не въ порубѣ сидитъ, но у св. Феодора. Прежде убьемъ его, а потомъ и пойдемъ на Черниговскихъ“.

Рѣчь эта была искрою, брошенною въ порохъ. Народъ завопилъ, что дѣйствительно такъ надобно сдѣлать. Тщетно Владиміръ Мстиславичъ пытался уговаривать его имѣнемъ своего старшаго брата, и напоминаль, что Игорь находится подъ крѣпкою стражей.

„Нѣтъ — ворили Кіевляне, — мы знаемъ, что ни намъ, ни вамъ добромъ не кончить съ этимъ племенемъ!“

Тщетно митрополитъ, тысяцкій великаго князя Лазарь и тысяцкій Владиміра Рагуilo старались удержать толпу. Она съ криками повалила съ Софійской площади къ Федоровскому монастырю, находившемуся не подалеку, въ Старомъ городѣ. Владиміръ Мстиславичъ хотѣлъ упрѣдить ее на конѣ; но по мосту не могъ проѣхать за тѣснотою, и поскакалъ въ объездъ по другимъ улицамъ. Это замедленіе погубило Игоря. Когда Владиміръ достигъ монастыря, то въ воротахъ онъ уже встрѣтилъ толпу, влекущую князя-схимника; не только иноческая мантия, но и свита были сорваны съ него. Молодой князь соскочилъ съ коня и прикрылъ несчастнаго собственнымъ корзномъ. Когда они проходили мимо двора вдовствующей княгини, мачихи Изяслава II и матери Владиміра, послѣдній съ помощью боярина Михаила выхватилъ Игоря изъ рукъ убійца, бросился на дворъ княгини и заперъ ворота. Михаилъ при этомъ подвергся побоямъ; съ

него сорвали золотой крестъ вмѣстѣ съ цѣпью. Разсвѣтѣвшая толпа уже не помнила себя; она выломала ворота, и начала бить Игоря; при чемъ едва не убила и Владимира, пытавшагося его защитить. Къ ногамъ зло-
получнаго князя привязали веревку и притащили его чрезъ Бабинъ Торжокъ на княжій дворъ, гдѣ и докончили; затѣмъ положили трупъ на телѣгу, отвезли на Подолъ и бросили его на торговой площади. Это черное дѣло происходило въ пятницу 19 сентября 1147 года. На упреки властей въ убийствѣ, народъ отвѣчалъ: „не мы убили его, а Ольговичъ, Давидовичи и Всеиводичъ, которые хотѣли измѣною погубить нашего князя“. По приказу митрополита Федоровскаго игуменъ Ананія взялъ тѣло князя, и предалъ его погребенію въ Симеоновскомъ монастырѣ, которому благодѣтельствовали отецъ и дѣдъ Игоря.

Тяжела была Изяславу вѣсть о совершенномъ злодѣяніи. Онъ со слезами жаловался дружинѣ своей, что не уйти ему теперь отъ людской клеветы, которая припишетъ убийство его собственному наущенію. Дружина старалась по возможности утѣшить князя. Но онъ уже не сталъ ждать къ себѣ кievскую рать, а воротился печальный въ столицу. Впрочемъ, потакая Кіевлянамъ, онъ не рѣшился наказать зачинщиковъ своевойной расправы, и оставилъ дѣло безъ послѣдствій. Война съ черниговскими и сѣверскими князьями продолжалась и послѣ того. Великій князь вмѣстѣ съ братомъ Ростиславомъ и дядею Вячеславомъ повоевалъ волости Ольговичей и Давидовичей и взялъ иѣсколько городовъ. Видя разореніе своихъ волостей и тщетно ожидая къ себѣ на помощь Юрія Суздалскаго, противники наконецъ смирились, и просили прекратить войну. Изяславъ послалъ въ Черниговъ своихъ бояръ съ бѣлогородскимъ епископомъ Феодоромъ и печерскимъ игуменомъ Феодосіемъ, которые и привели ко кресту Давидовичей и Ольговичей въ черниговскомъ соборномъ храмѣ Спасителя. Они присягнули на томъ, что отложатъ всякую вражду за Игоря и будутъ сообща съ великимъ княземъ блюсти Русскую землю.

Управясь съ сосѣдними князьями, Изяславъ предпри-

нялъ давно задуманный далекій походъ на ихъ союзника, своего дядю Юрия Суздальскаго. Походы на съверь совершались обыкновенно зимнимъ временемъ, когда рѣки и болота покрывались толстымъ слоемъ льда и не представляли никакихъ препятствій для движенія. Зимою 1148 года Изяславъ съ дружиною пріѣхалъ сначала въ Смоленскъ къ брату Ростиславу. Братья нѣсколько времени провели въ пирахъ и веселіи, мѣняясь дарами и взаимно одѣля дружинниковъ. Лѣтопись по этому поводу приводить слѣдующую черту, подтверждающую, что Смоленскій край или верхнее Поднѣпровье по своей торговлѣ и промышленности тянуло болѣе къ съверной Руси, чѣмъ къ южной. Изяславъ, говоритъ она, дарилъ Ростислава произведеніями Русскихъ и Царскихъ земель (южной Руси и Греціи), а Ростиславъ дарилъ Изяслава тѣмъ, что шло отъ Верхнихъ земель (изъ Новгорода) и отъ Варягъ. Великій князь поручилъ брату вести полки кіевскіе и смоленскіе прямо на Волгу, назначивъ мѣстомъ соединенія съ нимъ устье Медвѣдицы, куда обѣщали прийти и князья Черниговскіе. А самъ Изяславъ съ небольшою дружиною отправился въ Новгородъ Великій, что бы поднять его противъ Юрия. Новогородскимъ княземъ въ то время былъ младшій сынъ его (Ярославъ). Изяславъ Мстиславичъ очевидно пользовался расположениемъ Новогородцевъ. Уже за три дня пути до города начали встрѣчать его граждане съ поклонами и поздравленіями. При вѣзѣ въ самый Новгородъ его встрѣтилъ сынъ съ боярами. Былъ воскресный день. Изяславъ отстоялъ обѣдню въ св. Софії; а потомъ подвойскіе и биричи по всѣмъ улицамъ сзывали народъ на обѣдь къ великому князю. Угощеніе было обильное; народъ разошелся довольный и веселый. На слѣдующее утро Изяславъ приказалъ звонить въ вѣчевой колоколъ, и граждане собрались на дворъ Ярослава. Тутъ великий князь обратился къ собранію съ рѣчью. Онъ говорилъ, что по жалобѣ самихъ Новогородцевъ пришелъ мстить за обиды, понесенные отъ его дяди Юрия; но что пусть граждане разсудятъ, идти ли на него войною или кончить дѣло миромъ. Народъ отвѣчалъ въ одинъ голосъ:

„Ты нашъ князь, ты нашъ Владими́ръ, ты нашъ Мстисла́въ! Рады идти съ тобою за свои обиды!“

Нѣкоторые такъ расходились въ своемъ воинственномъ одушевлениі, что принялись кричать:

„Всѣ пойдемъ! Только одни поставленные (священнослужители) останутся; а кому хотя и гуменцо уже острижено, но еще не поставленъ, и тотъ пустъ идетъ“.

Новогородская земля выставила многочисленную рать. Въ ней участвовали не только Псковичи и жители другихъ пригородовъ, но также инородцы, напримѣръ Корелы. Однако походъ, затѣянный въ обширныхъ размѣрахъ, не привелъ ни къ чему рѣшительному. На устьѣ Медвѣдицы Изяславъ дѣйствительно соединился съ братомъ Ростиславомъ. Но Давидовичи и Ольговичи не пришли: они съ своею ратью остановились въ землѣ Вятичей, и тамъ ждали, чѣмъ кончится дѣло. Юрій съ своей стороны не только не отвѣчалъ на посольство племянника, отправленное къ нему еще изъ Смоленска, но и самаго послана задержалъ у себя. Братья Мстислави чи двинулись внизъ по Волгѣ, разоряя сузальскія волости по обѣ стороны рѣки. Дошли до Мологи, и отсюда пустили впередъ легкія дружины, которыя повоевали до Ярославля. Но далѣе идти было поздно: настала Вербная недѣля, и сдѣжалось такъ тепло, что ледъ на Волгѣ и Мологѣ покрылся водою, которая доходила конямъ до чрева. Опасаясь разлияния рѣкъ, ополченіе поспѣшило вернуться по домамъ. Для скучно населенной Сузальской земли однако это нашестье стоило дорого: князья вывели изъ нея до 7000 пленниковъ.

Въ слѣдующемъ 1149 году Юрій наконецъ рѣшился самъ выступить противъ своего племянника. Но его подвинули на это рѣшеніе не столько разореніе собственныхъ земель, сколько обида, нанесенная сыну Ростиславу. Послѣдній прїѣхалъ на югъ къ Изяславу, жалуясь на отца, который обдѣлилъ его волостями. Великий князь принялъ его ласково, и поручилъ ему нѣсколько городовъ; но послѣ своего похода на сѣверъ онъ далъ вѣру разнымъ навѣтамъ, обвинявшимъ Ростислава въ коварныхъ замыслахъ, и отоспалъ его обратно къ отцу. Юрій силь-

но разсердился на такую обиду, говоря: „Ужели ни мнѣ, ни дѣтямъ моимъ нѣтъ части въ Русской землѣ?“ Когда онъ явился въ Черниговскихъ предѣлахъ, къ нему пристали Ольговичи, т. е. оба Святослава, дядя съ племянникомъ, которые забыли недавнюю присягу великому князю. Но Давидовичи на этотъ разъ не захотѣли измѣнить крестному цѣлованію; они отказались соединиться съ Юріемъ и остались въ союзѣ съ Изяславомъ. За то къ Юрію пришли на помощь многочисленныя толпы Полоццевъ: онъ, подобно Святославу Ольговичу, былъ женатъ на половчанкѣ, и имѣлъ дружественныя связи съ стѣпными ханами. Мономаховичи, дядя и племянникъ, встрѣтились подъ Переяславлемъ, и эта первая встрѣча была неудачна для племянника: кіевская и переяславская рать не охотно сражались противъ Мономахова сына. Разбитый дядею въ сраженіи 23 августа, Изяславъ самъ третьей прискакалъ въ Кіевъ. Вмѣстѣ съ братомъ Ростиславомъ онъ спрашивалъ Кіевлянъ: могутъ ли они еще биться за него?

Кіевское вѣче дало такой отвѣтъ:

„Господа, князья наши! Не погубите насть до конца; отцы наши, братья и сыновья, одни избиты въ сраженіи, другіе взяты; а теперь непріятели придутъ и насть заберутъ въ полонъ. Поѣзжайте лучше въ свои волости. Вы знаете, что намъ съ Юріемъ не ужиться; послѣ, когда увидимъ стиги ваши, то встанемъ за васъ“.

Князья принуждены были послѣдовать этому совѣту: Ростиславъ воротился въ Смоленскъ, а Изяславъ удалился въ свой собственный удѣлъ, Владимиръ Волынскій. Юрій вступилъ въ Кіевъ, и съ торжествомъ сѣлъ на великоніжескомъ столѣ. Съ нимъ была часть его многочисленныхъ сыновей, которыхъ онъ и не замедлилъ разсадить по кіевскимъ городамъ: старшаго Ростислава въ Переяславлѣ, слѣдующаго за нимъ Андрея въ Вышгородѣ, Бориса въ Бѣлгородѣ, Глѣба въ Каневѣ.

Изяславъ однако не думалъ уступить Юрію, и обратилъся съ просьбою о помощи къ своему родственнику королю угорскому Гейзѣ II, женатому на его сестрѣ Евфросинії (сестрѣ по отцу, но не по матери), кромѣ того къ

своикамъ королю чешскому Владиславу II и польскому Болеславу Кудрявому. Гейза, хотя и самъ занять былъ войною съ Греками, прислалъ десятитысячную вспомогательную рать; а короли Польскій и Чешскій пришли сами. Изяславъ щедро угощалъ и дарилъ союзниковъ. Любопытно при этомъ извѣстіе лѣтописи, что въ лагерѣ подъ Луцкомъ Болеславъ Кудрявый опоясалъ мечемъ многихъ сыновей русскихъ бояръ; склонительно, подражая западнымъ обычаямъ, совершилъ нѣчто въ родѣ посвященія въ рыцари. Между тѣмъ и Юрій нашелъ себѣ сильного союзника, въ лицѣ Владимірка Галицкаго, который имѣлъ виды на сосѣдніе волынскіе города, и не желалъ допускать соединеніе въ одиныхъ рукахъ княжествъ Кіевскаго и Волынскаго. Услыхавъ о движеньї Владимірка, иноземные союзники Изяслава воротились домой, и онъ долженъ былъ съ одиными собственными силами продолжать борьбу.

Сузdalское войско осадило волынскій городъ Луцкъ, защищаемый Владимиromъ, младшимъ братомъ Изяслава. Здѣсь впервые отличился своею отвагою и ратными подвигами Андрей, второй сынъ Сузdalского князя, знаменитый впослѣдствіи Боголюбскій. Когда дружины Юрія подъ начальствомъ его сыновей подступали въ городу, изъ воротъ вышелъ отрядъ пѣхоты, въ числѣ которой находились и наемные Нѣмцы. Этотъ отрядъ началь перестрѣливаться съ Суздалцами. Андрей, не дожидаясь братьевъ, съ одной своей дружиной ударили на пѣхоту, и заставилъ ее повернуть назадъ. Увлекшись преслѣдованиемъ, онъ отдѣлился отъ своихъ, и только съ двумя отроками очутился посреди непріятелей. Его копье сломалось, конь былъ прободенъ въ двухъ мѣстахъ; а съ городской стѣны дождемъ посыпались камни; одинъ изъ отроковъ погибъ. Какой то нѣмецъ уже занесъ рогатину на князя; но тотъ успѣлъ мечемъ отразить ударъ. Тяжело раненый конь едва успѣлъ вынести всадника изъ битвы, какъ тотчасъ палъ. Отецъ, дядя Вячеславъ, братья и вся дружина радовались, увидя Андрея, счастливо избѣгшаго опасности, и славили его мужество. Вѣрнаго коня своего Андрей велѣлъ торжественно похо-

ронить на берегу Стыри. Луцкъ, отрѣзанный непріятелями отъ рѣки, съ трудомъ выдерживалъ осаду. Тогда Изяславъ попросилъ мира, который и получилъ при посредничествѣ того же Андрея Юрьевича. Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Кіевляне, узнавъ ближе характеръ Суздальскаго князя, уже тайкомъ звали Изяслава къ себѣ на столъ. Послѣдній, не смотря на недавнюю присягу вневѣзно явился подъ Кіевомъ, и Юрій, захваченный врасплохъ, бѣжалъ за Днѣпръ въ свой Остерскій Городокъ, стоявшій при впаденіи Остера въ Десну.

На этотъ разъ не долго Изяславъ сидѣть на великомъ столѣ. Въ томъ же 1150 году онъ долженъ былъ опять уйти изъ Кієва, когда съ одной стороны обступали его Юрій съ Ольговичами и Давидовичами, а съ другой подходилъ Владимиրко. Лѣтопись говоритъ, что Суздальскій и Черниговскіе князья съѣхались съ Галицкимъ подъ стѣнами Кієва на рѣчкѣ Сѣтомли на болоны, и поздоровались, не слѣзая съ коней. Владимирикъ воспользовался слушаемъ поклониться сії кіевскимъ святынямъ. Прежде всего онъ отправился въ Вышгородъ помолиться у гробовъ князей мучениковъ; оттуда поѣхалъ къ св. Софії Кіевской и къ Богородицѣ Десятинной; а затѣмъ остановился въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ принялъ честь и угоженіе отъ своего союзника и свата. Они только что породнились между собою не задолго передъ тѣмъ: Юрій выдалъ дочь свою Ольгу за Владимирикова сына Ярослава. На обратномъ походѣ Галицкій князь завоевалъ нѣсколько волынскихъ городовъ; часть этихъ городовъ Юрій отдалъ сыну Андрею, и послѣдній утвердилъ свое пребываніе въ Пересянницѣ.

Юрій въ свою очередь недолго усидѣлъ на великокняжескомъ столѣ. Изяславъ снова получилъ отъ угорского короля десятитысячное вспомогательное войско, и послѣшилъ къ Кіеву. Владимирикъ Галицкій, соединясь съ Андреемъ Юрьевичемъ, думалъ заслонить путь Изяславу. Послѣдній обманулъ его воинскую хитростію: когда оба войска расположились на ночь не подалеку другъ отъ друга, Изяславъ велѣлъ зажечь большие костры; а самъ въ ту же ночь снялся съ мѣста и далеко ушелъ впе-

редъ. Перешедши рѣку Тетеревъ, онъ остановился для отдыха около мѣстечка Здвиженья, и здѣсь учинилъ созвѣтъ съ своими боярами и союзниками. Затрудненіе состояло въ томъ, что прямой путь къ Киеву заслонялъ крѣпкій Бѣлгородъ, въ которомъ сидѣлъ сынъ Юрія Борисъ. Изяславъ рѣшилъ напередъ отправить брата своего Владимира съ „младшою дружиною“, что бы нечаяннымъ нападеніемъ захватить и городъ, и Бориса прежде, нежели онъ успѣетъ дать вѣсть отцу. Если же это не удастся, Бѣлгородъ задержитъ походъ и Юрій будетъ извѣщенъ вѣремя, то предположено было повернуть въ Поросье, тамъ соединиться съ Черными Кlobуками и по томъ уже идти на Киевъ. Владимира съ конницею подступилъ къ Бѣлгороду въ ту пору, когда Борисъ безпечно пилъ у себя на съняхъ съ своею дружиною и бѣлогородскимъ духовенствомъ. Но „мытникъ“ или таможенный приставъ успѣлъ переметать мостъ, ведущій въ городъ черезъ рѣку Ирпень. Борисъ, услыхавъ трубный звукъ и клики непріятелей, тотчасъ уѣжалъ къ отцу. Бѣлогородцы вскорѣ исправили мостъ и съ честью приняли Владимира Мстиславича. Подоспѣлъ съ главными силами Изяславъ, и, не теряя времени, поспѣшивъ къ Киеву, оставилъ въ Бѣлгородѣ брата, что бы задержать Галицкаго князя на случай его прихода.

Юрій безпечно проживалъ на своемъ загородномъ „Красномъ дворѣ“, когда сынъ прискакалъ къ нему съ извѣстіемъ о приближеніи Изяслава. Онъ имѣлъ время только сѣсть въ насадъ и спастись за Днѣпръ въ свой Городокъ. Кіевляне, окончательно невозлюбившіе Юрія встрѣтили Изяслава съ радостію. По обычаю первымъ дѣломъ великаго князя было отправиться въ Софійскій соборъ. Отсюда онъ поѣхалъ на дворъ Ярославовъ, гдѣ устроилъ большое пиршество для гражданъ и для своихъ союзниковъ Угровъ. Народъ веселился нѣсколько дней. Между прочимъ на Ярославовомъ дворѣ Угры показывали Кіевлянамъ свое искусство въ верховойъ ѣздѣ и приводили ихъ въ удивленіе своею ловкостью (джигитовкой). Между тѣмъ Владимира Галицкій, услыхавъ, что Юрій бѣжалъ, а Изяславъ уже въ Киевѣ, съ досадою сказалъ

спутнику своему Андрею Юрьевичу: „Каково ведеть дѣла сватъ мой; на него идетъ рать изъ Владимира; а онъ ничего о томъ не вѣдаетъ; одинъ сынъ сидитъ въ Переопницѣ, а другой въ Бѣлгородѣ, и не умѣютъ устеречь непріятеля! Нѣтъ если вы такъ княжите съ своимъ отцомъ, то управляйтесь сами съ Изяславомъ; не могу же я теперь идти на него одинъ“. Затѣмъ Владимира повернули назадъ въ свой Галичъ. Но, что бы не осталася безъ всякаго вознагражденія, онъ дорогою вымогалъ со встрѣчныхъ городовъ окунь серебромъ, грозя въ случаѣ отказа брать ихъ „на щить“, т. е. на разграбленіе воинамъ. Чтобы удовлетворить его жадности, многие горожане и ихъ жены снимали серебряный гривны съ шеи и серьги изъ ушей, переплавляли ихъ въ слитки и отдавали князю.

Изяславъ II сознавалъ однако, что одни военные успѣхи не обеспечивали за нимъ Кіева, потому что родовое право все таки оставалось на сторонѣ дяди. Что бы отнять у него это право, онъ призвалъ въ Кіевъ другаго дядю, Вячеслава, сидѣвшаго на ту пору по близости, въ Вышгородѣ. Послѣдній былъ старше Юрия Долгорукаго, и не разъ пытался занять великокняжескій столъ; но по своему миролюбію и добродушію обыкновенно уступалъ его болѣе честолюбивымъ и энергичнымъ соперникамъ. Теперь Изяславъ призналъ Вячеслава великимъ княземъ Кіевскимъ; а Вячеславъ усыновилъ его, и оставилъ за нимъ дѣйствительную власть. Дядя поселился на „великомъ дворѣ“ Ярославовомъ, въ Верхнемъ городѣ; а племянникъ сталъ жить въ другомъ дворцѣ княжескомъ подъ холмомъ Угорскимъ. Старшій послѣ Кіева уѣхѣ Переславскій былъ отданъ старшему сыну Изяслава Мстиславу. Князья щедро одарили союзныхъ Угровъ дорогими сосудами, одеждами, греческими паволоками, конями, и отпустили ихъ домой.

Но борьба еще не кончилаась. Юрий соединился съ Ольговичами, призвалъ на помощь степныхъ варваровъ, и сталъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра противъ Кіева. Сначала завязалось ратоборство на рѣкѣ; съ той и другой стороны выѣзжали воины на лодкахъ, и бились. Дѣло происходило лѣтомъ 1151 года. Изяславъ искусно устроилъ

свои ладьи: гребцы были закрыты сверху досчатой палубой, на которой стояли стрѣлки въ броняхъ и метали стрѣлы; а рулевыхъ вездѣ подвое, одинъ на носу, другой на кормѣ; такъ что ладья могла ходить впередъ и назадъ, не поворачивая. Не имѣя возможности ни переправиться черезъ рѣку подъ самымъ Кіевомъ, ни спуститься по ней мимо города, Юрій велѣлъ перевести ладьи въ ближнее озеро Долобское, отсюда перетащить ихъ въ рѣчку Золотчу и по этой рѣчкѣ спустить въ Днѣпръ. Онъ имѣлъ намѣреніе переправиться на Витичевскомъ броду; но Изяславъ слѣдовалъ за нимъ по другому берегу и заграждалъ переправу. Тогда Юрій послалъ одного изъ сыновей съ частью дружины и съ Половцами еще далѣе, къ Зарубскому броду, около устья р. Трубежа. Этотъ бродъ оберегалъ Изяславовъ воевода Шварнъ съ небольшимъ отрядомъ. Половцы, поднявъ копья и щиты, на коняхъ бросились въ рѣку; а Русскіе поплыли въ ладьяхъ. Кіевская стража не стала защищать переправу, и обратилась въ бѣгство, „потому—объясняетъ лѣтопись,—что никого изъ князей не было; а боярина не всѣ слушали“. Вслѣдъ за сыномъ переправился и Юрій со всѣмъ ополченіемъ. Изяславъ Мстиславичъ съ дядею Вячеславомъ, братомъ Ростиславомъ Смоленскимъ и Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ отступилъ къ Кіеву, и расположилъ свои силы около города. Сами великие князья стали таборомъ у Золотыхъ воротъ, Изяславъ Давидовичъ между Золотыми и Жидовскими, Ростиславъ передъ Жидовскими, удѣльный князь городенскій Борисъ у Лядскихъ воротъ; далѣе размѣстилось кіевское земское ополченіе. Пришли и Черные Клобуки, т. е. Торки, Коуи, Берендви и Печенѣги съ своими семьями и стадами. Эти полуночевые союзники, неуступавшіе Половцамъ въ хищности, начали грабить и жечь окрестные села и монастыри; такъ что Изяславъ съ трудомъ укротилъ ихъ и размѣстилъ по частямъ между русскими дружинами; а главную ихъ толпу поставилъ въ дебряхъ около Олеговой могилы.

Вячеславъ послалъ уговаривать Суздальского князя, что бы онъ не проливалъ христіанской крови. „Я уже

былъ брадатъ, когда ты родился—велъмъ онъ сказатъ брату;—хочешь ли опять лишить меня старшинства?“ Юрій остался непреклоненъ. Но потерпѣвъ неудачу въ нѣсколькихъ сшибкахъ, онъ отступилъ, и пошелъ на соединеніе съ своимъ союзникомъ, сильнымъ Галицкимъ княземъ, который снова спѣшилъ на помощь къ свату. Изяславъ его преслѣдовалъ. Къ нему также шла подмога отъ его вѣрчаго союзника Гейзы II. Сынъ его Мстиславъ Изяславичъ прислая сказать отцу, что ведеть многочисленные полки Угровъ, которые уже прошли Карпатскія горы. Изяславъ однако не сталъ ихъ дожидаться, потому что Владімірко могъ предупредить. Обѣ рати переправились за Стугну, прошли валы, ограждавшіе Кіевскую землю отъ кочевниковъ, и очутились въ „чистомъ полѣ“. Здѣсь кіевские князья догнали Юрія на берегахъ рѣки Рута, одного изъ лѣвыхъ притоковъ Роси.

Рано утромъ, едва занялась заря, ударили въ бубны и затрубили въ трубы: оба войска начали готовиться къ битвѣ. Видя невозможность переправиться за Рутъ со всѣмъ обозомъ при наступленіи непріятеля, Юрій принужденъ былъ обернуться къ нему лицомъ. Сынъ его Андрей, оставшійся старшимъ по смерти брата Ростислава, устроилъ отцовскіе полки, и повелъ ихъ въ битву. Изяславъ съ своей стороны построилъ кіевскую рать, и во главѣ собственной дружины ударилъ на противниковъ. Но вскорѣ онъ сломалъ свое копье, получилъ рану въ руку и въ стегно, и замертво упалъ съ коня. Побѣда однако осталась на его сторонѣ. Половцы, смѣлые наѣздники въ мелкой войнѣ, не отличались стойкостью въ правильной битвѣ, и первые бросились бѣжать. Во время бѣгства много Юревой дружины перетонуло въ тинистомъ Рутѣ. Въ числѣ павшихъ находился и союзникъ Юрія Владіміръ Давидовичъ, князь Черниговскій, котораго братъ Изяславъ Давидовичъ въ тотъ день сражался въ рядахъ кіевскихъ. Между тѣмъ великий князь, пришедши въ себя, поднялся съ земли; нѣкоторые пѣшие Кіевляне приняли его за непріятеля и хотѣли убить. „Я князь“ — сказалъ онъ. „Ты мъ лучшѣ“ — отвѣчалъ одинъ изъ воиновъ, и ударилъ мечемъ по княжескому шлему, на которомъ бли-

стало золотое изображеніе св. Пантелеймона. „Я вашъ князь“—сказалъ Изяславъ, и снялъ шлемъ. Обрадованные Киевляне подняли его на руки, и провозгласили *киріе злайсонъ*, т. е. „Господи помилуй“!

Юрій спасся бѣгствомъ въ Переяславль; а союзники его Ольговичи бѣжали въ свои удѣлы. Любопытно при этомъ слѣдующее обстоятельство. Такъ какъ черниговскій князь Владимиrъ Давидовичъ палъ на берегахъ Рута, то являлся вопросъ: кому достанется старшій столъ въ семье Святославичей, родному брату Изяславу Давидовичу или двоюродному Святославу Ольговичу? Права ихъ на этотъ столъ были почти равны, и онъ долженъ былъ достаться тому, кто первый его захватить. Изяславъ Давидовичъ началъ было, по обычаяу, плакаться надъ тѣломъ погибшаго брата. Но великій князь замѣтилъ, что брата уже не воскресишь, а лучше спѣшить скорѣе въ Черниговъ, и далъ ему въ провожатые конную дружиину съ однимъ изъ своихъ племянниковъ. Изяславъ Давидовичъ вмѣстѣ съ тѣломъ брата немедленно поскакалъ въ Вышгородъ, куда и прибылъ вечеромъ того же дня. Въ туже ночь они перевезлись черезъ Днѣпръ, и на другой день были уже въ Черниговѣ. Здѣсь Изяславъ Давидовичъ предалъ погребенію тѣло покойнаго Черниговскаго князя, и сѣлъ на его столъ. Между тѣмъ Святославъ Ольговичъ переправился за Днѣпръ выше Заруба и добрался до Городца Остерскаго. Будучи весьма тученъ, онъ сильно утомился и остался тамъ отдохнуть; а напередъ послалъ племянника своего Святослава Всеводича, что бы занять Черниговъ. Но племянникъ на перевозѣ черезъ Десну узналъ, что Черниговъ уже захваченъ Изяславомъ Давидовичемъ, и воротился назадъ. Тогда Святославъ Ольговичъ поспѣшилъ въ свой Новгородъ Сѣверскій.

Когда Владимиrъ Галицкій услыхалъ о пораженіи своего союзника, то повернулъ назадъ. Тутъ онъ встрѣтился съ Уграми, которыхъ велъ къ отцу Мстиславъ Изяславичъ. Владимиrъ подстерегъ ихъ около Дорогобужа на одной стоянкѣ, гдѣ Мстиславъ задалъ своимъ союзникамъ пиръ. Угры перепились и крѣпко заснули; а на разсвѣтѣ напалъ на нихъ Галицкій князь, и истребилъ

почти все войско; только Мстиславъ успѣлъ ускакать съ собственою дружиною. Тогда Изяславъ II и его союзники поспѣшили управиться съ Юриемъ. Послѣдній упорно защищался сначала въ Переяславлѣ, потомъ въ Остерскомъ Городцѣ; но долженъ былъ уступить; заключилъ миръ и удалился въ свою сѣверовосточную область. Послѣ чего великий князь смѣгъ и разрушилъ до основанія его Городецъ вмѣстѣ съ храмомъ св. Михаила, что бы лишить Юрия всякаго пристанища въ южной Руси.

Оставалось наказать Владимірка за избіеніе Угровъ. Изяславъ и Гейза уговорились напасть на него общими силами. Союзники встрѣтились на берегахъ Сана и дружески обнялись. Они вмѣстѣ пошли на Галицкаго князя, который стоялъ у Перемышля. Послѣдній былъ разбитъ. На своеемъ борзомъ конѣ онъ пронесся сквозь полки Угровъ и Черныхъ Клобуковъ, и успѣлъ ускакать въ городъ. Перемышль, остававшійся безъ защитниковъ, легко могъ быть завоеванъ; но его спасло то обстоятельство, что непріятели занялись грабежемъ княжескаго загороднаго двора, въ которомъ было накоплено всякое добро. Межъ тѣмъ многие галицкіе ратники имѣли время собраться въ городъ. Осадденный здѣсь, Владимірко съумѣлъ найтись и въ этомъ трудномъ положеніи. Онъ притворился тяжелораненымъ, умирающимъ, и послалъ къ королю съ мольбою о мирѣ. Онъ напомнилъ свои услуги, когда то оказанныя имъ отцу Гейзы, королю Бѣлѣ Слыпому въ его войнахъ съ Поляками; говорилъ, что, готовясь къ смерти, поручаетъ Гейзѣ собственнаго сына, и просилъ не выдавать его недругу Изяславу. А послѣдній убѣждалъ короля не внимать трогательнымъ рѣчамъ коварнаго князя. Но Владимірко успѣлъ уже богатыми дарами подкупить угорскаго архіепископа и главныхъ королевскихъ совѣтниковъ, которые явились усердными за него ходатаями. Послѣ многихъ переговоровъ Гейза наконецъ согласился на миръ, и заставилъ Владимірка поклонять крестъ на томъ, что онъ возвратитъ Кіевскому князю захваченные у него волынскіе города и будетъ ему вѣрнымъ союзникомъ.

Но лишь только миновала опасность, Владимірко пере-

мѣнилъ тонъ, и отказался исполнить недавнее клятвенное условіе. Изяславъ прислали въ Галичъ своего боярина Петра Бориславича съ крестными или договорными грамотами, на основаніи которыхъ посолъ потребовалъ возвращенія волынскихъ городовъ. Владимірко отвѣталъ, что онъ живъ не будетъ, а отомститъ Изяславу, который привелъ на него Угорскаго короля. Бояринъ напомнилъ о крестномъ цѣлованіи. Князь посмѣялся надъ легковѣріемъ своихъ враговъ, и отоспалъ боярина ни съ чѣмъ. Петръ положилъ договорныя грамоты, и отправился въ путь; не получивъ ни подводы, ни корму, онъ долженъ былъ ѻхать на своихъ коняхъ. Когда бояринъ съѣжалъ съ княжаго двора, Владимірко шелъ къ вечерни въ свою Спасскую церковь. Взойдя на переходы, которыми она была соединена съ дворцомъ, онъ увидалъ Петра, и со смѣхомъ сказалъ окружавшимъ: «вотъ поѣхалъ Русскій мужъ, побравши всѣ волости!» Затѣмъ князь взошелъ на полати или хоры, откуда слушалъ церковную службу. Возвращаясь назадъ послѣ вечерни, по увѣренію лѣтописи, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ издавался надъ посломъ, онъ вдругъ почувствовалъ себя дурно, какъ будто кто то ударилъ его въ плечо; приближенные едва успѣли подхватить его, чтобы онъ не упалъ. Князя принесли въ горницу; положили въ укропъ, прикладывали разныя снадобья; но ему становилось все хуже, и въ ночь онъ скончался. Его приготовили къ погребенію, и по обычаяю подъ гроба поставили княжее копье.

Кievskій посолъ находился на первомъ noctlegѣ по дорогѣ въ Kievъ. Едва запѣли пѣтухи, какъ прискакалъ княжій отрокъ изъ Галича съ приказомъ не ѻхать далѣе и ждать другаго гонца. Петръ началъ тужить, предвидя новыя притѣсненія отъ Владимірка. Еще до обѣда прискакалъ другой гонецъ съ повелѣнiemъ отъ князя ѻхать назадъ въ городъ. Когда онъ подѣхалъ въ дворцу, изъ сѣней вышли къ нему княжіе слуги всѣ въ черныхъ плащахъ. Петръ удивился этому; а, когда онъ взошелъ на сѣни, то увидѣлъ молодаго Владиміркова сына Ярослава сидящимъ на отцовскомъ мѣстѣ въ черной мантіи и клобукѣ; всѣ его бояре также были въ черныхъ одеждахъ. Петра посадили

на стулъ, и Ярославъ со слезами на глазахъ началъ говорить ему о внезапной смерти своего отца. А за тѣмъ велѣлъ отвезти свой поклонъ великому князю Кіевскому и сказать ему слѣдующее: „Богъ взялъ у меня отца, и будь мнѣ вмѣсто него. Ты самъ вѣдался съ моимъ отцомъ; но Богъ уже совершилъ свой судъ надъ нимъ; а меня поставилъ на его мѣсто. И полкъ его, и дружина теперь у меня; только одно копье стоитъ у его гроба; но и то въ моей рукѣ. Нынѣ, отче, кланяюсь тебѣ; имѣй меня также какъ сына твоего Мстислава. Пусть Мстиславъ ъздитъ у твоего стремени съ одной стороны, а я съ другой“. И затѣмъ отпустилъ Петра.

Однако и Ярославъ, подобно отцу, не думалъ сдержать своего обѣщанія и не воротилъ волынскихъ городовъ. Поэтому Изяславъ II въ слѣдующемъ 1153 году предпринялъ новый походъ на Галицкую землю съ подручными князьями и Черными Клобуками. У Теребовля встрѣтилъ его Ярославъ съ своими полками. Галицкіе бояре не пустили молодаго князя въ битву; а затворили его въ городѣ, на томъ основаніи, что онъ у нихъ остался одинъ, и потерять его было бы для нихъ бѣдствіемъ. Сраженіе произошло упорное и нерѣшительное. На одномъ крылѣ братья Изяслава обратили тылъ передъ Галичанами; а на другомъ самъ великий князь гналъ передъ собою непріятеля. Къ вечеру онъ сталъ на мѣстѣ битвы съ небольшою дружиною и велѣлъ поднять галицкіе стяги. Обманутые этою хитростю, Галичане начали собираться подъ стяги; но тутъ были захвачены въ пленъ. Пленниковъ набралось болѣе чѣмъ собственной дружины; великий князь велѣлъ перебить ихъ, за исключеніемъ только лучшихъ людей. Очевидно вражда съ Галичанами дошла у него до ожесточенія. Безъ всякаго другаго успѣха онъ ушелъ назадъ въ Кіевъ. „Великій плачъ былъ по всей землѣ Галицкой“—замѣчаетъ лѣтопись. Плакали конечно семейства, осиротѣвшія послѣ избіенія вѣроломно захваченныхъ пленниковъ. Такое вѣроломство и варварство противъ русскихъ людей со стороны одного изъ наиболѣе любимыхъ народомъ князей кіевскихъ вызвало у лѣтописца только это краткое замѣчаніе.

Споръ съ Галицкимъ княземъ о волынскихъ городахъ остался нерѣшеннымъ вслѣдствіе наступившей вскорѣ кончины Изяслава II. Будучи вдовъ, онъ сосваталъ себѣ другую жену у одного изъ христіанскихъ владѣтелей Абхазіи, и осенью 1153 года послалъ сына своего Мстислава съ дружиною и Беренгѣями внизъ по Днѣпру, что бы проводить невѣstu сквозь половецкія степи. Мстиславъ дошелъ до города Олешья, т. е. до низовьевъ Днѣпра; но черкесская княжна не явилась. На слѣдующій годъ Мстиславъ опять отправился ей на встречу; княжна прибыла моремъ въ Днѣпръ и поднялась до пороговъ; а отсюда русская дружина проводила ее до Кієва. Великій князь сыгралъ свадьбу; но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ ноябрѣ того же 1154 года онъ скончался, еще недостигши шестидесятилѣтняго возраста. Его похоронили въ монастырѣ св. Феодора, т. е. подлѣ отца. Лѣтописецъ говоритъ, что „плакала по немъ вся Русская земля и всѣ Черные Клобуки“. Изяславъ II дѣйствительно заслужилъ любовь Кіевлянъ своею храбростю, привѣтливостю и щедростю. Онъ умѣлъ при случай и сказать красное слово народу, и угостить его на славу. Этотъ щедрый князь, не жалѣвшій имѣнія для друзей, пользовался особою привязанностю Черныхъ Клобуковъ или обитателей южной кіевской Украины, которые являются вѣрными союзниками Изяслава почти во всѣхъ войнахъ съ его соперниками..

Княженіе свое въ Кіевѣ Изяславъ озnamеновалъ и въ другомъ случаѣ: онъ сдѣлалъ попытку поставить Русскую церковь въ болѣе независимыя отношенія къ Византии. Первая попытка такого рода была при Ярославѣ. Но послѣ Иларіона наши митрополиты снова выбирались изъ греческаго духовенства и поставлялись патріархомъ константинопольскимъ. Въ 1146 году митрополитъ кіевскій Михаилъ II самовольно удалился въ Царьградъ, и тамъ въ слѣдующемъ году скончался. Тогда Изяславъ II, по примѣру своего предка, созвалъ въ Кіевѣ епископовъ, и поручилъ имъ поставить митрополита, указавъ для этого на инона и схимника Клиmentа Смолятича, который, подобно Иларіону, отличался книжною ученостію.

Но соборъ духовный на этотъ разъ не былъ такъ единодушенъ какъ во времена Ярослава: съ одной стороны власть Киевскаго князя, при раздробленіи Россіи, уже не имѣла прежней силы и величія, и областные епископы уже менѣе зависѣли отъ него; а съ другой поставленіе митрополита цареградскимъ патріархомъ успѣло пріобрѣсти силу твердаго преданія и сдѣлалось почти нашимъ церковнымъ правиломъ. Голоса на соборѣ раздѣлились: меньшинство утверждало, что не достоинъ епископамъ ставить митрополита, такъ какъ это дѣло патріарха. Представителями Греческой партіи были: смоленскій епископъ Мануилъ, родомъ грекъ, и новогородскій епископъ Нифонтъ. Главою же противной, т. е. Русской партіи, явился Онуфрій, епископъ Черниговскій, который защищалъ соборное право ставить митрополита. Что бы придать этому поставленію еще болѣе силы, онъ предложилъ благословить нового митрополита главою св. Клиmentа, папы Римскаго, которая была привезена Владимиромъ Великимъ изъ Корсуня и хранилась въ Десятинной церкви Богородицы. Онуфрій ссылался на примѣръ самихъ Грековъ, которые будто бы ставятъ своихъ іерарховъ рукою св. Ioanna Предтечи. Предложеніе Онуфрія было принято, и Климентъ поставленъ. Но Мануилъ и Нифонтъ не соглашались признать его митрополитомъ, пока онъ не получитъ благословенія отъ патріарха цареградскаго; за что эти два епископа подверглись гоненію отъ великаго князя. Однако они нашли себѣ многихъ единомышленниковъ въ русскомъ духовенствѣ, которые съ неудовольствиемъ видѣли нарушеніе обычая; а патріархъ Николай Музалонъ приспалъ Нифонту похвальную грамоту, и въ ней уподоблялъ его святымъ подвижникамъ. Сторону греческой партіи держалъ и соперникъ Изяслава II Юрій Долгорукій. Когда онъ утвердился на Киевскомъ столѣ послѣ смерти Изяслава, то Климентъ былъ изгнанъ во Владимиръ Волынскій; а митрополитомъ кievскимъ на его мѣсто поставленъ въ Царьградѣ грекъ Константий.

До какой степени простиравось озлобленіе греческой партіи противъ Клиmentа и Изяслава, видно изъ

того, что первымъ дѣломъ вновь избраннаго митрополита было: запретить священнодѣйствіе церковнослужителямъ, поставленнымъ Климентомъ, и предать анаемъ память покойнаго князя. Потомъ во время продолжавшихся смутъ, когда Киевъ занять былъ войскомъ Мстислава Изяславича, Константина, опасаясь отъ него мести за отца, удалился въ Черниговъ, где и скончался въ томъ же году (1159). По словамъ хѣтописи, передъ смертю онъ призвалъ къ себѣ черниговскаго епископа Антонія и вынудилъ у него слѣдующее клятвенное обѣщаніе: не погребать его, Константиново, тѣло, а, привязавъ веревку къ ногамъ, вытащить изъ города и бросить на съѣденіе псамъ. Епископъ исполнилъ это странное завѣщаніе, къ соблазну и удивленію всего народа. Но князь черниговскій (Святославъ Ольговичъ), посовоѣтавшись съ своими боярами и тѣмъ же епископомъ, на другой день велѣлъ взять тѣло митрополита и похоронить его въ Спасскомъ соборѣ (68).

Послѣ кончины Изяслава II, старый Вячеславъ Мономаховичъ призвалъ въ Киевъ другаго своего племянника, Ростислава Мстиславича Смоленскаго, и точно также поручилъ ему всѣ кievskie „ряды рядить“, т. е. судъ, расправу и ратное дѣло. Но въ томъ же 1154 году Вячеславъ умеръ. Ростиславъ вслѣдствіе неудачной войны съ Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ потерялъ Киевъ. Однако и соперникъ его недолго владѣлъ столицами городомъ, на который собственно не имѣлъ права, потому что отецъ его никогда не былъ кievskimъ княземъ. Изъ Суздальской области уже шелъ Юрій Долгорукій, который послалъ сказать Изяславу Давидовичу: „Кievъ миъ отчина, а не тебѣ“. Изяславъ не посмѣлъ сопротивляться ему, и удалился въ Черниговъ. Юрій, столь долго стремившійся въ Киевъ, занялъ его въ третій разъ, и наконецъ здѣсь утвердился (1155 г.). Наиболѣе значительные удѣлы кievskаго княженія онъ раздалъ своимъ сыновьямъ: Андрею Вышгородъ, Борису Туровъ, Глѣбу Переяславль, а Васильку Поросье, т. е. область Торковъ и Берендеевъ. Окруживъ себя сыновьями, Долгорукій думалъ спокойно сидѣть на великокиевскомъ столѣ. Но

спокойное княженіе въ Кіевѣ сдѣжалось уже почти невозможнымъ. Между многочисленными потомками Владимира Великаго взаимныя отношенія и права на старшинство сильно перепутались. Довольствовались одною тѣнью права, чтобы добиваться старшаго стола, если только надѣялись имѣть силу на своей сторонѣ. Отсюда видимъ постоянныя распри изъ за Кієва, постоянныя попытки овладѣть этимъ городомъ, еще заключавшимъ въ себѣ столько притягательной силы.

Положеніе Юрія было не прочно. Съ одной стороны старшинство его не признавали сами Мономаховичи, особенно старшій сынъ его счастливаго соперника Изяслава II, Мстиславъ, князь Волынскій; а съ другой беспокойные князья Черниговскіе также искали случая снова захватить Кіевъ въ свои руки. Однаковое стремленіе сблизило недавнихъ противниковъ: Изяславъ Давидовичъ заключилъ союзъ съ Ростиславомъ Смоленскимъ и его племянникомъ Мстиславомъ Волынскимъ. Но въ то время, когда они собирались идти на Юрія, смерть избавила послѣдняго отъ новой борьбы. Однажды онъ пировалъ у какого то боярина Петрила; въ туже ночь заболѣлъ; а черезъ пять дней скончался (1157 г.). Его похоронили въ церкви св. Спаса на Берестовѣ, гдѣ былъ загородный княжій домъ. Важное историческое значеніе этого князя основано не на кіевскомъ его княженіи, а на его дѣятельности въ землѣ Суздальской. Что же касается до Кіевлянъ, то очевидно онъ не пользовался ихъ расположениемъ. Народъ особенно злобился на его суздальскихъ дружинниковъ за ихъ вымогательства и жадность. Когда умеръ великий князь, чернь бросилась грабить его загородные дворы и между прочимъ тогъ, который находился за Днѣпромъ и назывался Раевъ; пограбила также дворы суздальскихъ бояръ и дружинниковъ по ближнимъ городамъ и селамъ, а нѣкоторыхъ умертвила. Ясно, какъ вредно вліяли на народные нравы постоянное соперничество, постоянная смѣна великихъ князей, и какъ съ упадкомъ верховной власти возрастили необузданность кіевской черни и привычка къ самоуправству.

Изяславъ Давидовичъ Черниговскій снова захватилъ

Кіевъ, но опять не надолго. Недавніе союзники, Мономаховичи не замедлили вновь сдѣлаться его врагами. Къ нимъ присоединился и сильный галицкій князь Ярославъ. Причиною его вражды къ Изяславу Давидовичу послужилъ двоюродный братъ Ярослава, извѣстный Иванъ Берладникъ, лишенный Владиміркомъ своего наслѣдственаго удѣла. Иванъ долго скитался по разнымъ землямъ, проживая у разныхъ князей. Нѣкоторое время онъ находился въ службѣ у Юрія Долгорукаго. Когда Юрій занялъ Кіевъ, то Галицкій князь, женатый на его дочери, упросилъ тестя выдать ему Берладника; такъ какъ послѣдній не оставлялъ своихъ притязаній на часть Галицкой земли. Уже несчастнаго князя привезли скованнымъ изъ Суздаля въ Кіевъ; но здѣсь митрополитъ и духовенство приступили съ увѣщаніями къ Долгорукому, и укояли его за то, что онъ, преступивъ свое крестное цѣлованіе Ивану, хочетъ выдать его на убійство. Великій князь отправилъ его назадъ въ Сузdalъ. Но Изяславъ Давидовичъ Черниговскій послалъ своихъ людей, которые перехватили Сузальцевъ на дорогѣ, и отняли у нихъ Берладника. Послѣдній нашелъ себѣ пріютъ въ Черниговѣ. Когда же Изяславъ сѣлъ опять въ Кіевѣ, Ярославъ Галицкій и къ нему обратился съ проосьбою выдать Берладника. Тотъ не только не согласился, но и потребовалъ отъ Галицкаго князя удѣлъ для его двоюроднаго брата. Отсюда возникла война Изяслава Давидовича съ Ярославомъ Галицкимъ и союзникомъ послѣдняго Мстиславомъ Волынскимъ. Вслѣдствіе измѣны Берендѣевъ, первый проигралъ ее, и потерялъ Кіевское княженіе (1159). Мстиславъ занялъ Кіевъ, куда вновь призвалъ изъ Смоленска своего дядю Ростислава.

Неугомонный Изяславъ Давидовичъ однако же думалъ оставлять своихъ притязаній на Кіевъ, и дѣлалъ еще нѣсколько попытокъ отнять его у Ростислава. Однажды съ помощью наемныхъ Половцевъ ему удалось было въ третій разъ захватить великорусскій столъ. Но онъ не могъ взять крѣпкаго Бѣлгорода, гдѣ заперся его соперникъ, и палъ при отступленіи, сраженный саблею какого-то Войбора Негечевича въ 1162 году. Въ томъ же году

погибъ и злополучный Иванъ Берладникъ. По смерти своего покровителя Изяслава онъ удалился въ Грецию, и умеръ въ городѣ Фессалоникѣ, вслѣдствіе отравы, если вѣрить народной молвѣ: а этой смерти такъ добивался его двоюродный братъ Ярославъ Галицкій. За нѣсколько времени до того бывшіе товарищи Ивана южнорусскіе Берладники, занимавшіеся грабежемъ на морѣ и на суши, взяли и разграбили городъ Олешье. Это было складочное мѣсто для греческихъ товаровъ, привозимыхъ въ Россію, и подобный разбой наносилъ чувствительный ударъ нашей торговли съ Греками. Великій князь Ростиславъ немедленно послалъ судовую дружину съ бояриномъ Юріемъ Несторовичемъ. Послѣдній гдѣ то настигъ Берладниковъ, побилъ ихъ и отнялъ пограбленный товаръ. Вообще Ростиславъ обнаруживалъ похвальную заботливость о безопасности такого важнаго торгового пуги какъ Днѣпровскій, по которому ходили въ Кіевъ гречники и залозники; подъ именемъ первыхъ разумѣлись купцы, привозившіе товары изъ Византіи, а подъ вторыми тѣ, которые торговали съ Тавridoю и Приазовскими краями. Когда умножались на Руси смуты и междуусобія, то Половцы обыкновенно пользовались этимъ временемъ, что бы нападать на торговые караваны, именно у Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ купцы должны были выгружаться и обходить пороги берегомъ. По лѣтописи извѣстны два случая заботливости Ростислава о защитѣ этихъ каравановъ отъ Половцевъ. Въ 1167 году онъ послалъ своего боярина Владислава Ляха съ дружиною; подъ ея защитою гречники благополучно прошли опасныя мѣста и прибыли въ Кіевъ. А весною слѣдующаго 1168 года великій князь послалъ для той же цѣли уже большое ополченіе соединенныхъ князей. Это ополченіе однако не пошло въ степи, что бы разгромить варваровъ въ ихъ собственныхъ вежахъ; оно только угрожало имъ, и все время простояло у Канева, пока гречники и залозники благополучно поднялись вверхъ по Днѣпру.

Послѣ гибели Изяслава Давидовича, Ростиславъ до самой кончины своей, т. е. въ теченіе шести лѣтъ, довольно спокойно сидѣлъ на Кіевскомъ столѣ; что въ тѣ времена

мена было уже рѣдкостю. Самъ по себѣ Ростиславъ отличался миролюбіемъ и кромѣ того большою набожностію. Главною его поддержкою былъ племянникъ Мстиславъ Волынскій; много помогъ ему также союзъ съ Черниговскимъ княземъ. Когда Изяславъ Давидовичъ по смерти Долгорукаго завладѣлъ Киевомъ, онъ уступилъ Черниговскій столъ двоюродному брату Святославу Ольговичу, и послѣ своего изгнанія изъ Киева ужне не получилъ обратно прежняго стола. Что бы обезпечить за собою Черниговъ, Святославъ сдѣлался вѣрнымъ союзникомъ Ростислава. Въ маѣ 1160 года они сѣхались на берегу Десны, въ одномъ изъ черниговскихъ городовъ, Моравійскѣ. Этотъ съездъ напомнилъ свиданіе того же Святослава Ольговича съ Юриемъ Долгорукимъ въ Москвѣ. Князья обмѣнялись взаимными подарками. Ростиславъ дарилъ союзника соболями, горностаями, мѣхами черныхъ куницъ, песцовъ, а также какими то рыбами зубами. Святославъ на другой день отдалъ своего гостя пардусомъ и двумя борзыми конями съ коваными сѣдлами. Съ того времени Ростиславъ питалъ особое расположение къ Святославу Ольговичу, и когда послѣдній скончался въ 1164 г., набожный Киевскій князь изъявилъ желаніе, по примѣру Николы Святоши, постричься въ Печерскомъ монастырѣ. Но игуменъ Поликарпъ и духовникъ Семенъ отговорили его, напоминая ему главную обязанность князя судѣ творить и правду наблюдать. Ростиславъ имѣлъ обыкновеніе въ великий постъ причащаться каждую недѣлю и каждую суботу и воскресенье угощать у себя во дворцѣ двѣнадцать пещерскихъ иноковъ съ игуменомъ Поликарпомъ. А въ Лазареву суботу онъ приглашалъ къ себѣ всѣхъ „Печерянъ“, призывалъ также иноковъ и изъ другихъ монастырей.

Но и этотъ кроткій князь не чуждѣ былъ иногда суровыхъ поступковъ, свойственныхъ его времени. Примѣръ тому находимъ въ его отношеніяхъ къ Новгороду. Послѣ资料 of his favorite Изяслава II, Новогородцы снова обнаружили обычное непостоянство: смотря по обстоятельствамъ, они призывали къ себѣ то одного изъ сыновей Ростислава, то кого либо изъ сыновей Юрия Дол-

горукаго. Когда Ростиславъ утвердился на Кіевскомъ стоянѣ, въ Новгородѣ княжилъ сынъ его Святославъ; но сильный сосѣдъ Новогородцевъ Андрей Сузdalльскій началъ притѣснять ихъ, чтобы они приняли князя отъ его руки, и слѣдовательно дани свои посылали въ Сузdalль, а не въ Кіевъ. Въ Новгородѣ наступили волненія и частыя вѣча. Наконецъ сторона Сузdalльскаго князя одолѣла противную сторону. Толпа вооруженныхъ гражданъ пришла на Городище или на княжій загородный дворъ, схватила Святослава Ростиславича и заперла его въ избѣ; супругу его заключила въ монастырь св. Варвары, дружину перевязала, а имѣніе ихъ разграбила. Затѣмъ Ростиславича отправили въ Ладогу подъ крѣпкую стражу; а къ себѣ приняли княземъ одного изъ племянниковъ Андрея Боголюбскаго (1161 г.). Когда до великаго князя достигла вѣсть обѣ оскорблениіи, учиненномъ его сыну, Ростиславъ сильно разгневался, велѣлъ схватить новогородскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Кіевѣ, и заключить ихъ въ Пересяченскій погребъ, гдѣ въ одну ночь задохлось изъ нихъ 14 человѣкъ. Это несчастье впрочемъ опечалило великаго князя; онъ приказалъ остальныхъ узниковъ вывести изъ погреба и посадить подъ стражу въ разныхъ городахъ. Между тѣмъ Святославу Ростиславичу удалось бѣжать изъ Ладоги въ Смоленскъ. Спустя около года, Андрей Боголюбскій опять уступилъ новогородскія дани великому князю Кіевскому, и послѣдній, съ согласія Андрея, снова посадилъ тамъ своего сына Святослава. На этотъ разъ княженіе послѣднаго ознаменовалось нашествіемъ Шведовъ на Новогородскую землю. Давно уже не было столкновеній между Сѣверною Русью и Скандинавіей. Главная причина тому заключалась во внутреннихъ смутахъ и переворотахъ, которые совершились въ Швеціи въ XI вѣкѣ и первой половинѣ XII-го; они были вызваны борьбою язычества съ христіанствомъ и прекращенiemъ древней династіи Инглинговъ. Но когда тамъ на иѣкоторое время вновь возникло спокойствіе, Шведы возобновили свои попытки овладѣть прибрежьемъ Финскаго залива. Они также возобновили и свое прежнее стремленіе захватить ключь къ торговому пути въ сѣверную Русь, т. е. Лад-

догу. Въ 1164 году подъ этимъ городомъ появился шведскій флотъ въ количествѣ 55 кораблей или *шнекъ*, какъ называетъ ихъ Новгородская лѣтопись. Ладожане съ посадникомъ своимъ Нѣжатою мужественно встрѣтили враговъ; они сожгли подгородные дворы, заперлись въ крѣпости, и до тѣхъ поръ отбивали непріятельскіе приступы, пока на помощь не пришла новгородская судовая рать съ княземъ Святославомъ и посадникомъ Захаріей. Тогда Шведы потерпѣли полное пораженіе, и ушли, потерявъ 43 корабля.

Новгородцы какъ то не ладили съ Святославомъ Ростиславичемъ, и это обстоятельство заставило его отца хѣтомъ 1168 года предпринять путешествіе на сѣверъ. Онъ отправился вверхъ по Днѣпру и по Сожи на Смоленскъ, его прежній удѣлъ, гдѣ теперь княжилъ сынъ его Романъ. Смольняне очевидно питали большую преданность къ своему старому князю. Уже за 300 верстъ отъ города его встрѣтили лучшіе мужи; затѣмъ начали встрѣчать внуки, сынъ Романъ, и наконецъ едва не весь городъ вышелъ привѣтствовать его. Граждане принесли ему множество даровъ. Отсюда Ростиславъ прибылъ въ Торопецъ; но далѣе не поѣхалъ, потому что сильно занемогъ. Онъ послалъ въ Новгородъ приказаніе Святославу взять лучшихъ людей и прїѣхать на свиданье съ нимъ въ Великіе Луки. Здѣсь онъ заставилъ Новгородцевъ поцѣловать крестъ на томъ, что они до самой смерти его сына не будутъ искать себѣ другаго князя; взялъ отъ нихъ дары, и воротился въ Смоленскъ. Сестра его Рогнѣда, видя совершенное изнеможеніе брата, просила его остаться въ Смоленскѣ, что бы быть погребеннымъ въ построенной имъ церкви. Но Ростиславъ желалъ лечь въ кіевскомъ Федоровскомъ монастырѣ, т. е. тамъ же, гдѣ были погребены его отецъ и братъ Изяславъ; а на случай, если Богъ „отдастъ ему болѣзнь“, онъ далъ обѣтъ немедленно постричься въ Печерскомъ монастырѣ. Но онъ недалеко уѣхалъ отъ Смоленска; въ Зарубѣ, селѣ той же его сестры Рогнѣды, великий князь скончался, напутствуемый отходною молитвою своего духовника, священника Семена.

Теплое сочувствіе, съ которымъ яѣтописецъ передалъ подробности Ростиславовой кончины, не мало свидѣтельствуютъ о той народной преданности, которою пользовался этотъ князь, кроткій, миролюбивый, но твердый въ своихъ правилахъ и вѣрный преданіямъ отцовъ. Благодаря такимъ качествамъ и своей щедрості въ отношеніи младшихъ родичей, Ростиславу подъ конецъ своего княженія дѣйствительно удалось жить въ ладу со всѣми, и хотя на короткое время возворить тишину въ Русской землѣ, успокоивъ безконечныхъ распри о волостяхъ и великому княженіи. Тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ поднялись эти распри вновь послѣ смерти Ростислава. То былъ послѣдній представитель княжескаго рода, еще сохранившій до нѣкоторой степени значеніе великаго князя Кіевскаго, значеніе главнаго звена между многочисленными потомками Владимира Великаго, между отдалыми частями Руси. По крайней мѣрѣ это былъ послѣдній кіевскій князь, котораго старшинство признавали почти всѣ удѣльные. Послѣ его смерти прежнее значеніе Кіевскаго стола быстро и окончательно рушится.

Х.

УПАДОКЪ КІЕВСКАГО КНЯЖЕНІЯ.

Мстиславъ II. Андрей Боголюбскій и первое взятие Кієва. Неудачная осада Новгорода. Андрей и Ростиславичи. Святославъ Всеволодичъ въ Кіевѣ. Оживленіе борьбы съ варварами. Кончакъ. Походъ, пленъ и освобожденіе Игоря Сѣверскаго. Черные Клобуки. Всеволодъ Суздалскій и Рюрикъ Ростиславичъ Кіевскій. Скора Рюрика съ Романомъ Волынскимъ и второе взятие Кіева. Судьбы Кіевскаго княженія.

Ростиславъ оставилъ послѣ себѧ многочисленную семью. Его сыновья, въ особенности Давидъ, Рюрикъ и Мстиславъ, отличались честолюбиемъ и отвагою; они играли очень видную роль въ послѣдующихъ событияхъ и оказывали рѣшающее вліяніе въ вопросѣ о старшинствѣ. По смерти Ростислава три князя могли предъявить свои права на Кіевскій столъ: Мстиславъ Изяславичъ Волынскій, оставшійся теперь главою старшей линіи Мономаховичей; двоюродный дядя его Андрей Юрьевичъ Сузdalский, глава младшей линіи того же дома, и Святославъ Всеволодичъ, который послѣ смерти своего дяди Святослава Ольговича наследовалъ Черниговъ и сдѣлалъся главнымъ представителемъ Ольговичей. Кіевляне, сохранившіе преданность старшей линіи Мономаховичей, призвали на свой столъ Мстислава Волынского; его старшинство поддержали и двоюродные братья, смоленскіе Ростиславичи. Князья укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ; въ томъ числѣ и родной дядя Мстислава Владиміръ Мстиславичъ призналъ старшинство племянника, тотъ самый Владиміръ, который когда-то тщетно пытался защитить отъ убійцъ несчастнаго Игоря Ольговича. Но онъ отличался непостоянствомъ и малодушіемъ. Спустя немно-

го времени, великому князю донесли, что дядя имѣеть противъ него какіе то замыслы. Узнавъ, что его замыслы открыты, Владіміръ самъ пріѣхалъ съ оправданіемъ къ племяннику, находившемуся въ то время въ Печерскомъ монастырѣ. Между ними начались переговоры. Мстиславъ сидѣлъ въ игуменской кельѣ, а дядѣ велѣлъ быть въ экономской.

„Братъ! Чего ради пріѣхалъ. Я за тобой не посыпалъ“—велѣлъ сказать Мстиславъ, приравнивая младшаго дядю къ братьямъ.

„Братъ! Я слышалъ, что наговариваютъ на меня злые люди“—отвѣчалъ Владіміръ черезъ какого то дѣячка Имормыжа.

„Мнѣ сказалъ братъ Давидъ“—отвѣчалъ великий князь.

Рѣшили послать къ Давиду Ростиславичу въ Вышгородъ. Давидъ узналъ о замыслахъ Владіміра отъ своего боярина Василя Настасича. Этого боярина онъ прислалъ въ Печерскій монастырь къ великому князю вмѣстѣ съ тысяцкимъ своимъ Радиломъ. Василь выставилъ послухомъ или свидѣтелемъ какого-то Давида Борынича. Начали уличать Владіміра; тотъ отъ всего отпирался. Наскучивъ этими переговорами, великий князь сказалъ ему:

„Братъ! ты крестъ мнѣ цѣловалъ; послѣ того и губы еще у тебя не обсохли. И дѣды и отцы наши утверждались на немъ; кто же преступитъ его, пусть того судить Богъ. А теперь цѣлуй крестъ опять на томъ, что не мыслишь на меня никакого лиха“.

Владіміръ далъ новую присягу; получилъ въ удѣль городъ Котельничъ; но вѣроятно не былъ имъ доволенъ; спустя нѣсколько дней, онъ уже опять измѣнилъ присягѣ и завелъ новую смуту. Въ Кіевѣ жила матъ его, вторая супруга Мстислава I, урожденная новогородская боярыня, теща угорскаго короля Гейзы II. Великий князь сказалъ ей: „не могу жить съ тобой въ одномъ мѣстѣ, потому что сынъ твой, преступая клятву, ищетъ моей головы“. Вдовая княгиня удалилась въ Черниговъ.

Мстиславъ II началъ свое великое княженіе славнымъ дѣломъ. По примѣру предшественниковъ, онъ собралъ младшихъ родичей, и уговорилъ ихъ соединенными си-

дами идти на Половцевъ, указывая на тѣ бѣдствія, которыя они продолжали причинять Русской землѣ: варвары ежегодно уводятъ множество христіанъ въ свои вежи, гдѣ обращаютъ ихъ въ рабство или требуютъ за нихъ большой выкупъ; кроме того, нападеніями на торговые караваны они перенимаютъ столь важные для Руси пути, Греческій, Соляной и Залозный, которые всѣ сходились на Днѣпръ. Великий постомъ 1169 года князья совершили удачный походъ въ степи, разгромили половецкія вежи по рѣкамъ Углу и Снопороду до самаго Оскола, и поразили полчища варваровъ гдѣ то около этой рѣки у Чернаго лѣса. Русская рать освободила многихъ пленныхъ христіанъ, и сама захватила у Половцевъ большой полонъ скотомъ и челядью. Всльдъ за этимъ славнымъ походомъ князья собрались вновь и отправились къ Каневу, гдѣ дожидались, пока гречики и залозники благополучно прибыли съ своимъ караваномъ (69). Но здѣсь же у Канева и кончилось единодушіе братьевъ.

Между старшими дружииниками нашлись злые люди, которые начали ссорить Ростиславичей съ Мстиславомъ. Извѣстный кіевскій бояринъ, Ѳадившій посломъ къ Владимірку Галицкому, Петръ Бориславичъ и его братъ Несторъ злобились на великаго князя, который отоспалъ ихъ отъ себя за то, что холопы ихъ покрали коней изъ его стада и перепятнали своимъ тавромъ. Изъ Киева Бориславичи перебѣхали въ ближній Вышгородъ на службу къ Давиду Ростиславичу. Во время стоянки подъ Каневомъ они стали вооружать Давида и его брата Рюрика противъ великаго князя, который будто бы намѣренъ позвать ихъ на обѣдъ къ себѣ для того, чтобы схватить и заключить подъ стражу. Мстиславъ дѣйствительно прислалъ звать ихъ къ обѣду. Рюрикъ и Давидъ потребовали, чтобы онъ прежде поцѣловалъ крестъ на томъ, что не замышляетъ противъ нихъ никакого лиха. Мстиславъ огорчился, и объявилъ объ этомъ требованіи своей старшей дружиинѣ.

„Князь,—отвѣчала дружина—вѣдь не лапоть велять тебѣ цѣловать братья, а крестъ. Ужъ не злые ли люди смущаютъ ихъ, завидуя твоей братской любви? Злой чело-

вѣнъ пуще бѣса, и бѣсъ того не выдумаетъ, что замыслить злой человѣкъ. Ты правъ передъ Богомъ и передъ людьми: безъ настѣ тебѣ нельзя было задумать ничего подобнаго; а мы всѣ вѣдаемъ твою истинную любовь къ братьямъ. Пошли имъ сказать: я цѣлую крестъ на томъ, что не замышлять противъ васъ никакого лиха; вы же выдайте мнѣ тѣхъ, которые наговариваютъ на меня⁴.

Мстиславъ II послѣдовалъ совѣту своихъ бояръ. Да-видъ отвѣчалъ, что, если и впредь кто будетъ наговаривать, тѣхъ онъ выдастъ. Обѣ стороны снова укрѣпились взаимнымъ крестоцѣлованіемъ. Но сердце Ростиславичей уже не было съ великимъ княземъ. Поводъ къ разрыву подали непостоянныи Новогородцы. Вопреки клятвѣ, данной покойному Ростиславу, они удалили его сына Святослава, и послали къ Мстиславу Изяславичу просить себѣ въ князья его сына Романа. Неосторожный Мстиславъ исполнилъ ихъ просьбу. Такой поступокъ окончательно вооружилъ противъ него братьевъ Ростиславичей. Чѣмъ и поспѣшилъ воспользоваться Андрей Боголюбскій, который ждалъ только удобнаго случая изгнать своего двоюроднаго племянника изъ Киева, подобно тому, какъ отецъ Андрея стремился отнять Киевъ у отца Мстиславова.

Многіе изъ недавнихъ союзниковъ великаго князя отступили отъ него и признали старшинство Боголюбскаго. Андрей не пошелъ самъ на югъ, а поручилъ свою рать сыну Мстиславу и воеводѣ Борису Жидиславичу. Съ нею соединились дружины муромская и рязанская, а также князья смоленскіе и сѣверскіе. Недоставало только Святослава Всеволодича Черниговскаго, который самъ имѣлъ притязаніе на старшинство, и не желалъ помочь сопернику. Сузdal'цы сошлись съ своими союзниками подъ Вышгородомъ, въ удѣлѣ Давида Ростиславича, и отсюда соединенные войска обстутили Киевъ. Мстиславъ Изяславичъ мужественно оборонялся. Киевляне на этотъ разъ не измѣнили своему князю, не вступили въ сдѣлку съ его болѣе сильнымъ противникомъ, и храбро встрѣтили непріятелей. Но между боярами нашлись измѣнники, которые снеслись съ Сузdal'цами, и указали имъ слабыя мѣста обороны. Черные Клобуки также по обыкновенію

своему завели предательство. Три дня осаждавшие дѣлали приступы къ городу, и наконецъ ворвались въ него. Мстиславъ II съ остаткомъ дружины ускакалъ въ свой Владимиіръ Волынскій. Столъный Киевъ не только былъ взятъ приступомъ—чего по замѣчанію лѣтописца никогда прежде не бывало,—но и отданъ на разграбленіе. Два дня непріятели свирѣпствовали въ городѣ; грабили и жгли дома, убивали гражданъ и брали ихъ женъ; обнажали самые монастыри и церкви; выносили изъ нихъ иконы, книги, ризы; снимали колокола, а нѣкоторые храмы зажигали. Особенно свирѣпствовали полукочевые варвары, т. е. Черные Клобуки, которые зажгли и монастырь Печерскій. Некому было остановить разнудзданную рать: самъ Андрей отсутствовалъ; а сына его конечно не всѣ слушали. Но, можетъ быть, предводители Суздалцевъ и не противились разгрому нелюбимаго ими Киева и не берегли его; такъ какъ ихъ князь не прочилъ его для своего мѣстопребыванія (1169 г.).

Извѣстно, что Андрей Боголюбскій при жизни своего отца Юрія отличился ратными подвигами въ южной Руси. Но онъ не стремился въ нее такъ какъ стремился его отецъ. Эта Русь не полюбилась ему своими смутами, бесконечными распрями князей, постоянными тревогами со стороны степныхъ варваровъ и беспокойнымъ, вольнолюбивымъ характеромъ своего населенія. Его болѣе привлекалъ сѣверовостокъ своею тишиною и покорностю; тамъ еще не успѣли окрѣпнуть непріятные для князя порядки и преданія. Еще въ то время, когда Юрій окончательно завладѣлъ Киевскимъ столомъ, т. е. въ 1155 г., Андрей противъ отцовского желанія покинулъ данный ему Вышгородъ и уѣхалъ на сѣверъ въ Сузальскую землю, въ которой онъ съ тѣхъ поръ жилъ постоянно. И теперь, когда Киевскій столъ очутился во власти Сузальскаго князя, Мстиславъ Андреевичъ, конечно по предварительному наказу своего отца, посадилъ на немъ дядю своего Глѣба, сидѣвшаго дотолѣ въ южномъ Переяславль. Эта мѣра была наиболѣе тяжкимъ униженіемъ для столичнаго города, послѣ его разграбленія: старшій князь не захотѣлъ самъ занять Киевъ; онъ предпочелъ остаться

во Владиміръ на Клязьмъ; а первый отдалъ своему брату, подобно тому, какъ давалъ удѣлы другимъ младшимъ родственникамъ. До такой степени упало значение Киевскаго стола въ глазахъ сѣверного князя!

Съ того момента, когда Владиміръ былъ предпочтеннъ Кіеву, ясно обозначился поворотъ въ исторической жизни Русскаго народа: еи средоточие съ юга переходило на сѣверовостокъ.

Современники повидимому не сознавали такого поворота и не оцѣнили вполнѣ этого пренебреженія къ древней столицѣ со стороны Сузdalльскаго князя. Такъ кіевскій лѣтописецъ упомянулъ обѣ отдачѣ ея Глѣбу Юрьевичу безъ всякаго замѣчанія. Онъ болѣе придавалъ значенія другому обстоятельству. Взятіе и разграбленіе Кіева, по его словамъ, совершились за грѣхи Кіевлянъ, а „наипаче за митрополичью неправду“. Митрополитъ (Константинъ II?) въ то время наложилъ какое то запрещеніе на Поликарпа, игумена Печерскаго, за то что послѣдній считалъ дозволеннымъ вкушать масло и молоко по середамъ и пятницамъ въ Господскіе праздники. Сторону митрополита въ этомъ случаѣ держалъ и епископъ черниговскій Антоній, который воспрещалъ Черниговскому князю вкушать мясо въ Господскіе праздники; Святославъ Всеволодичъ разгневался за то на Антонія, и лишилъ его епископіи. Все это показываетъ, до какой степени въ юной Русской церкви считались важнымъ дѣломъ вопросы и разногласія о постныхъ дняхъ, и какъ строго держались преданій византійской церковности духовныя лица изъ Грековъ.

Подчинивъ своей зависимости старый Кіевъ, Сузdalльскій князь рѣшилъ наложить свою руку и на вольнолюбивый Новгородъ, который вопреки его желанію изгналъ отъ себя Святослава Ростиславича и далъ княженіе сыну Андреева врага, Роману Мстиславичу. Кромѣ того, у Сузdalльцевъ были нерѣдкія столкновенія съ Новгородцами въ Заволочьѣ или на Сѣверной Двинѣ, гдѣ и тѣ и другіе хотѣли собирать дани. Почти въ одно время съ Киевскимъ погромомъ новгородская дружина, отправленная съ воеводою Даниловомъ Лазутиничемъ за Волокъ для сбора

даней, подверглась нападению Андреевыхъ воеводъ; хотя Суздальцы были иногочисленнѣе, однако они потерпѣли пораженіе. Это обстоятельство ускорило предпріятіе Андрея противъ Новгородцевъ. Зимой того же 1169 года онъ послалъ на нихъ многочисленную рать подъ начальствомъ тѣхъ же предводителей, которые ходили на Киевъ, т. е. сына своего Мстислава и воеводы Бориса Жидиславича. Съ этой ратью опять соединились дружины муромская, рязанская, смоленская и даже полоцкая. Она жестоко опустошила на своеемъ пути новогородскія волости, и осадила самый Новгородъ. Граждане, предводимые своимъ молодымъ княземъ Романомъ и посадникомъ Якуномъ, мужественно оборонялись и отбили всѣ приступы Суздальцевъ. Между тѣмъ въ войскѣ осаждавшихъ начался сильный моръ; люди и кони гибли отъ недостатка припасовъ; такъ какъ окрестная страна, и безъ того довольно скучная, была ими совершенно разорена. Наконецъ въ одной удачной вылазкѣ Новгородцы нанесли непріятелямъ пораженіе, и взяли такое множество пленниковъ, что продавали суздальца за двѣ ногаты. Ратники Андрея принуждены были со стыдомъ уйти домой. Лѣтописецъ съ ужасомъ говоритъ, что некоторые изъ нихъ ёли кониное мясо въ великой посты: до того былъ великъ голодъ. Избавленіе Новгорода отъ сильнаго непріятеля не замедлило украситься преданіемъ о чудныхъ знаменіяхъ; въ особенности рассказывали объ иконахъ Богородицы, источавшихъ слезы, которая предвѣщали нашествіе врага и свидѣтельствовали о заступлении Пресвятой Дѣвы за Новгородъ. Въ память своего избавленія Новгородцы установили праздникъ Знаменія Богородицы 27 Ноября (70).

Недолго однако Новгородъ торжествовалъ свою победу. Борьба съ Суздальскимъ княземъ была неравная; въ рукахъ его находилось могущественное средство: онъ прекратилъ подвозъ хлѣба изъ Поволжскихъ областей, и въ Новгородъ настала страшная дороговизна. Недалѣе какъ въ слѣдующемъ 1170 году граждане смирились, отослали отъ себя Романа Мстиславича, заключили миръ съ Андреемъ, и приняли отъ него князя. Такъ какъ уже не было въ живыхъ Святослава Ростиславича, за изгнаніе

которого гнѣвался Суздальскій князь, то онъ послалъ къ нимъ одного изъ братьевъ Святослава, Рюрика. Впрочемъ послѣдній не поладилъ съ Новогородцами, и скоро удалился отъ нихъ; тогда Андрей далъ имъ въ князья своего молодаго сына Юрія.

Между тѣмъ на югъ перемѣны быстро слѣдовали одна за другую. Мстиславъ Изяславичъ не покидалъ своихъ притязаній на Кіевскій столъ, и пытался отнять его у Глѣба Юрьевича. Изъ отдѣльныхъ случаевъ ихъ войны замѣчателенъ слѣдующій. Въ это время скончался князь Дорогобужскій внукъ Мономаха Владиміръ, сынъ храбраго Андрея Переяславскаго, давшаго гордый отвѣтъ Всеволоду II. Другой внукъ Мономаха упомянутый выше Владиміръ Мстиславичъ немедленно пришелъ къ Дорогобужу, чтобы захватить этотъ удѣль. Но дружина умершаго князя не пустила его въ городъ. Владиміръ поѣзовалъ крестъ на томъ, что онъ не тронетъ имущества ни дружины, ни вдовы своего двоюроднаго брата. Но едва Дорогобужцы впустили его въ городъ, какъ *вертлявый* Владиміръ не только захватилъ себѣ все имѣніе и стада покойнаго князя, но и вдову его выгналъ изъ города. Княгиня взяла еще непогребенное тѣло своего супруга и отправилась въ Кіевъ, что бы похоронить его въ Андреевскомъ или Янчинѣ монастырѣ: вѣроятно таково было желаніе покойнаго князя. Княгиня остановилась съ тѣломъ въ Вышгородѣ у Давида Ростиславича. Глѣбъ Юрьевичъ послалъ къ ней изъ Кіева печерскаго игумена Поликарпа и андреевскаго игумена Симеона, что бы сопровождать гробъ съ пѣніемъ погребальныхъ псалмовъ и обычными церковными обрядами. Но къ Кіеву въ это именно время приблизилась рать Мстислава II и его союзниковъ; а покойный Андреевичъ былъ на сторонѣ его враговъ. Давидъ, опасаясь непріятеля, не пустилъ отъ себя княгиню, и вызвалъ охотниковъ изъ дружины покойнаго провожать гробъ. Но никто изъ нея не пошелъ, боясь мести отъ Кіевлинъ: конечно эта дружина принимала дѣятельное участіе въ разграбленіи Кіева вмѣстѣ съ Суздальцами. Игуменъ Поликарпъ просилъ Давида, что бы онъ отпустилъ нѣсколько человѣкъ изъ собственной дружины; а иначе не-

кому было вести княжаго коня за гробомъ и нести передъ нимъ стягъ покойнаго, какъ этого требовалъ обычай. Но Давидъ отпустилъ только священниковъ изъ церкви Бориса и Глѣба, и тѣ выѣстѣ съ игумнами и чернецами похоронили князя въ монастырѣ св. Андрея. Это происходило въ февралѣ 1170 года. Мстиславъ II вскорѣ скончался; а за нимъ послѣдовалъ и соперникъ его Глѣбъ Юрьевичъ (1172 г.).

Андрей перевелъ въ Кіевъ изъ Смоленска старшаго Ростиславича, Романа; другіе два брата послѣдняго также княжили въ Кіевской землѣ: Давидъ въ Вышгородѣ, а Мстиславъ въ Бѣлгородѣ. Но согласие Андрея съ Ростиславичами продлилось недолго. Какіе то злые люди донесли Суздальскому князю, что братъ его Глѣбъ былъ отравленъ; указывали на иѣкоторыхъ кіевскихъ бояръ, именно на Григорія Хотовича и двухъ другихъ, какъ на виновниковъ его смерти. Андрей потребовалъ выдачи этихъ бояръ. Но братья Ростиславичи не исполнили его требованія. За это ослушаніе Андрей велѣлъ имъ, всѣмъ троимъ, уйти изъ Кіевской земли въ свою наследственную Смоленскую область, сказавъ: „дѣлитесь тамъ какъ хотите“. А Кіевъ онъ приказалъ отдать брату своему Михалку, который въ то время сидѣлъ въ Торческѣ, т. е. въ землѣ Черныхъ Клобуковъ; при немъ находился и младшій братъ Всеволодъ, знаменитый въ послѣдствіи Большое Гнѣздо. Романъ, наиболѣе миролюбивый изъ Ростиславичей, послушалъ этого приказанія и уѣхалъ въ Смоленскъ. Давидъ же и Мстиславъ Храбрый не только не покинули своихъ удѣловъ, но внезапнымъ ночнымъ нападеніемъ захватили самыі Кіевъ, и посадили тамъ другаго своего брата, Рюрика.

Тогда Суздальскій князь посыпаетъ своего мечника Михна къ Ростиславичамъ съ слѣдующимъ наказомъ: „такъ какъ вы не хотите быть въ моей волѣ, то ты, Рюрикъ, иди въ Смоленскъ къ брату своему Роману; ты, Давидъ, ступай въ Берладъ, и я не велю тебѣ быть въ Русской землѣ; а ты Мстиславъ главный зачинщикъ, и также ступай вонъ изъ Русской земли“. Въ отвѣтъ на это повелѣніе Мстиславъ, который дѣйствительно отли-

чался наиболее отважнымъ духомъ, схватилъ посла, отсригъ ему голову и бороду, и отправилъ его назадъ въ Сузdalъ съ такимъ словомъ: „Мы имѣли тебя прежде какъ отца; но если ты присылаешь къ намъ съ подобными рѣчами, не какъ къ князьямъ, а какъ къ подружи-камъ и простымъ людямъ, то Богъ наскъ разсудитъ“.

Андрей, по словамъ автора, измѣнился въ лицѣ, когда увидѣлъ своего посла и выслушалъ его донесеніе. Онъ собралъ сильную рать, простиравшуюся до 50,000 человѣкъ, и отправилъ ее на югъ подъ начальствомъ того же воеводы Бориса Жидиславича и сына своего Юрія (старшій сынъ Мстиславъ уже умеръ). Юрій привелъ Новгородцевъ; кроме того призваны дружины подручныхъ князей Муромскаго и Рязанскаго; даже Романъ Смоленскій принужденъ былъ прислать помошь противъ собственныхъ братьевъ; пришли князья туровскіе, пинскіе, городенскіе и даже полоцкіе; такъ далеко простиралось вліяніе Андрея. Черниговскій князь Святославъ Всеволодичъ, самъ надѣвшійся получить Кіевскій столъ отъ Андрея и потому поджигавшій его раздоръ съ племянниками, на этотъ разъ принялъ дѣятельное участіе въ походѣ. Союзники безпрепятственно заняли Кіевъ, покинутый Ростиславичами. Но послѣдніе заперлись въ двухъ другихъ городахъ, т. е. въ Вышгородѣ и Бѣлгородѣ. Собравшаяся подъ Кіевомъ союзная рать повела отсюда осаду Вышгорода, въ которомъ за отсутствіемъ Давида начальствовалъ Мстиславъ. Этотъ храбрый князь дѣлаль частыхъ и удачныхъ вылазки и вообще оборонялся съ такимъ успѣхомъ, что огромная рать соединенныхъ князей простояла девять недѣль и не могла взять этого небольшаго, впрочемъ хорошо укрѣпленного, города. Между тѣмъ въ стаи осаждавшихъ начались несогласія; многие союзники, пришедшиe поневолѣ, конечно оказывали мало усердія къ войнѣ. Наконецъ часть ополченія, именно волынская рать, удалилась съ своимъ княземъ Ярославомъ Изяславичемъ Луцкимъ (братьемъ Мстислава II). Послѣдній также имѣлъ притязаніе на Кіевъ; вслѣдствіе чего разсорился съ Святославомъ Черниговскимъ, и вступилъ въ соглашеніе съ Ростиславичами, которые признали за

нимъ старшинство и обѣщали ему Киевскій столъ. Въ тоже время пришла вѣсть, что Давидъ Ростиславичъ вѣдетъ на помощь брату полки Галицкаго князя и Черныхъ Клобуковъ. Тогда осаждавшая рать быстро разстроилась, и поспѣшила переправиться за Днѣпръ; Мстиславъ ударили на отступавшихъ, и захватилъ много плѣнныхъ и добычи (1174 г.).

Слѣдовательно, вторичный Киевскій походъ сузdalской рати окончился также печально какъ и походъ Нового-родскій. Но и здѣсь на югѣ, какъ и на сѣверѣ, не долго длилось торжество Андреевыхъ враговъ. Киевскій столъ сдѣлался предметомъ спора между Ярославомъ Луцкимъ, успѣвшимъ занять его, и Святославомъ Черниговскимъ. Смоленскіе Ростиславичи начали раскаиваться въ своей ссорѣ съ Андреемъ, и въ томъ же 1174 году отправили къ нему посольство съ просьбой, чтобы онъ снова посадилъ въ Киевъ ихъ брата Романа. Боголюбскій, зорко слѣдившій за всѣмъ, что происходило на югѣ, охотно мирился съ Ростиславичами, и велѣлъ сказать имъ: „подождите немного, я послалъ въ Русь къ своимъ братьямъ (Михалку и Всеволоду); когда мнѣ придетъ отъ нихъ вѣсть, тогда дамъ вамъ отвѣтъ“. Такимъ образомъ готова была возобновиться зависимость древняго Киева отъ молодаго Владимира на Елязьмѣ. Неожиданное событие разстроило тѣ отношенія, которыхъ установились между югомъ и сѣверовостокомъ Россіи. Прежде нежели получился обѣщанный отвѣтъ, на югъ пришло извѣстіе о смерти Андрея: онъ палъ отъ руки собственныхъ бояръ въ свое мѣсто Боголюбовъ, 29 Іюня 1175 года.

По смерти Андрея въ Сузdalской землѣ начались распри между его наследниками, и Южная Русь на нѣкоторое время была предоставлена самой себѣ. Тамъ происходила борьба за Киевъ между смоленскими Ростиславичами и черниговскими Ольговичами. Сначала первымъ удалось вновь посадить въ Киевъ своего старшаго брата Романа и удержать за собой важнѣйшіе кievскіе города; Давидъ по прежнему владѣлъ Вышгородомъ; Рюрикъ занялъ Бѣлгородъ; а младшій братъ Мстиславъ Храбрый былъ призванъ въ Новгородъ Великій, гдѣ онъ вскорѣ

умеръ. Соперникомъ Роману явился упомянутый выше Святославъ Всеволодичъ Черниговскій, внукъ извѣстнаго Олега. Дѣдъ его не былъ великимъ княземъ, но отецъ умеръ на Киевскомъ столѣ, и Святославъ считалъ Киевъ своею отчиною. Это былъ настоящій представитель безпокойнаго и честолюбиваго рода Ольговичей. На убѣждѣніи соперниковъ, что Ольговичи должны сидѣть на своей т. е. на восточной сторонѣ Днѣпра, онъ отвѣчалъ: „я не Угринъ и не Ляхъ; но мы одного дѣда внуки“. Онъ нѣсколько разъ захватывалъ Киевъ съ помощью своихъ родичей черниговосѣверскихъ князей и наемныхъ Половцевъ. Послѣ одного изъ такихъ захватовъ миролюбивый Романъ самъ уступилъ ему Киевъ по крестному договору, и воротился въ свой Смоленскъ. Но Святославу мало было одного стольнаго города; ему хотѣлось владѣть всей Киевской землей, т. е. изгнать изъ нея Рюрика и Давида Ростиславичей.

Однажды онъ занимался ловами или охотою на черниговской сторонѣ Днѣпра. Въ тоже время Давидъ съ своей дружиной охотился на кievской сторонѣ. Святославу показался этотъ случай удобнымъ, чтобы захватить въ свои руки одного изъ соперниковъ. Недавній клятвенный договоръ не стѣснялъ такихъ князей какъ Всеволодичъ. Подумавъ только съ женой и съ любимцемъ, какимъ то Кочкаремъ, не сказавъ ни слова боярамъ, онъ вдругъ съ людьми своими перѣхалъ черезъ Днѣпръ, и внезапно ударилъ на Давидовъ тaborъ. Ему удалось дѣйствительно завладѣть таборомъ и перехватить дружину Вышегородскаго князя; но самъ Давидъ съ своей женою успѣлъ броситься въ лодку и уплыть подъ градомъ стрѣлъ, которыя пускали въ него съ берега. Онъ бѣжалъ къ брату Рюрику въ Бѣлгородъ. Слѣдствіемъ такого вѣроломства, разумѣется, была новая война съ Ростиславичами. Послѣдніе опять завладѣли Киевомъ, и посадили въ немъ уже не Романа, а Рюрика (1180 г.). Но вскорѣ Святославу удалось въ четвертый разъ захватить Киевъ и на этотъ разъ остаться въ немъ до своей смерти (до 1194 г.). Однако значительную часть Киевской земли онъ принужденъ былъ уступить своему сопернику Рюрику; примиреніе скрѣплено было бракомъ ихъ дѣтей; въ тече-

ніе всей осталъной жизни Святослава два бывшіе соперника пребывали въ мирѣ и союзъ другъ съ другомъ. Давидъ Ростиславичъ между тѣмъ наслѣдовалъ Смоленскъ по смерти брата Романа.

Согласіе, водворившееся между Ольговичами и Ростиславичами, не замедлило отразиться и на виѣшихъ дѣлахъ Южной Руси, т. е. на отношеніяхъ ея къ степнымъ варварамъ: борьба съ ними ожила новою энергией. Укрѣпясь на Кіевскомъ столѣ, Святославъ Всеволодичъ уже не имѣлъ нужды ласкать своихъ бывшихъ союзниковъ, и мы видимъ цѣлый рядъ удачныхъ походовъ, которые южнорусскіе князья предпринимаютъ общими силами, имѣя во главѣ Святослава и Рюрика. Они громятъ половецкія орды, освобождаютъ изъ рабства многочисленныхъ русскихъ пленниковъ, и берутъ въ пленъ самихъ половецкихъ хановъ, въ томъ числѣ Кобяка Карлыевича съ двумя сыновьями, Башкорда, Осалука и др. Съ своей стороны Половцы мстятъ русскимъ князьямъ усиленными набѣгами на ихъ земли; для чего собираются большими полчищами.

Славнѣйшимъ изъ половецкихъ хановъ того времени былъ Кончакъ. Русская лѣтопись сохранила любопытное преданіе о его происхожденіи. Когда Владіміръ Мономахъ громилъ Половцевъ въ степяхъ Задонскихъ, то одинъ изъ ихъ хановъ, Отрокъ, бѣжалъ къ Обезамъ за Желѣзныя врата, т. е. на Кавказъ; а другой ханъ, по видимому братъ его, Сырчанъ остался на Дону. Когда же Владіміръ скончался, Сырчанъ послалъ съ этимъ извѣстіемъ въ Обезы гудца Орева; велиль пѣть половецкія пѣсни брату и уговаривать его къ возвращенію на родину, а, если не послушаетъ, то дать ему понюхать какое то зелье или траву, называемую емпанъ. Гудецъ такъ и сдѣлалъ. Понюхавъ зелья, изгнаникъ заплакалъ, и сказалъ: „да, лучше въ своей землѣ лечь kostыми, нежели въ чужой славну бытъ“. Онъ пришелъ на родину, и отъ него то родился Кончакъ, „иже снесе Сулу, пѣшъ ходя, котель нося на плечену“. Этотъ самый Кончакъ, „окаянный, безбожный и трехлятый“, какъ называется его лѣтопись, пришелъ на Русь съ половецкою ордою

въ 1184 году. Онъ грозилъ пожечь и поплынить города русские, ибо имѣлъ при себѣ какого то „бесерменина“, который стрѣлялъ живымъ огнемъ; кромѣ того, по словамъ лѣтописи у него были метательные снаряды и самострѣльные луки, такие огромные и тугіе, что 50 человѣкъ едва могли натянуть подобный лукъ⁽⁷¹⁾. Кончакъ остановился на украинѣ и завелъ переговоры о мирѣ съ Ярославомъ Всеиводичемъ; это былъ младшій братъ Святослава, который передалъ ему свой Черниговскій столъ. Великій князь послалъ сказать брату, чтобы онъ не вѣрилъ коварнымъ Половцамъ и вмѣстѣ съ нимъшелъ бы на нихъ войною. Однако Ярославъ уклонился отъ похода подъ предлогомъ своихъ мирныхъ переговоровъ съ Кончакомъ. Святославъ соединился съ Рюрикомъ и послѣшилъ противъ варваровъ. Старшіе князья съ главными силами шли назади, а впередъ себя („на воропъ“, какъ тогда выражались) отрядили нѣсколько младшихъ князей. Послѣдніе встрѣтили на дорогѣ гостей или купцовъ, проѣхавшихъ степи, и узнали отъ нихъ, что Половцы стоятъ на рѣкѣ Хоролѣ подъ вала, („шломя“), который ограждалъ Русскую землю со стороны степей. Младшіе князья внезапно вышли изъ за этого вала, ударили на Половцевъ, и захватили много пленныхъ; въ числѣ ихъ привели къ Святославу и того бесерменина, который стрѣлялъ живымъ огнемъ. Когда же подошли старшіе князья, то Кончакъ бѣжалъ въ степи. Это случилось 1-го марта 1185 года, т. е. въ самый новый годъ; такъ какъ Русские начали его считали съ марта. Въ погоню за Половцами великий князь отрядилъ 6000 Черныхъ Клобуковъ или Берендейевъ съ ихъ возможемъ Кунтувдыемъ; но по случаю наступившей распутьцы погоня не могла настичь Половцевъ.

Въ этомъ походѣ, кромѣ Ярослава Черниговскаго, не принимали участія и князья Сѣверскіе; послѣдніе не успѣли соединиться съ великимъ княземъ по причинѣ быстроты, съ которой былъ совершенъ его походъ. Въ честь сѣверскихъ князей стоялъ тогда его двоюродный братъ Игорь Святославичъ, который уже не разъ отличился въ битвахъ съ Половцами и не далъ какъ въ 1183 г. пред-

принималъ удачный поискъ въ степи вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ Всеволодомъ, сыномъ Владиміромъ и племянникомъ Святославомъ. Тоже самое задумалъ онъ повторить и теперь, послѣ пораженія Кончака на Хоролѣ, куда къ великому его сожалѣнію ему не удалось поспѣть вовремя. Не спросись главы своего рода Святослава Киевскаго, онъ рѣшилъ немедленно идти въ степи съ однѣми съверскими дружинами, и въ концѣ апрѣля выступилъ изъ своего столънаго города. Въ Путивлѣ соединилъ съ нимъ княжившій въ томъ городѣ сынъ его Владимира; сюда пришелъ и племянникъ Святославъ Ольговичъ изъ Рыльска. Двоюродный братъ Ярославъ Черниговскій прислалъ ему на помощь боярина своего Ольстина Олек-сича съ отрядомъ *Коуевъ*; то были полукочевые народцы, поселенные на южныхъ предѣлахъ Черниговской земли, соплеменники Черныхъ Клобуковъ. Современный поэтъ изображаетъ приготовленія Игоря къ походу слѣдующими словами: „Комони ржутъ за Сулою; звенитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода“. Но послѣдній отправился другой дорогой, изъ Курска. Игорь двинулся къ Донцу, перешелъ его, достигъ береговъ Оскола, и здѣсь дождался своего брата, удалаго Всеволода Трубченскаго. Этотъ походъ четырехъ князей, изъ которыхъ самому старшему было не болѣе 35 лѣтъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на современниковъ; такъ что, кромѣ довольно подробного рассказа лѣтописи, онъ сдѣлался предметомъ замѣчательнаго поэтическаго произведенія древней Руси, извѣстнаго подъ именемъ Слова о Полку Игоревѣ.

При самомъ началѣ похода являются недобрья знаменія, которыя предрекаютъ ему печальный исходъ. Однажды, когда войско приближалось къ Донцу, передъ вечеромъ солнце подернулось какою то мглою, такъ что походило болѣе на мѣсяцъ, и это обстоятельство смущило дружину. Но Игорь старается ее ободрить. Вотъ уже Русь за *шемолянемъ*, т. е. перешла Полоцкій валъ и углубилась въ степь. Ратники, высланные впередъ *„ло-
вить языка“*, т. е. на разведки, воротились и донесли,

что варвары собираются въ большомъ числѣ и готовятся къ сраженію. „Спѣшите напасть на нихъ — говорили князьямъ развѣдчики — или воротитесь домой, потому что время намъ неблагопріятное“. Но Игорь отвѣчалъ, что воротиться домой безъ битвы будетъ соромъ пуще смерти. Межъ тѣмъ, по словамъ поэта, плотоядные чуютъ близкую поживу: стаи галокъ летятъ къ Дону великому, волки воютъ по оврагамъ, орлы своимъ кляктомъ сзываютъ звѣрей на кости, лисицы брешутъ на червленые русскіе щиты.

Половцы собрались отъ мала до велика на берегахъ какой то рѣчки Сююрлея; а вежи свои, т. е. кибитки съ женами, дѣтьми и стадами, отослали далѣе назадъ. Игорь построилъ русское войско въ обычный боевой порядокъ. Оно состояло изъ шести полковъ. Посреди шель полкъ Игоря, по правую сторону брата его Всеволода, по лѣвой племянника Святослава; это была главная рать; передъ нею шли Владимиръ Игоревичъ съ своею дружиной и Черниговскій полкъ, т. е. бояринъ Ольстинъ съ Коуями. Шестой отрядъ былъ сборный: его составляли стрѣлки, высланные напередъ отъ всѣхъ пяти полковъ. Русь наступала бодро, покрытая желѣзными кольчугами, пестрѣя красными щитами, подъ сѣнью своихъ стяговъ, развѣваемыхъ вѣтромъ. Передніе отряды устремились на непріятеля; а Игорь и Всеволодъ тихо слѣдовали за ними, „не распуская своего полку“. Половцы не выдержали натиска одиныхъ переднихъ дружинъ и побѣжали.. Русь погналась за варварами, достигла до ихъ вежъ, и захватила большой полонъ: дѣвицъ, золото и шелковыя ткани; а половецкихъ кожуховъ, япончицъ и другихъ одеждъ было захвачено столько, что, по словамъ поэта, хоть мосты мости по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ. Когда побѣдители расположились станомъ среди половецкихъ вежъ, Игорь началъ говорить князьямъ и боярамъ: не довольно ли этой побѣды и не повернуть ли назадъ прежде, не жели соберутся остальные орды? Но Святославъ Ольговичъ объявилъ, что онъ съ своей дружиной далеко гнался за Половцами и что его притомленные кони не поспѣютъ за другими полками. Всеволодъ поддержалъ племянника, и рѣшено не спѣшить возвращенiemъ. Молодые князья ве-

селились своею побѣдою, и легкомысленно похвалялись: „Братья наша, которая ходила съ великимъ княземъ Святославомъ, билась съ Половцами смотря на Переяславль; они сами пришли; а къ нимъ князья не смѣли пойти. Мы же побили поганыхъ въ ихъ собственной землѣ; теперь пойдемъ за Донъ, чтобы истребить ихъ въ конецъ; пойдемъ въ Лукоморье, куда не ходили и дѣды наши“. Поощренные успѣхомъ, Сѣверские князья, кажется, возымѣли надежду вновь отвоевать свой наследственный Тмутраканскій удѣль.

„Дремлетъ въ полѣ Ольгово хоробroe гнѣздо, далече, залетѣло“—говорить поэтъ. А межъ тѣмъ половецкія орды отовсюду спѣшатъ къ мѣсту дѣйствія; пришли два сильнейшиe хана, Гзакъ и Кончакъ. На разсвѣтѣ Русь съ изумленiemъ увидала безчисленныя полчища варваровъ, которыя окружили ее подобно густому бору. Князья рѣшили пробиваться въ отчество; но чтобы не покинуть пѣшихъ ратниковъ („черныхъ людей“) на жертву врагамъ, доблестные Ольговичи велѣли своей дружинѣ сойти съ коней, и медленно начали отступать, отчаянно сражаясь съ напирающими со всѣхъ сторонъ варварами. Особенно богатырствовалъ Всеволодъ, котораго поэтъ называетъ то Буй-туромъ, то Яръ-туромъ. Гдѣ онъ повернется, посвѣчивая своимъ золотымъ шеломомъ, тамъ лежать поганыя головы половецкія; ихъ шлемы аварскія разбиты стальными мечами и калеными саблями русскими. Дѣло происходило на берегахъ Калялъ въ жаркіе майскіе дни; русскія дружины были отрѣзаны отъ воды; люди и кони изнемогали отъ жажды. На третій день битвы, въ воскресенье, Коуи не выдержали и обратились въ бѣгство. Игорь, уже раненый въ руку, поскакалъ за ними, стараясь ихъ остановить, и снялъ шлемъ, чтобы показать имъ свое лицо; но тщетно; ему не удалось воротить Коуевъ. Тутъ на обратномъ пути къ своему полку, онъ былъ перехваченъ Половцами и взятъ въ плѣнь. Всеволодъ, пробившійся наконецъ къ водѣ, изломалъ все свое оружіе о враговъ и также былъ схваченъ ими. Тогда окончилась битва; князья съ остаткомъ дружины разобраны Половцами и разведены по ихъ вежамъ. Игорь достался хану Чил-

буку изъ рода Тарголова, Всеволодъ Роману, сыну Гзака, Святославъ попалъ въ родъ Бурчевичей, а Владимиръ Улашевичей. Пораженіе и плѣнъ смирили гордость Игоря; онъ принялъ ихъ какъ наказаніе Божіе за свои прошлые грѣхи, за многое пролитіе христіанской крови въ междуусобіяхъ съ русскими князьями. Съ сокрушеннымъ сердцемъ вспомнилъ онъ объ одномъ полоцкомъ городѣ, который былъ взятъ на щитъ и подвергся всѣмъ возможнымъ неистовствамъ отъ ратныхъ людей.

Слово о Полку Игоревѣ трогательно изображаетъ печаль и уныніе, которая разлилась по Русской землѣ при извѣстіи о судьбѣ Святославичей. Въ особенности поэтично рисуетъ оно плачъ супруги Игоревой въ Путівль на забралѣ или на городской стѣнѣ; съ жалобой на свое горе она обращается къ вѣтру, солнцу и Днѣпру. Супругою его была Евфросинья Ярославна, дочь Галицкаго князя. Несчастный конецъ похода даетъ поэту случай указать на главную причину торжества варваровъ—на рознь и усобицы русскихъ князей; онъ вспоминаетъ о лучшихъ временахъ, о Владимирѣ Мономахѣ, который былъ грозою Половцевъ; говоритъ и о послѣднихъ удачныхъ походахъ Святослава Кіевскаго.

Ничего не вѣдая о предпріятіи сѣверскихъ князей, Святославъ Всеволодичъ изъ Кіева отправился въ свою наслѣдственную область, въ землю Вятичей, чтобы собирать тамъ ратниковъ и припасы; ибо онъ имѣлъ намѣреніе выѣхать съ Ростиславичами на все лѣто идти къ Дону и воевать Половцевъ. На обратномъ пути около Новгорода Сѣверскаго великий князь съ неудовольствіемъ узналъ, что двоюродные братья, не испросивъ его согласія, какъ бы тайкомъ, предприняли походъ въ степи. Изъ Новгорода Сѣверскаго онъ на лодкахъ по Деснѣ приплылъ въ Черниговъ, и тутъ достигла до него вѣсть о пораженіи и плѣнѣ его родственниковъ. Земля Сѣверская, въ особенности Посемье, находилась въ большомъ смятеніи; она лишилась своихъ князей и войска; въ рѣдкомъ семействѣ не оплакивали потери кого либо изъ самыхъ близкихъ. Святославъ немедленно принялъ мѣры. Онъ отправилъ своихъ сыновей въ пограничные сѣверскіе города для за-

щиты края отъ варваровъ; въ тоже время послалъ къ Давиду Смоленскому и другимъ князьямъ, напоминая ихъ обѣщаніе идти лѣтомъ на Половцевъ и приглашая поспѣшить походомъ. „Иди, братъ, постереги землю Русскую“—вельѣтъ онъ сказать Давиду. Послѣдній дѣйствительно пришелъ съ своими Смольянами, и всѣстѣ съ другими князьями сталъ у Треполя; а родной братъ кievскаго князя Ярославъ собралъ свою рать въ Черниговѣ. Приготовленія эти были весьма своевременны; ибо Половцы, возгордясь своею побѣдою и плѣномъ четырехъ русскихъ князей, сами въ большомъ числѣ двинулись на Русскую землю. Къ счастію между ханами произошла распра. Кончакъ говорилъ: „пойдемъ на Киевскую сторону; тамъ была избита наша братья и погибъ нашъ славный Бонякъ“. А Гзакъ звалъ Половцевъ на Семь, говоря: „тамъ остались только жены и дѣти, для насть готовый полонъ; возьмемъ города безъ опасенія“. Варвары раздѣлились на двѣ части. Одни за Гзаковъ пошли къ Путивлю, повоевали окрестную волость, пожгли села, сожгли острогъ или виѣшнее укрѣпленіе Путивля, но самого города не взяли, и ушли обратно въ степи. А другіе съ Кончакомъ направились къ Переяславлю, и осадили его. Но здѣсь княжилъ мужественный Владимиръ Глѣбовичъ, внукъ Юрия Долгорука-го; онъ сдѣлалъ отчаянную вылазку, былъ тяжело раненъ и едва спасенъ своей дружиной отъ плѣна. Тщетно гонцы Владимира звали скорѣе на помощь князей, стоявшихъ у Треполя. Святославъ также торопилъ Ростиславичей. Смоленская рать завела распру съ своимъ княземъ, и начала творить шумныхъ вѣча; она объявила, что пошла только до Киева и что теперь изнемогла въ походѣ. Давидъ принужденъ былъ воротиться назадъ. На эту распру намекаетъ пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ, говоря: „стяги Владимира (Мономаха) достались Рюрику и Давиду; но знамена ихъ вѣютъ въ разныя стороны“. Наконецъ Рюрикъ и другіе, соединясь съ великимъ княземъ, переправились на лѣвый берегъ Даїпра и пошли къ Переяславлю. Тогда Половцы оставили осаду этого города; они бросились на Сулу, разорили лежавшія по ней волости, и осадили Римовъ (Ромны). Степные варвары, неукроти-

мые въ грабежѣ и разореніи открытыхъ поселеній, не были искусны въ осадѣ городовъ; но на этотъ разъ несчастный случай помогъ имъ овладѣть Римовыми. Когда осажденные столпились на забралѣ, подъ ихъ тяжестю обломились изъ него двѣ городни, и упали съ людьми прямо на сторону осаждавшихъ. Тогда варвары вломились въ городъ, и захватили въ плѣнъ всѣхъ, кто уцѣльѣ отъ меча; спаслись только тѣ, которые убѣжали въ ближнія болотистыя мѣста и дебри. Послѣ того и Кончакъ ушелъ въ свои степи. Вѣроятно на это его нашествіе и намекаютъ приведеныя выше слова лѣтописца: „иже снесе Сулу“.

Игорь Святославичъ проживалъ въ плѣну, въ ожиданіи выкупа или обмѣна. Половцы обращались съ нимъ хорошо, уважая его знатность и мужество, и особенно благодаря поручительству Кончака, который считалъ его сватомъ, потому что прочилъ свою dochь за его сына. Къ Игорю приставили 20 сторожей; но послѣдніе не стѣсняли князя и даже слушались его приказаний; при немъ находились еще пять или шесть собственныхъ слугъ и сынъ его тысяцкаго. Ему позволяли даже выѣзжать по своему желанію и забавляться соколиною охотою. Призванъ былъ изъ Руси и священникъ для совершеннія св. службы: Игорь думалъ, что ему еще долго придется быть въ плѣну. Орда, въ которой онъ находился, кочевала этимъ лѣтомъ на берегахъ Тора, одного изъ лѣвыхъ притоковъ Донца. Между Половцами нашелся нѣкто Овлуръ, который привязался къ князю, и предложилъ бѣжать съ нимъ въ Русь. Князь сначала не рѣшался. Но сынъ тысяцкаго и конюшій князя уговаривали его воспользоваться предложеніемъ; они сообщили Игорю, что Половцы, возвращаясь изъ своихъ нес совсѣмъ удачныхъ походовъ на Русь, грозятъ избить плѣнныхъ князей и всю ихъ дружину. Тогда Игорь рѣшился, и послалъ конюшаго сказать Овлурѣ, чтобы тотъ ждалъ его съ поводыремъ конемъ на другой сторонѣ Тора. Время для побѣга выбрано вечернее. Половецкая стража, напившись своего кумыса, начала играть и веселиться, думая, что князь спитъ. Но онъ не спалъ: усердно помолаясь передъ иконой, Игорь приподнялъ заднюю полость шатра, и вышелъ

никъмъ незамѣченный. Онъ перебрелъ рѣку, сѣлъ на коня, и въ сопровождениі Овлура поскакалъ на родину. Когда кони были загнаны, пришлось пѣшими пробираться черезъ степь, сохранивъ всѣ предосторожности, чтобы укрыться отъ погони. Спустя одиннадцать дней, бѣглецы добрались до пограничнаго русскаго города Доица, откуда Игорь съ торжествомъ поѣхалъ въ свой Новгородъ Сѣверскій. Онъ не замедлилъ посѣтить главу своего рода великаго князя Кіевскаго и поклониться кіевскимъ святынямъ въ благодарность за свое освобожденіе. „Солнце свѣтить на небеси — воскликаетъ пѣвецъ Слова, — Игорь князь въ Русской землѣ; дѣвицы поютъ на Дунаѣ, несутся голоса черезъ море до Кіева; Игорь ѿдетъ по Боричеву къ святой Богородицѣ Пирогощей; въ странѣ радость, въ народѣ веселье“. Года черезъ два воротился изъ плѣна и сынъ Игоря Владиміръ, сопровождаемый дочерью Кончака, съ которой и обвѣничался. Всеволодъ Трубчевскій и Святославъ Рыльскій также получили свободу (⁷²).

Послѣ того борьба съ степными варварами сдѣлалась еще живѣе и упорнѣе. Мы видимъ почти ежегодные походы на Половцевъ. То старые князья Святославъ и Рюрикъ соединенными силами воюютъ кочевниковъ, то посылаютъ на нихъ молодыхъ князей или Черныхъ Клобуковъ съ своими воеводами. Русь разоряетъ половецкія вежи; но и варвары въ свою очередь, улучивъ удобное время, набѣгаютъ на русскія украины, жгутъ села и уводятъ множество плѣнниковъ. Однако, при всемъ оживленіи, борьба съ ними уже не имѣетъ той силы и энергіи, какъ во времена Мономаха или его сына Мстислава. Вся исторія Святослава Всеволодича показываетъ, что это былъ князь умный и дѣятельный. Благодаря установившимся на времія миру и согласію съ главою Ростиславичей, Рюрикомъ, ему удаётся иногда соединять дружины южнорусскихъ князей для общаго дѣла; но онъ уже не имѣлъ никакого вліянія на остальные русскія земли. Онъ neverseгда могъ внушать единодушіе и самимъ южнымъ князьямъ. Собственный братъ его Ярославъ Черниговскій какъ то неохотно и вяло помогалъ

ему въ предпріятіяхъ противъ Половцевъ. Такъ по его винѣ не удался большой зимній походъ 1187 года. За глубокими снѣгами русская рать пошла не прямымъ путемъ въ степь, а по Днѣпру; когда она достигла рѣки Снопорода (Самары), князья узнали, что половецкія вежи и стада находятся недалеко въ какой то мѣстности, называемой Голубымъ лѣсомъ. Но Ярославъ Черниговскій вдругъ отказался идти далѣе; напрасно Святославъ и Рюрикъ уговаривали его сдѣлать еще переходъ не болѣе какъ въ половину дня. Ярославъ стоялъ на своемъ, отзывааясь тѣмъ, что большую часть его рати составляетъ пѣхота, которая очень утомилась; что и такъ они зашли далѣе, чѣмъ было предположено. Вслѣдствіе этой распри князья ни съ чѣмъ воротились домой.

Черные Клобуки, необходимые помощники въ степныхъ походахъ какъ конное войско, не всегда съ одинаковымъ усердіемъ дѣйствовали въ пользу Руси. Случалось, что иногда русские князья спѣшить отразить набѣгъ какой либо хищной орды; а Черные Клобуки тайкомъ извѣстятъ „своихъ сватовъ“ Половцевъ, и тѣ вѣремя уйдутъ въ степи съ награбленною добычею и полономъ. Иногда Черные Клобуки просто отказывались идти на ближайшіе къ нимъ половецкіе роды, съ которыми находились въ дружественныхъ и родственныхъ отношеніяхъ; или, взявъ въ плѣнъ половецкаго хана, тайкомъ отъ русскихъ князей, брали съ него выкупъ и отпускали во свояси. Особенно много зла Русской землѣ причинилъ одинъ изъ ихъ старшинъ, упомянутый выше Кунтувдый. Лѣтомъ 1190 года Святославъ и Рюрикъ, пользуясь времененнымъ затишьемъ, предприняли вмѣстѣ дальние ловы; на лодкахъ они отправились по Днѣпру, доѣхали до устья рѣки Тысмина, и въ окрестностяхъ его убили и наловили множество звѣрей и разной дичи. Весело воротились они домой, и долго праздновали удачную охоту. Въ это время Святославъ велѣлъ схватить и заключить подъ стражу Кунтувдя; Рюрикъ вступилъ за него и выпросилъ ему свободу; Киевскій князь отпустилъ его, взявъ клятву въ вѣрности. Но житітельный торчинъ тотчасъ ушелъ къ Половцамъ, и за тѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ходилъ съ ними.

на Русь, жегъ и грабилъ пограничныя мѣста. Между прочимъ онъ разорилъ городъ какого-то Чурная, вѣроятно одного изъ торкскихъ старшинъ, можетъ быть своего соперника и виновника своей опалы. Месть и набѣги его прекратились только благодаря Рюрику, который уговарилъ Кунтувдыя отстать отъ Половцевъ, и далъ ему во владѣніе городокъ Дверень на рѣкѣ Роси.

Впрочемъ Черные Клобуки не мало оказали услугъ въ нашей борьбѣ съ Половцами. Иногда эти полукочевые народцы, такие-же жадные къ добычѣ какъ и степные варвары, сами просили князей идти съ ними въ половецкія вежи, чтобы захватить тамъ какъ можно болѣе коней, скота и челяди. Они преимущественно пользовались тѣмъ временемъ, когда Половцы, оставивъ свои вежи и стада, совершили набѣги въ Придунайскія страны. Особенно удачны были предпріятія Черныхъ Клобуковъ подъ начальствомъ Рюрикова сына Ростислава, которому отецъ далъ Торческъ, главный городъ Поросья или южной Киевской Украины; а здѣсь обыкновенно сажали самыхъ удалыхъ князей, чтобы оберегать Русскую землю отъ варваровъ. Наиболѣе замѣчательный походъ былъ совершенъ имъ въ 1193 году. Зимой этого года онъ занимался ловами около города Чернобыля, когда къ нему явились лучшіе люди отъ Черныхъ Клобуковъ и просили идти съ ними въ степь; такъ какъ обстоятельства были очень благопріятны. Ростиславъ охотно согласился, и поѣхалъ немедленно въ Торческъ собирать свою дружину. Онъ даже не счелъ нужнымъ испрашивать позволеніе у своего отца Рюрика; послѣдній находился тогда въ Овручѣ и готовился къ походу на Литву. Ростиславъ пригласилъ идти вмѣстѣ своего двоюроднаго брата Мстислава Мстиславича (Удалаго), который держалъ городъ Треполь. Мстиславъ охотно согласился. Съ своими дружинами и Черными Клобуками они налетѣли врасплохъ на половецкія вежи, и отполонили множество скота, коней и челяди: Черные Клобуки очевидно выбрали самое удобное время для этого набѣга. Половцы собрались и пошли въ погоню; но не посмѣли вступить въ открытый бой. Къ Рождеству Ростиславъ воротился въ свой Торческъ; а отсюда отправился къ старшимъ родичамъ съ „сайгатами“, т. е. съ по-

дарками изъ своей добычи: сначала къ отцу Рюрику въ Овручъ, потомъ къ дядѣ Давиду въ Смоленскъ, а оттуда во Владиміръ на Клязьмѣ, къ тестю своему Всеходу Юрьевичу.

Около того времени въ Сузdalльской землѣ уже прекратились смуты, вызванные убієніемъ Боголюбскаго; Владимірскій столъ занималъ младшій его братъ Всеходъ III, и подъ его управлениемъ твердыни управления Сѣверная Русь снова получила преобладаніе надъ Южною; такъ что южные князья исамъ Киевскій принуждены были признать старшинство Всехода. Такимъ образомъ на Руси существовали уже два великихъ княженія, одно въ Киевѣ, другое во Владимірѣ Клязьменскомъ. Южные князья спѣшили породниться съ могущественнымъ государемъ Сузdalльскимъ. Между прочимъ Рюрикъ сосваталъ у него дочь Верхуславу за своего сына Ростислава въ 1187 году. Верхуслава имѣла только восемь лѣтъ отъ роду; но подобное обстоятельство не помѣшало брачному союзу, согласно съ обычаями того времени. Всеходъ отправилъ дочь на югъ съ большою свитою изъ бояръ и ихъ женъ, снабдивъ богатымъ приданымъ, состоявшимъ изъ золотыхъ и серебряныхъ вѣщей. Отецъ съ матерью провожали ее три перѣзда, и простились съ великими слезами. Вѣнчаніе молодой четы происходило въ Бѣлогородѣ и совершиено епископомъ бѣлогородскимъ Максимомъ въ „деревянной“ церкви свв. Апостолъ. Свадьба была отпразднована на славу; на ней присутствовало до двадцати князей. Рюрикъ щедро одарилъ свою юную сноху и между прочимъ отдалъ ей городъ Брягинъ; а провожавшихъ ее бояръ отпустилъ въ Сузdalль также съ большими подарками. Судя по лѣтописи, эта свадьба вообще произвела впечатлѣніе на современниковъ и была предметомъ многихъ разговоровъ. Когда Ростиславъ послѣ помянутаго похода на Половцевъ выѣхѣлъ съ супругою посѣтилъ своего тестя, Всехода, нѣжно любившій Верхуславу, цѣлую зиму продержалъ у себя зятя и дочь; послѣ чего проводилъ ихъ съ великою честію и богатыми дарами.

Между тѣмъ набѣгъ Ростислава въ степь измѣнилъ распоряженія его отца. Святославъ Киевскій прислахъ

сказать Рюрику: „сынъ твой затронулъ Половцевъ и началъ съ ними рать; а ты хочешь идти въ другую сторону, оставивъ свою землю; нѣтъ, иди теперь въ Русь и стереги ее“. Не забудемъ, что Русью въ тѣ времена называлась преимущественно земля Киевская. Рюрикъ послушалъ, и съ полками своими отправился на южную Украину, отложивъ свой походъ на Литву, которая уже замѣтно начинала тѣснить наши западные предѣлы. Не далѣе какъ лѣтомъ того же 1193 года, т. е. еще до Ростиславова похода, престарѣлый Святославъ пытался заключить прочный миръ съ половецкими ханами, чтобы отдохнуть отъ непрерывныхъ тревогъ. Онъ и Рюрикъ съѣхались въ Каневѣ, и послали звать хановъ для переговоровъ о мирѣ. Западные или „лукоморскіе“ ханы, Итоглый и Акушъ, дѣйствительно прїѣхали; но восточные, Осолукъ и Изай, изъ рода Бурчевичей, расположились на другомъ берегу Днѣпра противъ Канева, и отказались переѣхать рѣку, приглашая самихъ князей переправиться на ихъ сторону. Князья отвѣчали, что ни при дѣдахъ, ни при отцахъ не было такого обычая, чтобы имъ самимъ ѿздить къ Половцамъ. Хотя Лукоморскіе охотно соглашались на миръ и Рюрикъ совѣтовалъ этимъ воспользоваться; но такъ какъ Бурчевичи упорствовали, то Святославъ сказалъ: „не могу мириться съ одной половиной“. И съѣздъ кончился ничѣмъ.

Это было послѣднее дѣяніе Святослава по отношенію къ степнымъ варварамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что кроме обороны Черниговскихъ и Киевскихъ предѣловъ, у Святослава и всего рода Ольговичей было еще одно побужденіе, которое двигало ихъ на упорную борьбу со степью. За этою степью, на берегахъ Азовского и Чернаго морей, лежалъ ихъ родовой удѣлъ Тмуtrakанскій, когда то богатая и торговая область, благодаря сосѣдству съ греческими городами въ Тавридѣ и съ Кавказскимъ краемъ. Половецкія орды постепенно отторгли эту область отъ Руси Днѣпровской и загородили къ ней пути ея наслѣдственнымъ князьямъ. Къ этой то Тмуtrakанской Руси и пытались пробиться внуки Олега Святославича; на что намекаетъ и пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ. Но всѣ попытки окончились не въ пользу русскихъ князей; уже

приходилось думать только о защите ближнихъ украинъ. А вновь наступившія княжія междуусобія снова дали Половцамъ возможность не только разорять эти украины безнаказанно, но и грабить самую столицу древней Руси.

Лѣтомъ 1194 года Святославъ Всеволодичъ въ послѣдній разъ предпринималъ путешествіе въ свой наследственный удѣль, землю Вятичей. Тамъ въ Каравеъ проходилъ его съездъ съ черниговскими и сѣверскими родственниками: сюда прїехали родной его братъ Ярославъ и двоюродные Игорь со Всеволодомъ; два послѣдніе были никто иные какъ известные герои Слова о Полку Игоревѣ. У Ольговичей возникли какіе то споры съ рязанскими князьями за пограничныя волости. Они рѣшили соединенными силами идти на Рязанцевъ; но такъ какъ рязанскіе князья въ то время находились въ зависимости отъ Суздальскаго, то безъ его позволенія Ольговичи не смѣли начать войну. Святославъ отправилъ изъ Каравеа гонцовъ испросить это позволеніе; но получилъ отказъ. Престарѣлый князь возвращался изъ своего путешествія совсѣмъ больной. Приближался праздникъ Бориса и Глѣба, и Святославъ на пути къ столицѣ заѣхалъ въ Вышгородъ, чтобы помолиться надъ мощами свв. братьевъ и облобызать ихъ раку. Здѣсь въ притворѣ Борисоглѣбской церкви былъ погребенъ отецъ его Всеволодъ Ольговичъ; но священникъ случился въ отсутствіи виѣстѣ съ ключемъ отъ притвора, и Святославу не удалось поклониться отцовскому гробу. Онъ прїехалъ въ Киевъ, будучи уже близокъ къ смерти, и остановился въ княжемъ теремѣ на Новомъ дворѣ, близъ монастыря св. Кирилла, который былъ основанъ его отцемъ и имѣлъ приданъ во имя Бориса и Глѣба. Въ этомъ теремѣ онъ спровадилъ праздникъ свв. мучениковъ (24 июля); такъ какъ былъ уже не въ состояніи выдти въ церковь. На слѣдующій день онъ получилъ извѣстіе, что въ Киевѣ їдутъ сваты отъ греческаго царевича за невѣстой послѣдняго Евфиміей Глѣбовной, внучкой Святослава (⁷³). Великій князь отправилъ ему на встречу кievскихъ бояръ, а самъ все болѣе ослабѣвалъ. „Когда будутъ свв. Макавеи“?—спросилъ онъ свою супругу: это былъ день кончины его от-

ца. „Въ понедѣльникъ“ — отвѣчала княгиня. „Я уже не дождусь“ — замѣтилъ онъ. Передъ смертью Святославъ приказалъ постричь себя въ иночи. Его погребли въ Кирилловомъ монастырѣ.

Междѣ Святославомъ Всеволодичемъ и Рюрикомъ Ростиславичемъ существовалъ договоръ, въ силу которого Киевскій столъ по смерти первого долженъ былъ перейти ко второму. Вѣрный этому договору, Святославъ передъ кончиною своею послалъ гонца въ Овручъ къ Рюрику, и тотъ поспѣшилъ прибыть въ Киевъ. Его торжественно встрѣтили съ крестнымъ ходомъ митрополитъ, духовенство и Киевскій народъ, и проводили въ св. Софию, гдѣ и былъ совершенъ обрядъ посаженія на велиокняжеский столъ. Но все это совершилось не иначе какъ съ согласія великаго князя Владимира-Сузdalского: послѣдній прислалъ и своихъ мужей, чтобы утвердить Рюрика на Киевскомъ столѣ. Ростиславичи признали старшинство Всеволода въ цѣломъ родѣ Мономаха, и Всеволодъ III могъ бы самъ занять Киевъ; но онъ шелъ по стопамъ своего старшаго брата Андрея Боголюбскаго, и предпочиталъ оставаться на сѣверѣ, а Киевъ держать отъ себя въ зависимости.

Перемѣщеніе старшаго князя на Киевскій столъ обыкновенно вело за собою и перемѣщеніе его родственниковъ, которые передвигались на лучшіе столы по мѣрѣ своей близости къ Киевскому князю. Изъ Ростиславичей кромѣ Рюрика оставался еще въ живыхъ братъ его Давидъ Смоленскій. Въ слѣдующемъ 1195 году Рюрикъ призвалъ его въ Киевъ, чтобы съ обоюднаго согласія устроить дѣла своего рода, „подумать о Володимирѣ племени“. Самымъ существеннымъ дѣломъ для князей того времени былъ конечно вопросъ о волостяхъ. Давидъ съ смоленскими мужами приплылъ въ ладьяхъ Днѣпромъ, и въ среду на „русьской“ недѣлѣ (т. е. послѣ Троицына дня) остановился въ Вышгородѣ, который прежде былъ его удѣльнымъ столомъ. Начался рядъ взаимныхъ угощений и подарковъ. Сначала Рюрикъ позвалъ Давида съ Смольянами къ себѣ на обѣдъ, и одарилъ его. За тѣмъ сынъ Рюрика Ростиславъ принималъ Давида у себя въ Бѣлгородѣ, и также поднесъ

ему подарки. Въ свою очередь Давидъ позвалъ брата съ дѣтьми въ Вышгородъ, угостилъ ихъ, и отдаилъ съ своей стороны. Кончились пиры княжіе, началось угощеніе духовенства и народа. Давидъ собралъ къ себѣ чернечовъ, накормилъ ихъ и одѣлъ подарками; при чёмъ онъ раздалъ щедрую милостыню нищѣй братіи; потомъ дарилъ и угощалъ Черныхъ Клобуковъ, которые при этомъ, по обычаю своему, сильно подпили. Кіевскіе граждане устроили великую братчину для Смоленского князя и его мужей; при чёмъ также подносили дары. Давидъ не остался въ долгу, и устроилъ веселый пиръ для Кіевлянъ. Кончились пиры и бражничанье; князья приступили къ „ряду“, т. е. къ уговору о волостяхъ и другихъ дѣлахъ. Въ числѣ послѣднихъ конечно важное мѣсто занимали оборонительныя мѣры противъ Половцевъ, а также и противъ черниговскихъ Ольговичей, которые не покидали своихъ притязаній на кіевскіе удѣлы. Что касается до Смоленского князя, то онъ въ эту эпоху находился во враждебныхъ отношеніяхъ къ своимъ западнымъ союзникамъ, князьямъ Полоцкимъ, у которыхъ Смоленскіе старались отнять ближайшій къ себѣ Витебскій удѣлъ. Уладивъ всѣ дѣла съ братомъ, Давидъ воротился въ свой Смоленскъ.

Такое мирное и веселое водвореніе Рюрика въ Кіевѣ повидимому предвѣщало ему спокойное обладаніе великокняжимъ столомъ. Онъ находился въ родствѣ и дружбѣ съ тремя главными представителями Мономахова рода. Сильный Суздальскій князь былъ его своякомъ и самъ утвердилъ его на Кіевскомъ столѣ; Смоленскую землю владѣлъ родной братъ Давидъ; а во Владимирѣ Волынскомъ сидѣлъ двоюродный племянникъ Романъ Мстиславичъ, женатый на его дочери, следовательно и зять его, тотъ самый Романъ, который въ юности своей отразилъ отъ Новгорода многочисленную рать Андрея Боголюбскаго. Чтобы удовлетворить честолюбію этого зятя и имѣть въ немъ надежную опору противъ степныхъ варваровъ и черниговскихъ Ольговичей, Рюрикъ отдалъ ему Поросѣ или землю Черныхъ Клобуковъ съ ея важнейшими городами, каковы: Торческъ,

Треполь, Корсунь, Богуславъ и Каневъ; а сына своего Ростислава изъ Поросья перевезъ въ Бѣлгородъ. Но счастливому началу Рюрикова княженія совсѣмъ не соответствовала его дальнѣйшая судьба. Княженіе это было одно изъ самыхъ тревожныхъ, одно изъ самыхъ злополучныхъ для Киевской земли, особенно для древней русской столицы. Поводомъ къ ссорамъ послужила упомянутая отдача Поросья Роману Волынскому. Суздальскій князь былъ недоволенъ тѣснымъ союзомъ Рюрика съ Романомъ. Въ лицѣ Волынского князя въ то время возникла новая сила, которая грозила воспрепятствовать преобладанію. Сѣверной Россіи надъ Южною. Располагая Волынскою землею, Романъ стремился овладѣть еще и Галицкою. Имѣя такого сильного союзника, Киевскій князь могъ освободиться отъ суздальскаго вліянія; чего Всеволодъ конечно не желалъ. Онъ задумалъ перессорить между собою двухъ союзниковъ, и сдѣлалъ это очень ловко.

Еще въ томъ же 1195 г. Всеволодъ прислалъ къ Рюрику своихъ бояръ съ упрекомъ, что тотъ одѣлилъ младшихъ князей русскими городами, а ему, Всеволоду, старшему во всемъ Владимировомъ племени, не далъ никакой части въ Русской землѣ. Онъ пожелалъ имѣть тѣ именно города, которые были отданы Роману Волынскому. Рюрикъ находился въ затрудненіи; такъ какъ Романъ взялъ съ него присягу никому не отдавать этихъ городовъ. Киевскій князь началъ думать съ своими боярами о томъ, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ; рѣшено послать ко Всеволоду съ предложеніемъ иной волости. Но Суздальскій князь требовалъ непремѣнно Поросья и грозилъ войною. Рюрикъ обратился къ митрополиту Никифору за свѣтомъ; митрополитъ отвѣчалъ, что его долгъ удерживать князей отъ кровопролитія; онъ разрѣшилъ Рюрика отъ присяги, и совѣтовалъ ему удовлетворить требованіе старшаго князя, а Роману дать иную волость. Такъ и было поступлено. Духовенство постаралось убѣдить и Волынского князя; послѣдній изъявилъ готовность удовольствоваться другимъ надѣломъ или получить вознагражденіе кунами (деньгами). Но Всеволодъ совсѣмъ не желалъ такого исхода. Онъ послалъ въ города Поросья сво-

ихъ посадниковъ, а главный изъ нихъ Торческъ возвратилъ зятю своему Ростиславу, сыну Рюрика. Расчетъ его оказался вѣренъ. Романъ началъ обвинять своего тестя въ томъ, что все это дѣло о Поросъѣ затѣяно по предварительному договору Всеиволода съ самимъ Кіевскимъ княземъ, чтобы доставить Торческъ его сыну. Отсюда возникла распри, которая перешла въ междоусобie.

Естественными союзниками Романа явились Ольговичи. Представители Мономахова племени, Рюрикъ и Всеиволодъ, хотѣли обеспечить за своимъ родомъ Кіевскую землю, и потребовали отъ Черниговскихъ князей такого договора, по которому тѣ должны были навсегда отказаться отъ притязаний на Кіевъ и довольствоваться правою стороною Днѣпра на основаніи раздѣла, произведенаго еще Ярославомъ I. Но Ольговичи энергически отказались исполнить подобное требование. „Мы не Угры и не Ляхи—повторяли они,— но одного дѣда внуки; при вашей жизни не ищемъ Кіева; а послѣ вѣсть кому Богъ дастъ“. Рюрикъ началъ готовиться къ борьбѣ, призывая на помощь Всеиволода Сузdalского и брата своего Давида Смоленскаго. А Ольговичи нашли себѣ еще союзниковъ въ Полоцкихъ князьяхъ, которые враждовали съ Смоленскими изъза Витебска. Междоусобныя войны закипѣли въ разныхъ концахъ Руси: въ землѣ Кіевской и Чернигово-Сѣверской, Смоленской и Полоцкой, на Волыни и въ Галичѣ. Защищая русскихъ предѣловъ отъ Половцевъ отошла на задній планъ; напротивъ варвары снова получили возможность грабить Русь въ качествѣ союзныхъ полчищъ. Самъ Рюрикъ подавалъ тому примѣръ: онъ былъ женатъ на половецкой княжнѣ, и слѣдовательно имѣлъ свойковъ между ханами. Только Всеиволодъ Сузdalский и Романъ Волынскій своими походами въ степи напомнили варварамъ времена прежнихъ погромовъ.

Будучи главнымъ виновникомъ междоусобiй, Всеиволодъ III не оказывалъ большой помощи Рюрику и вообще мало прилагалъ старанія прекратить кровопролитiе и разоренiе, охватившiя южную половину Россiи. По временамъ въ томъ или другомъ краю воюющiя стороны заключали миръ, утверждали его присягою и крестными

грамотами, но только для того, чтобы, отдохнувъ немного, при первомъ удобномъ случаѣ вновь начать междоусобную брань. Въ течёне этого времени взаимныя отношенія князей нерѣдко мѣнялись: союзники становились врагами и наоборотъ. Впрочемъ перемѣны въ союзахъ большою частію имѣли тотъ смыслъ, что направлялись къ развитію и поддержанію нѣкотораго политического равновѣсія: едва какой либо изъ князей усиливался настолько, что становился опасенъ для другихъ, какъ союзники сбѣшили его оставить и переходили на сторону его противниковъ.

Романъ Волынскій, достигшій наконецъ цѣли своихъ долгихъ стремленій, т. е. обладанія Галичемъ, въ 1202 году изгналъ изъ Киева Рюрика. Дослѣдняго на этотъ разъ поддерживали сами Ольговичи, съ неудовольствіемъ смотрѣвшіе на соединеніе Галича и Волыни въ рукахъ одного князя; между тѣмъ какъ Всеволодъ III находился уже въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Рюрикомъ. Киевляне сами отворили Роману ворота Подола или своего Нижняго города. Но, подобно Суздалскому, Галицко-Волынскому князю заботился главнымъ образомъ о расширѣніи и усиленіи собственной земли, въ которой онъ былъ наследственнымъ и полнымъ хозяиномъ, и не показывалъ желанія самому занимать непрочный столъ Киевскій. Съ согласія Всеволода III онъ посадилъ здѣсь своего двоюроднаго брата (Ингваря Луцкаго). Рюрикъ удалился въ Овручъ. Но въ слѣдующемъ году, соединясь съ Ольговичами, съ Кончакомъ и другими половецкими ханами, онъ взялъ Киевъ приступомъ, и забывъ всякую совѣсть, отдалъ его на разграбленіе степнымъ союзникамъ, вѣсто платы за ихъ услуги и въ отмщеніе Киевлянамъ, которые измѣнили ему въ прошломъ году. Варвары съ неистовствомъ принялись грабить и жечь не одинъ Подоль, но и Верхній городъ. Даже св. Софія, Десятинный храмъ и монастыри подверглись общей участіи. Половцы забрали изъ церквей драгоценные сосуды и кресты; обдирали оклады съ иконъ и богослужебныхъ книгъ; сняли и дорогія одежды старыхъ князей, которые имѣли обыкновеніе вѣшать ихъ въ храмахъ на память о себѣ. Кромѣ того вар-

вары захватили въ полонъ множество жителей, особенно юношей и девицъ, не щадя самихъ чернецовъ и монахинь, и увезли ихъ въ свои вежи. Уцѣлѣли только иноземные или варяжские гости, которые заперлись съ товаромъ въ своихъ каменныхъ церквахъ, и варвары удовольствовались тѣмъ, что гости выдали имъ половину товара. Это было второе послѣ 1169 г. взятие и разграбленіе матери русскихъ городовъ. По замѣчанію хѣтописца, оно было еще горшѣ перваго; что весьма понятно: тогда непріятели, грабившіе городъ, были русскіе и православныe, которые не могли свирѣпствовать съ такимъ неистовствомъ какъ степные дикари. Послѣ этого втораго разоренія багатство и значеніе древняго Киева упали еще болѣе.

Доскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ судьбы Киевскаго княженія до нашествія Татаръ.

Еще въ томъ же 1203 году Романъ Волынскій снова пришелъ на Рюрика, который, не довѣряя Киевлянамъ, заперся въ своемъ Овручѣ. Князья помирились. Рюрикъ пожертвовалъ своимъ союзомъ съ Ольговичами; а Романъ оставилъ за нимъ Киевъ, но не иначе какъ получивъ на то согласіе Всеволода, котораго они по прежнему признавали старѣйшимъ въ родѣ Мономаха. Не долго однако длилось это примиреніе. Всльдѣ за тѣмъ князья ходили вмѣстѣ на Полоцкъ, и на обратномъ пути, остановясь въ Треполѣ, заспорили о волостяхъ. Тутъ Романъ схватилъ Рюрика, и велѣлъ постричь его въ монахи, а также постригъ его супругу и дочь (свою бывшую жену). На Киевскомъ столѣ онъ по желанію Всеволода III посадилъ его зятя, известнаго Ростислава Рюриковича.

Въ 1205 году Романъ Галицкій погибъ въ войнѣ съ Поляками. Тогда Рюрикъ немедленно снялъ съ себя монашескую одежду, и снова занялъ великонижескій столъ вмѣсто своего сына. Онъ хотѣлъ разстричь и супругу свою; но та послѣшила принять схиму. И на этотъ разъ Рюрику не удалось спокойно владѣть Киевомъ: соперникомъ ему явился сосѣдній князь Черниговскій. Въ родѣ Ольговичей строже чѣмъ гдѣ либо соблюдался порядокъ старшинства при занятіи главнаго стола. Когда умеръ Ярославъ Всеволодичъ (1198 г.) на Черниговскомъ сто-

ль сълъ его двоюродный братъ Игорь Святославичъ, князь Новгорода Сѣверскаго, герой Слова о Полку Игоревѣ. Но спустя четыре года онъ также скончался; старшинство въ родѣ Ольговичей принадлежало теперь Всеволоду Чермному, сыну Святослава Всеволодича, бывшаго Кіевскаго князя; и Чермный безпрепятственно занялъ Черниговскій столъ. По характеру своему этотъ князь былъ истиннымъ представителемъ своего рода. Не довольствуясь Черниговимъ, онъ, по смерти Романа Галицкаго, предъявилъ свои притязанія на Кіевъ, гдѣ сидѣли и отецъ его, и дѣдъ; съ помощью наемныхъ Половцевъ Чермный не разъ изгонялъ несчастнаго Рюрика изъ Кіева. Всеволодъ Сузdal'скій рѣшился наконецъ вооруженою рукою напомнить Ольговичамъ, что Кіевскимъ столомъ нельзя распоряжаться безъ его соизволенія, и въ 1207 году предпринялъ походъ на югъ. На помощь къ нему пришли его подручники князья Рязанскіе. Но до великаго князя дошелъ слухъ, будто бы послѣдніе замышляютъ измѣну и пересылаются съ Черниговскими; тогда онъ велѣлъ ихъ схватить, и вместо Черниговской земли повернулъ въ Рязанскую, чтобы окончательно покорить ее своей власти. Однако уже самое намѣреніе Сузdal'скаго князя идти на Черниговъ устроило Ольговичей; они изъявили покорность Всеволоду III, съ согласія котораго Чермный получилъ Кіевъ, а Рюрикъ сълъ на его мѣсто въ Черниговъ (1210 г.). Такое необычное перемѣщеніе напомнило времена первыхъ Ярославичей; оно объясняется неудовольствиемъ Сузdal'скаго князя на Ростиславичей Смоленскихъ. Но этотъ порядокъ не могъ быть проченъ. Спустя два года, скончался Всеволодъ III; Сузdal'ская земля раздробилась между его потомствомъ; тамъ наступили смуты, подобныя тѣмъ, которыя были послѣ смерти Андрея Боголюбскаго; почему снова утрачено было вліяніе Владимира Клязьменскаго на судьбы Кіева, и югъ Россіи снова предоставлень самому себѣ. Здѣсь не замедлила возобновиться борьба Ростиславичей съ Ольговичами изъ за Кіевскаго стола. Рюрикъ между тѣмъ умеръ; но на помощь Ростиславичамъ пришелъ изъ Новгорода его племянникъ Мстиславъ Мстиславичъ Удалой; онъ выгналъ Всеволода Чермнаго изъ Кіева, и посадилъ въ немъ сво-

его двоюродного брата Мстислава Романовича Смоленского (1214 г.). Этотъ Мстиславъ Романовичъ находился въ числѣ князей, погибшихъ въ несчастной битвѣ на Калкѣ (⁷⁴).

Посреди описанныхъ между княжескихъ отношеній все болѣе и болѣе вырабатывалась отдѣльность русскихъ областей, при помощи разнообразія въ характерѣ населенія и въ другихъ мѣстныхъ условіяхъ. Каждая изъ этихъ областей начинала жить своею собственою историческою жизнью, имѣя во главѣ особую вѣтвь княжаго дома. Каждая изъ этихъ вѣтвей болѣе или менѣе сохраняетъ тотъ же обычный порядокъ старшинства, изъ за котораго иногда возникаетъ такое же соперничество, какое происходило изъ за Киева. А послѣдній между тѣмъ окончательно терялъ свое значеніе старѣйшаго стола. Будучи постоянно яблокомъ раздора между разными поколѣніями Игоревичей, онъ не утвердился ни за однимъ изъ нихъ. Мало того, онъ достается иногда уже не старшимъ князьямъ, а ихъ младшимъ родственникамъ. Сила и значеніе кіевскаго князя опредѣляются уже не самимъ Кіевскимъ столомъ, а тѣми родовыми, наследственными волостями, которыми этотъ князь располагалъ. Однако Кіевъ все еще продолжалъ быть посредствующимъ звеномъ, которое связывало отдѣльные и даже отдаленные части Россіи. Онъ все еще служилъ главнѣйшимъ средоточиемъ древнерусской образованности; пока не надвинула съ востока новая темная сила, и въ конецъ не разрушила матери русскихъ городовъ.

Свои домашнія дѣла и неустанная борьба съ сосѣдями не мѣшили русскимъ людямъ того времени съ участіемъ слѣдить за важными событиями на юговостокѣ Европы и жить общими политическими интересами съ другими европейцами. Греческая имперія была для древней Руси главнымъ источникомъ просвѣщенія. Князья наши постоянно находились въ родственныхъ и дружескихъ связяхъ съ византійскими государями и принцами; Греція снабжала насъ іерархами; отъ насъ отправлялись въ нее торговцы и многочисленные паломники. Отсюда понятно то живое участіе, съ которымъ Русь относилась къ судьbamъ

Византії, къ Святой землѣ и къ великому движенію западноевропейскихъ народовъ въ ту сторону, т. е. къ Крестовымъ походамъ. Подъ 1190 годомъ Киевскій лѣтописецъ съ прискорбиемъ говорить о завоеваніи Іерусалима невѣрными Агарянами, т. е. султаномъ Саладиномъ, и о гибели крестоносчаго императора Фридриха Барбаруссы. А чѣтырнадцать лѣтъ спустя, совершилось событіе, которое видимо поразило умы русскихъ людей: пришло извѣстіе, что самыи Царьградъ завоеванъ и частію сожженъ Фрягами или Латинами; а его великолѣпные храмы подверглись разграбленію, начиная съ чудной Софіи и Влахернскай Богородицы. Лѣтопись Новогородская оставила намъ довольно подробный рассказъ объ этомъ погромѣ, который случился почти одновременно со вторымъ взятиемъ и разграбленіемъ нашей древней столицы. „Такъ погибло царство богохранимаго града Константинова — заключаетъ сѣверорусскій лѣтописецъ; — распрыми царей погублена земля Греческая, и нынѣ обладаютъ ею Фряги“ (75).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

1) Petri Gyllii de Topographia Constantinopoleos et de illius antiquitatibus. (*Бахдурі—Imperium Orientale*. Т. I). Дюкавжа—Constantinopolis christiana. Лабарта—Palais imperiale de Constantinople et ses abords. Paris. 1861. (см. также статью о немъ Дидрона въ *Annales Archeologiques*. Т. XXI. 1861). Образцы софійскихъ мозаикъ и реставрація самаго храма въ великолѣпномъ изданіи *Зальценберга*: Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel. Berlin. 1854. Также см. „Обозрѣніе Цареградскихъ памятниковъ и святынь по русскимъ памятникамъ“ архим. Леонида въ Чт. Об. И. и Д. 1870. кн. 4-я. Для топографіи Константинополя и Боспора я руководствовался отчасти и своимъ личнымъ знакомствомъ.

2) Четыре бесѣды Фотія, изданные архм. Порфириемъ Успенскимъ. Спб. 1864. Никиты Давида—Vita s. Ignatii Cp. Archiep. (Acta Conciliorum. Edit. Harduin. Parisiis. 1764. V. 943—1010. Перепечатано у аббата Мина въ его Patrologiae t. CV). Georgii Monachi, dicti Hamartoli Chronicon. Ed. Muralt. Petropoli. MDCCCLIX. 736. Leo Grammaticus. Ed. Bon. 240. Continuator Theophanis. 196. Symeon Logotheta. 674. Cedrenus. II. 179. Zonaras. ed. Paris. II. 162. Chronicon venetum. Pertz, VII. 18. и Muratori XII. 181. Stritteri Memoriae Populorum II. 957. Русская летопись. Послѣдняя въ этомъ случаѣ впрочемъ не представляетъ самостоятельного извѣстія, а береть его буквально изъ хроники Амартола; отъ себя она прибавляетъ только имѣя предводителей Руси, Оскольда и Дири—лица очевидно вымышленныя или относящіяся къ другому времени. Въ Киевѣ существовали два урочища: „Аскольдова могила“ и „Дирова могила“. Они то вѣроятно и подали поводъ къ баснѣ объ этихъ двухъ лицахъ. Въ изложеніи событий мы держались преимущественно двухъ первыхъ бесѣдъ Фотія, относящихся къ нападенію Россовъ; это свидѣтельство очевидца. На его словахъ мы основываемъ неточность позднѣйшихъ рассказовъ (продолжателя Амартола, Льва Граматика и Симеона Логоѳета) о прибытии Михаила III въ столицу окруженнуя варварами, о погружениіи ризы Богородицы въ море и возставшей послѣ того бурѣ, которая разметала русскія суда. Къ тому же

и Венеціанская хроника Іоанна Діакона, писавшаго въ началѣ XI вѣка, прибавляетъ, что варвары (которыхъ онъ называетъ общимъ именемъ *слѣверніхъ народовъ*—Normannorum gentes) возвратились со славою (см. *triumpho regressa est*). Византійскіе историки не опредѣляютъ точной хронології этого событія; только Симеонъ Логоѳетъ говоритъ, что оно произошло въ 10-мъ году Михайлова царствованія, а Русская лѣтопись относить его къ 14-му году этого царствованія. Сообразя всѣ обстоятельства, нашествіе Руси надобно отнести къ веснѣ 864 или вѣроятнѣе 865 года. См. о томъ у Байера (*De Russorum regim expeditione Constantiopolitana*, въ Комментаріяхъ Академіи Н. Т. VI.), Шлѣцера (*Несторъ*. Т. II), Карамзина (къ т. I. Прим. 283) и архим. Успенскаго (62). Число русскихъ судовъ также въ точности неизвѣстно; по хроникѣ Амартола ихъ было 200 (откуда тоже число перешло и въ русс. лѣтопись), а по хроникѣ Венеціанской 360. И то, и другое число безъ сомнѣнія гадательное. Полагая среднимъ счетомъ по 50 человѣкъ на ладью, въ первомъ случаѣ мы получимъ до 10.000 человѣкъ, а во второмъ до 18.000. Послѣднее число представляеть болѣе вѣроятнѣя, если взять въ расчетъ осаду такого большаго города какъ Константинополь.

Что касается до рассказа о погружениіи ризы Богородицы въ море и возставшей потомъ бурѣ, которая разметала суда Руссовъ, то въ этомъ случаѣ продолжатели Феофана и Амартола по всей вѣроятности смыслили нападеніе Руси 865 года съ преданіемъ объ осадѣ Константинополя Аварами въ 626 году, во время войны императора Ираклія съ персидскимъ царемъ Хозроемъ. Это преданіе также повѣствуетъ, что патріархъ взялъ ризу Богоматери изъ Влахернскаго храма и съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ погрузилъ ее въ Золотой Рогъ; послѣ чего возстала страшная буря, которая уничтожила ладью Славянъ, союзниковъ Аваръ, и такъ устрашила Аварскаго кагана, что онъ снялъ осаду. (См. у Миня въ его *Patrologia graeca*. t. CLXII—*De Abarum et Persarum adversus Byzantium incursione sub Heraclio imperatore deque eorum Deiparae intercedente, turpi recessu*. Также *Chronicon Paschale* и *Cedrenus*). По поводу этого избавленія отъ Аваръ конечно была сочинена церковная греческая пѣснь „Взбраній воеводѣ побѣдительная“, а не по поводу избавленія отъ Руси въ 865 г., какъ нѣкоторые думаютъ. Тоже преданіе о погружениіи въ море ризы Богородицы и внезапной бурѣ, устрашившей вепріятели, повторяется по поводу нападенія на Константинополь во время иконоборства. (См. Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. VI. на стр. 358 Сказание діакона Александра о Царьградѣ, и т. VII. Воскресн. лѣтоп. подъ 1204 г.).

3) Относительно крещенія Руси въ эту эпоху имѣемъ разныя свидѣтельства: а, Fotius.—*Encyclia epistola ad archiepiscopales per Orientem obtinentes* (см. Baronii *Annales Eccl.*

XIV., Comment. Acad. Scient. Petrop. VI. и Шлецера II. 40). b. Ordo dispositus per imp. Leonem Sapientem (Codini de Officis). c, Constantinus Porphyrogenitus — De vita Basili (Ed. Bon. Theophanes continuatus). d, Cedrenus. e, Zonaras. f, Glycas. g, Anonymus Banduri (Imper. Orient. Animadversiones in librum Const. Parphr. II. 112—116). h, Русская лѣтопись по Никонову списку. Сводъ разныхъ свидѣтельствъ см. въ особенности у архим. Макарія въ „Исторіи христіанства въ Россіи до Владимира“. стр. 261 перв. изданія и далѣе и у Кунника Die Berufung der Schwedischen Rodsen. II. 355 и далѣе. Наиболѣе достовѣрныи источникъ въ данномъ случаѣ мы считаемъ современное посланіе Фотія. Затѣмъ имѣть значеніе свидѣтельство императора Льва Философа, который въ своемъ Порядкѣ митрополій, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху на 61-мъ мѣстѣ ставить Русь (Рѣс. 2), рядомъ съ Аланіей. Свидѣтельство Константина Багрянороднаго уже имѣть легендарную пріемъ. Онъ расказываетъ о чудѣ съ Евангеліемъ: приславшій Греками, архіепископъ по требованію невѣрной Руси положилъ въ огонь Евангеліе, которое осталось невредимо, и тогда только Русь узвѣровала. Кедренъ, Зонара и Глика вкратцѣ передаютъ извѣстіе, заимствованное у Константина. Тоже извѣстіе съ прибавленіемъ новыхъ легендъ является въ позднѣйшей передачѣ у Анонима Бандури. Вотъ его содержаніе: Русское посольство посыпаетъ Римъ, и, возвратясь, предлагаетъ своему князю принять католическую религію. Но бояре совѣтуютъ ему послать еще въ Константинополь, что бы посмотретьъ греческое богослуженіе. Князь отправляетъ туда тѣхъ же четырехъ мужей. Они поражены красотою св. Софіи и патріаршимъ служевіемъ, и по возвращеніи въ отчество отдаются предпочтеніе Греческой вѣрѣ передъ Римскою. Князь обращается къ императору Василию Македонянину съ просьбою прислать епископа для крещенія народа и наставлениія въ вѣрѣ. Императоръ посылаетъ епископа съ двумя товарищами, Кирилломъ и Афанасіемъ. Они начинаютъ учить народъ, и устроются для него славянскую азбуку. Затѣмъ слѣдуетъ чудо съ Евангеліемъ, положеннымъ въ огонь. Эти легенды встрѣчаются и въ русскихъ лѣтописяхъ, но раздѣльно: посольство для испытанія вѣры отнесено къ Владимиру; а чудо съ Евангеліемъ, занесенное въ Никоновъ сводъ, связано съ крещеніемъ Руси, нападавшей на Царьградъ въ 865 году. Съ этимъ первымъ крещеніемъ Руси некоторые ученые связываютъ чудесныя событія, заключающіяся въ жизнеописаніяхъ двухъ греческихъ епископовъ, Георгія Амастрійскаго и Стефана Сурожскаго. Болѣе вѣроятнымъ въ этомъ случаѣ является связь съ первымъ, т. е. съ жизнеописаніемъ Георгія. (См. о томъ Кунника Die Berufung).

Соображенія о началѣ русского христіанства въ Крыму и на Тамани, о происхожденіи Славянской Кирилло-Меѳодіевской письменности и вообще объ отношеніи Русской начальной исторіи къ Бол-

гарской см. въ моихъ изслѣдованіяхъ: „О славянскомъ происхождении Дунайскихъ Болгаръ“ и „Русь и Болгаре на Азовскомъ поборѣ“ (*Разысканія о началѣ Руси*).

⁴⁾ Constantini Porphyrogeniti De administrando imperio. сар. IX. Константина приводить двѣ параллели въ названіи городовъ: Русскія и Славянскія. Къ первымъ онъ относитъ Ульборси, Айфаръ, Варуфоросъ, Леанти и Струвунъ, ко вторымъ Островунпрагъ, Несасть, Вульнипрагъ, Веручи и Напрези. Кроме того два порога имѣютъ общее название, т. е. безъ параллеля: Есули и Геландри. Долгое время историки и филологи пытались объяснить русскія названія изъ Скандинавскихъ языковъ (Напр. си. о Днѣпровскихъ порогахъ въ „Изслѣдованіяхъ“ Лерберга). Но въ настоящее время, когда мы убѣдились, что около тѣхъ же мѣстъ обитали племена Болгарскія, намъ сдѣлалось понятнымъ происхожденіе двухъ параллелей: первая или древнѣйшая принадлежитъ собственно Руси, а вторая Болгарамъ-Угличамъ. (См. „Еще о Норманизмѣ“ и другія мои статьи по Варяжскому и Болгарскому вопросу въ *Разыск. о началѣ Руси*). Около Днѣпровскихъ пороговъ были находимы золотые византійскія монеты, которая восходятъ до VI вѣка включительно (О древностяхъ Южн. Россіи. Гр. Уварова); что ясно свидѣтельствуетъ о давнихъ сошеніяхъ Днѣпровской Руси съ Греками и указываетъ на ту древность, къ которой могутъ быть отнесены русскія названія пороговъ.

Относительно плаванія Руси изъ Киева въ Тавриду и на Тамань см. статью проф. Бруна „Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское морѣ“. (Зап. Од. Об. т. V).

Что касается до русскихъ лодокъ-однодеревокъ (монохола у Конст. Б.), то, я полагаю, название это вводило доселе въ некоторое недоразумѣніе. Нѣтъ никакого вѣроятія, что бы то были дѣйствительно лодки, выдолбленныя только изъ одного дерева: на русской ладѣ помѣщалось по меньшей мѣрѣ 50 человѣкъ кромѣ груза (а по иѣ-которымъ, напр. арабскимъ, извѣстіямъ до 100 человѣкъ); она могла ходить не только по рѣкамъ, но и по морю. Несомнѣнно однѣко, что она имѣла свою особую конструкцію и гораздо меньшіе размѣры сравнительно съ греческими судами. Можеть быть основу ея дѣйствительно составляло одно дерево, отъ чего и произошло ея греческое название. Это название можетъ быть относилось къ малымъ ладьямъ; ибо флотъ Руссовъ состоялъ изъ большихъ и малыхъ ладей. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ византійскій писатель XI вѣка Псель (Bibliotheca Grecca medii aevi. Ed. Sathas. v. IV. p. 144).

⁵⁾ Образцы Эллинского и Эллино-варварского стиля, находимые въ могильныхъ курганахъ Южной Руси, см. преимущественно въ атласѣ при „Отчетахъ Император. Археолог. Комиссіи“, а также въ „Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи“ — изданіе той же Комиссіи.

⁶⁾ Олеговы договоры см. въ П. С. Р. Л. Туземные русские князья и русскія дружины, появляющіеся при самомъ началѣ нашей исторіи, если не устраниютъ, то видоизмѣнятъ вопросъ о родовомъ бытѣ, которому было посвящено много вниманія въ нашей исторіографіи. Теорія родового быта первоначально развита проф. Соловьевымъ въ его трудахъ: „О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси“ (Москов. Сборникъ на 1846 г.) и „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“. М. 1847. Любопытный критический разборъ этихъ трудовъ см. въ Сочч. Кавелина. ч. 2-я.

Приводя договоры Олега, оставляю въ створѣ наши лѣтописныя сказанія объ этомъ князѣ, т. е. о необыкновенномъ захватѣ Киева, чрезвычайно быстрымъ покореніи разныхъ племенъ, чудесномъ походѣ на Византію и заранѣе предсказанной ему смерти отъ своего коня; такъ какъ сказанія эти не подтверждаются никакими достовѣрными источниками, и имѣютъ вполнѣ характеръ басенъ. Византійскіе историки, напримѣръ, ничего не знаютъ объ осадѣ Константинополя Олегомъ (о ея недостовѣрности см. у меня въ „Разыск. о началѣ Руси“). Нѣкоторые пытались объяснить ихъ молчаніе национальной гордостью. Но это объясненіе самое невѣроятное: византійскіе историки не умалчиваютъ о многихъ другихъ неудачахъ и бѣдствіяхъ имперіи; притомъ же и по самому сказанію нашей лѣтописи Олегъ только осаждалъ Царьградъ, но не взялъ его.

Что касается до Русскихъ отрядовъ, находившихся въ тѣ времена на византійской службѣ, то рядъ извѣстій о нихъ встрѣчается у Константина Б., начиная съ 902 года. (De ceremoniis Aulae Byzant.).

⁷⁾ Источники и пособія для исторіи Хазаръ: Фрева—De Chasaris excerpta ex scriptoribus arabicis. Petropol. MDCCCXXII. Сума — О Хазарахъ (съ датскаго переводъ Сабинина въ Чтен. Об. Ист. и Др. 1846. № 3). Стриттера — Chasarica въ Метог. Pop. т. III. Дорна — Tabary's Nachrichten ueber die Chasaren въ Memoires de l'Acad. des sciences. VI-те серія. 1844. Григорьева — о Хазарахъ въ Журналѣ „Сынъ Отечества и Сѣвера. Архивъ“ за 1835, т. XLVIII и въ Журн. М. Н. Пр. 1834. часть III. Лерберга — Изслѣдованіе о положеніи Саркела. Хвольсона — Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ и пр. Ибнъ-Даста. Спб. 1869. Гаркави — Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русахъ. Спб. 1870. Его же — Сказанія еврейскихъ писателей о Хазарахъ и Хазарскомъ царствѣ (Труды Восточ. отдѣл. Археол. общ. ч. XVII. 1874 г.). Мои соображенія о двойственной народности Хазаръ въ изслѣдованіи „Русь и Болгаре на Азовскомъ поморѣ“.

Для исторіи и древностей Камско-Волжскихъ Болгаръ: Френе—Aelteste Nachrichten ueber die Wolga Bulgaren въ Mem.

de l'Acad. VI-те serie. Кеппена — о Волжскихъ Болгарахъ въ Жур. М. Н. Пр. 1836. ч. XII. Эрдмана — Die Ruinen Bulgars въ Beiträge zur Kenntniss des Inneren von Russland. т. I. Григорьева — Булгары Волжские въ Библиотекѣ для Чтенія 1836 г. Ноябрь. (Труды ориенталиста Григорьева о Хазарахъ и Булгарахъ перепечатаны въ Сборникѣ его изслѣдований: „Россія и Азія“. Спб. 1876). Березина — Булгаръ на Волгѣ въ Учен. Извѣстіяхъ Казан. Универс. 1853 г. Хвольсона — Извѣстія Ибнъ Даста. Гаркави — Сказания мусульман. писат. Савельева — Мухаммединская Нумизматика въ отношеніи къ Русской исторіи. Спб. 1846. Charmoy — Relation de Mas'oudy et d'autres auteurs въ Mem. de l'Academie. 1834. Невоструева. — „О городицахъ древняго Волжско-Болгарскаго и Казанскаго царствъ“ и „Аначанская могильникъ“. (Труды первого Археологич. съѣзда. М. 1871). Относительно государственного и частнаго быта Хазаръ и Камскихъ Булгаръ хотя мы имѣемъ довольно много извѣстій, преимущественно арабскихъ; но онѣ такъ сбивчивы и разнорѣчивы, что болѣе точное изображеніе этихъ народовъ ожидаетъ еще изслѣдователей, и мы ограничиваемся пока только необходимыми указаніями. О славянствѣ Булгаръ, кроме Фадлана, говорить и Масуди. (Гаркави въ Жур. М. Н. Пр. 1872. № 4).

8) Отрывки изъ описанія Ибнъ-Фадлана сохранились въ т. наз. Большомъ Географическомъ Словарѣ, который былъ составленъ арабскимъ географомъ Якутомъ, жившимъ въ XIII вѣкѣ. См. Френе — Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte ueber die Russen. St. P. 1823. Съ рассказомъ арабского писателя согласуется въ общихъ чертахъ извѣстіе нашей лѣтописи о языческомъ погребеніи у Русскихъ Славянъ. „Когда кто умиралъ, говорить онъ, то надъ нимъ творили тризум; потомъ воздигали большой костеръ, сожигали на немъ мертвѣца; собравши кости, клали ихъ въ небольшой сосудъ, и ставили его на столпѣ при дорогѣ“. О томъ же обычай сожженія труповъ у Славянъ упоминаютъ и другие арабскіе писатели X вѣка, именно Масуди и Ибнъ Даста. Послѣдній говоритъ, что при этомъ жены покойного изрѣзываютъ себѣ ножами руки и лица въ знакъ печали, а одна изъ нихъ добровольно подвергаетъ себя удушенію и сожигается вмѣстѣ съ нимъ. Пепель собираютъ въ сосудъ и ставятъ на холмѣ (собственно въ курганѣ, который насыпали въ честь покойника). По истеченіи года родные собирались на этой могилѣ съ кувшинами меду, и устроивали пиршество въ память умершаго. (У Хвольсона 29). Но собственно о Руссахъ Ибнъ Даста расказываетъ, что когда у нихъ умретъ знатный человѣкъ, то ему выкапываютъ большую могилу въ видѣ покоя, и кладутъ туда вмѣстѣ съ покойникомъ его одежду, золотые обручи, сѣйчные припасы, сосуды съ напитками и монеты; туда же помѣщаютъ живою и любимую его жену, и затѣмъ отверстіе могилы закладываются. (ibid. 40). Это извѣстіе указываетъ, что одновременно съ сожженіемъ существовалъ у Руссовъ и другой обычай

погребенія, т. е. закапываніе въ землю. Но конечно различіе въ обычаяхъ и въ ихъ подробностяхъ относилось къ разнымъ вѣтвямъ, къ разнымъ мѣстамъ жительства Русского племени. Ибнъ Даста по всемъ признакамъ разумѣеть здесь ту Русь, которая жила на берегахъ Боспора Киммерийскаго, т. е. въ Тмутраканскомъ краѣ, въ странѣ собственно Черныхъ Болгаръ, и упомянутый обычай относится столько же къ этимъ послѣднимъ, сколько и къ Руссамъ Боспорскимъ. Въ этомъ миѳніи еще болѣе утверждаетъ насть Масуди. Онъ также говоритъ объ обычаяхъ Русскихъ Славянъ сожигать покойниковъ вмѣстѣ съ его женой, оружиемъ, украшениями и иѣкоторыми животными. А о Болгарахъ замѣчаетъ, что кроме сожженія у нихъ существуетъ обычай заключать покойниковъ въ какую то храмину вмѣстѣ съ его женой и иѣсколькими рабами. (Гаркави. 127). Ясно, что тутъ идетъ рѣчь о катакомбахъ; а подобные катакомбы найдены около Керчи, т. е. въ странѣ Черныхъ Болгаръ. Между прочимъ любопытна въ этомъ отношеніи катакомба съ фресками, открытая въ 1872 г. Коллія съ фресокъ и объясненія къ нимъ г. Стасова см. въ Отчетѣ Импер. Археологич. Комиссіи. Спб. 1875 г. (Иѣкоторые замѣчанія о томъ же см. въ моихъ „Размысlenіяхъ о началѣ Руси“). Наиболѣе подробное и критическое разсмотрѣніе всѣхъ относящихся сюда извѣстій заключается въ изслѣдованіи А. А. Котляревскаго „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“. М. 1868. Произведенныи въ 1872 — 73 г. Самоквасовыи въ Черниговскомъ краю раскопки иѣкоторыхъ кургановъ, заключавшихъ въ себѣ глиняные сосуды съ перегорѣвшими костями, а также пережженные остатки металлическихъ украшений и оружія, замѣчательнымъ образомъ подтвердили достовѣрность арабскихъ извѣстій и свидѣтельства нашей лѣтописи о погребальныхъ обычаяхъ у древнихъ Руссовъ. Онъ также нашелъ въ Приднѣпровье и языческіи могилы съ пѣлыми оставами, свидѣтельствующія, что одновременно съ сожженіемъ труповъ существовалъ и простой обычай погребенія. Данные, выведенныи изъ этихъ раскопокъ были сообщены имъ на Третьюмъ археологич. съездѣ въ Киевѣ, въ 1874 г. и потомъ въ Сборникѣ Древнія и Новая Россія за 1876 г. № 3 и 4.

9) Френе Ibn-Foszlan's и пр. стр. 244. Наиболѣе обстоятельное извѣстіе о походѣ 913 года находится у арабскаго писателя Хъвѣка Масуди въ его сочиненіи „Золотые луга“. Такъ какъ Хазары не имѣли флота, по замѣчанію арабскихъ писателей, то мы думаемъ, что непріятели могли загородить Руссамъ дорогу и принудить ихъ къ полевому бою или при проходѣ черезъ городъ Итиль, или при волокѣ изъ Волги въ Донъ. Вероятно битва происходила и тамъ, и здесь. Очевидно Русь была отбита отъ волока, и потому остатки ея принуждены уходить вверхъ по Волгѣ. Походъ 913 года показываетъ, что Руссамъ хорошо былъ извѣстенъ судовой путь къ южнымъ берегамъ Каспійскаго моря, и дѣйствительно, по новь от-

крытымъ извѣстіямъ у восточныхъ писателей, Руссы еще прежде того совершили два набѣга въ Каспійское море: первый около 880 г., и второй въ 909 г. См. Каспій или О походахъ древнихъ Русскихъ въ Табаристанъ—академика Дорна. 1875. (Приложение къ XXVI тому Записокъ Акад. Наукъ).

Что касается до торговли и вообще сношений Руссовъ съ мусульманскимъ востокомъ, то нагляднымъ памятникомъ этихъ сношений служать многочисленные клады съ арабскими или такъ наз. *куфическими* монетами. Онѣ обнимаютъ время арабскихъ халифовъ отъ VIII до XI вѣка. Эти клады были находимы на пространствѣ почти цѣлой Россіи, а также въ Швеціи и Помераніи. Ясно, что Руссы уже съ VIII вѣка служили двѣтельными посредниками въ торговлѣ между восточными мусульманскими народами и Прибалтійскими краями. (Григорьева—„О куфическихъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи и Прибалтійскихъ странахъ“ въ Зап. Од. Об. И. и Др. томъ I. 1844 г.).

¹⁰⁾ Это говорить Константинъ Багр. въ своемъ сочиненіи *De administrando imperio*, которое служить главнымъ источникомъ для исторіи и этнографіи Печенѣговъ. Потомъ слѣдуютъ Левъ Граматикъ, Кедринъ, Анна Коминѣ и вѣкторые др. См. Стрітера Мемор. Рор. т. III. часть 2-я. Сума—„о Пацинакахъ“ въ Член. Об. И. и Д. 1846 г. кн. I-я. Васильевскаго—„Византія и Печенѣги“ въ Журн. М. Н. Пр. 1872 г. №№ 11 и 12.

¹¹⁾ О морскомъ походѣ Игоря на Византію въ 941 г. повѣствуютъ историки византійские Симеонъ Логоеетъ, Левъ Граматикъ, Георгій Монахъ, Кедренъ, Зонара (см. Mem. Pop. II. 967), также продолжатели Феофана и Амартола (изъ послѣднихъ заимствованъ разсказъ Русской летописи) и Левъ Діаконъ; кроме того епископъ Кремонскій Ліутпрандъ (*Antapodosis. lib. V.*). Нѣкоторые Византійцы преувеличиваютъ число русскихъ судовъ до 10.000; ближе къ истинѣ стоять Ліутпрандъ, который полагаетъ ихъ одну тысячу. О бѣгствѣ Игоря съ оставшимися десятью судами къ Боспору Киммерійскому упоминаетъ Левъ Діаконъ. Довольно вѣроятную догадку о связи Игорева похода съ событиями въ Дунайской Болгаріи предлагается Венелинъ въ своей книжѣ. „Критическія изслѣдованія объ Исторіи Болгаръ“. М. 1849. Къ той же войнѣ по нашему мнѣнію слѣдуетъ отнести событие, о которомъ говорится въ отрывкѣ изъ письма какого то греческаго начальника въ Тавридѣ. (См. у Газа въ его изданіи Льва Діакона). Въ письмѣ идетъ рѣчь о нападеніи на Климаты (такъ назывались греческія владѣнія въ южномъ углу Тавриды) какого то князя варваровъ, „господствующаго къ сѣверу отъ Дуная“. Къ высадкѣ Игоря на берегахъ Малой Азіи (съ такою же вѣроятностію какъ и къ походу 865 года) можно пріурочивать легенду о нападеніи Руси на городъ Амастиду и произошедшемъ при этомъ чудѣ на гробѣ св. епископа

Георгія Амастрійскаго. (О томъ и другомъ см. въ моемъ изслѣдованіи „Русь и Болгаре на Азовскомъ поморѣ“).

¹²⁾ П. С. Р. Л. подъ 945 г. А также: „Договоры съ Греками X вѣка“ — И. И. Срезневскаго въ Историческихъ Чтеніяхъ о языкахъ и Словесности. Спб. 1855. „О византійскомъ элементѣ въ языкахъ договоровъ Русскихъ съ Греками“ — Соч. Н. Лавровскаго. Спб. 1853. Любопытно условіе Игорева договора о томъ, что Русь не имѣть права зимовать въ устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобережье и у св. Евферія; а когда придетъ осень пусть возвращается домой. Она также не должна обижать здѣсь Корсунянъ, приходившихъ для рыбной ловли. Конечно для той же цѣли приходила сюда и Русь. Подъ островомъ Евферія обыкновенно разумѣютъ Березань. Но г. Бурачекъ доказываетъ, что подъ нимъ надобно разумѣть островъ Тенду; а Бѣлобережье по его мнѣнію было ничто иное какъ берегъ Кинбурнскаго полуострова, покрытый бѣло-желтымъ пескомъ: (см. его „Письмо къ проф. Бруну“ въ Извѣст. Геогр. Об. т. XI. вып. 3-й).

¹³⁾ Лѣтопись русская относить смерть Игоря къ 945 году. Но вообще нельзя довѣрять начальной хронології ея тамъ, гдѣ послѣдняя независима отъ византійскихъ источниковъ. Лѣтопись назначаетъ смерть Игоря вслѣдъ за договоромъ съ Греками. Но и смерть Олега она точно также помѣщаетъ вслѣдъ за договоромъ съ Греками. Очевидно это распределение лѣтъ искусственное. По ея словамъ Святославъ остался послѣ отца еще ребенкомъ; но мы видимъ, что уже при жизни Игоря онъ княжилъ въ Новгородѣ, и если еще очень молодымъ человѣкомъ, то во всякомъ случаѣ не четырехлѣтнимъ дитятей. Невѣрность лѣтописной хронології видна изъ того, что бракъ Игоря съ Ольгою она помѣщаетъ подъ 904 годомъ, а рожденіе Святослава, по некоторымъ спискамъ, отнесенено къ 942; выходитъ, что онъ родился послѣ 38-лѣтняго брака; а самому Игорю, по той же хронологіи, было въ то время около 70 лѣтъ. Да лѣтъ, если принять смерть Игоря въ 945 году; то между этой смертью и путешествіемъ Ольги въ Царьградъ насчитывается до 12 лѣтъ. У византійскихъ историковъ Кедрева и Зонары сказано, что она отправилась туда, „когда умеръ ея мужъ“; хотя это выраженіе довольно неопределеннѣе; но все таки оно намекаетъ на менѣйшій срокъ. По всейѣ вѣроятности за княженіемъ Игоря непосредственно слѣдовало княженіе его сына Святослава. А лѣтопись, отнеся смерть Игоря къ болѣе раннему году, чѣмъ это было въ дѣйствительности, наполнила промежутокъ между княженіями отца и сына баснословными рассказами о дѣяніяхъ Ольги, увлекаясь конечно ея славою какъ первой христіанской княгини на Руси.

Что касается до извѣстія Константина Багрянороднаго о полюдѣ (*De administrando imperio. Cap. 9*), то онъ присоединилъ къ этому слову и греческое толкованіе: *Τὰ Πόλλδια, δέργεται Γύρα, т. е.*

„Полюдье, которое называется (у Грековъ) гира⁴. Это мѣсто долгое время подвергалось неѣрными толкованіямъ; при чёмъ иногда полагали, что полюдье называлось ирою у самихъ Руссовъ, и переводили полюдіа словомъ *города*. Тогда какъ Константинъ привелъ греческое слово *ира*, означавшее *объездъ*, чтобы пояснить Русское *полюдіе*. Первый учёный, указавшій на дѣйствительное значеніе слова *ира*, былъ Неволинъ. (См. его сочч. т. VI). Окончательное разъясненіе данного мѣста представилъ Н. А. Лавровскій (Журн. М. Н. Пр. 1873. Мартъ).

14) Въ пользу того мнѣнія, что Ольга крестилась въ Константино-полѣ приводятъ, во первыхъ, рассказъ русского лѣтописца, во вторыхъ свидѣтельства византійскихъ историковъ Кѣдрена, Скилицы и Зонары, и франкскаго хрониста (безымяннаго продолжателя аббата Регионскаго); послѣдніе, хотя мимоходомъ, однако прямо говорятъ, что Ольга крестилась въ Константино-полѣ. Но свидѣтельства эти принадлежать лицамъ несовременнымъ событию, а жившимъ позднѣе. Русская лѣтопись вообще украшаетъ свой рассказъ баснословіемъ; по ея словамъ воспреемникомъ Ольги былъ императоръ Цимисхій, царствовавшій гораздо послѣ ея крещенія, а крестиль ее патріархъ Фотій, уже давно умершій. Между тѣмъ Константиносъ Багрянородный, который принималъ русскую княгиню и самъ описалъ этотъ пріемъ, ни однимъ словомъ не намекнулъ на ея крещеніе въ Константино-полѣ. Хотя на это возражаютъ, что въ своемъ Обрядникѣ онъ имѣлъ въ виду только описание церемоніального пріема во дворцѣ, а сафдовательно ему не было нужно говорить здѣсь о крещеніи Ольги; но такое возраженіе недостаточно сильно. А потому вопросъ, гдѣ крестилась Ольга, остается нерѣшеннымъ. Легче быть рѣшенъ другой вопросъ: въ какомъ году совершилось ея путешествіе въ Константино-полѣ? Русская лѣтопись относитъ его къ 955 году; но въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, начальная хронологія ея оказывается неѣрною; какъ то доказываетъ свидѣтельство Константина. Онъ говоритъ о двукратномъ пріемѣ Ольги во дворцѣ, 9 сентября въ среду и 18 октября въ воскресенье. По пасхально-му кругу эти числа могли случиться въ среду и воскресенье только въ 946 и 957 гг. 946 годъ не можетъ быть привѣтъ по вѣкоторымъ обстоятельствамъ, указаннымъ въ описаніи Константина, напр. потому что онъ упоминаетъ о своихъ внукахъ, сыновьяхъ Романа; а въ этомъ году Романъ самъ былъ еще дитя. Остается такимъ образомъ 957 годъ. Превосходный сводъ источниковъ и мнѣній по двумъ этимъ вопросамъ см. у Шлецера въ его „Несторѣ“ т. III. См. также „Исторію христіянства до Владимира“ архимандрита Макарія.

При оцѣнкѣ пріема, оказанаго Ольгѣ византійскимъ правительствомъ, не надобно забывать, что сама она въ то время не была властительницею Руси, а только матерью великаго князя Русскаго и княгинею собственно удѣльною, Вышегородскою.

¹⁵⁾ Извѣстіе о посольствѣ Ольги къ Оттону и отправлениі Адальберта въ Россію находится собственно у продолжателя лѣтописи аббата Регинона; а другіе лѣтописцы западные очевидно повторяютъ съ его словъ, каковы: хроника Кведлинбургская, Ламбертъ Ашафенбургскій, аниалии Хильденгеймскіе и Корвейскіе, аниалиста Саксонскаго. (Сводъ всѣхъ этихъ извѣстій см. у Шлѣцера III. стр. 445—460). Что Ольга, едва принявшая крещеніе по обряду восточному, могла сноситься съ Нѣмецкимъ дворомъ и по вопросамъ о церкви, неудивительно. Подобный приимѣръ мы имѣемъ у Дунайскихъ Болгаръ. Царь Борисъ, принявший крещеніе отъ Грековъ, вслѣдъ за тѣмъ обратился въ Римъ къ папѣ Николаю I съ вопросами о христіанской вѣрѣ и съ предложеніемъ назначить главу Болгарской церкви. Не надобно упускать изъ виду, что окончательное отдѣленіе Восточной церкви отъ Западной въ то время еще не совершилось. Но съ другой стороны обращеніе Ольги къ Нѣмецкому двору съ просьбою прислать епископа въ Киевъ было бы довольно странно; такъ какъ самъ великий князь Киевскій еще продолжалъ оставаться въ язычествѣ. Вообще упомянутое извѣстіе хроники Регинона о посольствѣ 959 года также темно и также подвержено разнорѣчию толкованіямъ какъ и свидѣтельство Бертийскихъ лѣтописей о посланіи русскаго кагана при дворѣ императора Людовика Благочестиваго въ 839 году. Но то и другое несомнѣнно показываютъ, что уже въ тѣ времена начались посольскія сношенія между русскими князьями и нѣмецкими императорами.

¹⁶⁾ О походѣ 943—944 гг. на Берду упоминаютъ слѣдующіе восточные писатели: армянскій Моисей Каганкатораци, жившій въ концѣ X вѣка, персидскій Низами, въ XII вѣкѣ; арабскіе Якутъ, Ибнъ эль Атиръ и Баръ-Гебрей или Абульфараджъ въ XIII в., Абуль-феда въ XIV в. и некоторые другие, болѣе поздніе. Наиболѣе обстоятельный рассказъ даетъ Ибнъ эль Атиръ въ своей „Полной лѣтописи“. См. упомянутый выше *Каспій* Дорна стр. 495 и слѣд. Здѣсь сведены всѣ извѣстія объ этомъ походѣ. Прежде Дорна тому же предмету посвящены были труды ориенталистовъ: Эрмана — *De Expeditione Russorum Bergdaam versus, auctore imprimis Nisamio* (Casani. 1826—1827, два тома) и Григорьева — О древнихъ походахъ Руссовъ на востокъ (Журн. М. Н. Пр. за 1835 г. ч. V.). До какой степени Руссы прославились на востокѣ своими походами въ Каспійское море и въ Закавказье, показываетъ особенно произведеніе Низами, персидскаго поэта XII вѣка. Онъ написалъ большую поэму „Искендеръ Наме“, въ которой воспѣваетъ подвиги Александра Македонскаго; чтобы возвысить его еще болѣе, онъ заставляетъ Александра предпринять побѣдомосный походъ противъ неукротимыхъ Руссовъ для освобожденія города Берды. Французскій переводъ той части поэмы, которая касается Руссовъ, издалъ Шармуа подъ заглавиемъ: *Expedition d'Alexandre le Grand contre les Russes. St. Petersb. 1827.*

О разореніи Саркела и войнѣ съ Ясами и Касогами упоминается Русская лѣтопись подъ 965 годомъ. А о нашествії Руссовъ на Камскихъ Болгаръ и Хазарь въ 968 г. говорить Ибнъ Хаукаль, арабскій писатель X вѣка, следовательно современникъ событий (См. Френе—Ibn Fozlan стр. 64 — 66). Напрасно Френъ и послѣдующіе писатели старались разореніе Саркела, походъ Святослава на Ясовъ и Касоговъ, а также погромъ Булгаріи и Хазаріи—все это слить въ одинъ походъ, т. е. слить извѣстія Русской лѣтописи и Ибнъ Хаукала. Здѣсь конечно надоѣно разумѣть цѣлый рядъ походовъ и предприятій, и, можетъ быть, не всѣ они были совершены подъ непосредственнымъ начальствомъ Святослава. Почти одновременно съ хазарскими войнами начались его походы въ Дунайскую Болгарію.

Что касается до извѣстія Русской лѣтописи, изъ котораго можно заключить, что поводомъ къ войнѣ съ Хазарами послужила дань, которую платили имъ Вятичи, то извѣстіе это очевидно невѣрно. Исторіографія продолжала повторять его, хотя уже Карамзинъ спра-ведливо замѣтилъ, что въ то время между Вятичами и Хазарской державой жили Печеавги и Русскіе, и потому эта дань сомнительна. Теперь, когда мы знаемъ, что русскія владѣнія въ тѣ времена со-сѣдили съ хазарскими на Тамани и въ Тавридѣ, намъ понятны враждебный столкновенія Руси съ Хазарами и другими Прикавказ-скими народами (См. мое изслѣд. „Русь и Болгаре на Азовскомъ поморѣ“). Но во времена лѣтописца Тмуtrakianский край и его ис-торія, очевидно уже начали приходить въ забвение.

¹⁷⁾ Левъ Діаконъ выставляетъ предлогомъ къ войнѣ дань, а Кедренъ и Зонара Угровъ. Относительно подарковъ, отправленныхъ Никифоромъ къ Святославу, первый приводитъ невѣроятное количе-ство золота, именно 1500 футовъ.

¹⁸⁾ Главными источниками для исторіи этой борьбы служать греческіе писатели: Левъ Діаконъ (*Leonis Diaconi. Historiae. Lib. VI — IX. Ed. Bon.*), Кедренъ (*Cedreni Historiarum compendium. T. II. 383—413. Ed. Bon.*), Зонара (*Zonarae Annales. T. II. lib. 17. Cap. 1—IV*) и Русская лѣтопись (по Лавреят. и Ипат. спискамъ). Извѣстія изъ Кедрена и Зонары собраны у Стріттера въ *Memoriae Populorum* (II. 988 и слѣд.); а воль-ный переводъ Льва Діакона на Рус. языкъ сдѣланъ Д. Поповымъ и изданъ Академіей Наукъ (Спб. 1820). Наиболѣе драгоцѣнныъ источникомъ должно считать Льва Діакона, какъ современника и м. б. очевидца событий; но изложеніе его мѣстами сбивчиво и реторично, такъ что въ точности и обстоятельности онъ уступа-етъ иногда Кедрену или собственно Скилицѣ, который жилъ въ XI вѣкѣ и котораго сочиненiemъ воспользовался Кедренъ. Любопытно при этомъ, что современникъ Святослава Левъ Діаконъ называетъ Руссовъ Тавроскиеами; а сами себя, по его замѣчанію, они именуютъ Рось. Такъ рядомъ съ этимъ народнымъ именемъ Греки

еще продолжали отмѣтывать нашихъ предковъ географическими называніями Скиѳовъ и Тавро斯基ѳовъ. Точно также Болгаръ Левъ Диаконъ называетъ Мисіянами, т. е. именемъ заимствованнымъ изъ классической географіи.

Критический сводъ источниковъ си. у Шлецера „Несторъ“. Часть III. (Рус. переводъ Языкова. Спб. 1819.) и Черткова „Описаніе войны Святослава противъ Болгаръ и Грековъ“. (Рус. Историч. Сборникъ. Т. VI. Москва. 1843.) Шлѣцеръ и Чертковъ дали слишкомъ много значения извѣстіямъ Русской летописи; между тѣмъ какъ она для этой войны представляеть лишь немногія данныя, заимствованныя изъ греческихъ источниковъ, то искаженные баснями и собственными домыслами. Самостоятельнаго историческаго материала въ ней только отрывокъ изъ договора съ Цимисхіемъ и рассказъ о гибели Святослава. Кроме того она сообщаетъ о нападеніи Печенѣговъ на Киевъ и послѣдовавшей затѣмъ смерти Ольги. По поводу нападенія Печенѣговъ приведено сказаніе о томъ, какъ единъ кievлянинъ, знаяшій печенѣгскій языкъ, прошелъ непріятельской станъ подъ видомъ Печенѣга, отыскивающаго своего коня. Подойдя къ берегу Днѣпра, онъ, бросился въ рѣку, достигъ противоположнаго берега, и извѣстилъ воеводу Претича о томъ, что Киевъ едва держится и готовъ сдаться врагу. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня Претичъ съ своими людьми въ лодкахъ поплылъ къ городу съ громкимъ трубнымъ звукомъ. Печенѣги подумали, что приближается самъ князь, отступили, и пр. Любопытно, что подобная же военная хитрость встрѣчается у древнихъ писателей, въ Исторіи Боспорскаго царства. Именно Поліенъ (Stratag. кн. V. гл. 26) расказываетъ объ осадѣ города Феодосіи боспорскимъ царемъ Сатиромъ I. Союзники Феодосійцевъ Ираклейцы прислали имъ на помощь полководца Тинника. Послѣдній, имѣя слишкомъ мало судовъ, высадилъ на берегъ трубачей и приказалъ играть поперемѣнно. Осаждавши подумали, что пришелъ сильный флотъ, и отступили.

Нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній о войнѣ Святослава въ Болгаріи можно найти въ статьѣ г. Бѣлова „Борьба Святослава Игоревича съ Іоанномъ Цимисхіемъ“ (Журн. М. Нар. Пр. 1973. Декабрь) и въ изслѣдованіи г. Дранова „Южные Славяне и Византія въ Х вѣкѣ“ (Чтен. Об. И. и Др. 1875. кн. 3). Послѣдній предлагаетъ догадку, что Болгарское царство уже при Петре Симеоновичѣ распалось на двѣ части: въ западной половинѣ былъ провозглашенъ царемъ Шишманъ, отецъ Самуила, известнаго противника Василія II Болгаробойцы. Дѣйствительно завоеванія Святослава и Цимисхія обнимали, по всемъ даннымъ, только восточную половину Болгаріи; а западная ея половина была покорена императоромъ Василіемъ II. Но отсюда скорѣе можно заключить, что западная Болгарія отдѣлилась не при жизни Петра, а именно во время завоеванія Болгаріи Святославомъ. Послѣдній успѣлъ покорить собственно ближай-

шую и богатѣйшую часть, т. е. Придунайскую Болгарію; между тѣмъ западная области Болгарскаго государства на время сохранили свою независимость; чому помогли и географическое ихъ положеніе, защищенное высокими горными хребтами и вѣроятное существованіе отдаленныхъ племенныхъ князей, еще неуничтоженныхъ виолѣ Болгарскими царями изъ династіи Асперика. Годъ Святославовой смерти мы оставили какъ въ лѣтописи; по изслѣдованию же Срезневскаго она относится къ 973 г. (Изв. 2-го Отд. Акад. Н. т. VII).

¹⁹⁾ Въ числѣ Ярополковыхъ бояръ находился иѣкто *Варяжско-Онъ*, по словамъ лѣтописи, предупреждалъ своего князя объ измѣнѣ, и совѣтовалъ ему не ходить къ Владимиру, а лучше идти къ Печенѣгамъ и напасть тамъ войско; но тщетно. Послѣ убіевія Ярополка Варяжко уѣхалъ къ Печенѣгамъ и вмѣстѣ съ ними потомъ много воевалъ противъ Владимира, пока послѣднему не удалось привлечь его въ свою службу. Имя или прозваніе этого боярина указываетъ конечно на его варяжское происхожденіе; а послѣднее обстоятельство подтверждаетъ наше предположеніе, что варяжскіе выходцы начали вступать въ службу кievскихъ князей по крайней мѣрѣ со временемъ Олега. Отсюда можно объяснить и присутствіе двухъ, трехъ норманскихъ именъ въ числѣ русскихъ пословъ, приведенныхъ договорами Олега и Игоря; если только эти два, три имени впослѣдствіи (при болѣе усовершенствованныхъ пріемахъ и болѣе значительныхъ средствахъ сравнительно - исторической филологии) окажутся дѣйствительно норманскія.

²⁰⁾ См. П. С. Р. Лѣт. Ипат. и Лавр. списки, а также *Chronicon Dithmarii, episopci Merseburgensis. Ed. Norimb. 1807.*

²¹⁾ Отрывокъ изъ такъ наз. Іоакимовой лѣтописи у Татищева въ I томѣ—источникъ довольно мутный.

²²⁾ Лѣтопись по обычаю своему, смышивая Варяговъ съ Русью, называетъ этихъ мучениковъ Варягами. Но тутъ очевидное недоразумѣніе. Во первыхъ, въ Кіевѣ, какъ известно, была уже туземная крещеная Русь. Объ этой крещеной Руси упоминаетъ сама же лѣтопись въ договорѣ Игоря. О христіанской Руси кромѣ того говорить Фотій въ своемъ посланіи 866 года и Левъ Философъ въ росписаніи церковныхъ каѳердъ. Константинъ Багранородный упоминаетъ о „крещеной Руси“, которая находилась на византійской службѣ (*De Ceteris Aulae Buzant.*) Тоже подтверждаетъ папская булла 967 года, которая указываетъ на Славянское богослуженіе у Руссовъ. (у Добнера Апп. III. 197. Несторъ-Шлепера II. 527. Нѣкоторые усиливаются доказывать, будто эта булла подложная). А во вторыхъ, съ какой стати Кіевлянамъ было бы требовать отъ чужеземнаго, вольнаго Варяга его сына на закланіе своимъ богамъ? Изъ самой лѣтописи, напротивъ, ясно, что жрецій бросали на дѣтей самихъ гражданъ.

Мы не распространяемся о языческой религії Русскихъ Славянъ

и довольствуемся краткимъ ея очеркомъ; причемъ имѣемъ въ виду преимущественно извѣстія писателей X-XII вв., каковы: нашъ лѣтописецъ, договоры Олега и Игоря, Ибнъ-Фадланъ, Масуди, Константина Б., Левъ Діаконъ и Слово о Полку Игоревѣ. Вообще источники, современные языческому періоду или близкіе къ нему по времени, очень скучны и не даютъ возможности создать ясную, полную картину; а извѣстія позднѣйшія сбивчивы и разнорѣчивы. Хотя литература славяно-русской міеологии вообще не бѣдна; но, за немногими исключеніями, въ ней столько гадательныхъ и произвольныхъ выводовъ, столько смѣшанія разныхъ эпохъ и племенъ, что пока трудно на этомъ основаніи строить какое либо зданіе. Сочиненія, наиболѣе заслуживающія вниманія по этому вопросу, суть: *Костомарова* — „Славянская міеология“. Киевъ. 1847; *Срезневскаго* — „Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи Древнихъ Славянъ“. Спб. 1848, *Леонасьева* — „Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу“. М. 1865 — 1869. Кроме того много любопытныхъ мыслей и соображеній о Славяно-русской міеологии разсѣяно въ трудахъ: того же Срезневскаго, Сѣнѣгирева, Терещенка, Ходаковскаго, Строева, Кастрорскаго, Бодянскаго, Соловьевы, Буслаева, Безсонова, О. Миллера, Котляревскаго, Бестужева — Рюмина, Потебни и др.

Что касается до требищъ и капищъ, то о нихъ кромѣ лѣтописей упоминаютъ митрополитъ Иларіонъ и Печерскій Патерикъ. Относительно происхожденія слова, „*капище*“ мы предпочитаемъ мнѣніе Срезневскаго, который сближаетъ его по корню съ „*коп-оть*“, греч. *κατιβός* (стр. 38); следовательно это слово указываетъ на куреніе и дымъ, распространявшіеся отъ сожигаемыхъ жертвъ. (Точно также изъ всѣхъ объясненій слова „*Перунъ*“ наиболѣе вѣроятнымъ полагаю сближеніе его съ греческимъ *πύρ-огонь*). Самое положительное извѣстіе о языческихъ храмахъ у Руссовъ находимъ въ исландской сагѣ Олава Тригвіева сына. По ея словамъ, Олавъ всегда *ѣздилъ* съ Владиміромъ къ храму, но никогда не входилъ въ него, а стоялъ за дверями въ то время, когда князь приносилъ богамъ жертвы. Олавъ замѣтилъ при этомъ, что Владиміръ, имѣвшій обыкновенно веселый, ласковый видъ, дѣлялся мрачнымъ и скучнымъ, когда посѣщалъ храмъ и приносилъ жертвы. (Рус. Истор. Сбор. IV. 47). Что у языческой Руси было жреческое слово и притомъ довольно вліятельное, о томъ свидѣтельствуетъ арабскій писатель X вѣка Ибнъ Даста. (Жрецы Руссовъ по переводу Хвольсона назывались „*врачи*“ стр. 38, а по Гаркави „*звахари*“, 269). Деревянные идолы Руссовъ, судя по Ибнъ-Фадлану, были термы, т. е. столбы съ человѣческой головой. Вѣроятно эти рѣзные истуканы имѣли человѣкообразную фигуру, но только не членораздѣльную. Масуди также говоритъ о какихъ то славянскихъ храмахъ, поставленныхъ на горѣ и вблизи моря. Вѣроятно онъ сообщаетъ здѣсь слухи именно о Руси Боспорской или Тиутра-

канской. Тутъ между прочимъ въ одномъ храмѣ подъ большимъ куполомъ стоялъ мужской идолъ, а подъ него другой, женскій. (Гаркави. 139). Эти идолы и храмы у него изукрашены драгоценными камнями, и вообще описание ихъ фантастично. Замѣчательно однако, что у мужского идола голова сдѣлана изъ червонаго золота, и въ этомъ случаѣ онъ напоминаетъ извѣстіе нашей лѣтописи о киевскомъ Перунѣ.

23) Намекъ на участіе Владимировыхъ женъ въ его подготовленіи къ христіанству можно видѣть въ той же сагѣ объ Олавѣ Тригвessonѣ. По ея словамъ благотворное вліяніе на кназя и на его религіозныя убѣжденія имѣла его супруга Аллогія. Въ этомъ имени мы узнаемъ княгиню Ольгу. Сага очевидно спутала бабку Владимира съ его женами-христіанками, и забыла, что Владимиръ былъ многоженецъ.

Относительно перевода Св. писанія, найденнаго Кирилломъ и Меодіемъ у Черныхъ Болгаръ, см. наше изслѣдованіе: „Русь и Болгаре на Азовскомъ Поморѣ“.

24) Всѣ эти драгоценныя подробности сохранила намъ Русская лѣтопись. Изъ византійскихъ историковъ о завоеваніи Корсуня Владимиромъ говорить только Левъ Діаконъ. Хотя онъ упоминаетъ о томъ мимоходомъ; но видно, что это завоеваніе считалось большими бѣствіемъ для имперіи; такъ какъ оно, наравнѣ со взятиемъ Веррои Болгарами, будто бы предвѣщено было явленіемъ кометы и страшными огненными столпами на сѣверной части неба (т. е. отблесками необычного для тѣхъ странъ сѣвернаго сиянія?). О бракѣ съ греческою царевною упоминаютъ византійские писатели Скилицій—Кедренъ, Зонара, латинскій хронистъ Дитмаръ и армянскій историкъ Асохикъ, писатель X вѣка. Два послѣдніе говорятъ при этомъ и объ обращеніи Руси въ христіанство. Еще подробнѣе о бракѣ и крещеніи Владимира говорятъ Ибнъ-Эль-Атіръ и Элъмакінъ, арабскіе писатели XIII вѣка. (Относящіеся сюда отрывки изъ этихъ арабскихъ писателей сообщены г. Куникомъ, въ переводѣ барона Розена, въ XXIV т. Зап. Акад. Наукъ. См. „О запискѣ готскаго топарха“).

Взятіе Корсуня и крещеніе Владимира русская лѣтопись помѣщаются подъ 988 годомъ. Но уже во времена лѣтописца были разныя мнѣнія о мѣстѣ, сдѣловательно и времени крещенія. По его словамъ, некоторые утверждали, что Владимиръ крестился въ Киевѣ, другое въ Васильевѣ и т. д. Некоторая несогласія о времени крещенія и взятіи Корсуня, заключающіяся въ извѣстіяхъ иноземныхъ писателей, указаны г. Васильевскимъ (Русско-Византійские отрывки. Журн. Мин. Н. Пр. 1876. Мартъ). Судя по всѣмъ соображеніямъ, события эти совершились въ концѣ 988 или въ началѣ 989 года.

25) Извѣстіе о Новгородскомъ мятежѣ находится у Татищева въ упомянутомъ отрывкѣ изъ такъ наз. Іоакимовой лѣтописи. Тамъ говорится, что язычниковъ подстрекали къ мятежу главный ихъ жрецъ Богомилъ и новгородской тысяцкой Угонай.

²⁶⁾ См. Никоновский сводъ. Здѣсь упоминаются: Александръ Поновицъ съ Золотою Гривною, Раҳдай Удалой, который одинъ выходитъ на 300 воиновъ, Янъ Усмовичъ, какъ названъ тутъ юноша, побѣдившій въ единоборствѣ печенѣжскаго богатыря, и славный разбойникъ Могута, который былъ пойманъ, приведенъ къ Владимиру и раскался въ своихъ грѣхахъ. Послѣдній можетъ быть имѣть въ-которую связь съ Соловьевымъ Разбойникомъ былевыхъ пѣсенъ.

²⁷⁾ О пребываніи Брува въ Россіи повѣстуетъ его собственное латинское посланіе къ императору иѣменскому Георику II Благочестивому. Оно напечатано Гильфердингомъ въ Рус. Бесѣдѣ 1856 г. № I., и перепечатано Бѣлевскимъ въ Monumenta Poloniæ Historica. т. I. Свѣденія о самомъ Бруво см. въ Chronicon Dithmari. Такоже хроника заключаетъ извѣстіе о епископѣ Рейнбернѣ и Свято-полкѣ. (Lib. VII). Судя по словамъ Дитмара, Болеславъ Храбрый, вслѣдствіе заключенія въ темницу его дочери и зятя, предпринялъ походъ на Русь и воевалъ съ Владимиromъ незадолго передъ смертью послѣдняго. Русская лѣтопись ничего не знаетъ обѣ этой войнѣ.

²⁸⁾ Византійские историки: Кедренъ (т. II. стр. 699 и 710), Зонара (II. 221. Париж. изд.) и Михаилъ Пселль (стр. 10). Армянскій историкъ Асохикъ, издававшій Эмина. Стр. 200—203. О вспомогательныхъ Русскихъ отрядахъ на византійской службѣ см. любопытную статью г. Васильевскаго (Варяго-русскія и варяго-англійскія дружины въ Константинополѣ). Журн. М. Н. Пр. 1874 г. Ноябрь и 1875 Февраль и Мартъ); хотя попытка его доказать тождество Русскихъ дружинъ съ Варангами не имѣетъ серьезныхъ оснований. Войну съ хазарскимъ княземъ Чуломъ Скилица—Кедренъ помѣщаетъ подъ 1016 г., а начальникомъ русского войска называетъ при этомъ Сфенга, брата Владимира. Русская лѣтопись не знаетъ никакого Владимира брата съ этимъ именемъ. Вероятно тутъ надобно разумѣть сына его Мстислава, которому онъ отдалъ Тмутраканскій край и который слѣдовательно былъ въ той сторонѣ сосѣдомъ Грековъ и Хазаръ. Русская лѣтопись помѣщаетъ кончину Владимира подъ 1015 г. Но Житіе Бориса и Глѣба время его кончины обозначаетъ 1016 годомъ въ обѣихъ редакціяхъ, первой XII вѣка и второй болѣе поздней. (См. Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, изданныя Срезневскимъ по порученію Академіи Наукъ. Слб. 1860 г.). Хазаро-Черкесскій князь Георгій Чуло, судя по имени, былъ христіанинъ. Отрезанный отъ своихъ сплеменниковъ Хазаро-Черкесовъ Кавказскихъ, онъ конечно не могъ дольше держаться противъ соединенныхъ силъ Руси и Грековъ. По всей вѣроятности его владѣнія находились въ сосѣствѣ съ Корсуньскою областью, тамъ где теперь существуютъ развалины Черкесь-Кермена. Земля его очевидно была присоединена Греками къ своимъ владѣніямъ.

²⁹⁾ Относительно Олава см.: Extrait de la Heimskringla de Snorro Sturleson. Ex historia regis Olavi Trygvii filii. An-

tiquités Russes. т. I. Часть этой саги, именно о пребывании Олава при дворе Владимира, переведена на русский языкъ протоиеремъ Сабининымъ (Рус. Историч. Сборникъ Московскаго Общества исторія и древностей. т. IV). Намекъ на войну Владимира съ Эрикомъ во справедливости находять и въ Русской лѣтописи, которая подъ 997-го упоминаетъ о походѣ Владимира въ Новгородъ, хотя причину его приводить наборъ войска противъ Печенговъ. (Geschichte des Russischen Staates von Strahl. т. I. стр. 115).

О морскомъ пути въ Біармію см. въ сочиненіи Странгольма „Походы викинговъ“. (Переводъ этого сочиненія, составленный Шемякинымъ, помѣщено въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1859 г. №№ 3 и 4 и 1860 г. №№ 1, 2, 3, и 4). Тутъ между прочимъ приводятся: путешествіе Отера въ IX вѣкѣ, заимствованное изъ сочиненій короля Альфреда Великаго, и взятый изъ сагъ разсказъ о томъ, какъ норманскіе купцы-пираты ограбили главное святилище Финновъ-Біармийцевъ, храмъ и идолъ верховнаго ихъ бога Юмалы.

³⁰⁾ О бракѣ Ярослава съ Иягитердой см. Antiquités Russes. Heimskringla. Saga af Olafi Konungi Hinum Helga.

Относительно новгородской дави Русская лѣтоись говорить два раза. Въ рассказѣ обѣ Олегѣ она выражается такъ: „и устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривень 300 на лѣто мира дѣла, еже до смерти Ярославѣ даяше Варягомъ“. А при извѣстіи о размолвкѣ Ярослава съ отцомъ говорится: „Ярославу же сущу Новгородѣ, и урокомъ дающу Кыеву двѣ тысячи гривиѣ отъ года до года; а тысячу Новгородѣ гридеемъ раздаваху“. Если предположить въ первомъ случаѣ ошибку (т. е. читать 3000 гривенъ, а не 300), то оба извѣстія относятся къ одной и той же данн., установленной еще Олегомъ. Но мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что съ теченiemъ времени данн. съ Новгорода были увеличены т. е. во времена Владимира они уже платили 3000 гривенъ, изъ которыхъ 2000 шли въ Киевъ великому князю, а тысяча назначалась на ратныхъ людей, охранявшихъ Новгородскую область, въ томъ числѣ и на варяжскую наемную дружины. Въ такомъ случаѣ второе извѣстіе не будетъ никако прѣтиворѣчить первому.

О мраморной ракѣ, въ которую положено тѣло Владимира, говорить и наша лѣтопись; а Дитмаръ сверхъ того замѣчаетъ, что обѣ гробницы, князя и княгини, были поставлены посреди церкви.

По поводу плача Киевлянъ при погребеніи Владимира, напомнимъ, что лѣтопись изображаетъ его княземъ щедрымъ и милостивымъ, особенно къ нищимъ и убогимъ: тѣмъ, которые за болѣзнями не могли сами приходить на его дворъ, онъ разсыпалъ сѣтѣстные пріпасы на возахъ. Эту черту, т. е. щедрость въ раздачѣ милостыни, подтверждаетъ и митрополитъ Иларіонъ, младшій современникъ Владимира, въ своей „Похвалѣ кагану нашему Владимиру“ (Чт. Об. И. и Д. 1848. № 7).

Исторія не можетъ не признать за Владіміромъ прозваніе Великаго, которое вполнѣ принадлежитъ ему за его подвиги и заслуги Русской землѣ, а посредствомъ ея и всему человѣчеству. Что же касается до нѣкоторыхъ чертъ характера, обнаруженныхъ имъ въ молодости своей, то въ этомъ отношеніи онъ немногимъ отличался отъ другого великаго человѣка, Константина, императора Римскаго, которому уподобился въ дѣлѣ христіанской миссіи.

31) Такое ожесточеніе Святополка противъ братьевъ и его предыдущія отношенія къ отцу придаютъ нѣкоторую вѣроятность нашей лѣтописи, что онъ не былъ родной сынъ Владіміра. Послѣдній, говорить она, послѣ смерти Ярополка взялъ за себя его жену грешанку, уже беременную отъ прежняго мужа. Что касается до Глѣба, то мы не слѣдуетъ лѣтописному рассказу, будто Глѣбъ во время кончины Владіміра находился въ Муромѣ и будто Святополкъ послалъ звать его къ себѣ отъ имени большаго родителя, скрывая его смерть. Мы находимъ гораздо вѣроятнѣе, и естественнѣе приведенное нами извѣстіе, взятое изъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ по древнѣйшей или Несторовой редакціи; тогда какъ въ позднѣйшихъ его редакціяхъ, обильно изукрашенныхъ реторикой, рассказъ о Глѣбѣ согласенъ съ лѣтописью (См. Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, изданное Срезневскимъ, Спб. 1860, и Чтеніе о житіи и чудесахъ Бориса и Глѣба, изданное Бодянскимъ въ Чт. Об. И. и Д. 1859. №. 1). Это обстоятельство въ свою очередь указываетъ на болѣе позднюю редакцію самого лѣтописнаго свода, неправильно приписанаго тому же Нестору.

32) Эймундова сага въ *Antiquit es Russes*. Т. II. (Она была переведена на Русскій языкъ Сеньковскимъ, и напечатана въ Библіотекѣ для Чтенія 1834 г. т. II). Эта сага приписываетъ Эймунду убіеніе Святополка, котораго она называетъ Бурислейфомъ. Затѣмъ она разсказываетъ о войнѣ Ярослава съ Вартиславомъ (т. е. Братиславомъ) Полоцкимъ; при чёмъ баснословитъ, будто Эймундъ, прошедший на службу Полоцкаго князя, устроилъ между братьями мирный договоръ, по которому они раздѣлили между собою Гардарикію (т. е. Русь): Ярославъ остался новгородскимъ княземъ, Вартиславъ получилъ Кіевъ, а Полоцкое княжество отдано было Эймунду. Послѣдній, умирая, передалъ это княжество товарищу своему Рагнару. На баснословный характеръ саги указываетъ и то обстоятельство, что она, повѣствуя о борьбѣ Ярислейфа съ Бурислейфомъ, совсѣмъ не упоминаетъ объ участіи въ неї польскаго короля.

Передъ началомъ этихъ событий въ лѣтописи Русской помѣщены рассказъ о столкновеніи Новгородцевъ съ Варягами Ярослава; при чёмъ первые избили многихъ наемниковъ на дворѣ какого то Паримона. Тогда князь удалился за городъ въ свое село Ракому, заставилъ сюда зачинщиковъ этого избіенія, и велѣлъ ихъ умертвить.

Но въ туже ночь изъ Киева отъ сестры его Предиславы пришли вѣсти о смерти Владимира и злодѣйствахъ Святополка. На другой день Ярославъ созываетъ вѣче, и каєтся въ своемъ жестокомъ поступкѣ съ Новогородцами; а послѣдніе примиряются съ нимъ, и вооружаются на Святополка. Весь этотъ расказъ отзыается искусственнымъ, драматическимъ построеніемъ. Столкновенія между гражданами и буйными Варягами происходили конечно нерѣдко. А смерть Владимира и дѣянія Святополка были не такія тайныя событія, вѣсть о которыхъ могла достигнуть до Новгорода только съ помощью Предиславы и неиначе какъ въ критическую минуту вѣроломнаго умерщвленія новогородскихъ гражданъ.

33) О битвахъ Ярослава съ Святополкомъ подъ Любечемъ и на рѣкѣ Альѣ повѣствуетъ только Русская лѣтопись; она же говоритъ и о сраженіи на Бугѣ. Сообщенные ею перебранки съ непріятелемъ были въ духѣ того времени, и подтверждаются, хотя вѣ сколько въ другомъ видѣ, извѣстіями древнѣйшихъ польскихъ лѣтописцевъ, каковы: Мартинъ Галль и Кадлубекъ, писавшіе въ XII вѣкѣ (См. Monumenta Poloniae. Бѣлевскаго. Т. I и II).

О войнѣ Ярослава съ Болеславомъ Храбрымъ, кроме Русской лѣтописи, мы имѣемъ извѣстія иноземныя. Первое мѣсто между ними принадлежитъ вѣмецкому лѣтописцу Дитмару (Dithmari Chronicon. Гл. III и отчасти VII). Его извѣстія наиболѣе достовѣрны какъ современника этихъ событій. Относительно хронологіи онъ согласенъ съ нашою лѣтописью. Впрочемъ онъ не всегда дѣлаетъ точные сообщенія по отношенію къ отдаленной отъ него Руси. Такъ, говоря о взятіи Болеславомъ Киева (который онъ называетъ *Китава*), Дитмаръ прибавляетъ, будто въ этомъ великомъ городѣ уже тогда находилось 400 церквей—число невѣроятное,—и будто населеніе его составилось изъ какихъ то бѣглыхъ рабовъ, и преимущественно изъ быстрыхъ Дановъ или Данаевъ. За тѣмъ слѣдуютъ извѣстія польскихъ лѣтописцевъ, Мартина Галла, Богуфала, Кадлубка и Длугоша. Но эти извѣстія отличаются большимъ хвастовствомъ и реторикой. Напримѣръ, онѣ повѣствуютъ, что Болеславъ, вѣзжая въ Киевъ, мечемъ своимъ надрубилъ его Золотыя ворота, въ знакъ своей победы; а Золотыя ворота еще не были тогда и построены. Особеннымъ многословіемъ и баснословіемъ отличается въ этомъ случаѣ Длугошъ, хотя онъ много пользовался и русскими лѣтописями. Такъ, по его словамъ, Болеславъ будто бы поставилъ на Днѣпрѣ, при впаденіи Сулы, какіе то желѣзные столпы, чтобы отличить предѣлы своего королевства. Король польский у него произносить къ войску длинныя рѣчи въ духѣ классическихъ писателей; онъ одерживаетъ надъ Ярославомъ четыре великия побѣды, почти все въ той же рѣкѣ Бугѣ, и пр. Хронология данныхъ событій у него также невѣрна. Послѣдующіе польские историки (Кромерь, Сарницкій и др.) по большей части повторяютъ тѣ же расказы. Еще

Карамзинъ указывалъ на ихъ противорѣчія и недостовѣрность (См. примѣч. 15—18 ко II тому его исторіи).

³⁴⁾ Объ этомъ походѣ не упоминаютъ старшіе лѣтописные своды, т. е. Лаврентьевскій и Ипатскій; о немъ говорятъ позднѣйшіе, именно: Софійскій, Воскресенскій и Никоновскій. Но очевидно онъ заимствованъ изъ древнѣйшаго источника. Относительно мѣстности, называвшейся Желѣзными Воротами, высказаны были разныя мнѣнія. Татищевъ разумѣлъ здѣсь Уральскій хребетъ и страну Югоровъ; его мнѣніе привѣтъ Миллеръ. Карамзинъ подразумѣвалъ землю Мордовскую или Черемисскую (къ т. II. прим. 64). Шёгренъ указалъ на Зырянскій край, именно село Водчу въ Усть-Сысольскомъ уѣзда на р. Сысолѣ: близъ этого села есть холмъ или городище, называемое въ народномъ преданіи Желѣзными Воротами (*Sjögrens Gesam. Schriften. I. 531*). Его мнѣніе привѣтъ Соловьевъ. Наконецъ г. К. Поповъ въ своемъ очеркѣ Зырянъ (Извѣстіе Общ. Любителей Естествознанія. Москва. Т. VIII. выпускъ 2. стр. 39) также указываетъ на Зырянскій край и Усть-Сысольскій уѣздъ, но только далѣе къ востоку около самаго Уральскаго хребта. Онъ приводить выписку изъ замѣтокъ г. Арсеньева (Вологод. губ. Вѣд. 1866. № 47), а именно: рѣка Шугора, притокъ Печоры, берущій начало въ Уральскомъ хребтѣ, въ однѣмъ мѣстѣ такъ стѣснена каменистыми крутыми берегами, что мѣсто это у туземцевъ называется *Ульдорф-Кырта*, т. е. Желѣзныи Ворота. Очевидно подобное название не принадлежало исключительно какой либо мѣстности, и встрѣчалось не одинъ разъ. (Напомнимъ, что также Русская лѣтопись называетъ Желѣзными воротами и Кавказскій Дербентъ). Мы считаемъ вѣроятнымъ, что походъ Новогородцевъ былъ предпринятъ именно въ Зырянскій или Югорскій край; но не думаемъ, чтобы лѣтописецъ подъ Желѣзными воротами разумѣлъ какую либо незначительную мѣстность на рр. Сысолѣ или Шугорѣ, извѣстной только у окрестныхъ туземцевъ, и едва ли Татищевъ не былъ ближе другихъ къ истинѣ, указывая вообще на Уральскія горы.

³⁵⁾ О бракѣ русской княжны съ Казимиромъ, кромѣ Русской лѣтописи, говорятъ Мартинъ Галль, Богуфаль, Лѣтописецъ Саксонскій (*Annalista Saxo*) и Длугошъ. Если Марія, по словамъ Длугоша, была дочерью Аны, супруги Владимира Великаго, которая умерла въ 1011 году, то во время бракосочетанія съ Казимиромъ, она не могла имѣть менѣе 32 лѣтъ. Лѣтописецъ Саксонскій называетъ ее не сестрою, а дочерью великаго князя Киевскаго. О женитьбѣ Изяслава Ярославича на сестрѣ Казимира упоминаютъ наши позднѣйшіе лѣтописные своды, т. е. Софійскій, Воскресенскій и Никоновскій.

³⁶⁾ Главными источниками для объясненія войны 1043 года служатъ Русская лѣтопись, Псалль, Кедремъ и Зонара. Кроме того краткое упоминаніе о ней встрѣчается у Гликки и Ефремія. Замѣчательно, что обѣ участія Варяговъ въ этой войнѣ и обѣ ихъ совѣтѣ

идти на самый Царьградъ сообщаютъ не старѣшіе своды лѣтописей, а позднѣшіе. Извѣстіе ихъ подтверждаетъ Скилица—Кедренъ, который говорить, что въ числѣ русскихъ войскъ были союзники, обитающіе на сѣверныхъ островахъ океана. (Ясно, что въ прежнихъ походахъ Руси подъ Царьградъ, 865 и 941 гг., варяжскія дружины не участвовали; иначе византійская исторіографія неумолчала бы о томъ). Въ данномъ случаѣ мы отдаемъ предпочтеніе Скилицѣ—Кедрену передъ Псевдомъ, хотя послѣдній былъ очевидцемъ событій; по словамъ его Русскіе начали войну будто-бы безъ всякой пра-чины, изъ одной ненависти къ греческой изгемоніи.

³⁷⁾ См. саги объ Олавѣ Св., Магнусѣ Добромъ и Гаральдѣ Сильномъ въ *Antiquit es Russes*.

³⁸⁾ *Acta Sanctorum. Regum Gallicarum et Francicarum scriptores. Lambert. Aschaffenbourg. Tiroc. Chronic. Hung. Снорро Стурлезонъ. Адамъ Бременскій и пр.* О родственныхъ союзахъ и сношеніяхъ Ярослава съ европейскими государями самое обстоятельное разсужденіе съ указаніемъ на источники остается до-сѣль то, которое принадлежитъ Карамзину. См. къ т. II примѣч. 40—48 и 59.

³⁹⁾ Въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, Софійскомъ, Воскресенскомъ и Никоновскомъ, заложеніе Киевской Софіи и Золотыхъ воротъ отнесено къ 1017 году, тогда какъ въ старѣшихъ сводахъ, т. е. Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ, оно упомянуто подъ 1037 годомъ. Отсюда возникли разныя мнѣнія и споры между учеными о времени основанія св. Софіи. (Всѣ эти мнѣнія сопоставлены въ „Олицаніи Киева“ Закревскимъ, стр. 760 и далѣе). Мы принимаемъ годъ старѣшихъ сводовъ, который болѣе согласенъ съ обстоятельствами: до 1037 года мѣсто Софіи было еще за чертою старого Киева, въ полѣ. Свидѣтельство Дитмаря, умершаго въ 1018 году, ясно указываетъ, что до построенія этого храма Ярославомъ въ Киевѣ уже существовалъ храмъ того же имени; Дитмаръ прибавляетъ, что онъ вѣдь съ своимъ монастыремъ подвергся пожару въ 1017 году.

Относительно построенія старой и новой Софіи въ Новгородѣ источники также представляютъ явкоторая разнорѣчія. Такъ въ Ипатьевской и Лаврентьевской просто говорится о заложеніи каменнаго собора въ 1045 г. княземъ Владиміромъ. Тоже сказано и въ Новгородской первой лѣтописи съ прибавкою извѣстія о пожарѣ старой церкви: „въ лѣто 6553 (1045) сгорѣ св. Софія въ суботу по затуреніи въ часъ 3-й, мѣсяца марта въ 15-е. Того же лѣта заложена бысть св. Софія Новгородѣ Владиміромъ княземъ“. Въ Новгородской второй стоить тотъ же годъ, и прибавлено, что сгорѣвшая деревянная церковь была о 13 верхахъ, построена владыкою Іакимомъ и стояла 4 года; а положеніе ея опредѣлено такъ: „конецъ Епіскопской улицы надъ рѣкою Волховомъ, гдѣ иныѣ (т. е. во времія лѣтописца) Сотко поставилъ церковь Бориса и Глѣба“. Въ

Новгородской третьей лѣтописи кончины владыки Іакима отнесена къ 1030 году; следовательно, если онъ былъ строитель деревянной Софіи, то послѣдняя стояла не 4 года, а гораздо дольше. Въ той же лѣтописи прибавлено, что новую каменную церковь, заложенную въ 1045 г., строили 7 лѣтъ, а расписывали ее иконные писцы, приведенные изъ Царыграда. Тамъ же находится и сказаніе объ образѣ Спаса съ благословленною рукою. Въ Воскресенской, Софійской и Никоновской лѣтописяхъ закладка каменной Софіи отнесена также къ 1045 году, но освященіе ея къ 1050; а между этими годами, именно подъ 1049 стоитъ извѣстіе, конечно ошибочное, о пожарѣ старой, деревянной церкви.

40) Распорядокъ удѣловъ, приписанный самому Ярославу, очевидно въ этомъ видѣ устроился уже послѣ его смерти и невдругъ, а послѣ некоторыхъ перемѣнъ и соглашеній между братьями. О распределеніи областей между сыновьями Ярослава см. разсужденіе въ Исторіи Карамзина (къ т. II примѣч. 50) и въ Исторіи Соловьева (къ т. II. прим. 27).

41) Мнѣнія о томъ, на какой Немизѣ происходила означенная битва, различны (см. въ Исторіи Соловьева къ т. II. прим. 37 и въ описаніи Минской губерніи Зеленскаго. Т. I. стр. 6). Мы думаемъ, что Всеславъ по всей вѣроятностишелъ на помощь Минску, но опоздалъ, и сразился съ Ярославичами подъ этимъ городомъ на рѣчкѣ Немизѣ, которая протекала чрезъ самый Минскъ; теперь эта рѣчка пересохла.

42) Кромѣ нашихъ лѣтописей главныя свѣденія объ Узахъ и Куманахъ заключаются у писателей византійскихъ, каковы: Константинъ Багрянородный, Скилица — Кедреинъ, Зонара, Анна Комненъ, Георгій Акрополита, Никита Хоніатъ, Георгій Пахимеръ, Никифоръ Грекора, Ioannъ Кантакузенъ и Георгій Кодинъ (см. у Стриттера т. III. ч. 2. *Uzica et Cumanica*). О родствѣ Печенѣговъ съ Половцами свидѣтельствуетъ Анна Комненъ, которая говоритъ, что Куманы и Печенѣги говорили однимъ языкомъ. Куманскій словарь (записанный Генуезцами въ началѣ XIV вѣка и обнародованный Клапротомъ въ *Memoires relatives à l'Asie*, т. III) свидѣтельствуетъ, что языкъ Комановъ составлялъ вѣтвь Туркотатарского семейства. Полагаютъ, что название *Куманы* означаютъ „степняки“, и что русское Половцы есть переводъ этого названія, произведеній отъ слова *поле, степь*. „Кумъ“ на языкахъ татарскихъ народаѣ значитъ песокъ; отсюда пожалуй можно заключить, что Куманы это собственно обитатели песчаныхъ степей. По свидѣтельству путешественника XIII вѣка Рубруквица Куманы сами себя называли *Капчатъ*. (Кипчаками доселѣ называется часть Киргизовъ).

Что касается до Торковъ, некоторые считаютъ ихъ остаткомъ Угромъ, изгнанныхъ изъ южной Россіи Печенѣгами въ IX вѣкѣ. Угры действительно у византійскихъ писателей называются иногда

не только Гуннами, но и Турками. Но русскіе лѣтописцы хорошо знали Угровъ и всегда отыкали ихъ этимъ именемъ. Мы, вслѣдъ за Карамзінымъ, находимъ болѣе вѣроятнымъ, что Торки нашихъ лѣтописей тождественны съ Узами византійскихъ и Гузами арабскихъ писателей. Въ этомъ убѣждаетъ ясно и послѣдовательность ихъ появленія въ русской лѣтописи, послѣ Печенѣговъ, прежде Половцевъ. (Въ числѣ туркменскихъ родовъ доселъ существуютъ Угузы, т. е. Узы или Гузы. См. газетный извѣстія въ мартѣ 1875 года о походѣ полковника Иванова за Аму Дарью для наказанія Туркменъ). Что Торки были однотеменны Печенѣгамъ, Половцамъ и Туркменамъ, о томъ прямо свидѣтельствуетъ нашъ лѣтописецъ. Подъ 1096 годомъ онъ говорить о четырехъ колѣнахъ Измаильскихъ: „Торкмены, и Печенѣги, и Торцы, и Куманы рекше Половци“. Торки и Торкмены очевидно одно и тоже название, хотя въ данномъ случаѣ первое относится ко второму какъ видъ къ роду. Потомки Торковъ, поселенныхъ на южныхъ гравицахъ Руси, какъ мы сказали, являются въ нашихъ лѣтописяхъ подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ; а это имя есть иное какъ переводъ туркотатарского названія Кара-Калмаки. Послѣднее название принадлежитъ въ наше время одному, туркестанскому племени, которое хотя и родственно Туркменамъ, однако имѣть свои отличія. Подъ именемъ Половцевъ Русская лѣтопись смишиваетъ иногда вмѣстѣ Кумановъ и Узовъ; безъ сомнѣнія часть послѣднихъ (и иѣкоторая часть Печенѣговъ) осталась въ южнорусскихъ степяхъ и смишалась съ Куманами.

Изъ отдѣльныхъ трактатовъ, посвященныхъ этимъ народамъ, упомянемъ: *Сума „Историческое разсужденіе объ Узахъ или Половцахъ“* (Чт. Об. И. и Др. годъ III. № 8. Съ датскаго переводъ протоіеря Сабинина), *Куника „О торкскихъ Печенѣгахъ и Половцахъ по мадьярскимъ источникамъ“* (Учен. Записки Академіи по 1 и 3-му отдѣленіямъ. Т. III. 1855 г.) и *Блау Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen* (Zeitschrift der deutschen Morgenlaendischen Gesellschaft. Leipz.: 1875. III и IV Heft). На основаніи помянутаго выше Куманского словаря, Блау относитъ Кумановъ къ Узбекской вѣти Турецкаго племени, т. е. къ той вѣти, которая составляетъ господствующее населеніе Хивинскаго ханства. (Та же вѣти составила ядро Киргизъ-Кайсацкаго народа). Въ русской литературѣ укажемъ еще на очеркъ г. *Мельгукова „Русь и Половцы“* (Свѣдѣнія о гимназіи Креймана. М. 1873). Къ Куманамъ относится самое древнєе извѣстіе о каменныхъ бабахъ, т. е. о тѣхъ грубыхъ изваяніяхъ, которые встрѣчаются на курганахъ всей южной и юговосточной Россіи и частю въ Сибири. Именемъ Рубруквісъ упоминаетъ объ обычаяхъ Кумановъ ставить эти изваянія на могильныхъ насыпяхъ въ честь своихъ покойниковъ. См. гр. Уварова „Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ“ съ указаніемъ литературы этого предмета (Труды первого Археологич. съѣзда).

⁴³⁾ Объ осадѣ и взятіи Переяслава Болеславомъ Смѣлымъ довольно пространно повѣствуетъ Длугошъ.

⁴⁴⁾ О немецкомъ посольствѣ къ Святославу Ярославичу см. Lamberti Schafnaburgensis Chronicorum подъ 1075 г. Грамоты Григорія VII къ Изяславу и Болеславу напечатаны въ Historica Russiae Monumenta. Т. I. № 1 и 2. По словамъ Татищева, Болеславъ, хотя и былъ вдвойной родственникъ Изяславу, но еще ближе приходился Святославу, на дочери которого онъ былъ женать.

⁴⁵⁾ О заточеніи Олега на островъ Родось упоминаетъ игуменъ Даніилъ въ своемъ „Хожденіи“ въ Іерусалимъ.

⁴⁶⁾ П. С. Р. Лѣт. О дочеряхъ Всеволода см. у Карамз. къ т. II примѣч. 156 и 157. Критический сводъ всѣхъ латинскихъ извѣстій о супружествѣ Евпраксіи съ Генрихомъ IV находимъ у Круга во второмъ томѣ его *Forschungen in der älteren Geschichte Russlands*. St. Petersb. 1848.

⁴⁷⁾ Въ лѣтописи о мѣстѣ съѣзда сказано: „въ Увѣтичахъ“. Нѣкоторые ученые старались опредѣлить, гдѣ лежали эти Увѣтичи, и дѣлали разныя предположенія. Но тутъ очевидное недоразумѣніе. Въ древнѣйшемъ спискѣ конечно стояло: „у витичева“; малограмотный списатель, не разобравъ хорошо, принялъ это за одно слово и для большей ясности прибавилъ предлогъ *въ*. Впрочемъ настоящее чтеніе встрѣчаемъ у Татищева: „на Витичевѣ“.

⁴⁸⁾ П. Собр. Рус. лѣтописей.

⁴⁹⁾ Мономахово Поученіе сохранилось только въ одной Лаврентьевской лѣтописи. Расказъ Владимира о своемъ дѣятельномъ, простомъ образѣ жизни подтверждается Посланіемъ о Постѣ, которое митрополитъ Никифоръ написалъ для того же князя. Тамъ говорится о Мономахѣ, что онъ „болѣе на землѣ спить и дому бѣгасть и свѣтлое ношеніе порть отгонить, и по лѣсамъ ходя сиротину носять одежду и по пути въ градъ входя, водости дѣла, въ властиельную ризу облачится“. (Русскія Достопамятности I. 68). Опѣнку Поученія какъ „памятника религіозно-правственныхъ возврѣній“, см. въ статьѣ С. Протопопова (Журн. Мин. Нар. Пр. 1874. Февраль).

⁵⁰⁾ П. С. Лѣт. Т. II.

⁵¹⁾ Лѣтопись наша (именно Ипатьевская) только вкратцѣ упоминаетъ подъ 1122 годомъ: „И Володаря яша Ляхове лестью, Василькова братя“. Подробности мы находимъ въ латино-польскихъ источникахъ, именно у Герборда въ жизни Оттона, епископа Бамбергскаго, у Кадлубка и Богуфала. (См. Бѣлевскаго Monumenta Poloniae Historica. Т. II. стр. 2, 74, 350 и 508). О захватѣ русского князя они сообщаютъ не совсѣмъ согласно; по Кадлубку и Богуфалу онъ былъ схваченъ на пиру; но вѣроятнѣе и обстоятельнѣе другихъ рассказываютъ о взятіи его на охотѣ и выкупѣ Гербордъ. Длугошъ говоритъ, будто Володарь былъ плененъ въ сраженіи. Онъ прибавляетъ, что Болеславъ взялъ за Володаря окупу 20.000 марокъ се-

ребра и 500 сосудовъ, т. е. блюдъ, чашъ и ковшъ греческой работы. Ипатьевская лѣтопись подъ 1145 годомъ сообщаєтъ о судьбѣ вѣроломнаго Петра Власта. Преемникъ Болеслава Кривоустаго Владиславъ II велѣлъ его ослѣпить, урѣзать ему языкъ, разграбить его домъ и выгнать его съ женой и дѣтьми. Онъ нашелъ убѣжище на Руси.

52) См. у Карамз. т. II. глава VII и прим. 240 и 241.

53) О предпріятіи Леона Діогеновича и посыпкѣ русскаго войска Владиміромъ Мономахомъ въ дунайскіе города сообщаютъ почти всѣ списки русскихъ лѣтописей, которые при этомъ называются Леона затѣмъ Владимира (за исключеніемъ Густынской, которая называетъ его затѣмъ Володаря).

Къ тому же временамъ относится сомнительный разсказъ вѣкото-
рыхъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ о томъ, что русскія
войска разорили Фракію и осадили самый Константинополь. Тогда
устрашенный императоръ Алексѣй Комненъ будто бы послалъ къ-
Владиміру Мономаху ефесскаго митрополита Неофита и другихъ
знатныхъ людей съ просьбою о мирѣ и съ богатыми дарами, ме-
жду которыми находились: крестъ изъ животворящаго дерева, золо-
той вѣнецъ, золотая цѣль и бармы (оплечье) императора Констан-
тина Мономаха, сердоликовая чаша императора Августа, скипетръ
и пр. Неофитъ торжественно возложилъ на Владимира вѣнецъ и
бармы, и назвалъ его царемъ. (См. своды Никоновскій, Воскресен-
скій и Густынскій, а также о рукописныхъ повѣстяхъ у Карамз.
къ т. II прим. 220). По всей вѣроятности этотъ разсказъ сло-
жился во времена гораздо болѣе поздніяя, чѣмъ XII вѣкъ, между
прочимъ для того, чтобы объяснить происхожденіе знаменитой
Мономаховой шапки и другихъ регалий, которыхъ возлагались при
коронованіи великихъ князей и царей московскихъ; онъ и досель
употребляются при коронаціи нашихъ царей (хранятся въ Москв.
Оружейн. палатѣ).

Замѣчательно, что греческіе источники совсѣмъ не упоминаютъ ни о Львѣ Діогеновичѣ, какъ затѣ Мономахомъ, ни о войнѣ по-
слѣдняго съ Греками. По ихъ извѣстіямъ, сынъ Діогена Констан-
тина еще ранѣе того погибъ въ сраженіи съ Турками близъ Ан-
тиохіи (см. у Вріевнія и Аны Комненъ); а послѣ того явился как-
то самозванецъ, выдававшій себя за этого сына Діогена. Онъ
былъ сосланъ въ Херсонесъ Таврическій, оттуда бѣжалъ къ Поло-
вцамъ и вмѣстѣ съ ними вторгся во Фракію, но былъ обманомъ
захваченъ въ плѣнъ Греками и ослѣпленъ. О походѣ съ Поло-
вцами на Греческую землю и ослѣпленіи его упоминаютъ и всѣ ваши
лѣтописи подъ 1095 г., называя этого самозванца просто Девгені-
чемъ. По вѣкотоимъ соображеніямъ и въ предпріятіи этого Лже-
константина участвовали не одни Полоццы, но и Русь. Онъ вѣ-
дѣтвительно проникъ во Фракію и осадилъ Адріанополь. (См. Ва-
сильевскаго „Византія и Печеңги“ въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1872

г. Декабрь). Можетъ быть это предприятіе и подало поводъ къ вышеупомянутому рассказу о войнѣ Руссовъ во Фракіи (прічемъ вмѣсто Адріанополя названъ Константинополь) и присыпалъ даровъ Владимиру Мономаху. Но и другой сынъ Діогена Леонъ, по сло-вамъ Анны Комненъ, былъ убитъ не въ Дористолѣ, а въ сраже-ніи съ Печевѣгами, въ 1088 г. Итакъ кто же былъ зятемъ Влад-имира, истинный царевичъ или самозванецъ? Вообще всѣ эти из-вѣстія довольно темны и сбивчивы. Г. Васильевскій предлагаетъ логадку, что Романъ Діогенъ кромѣ упомянутыхъ имѣлъ и другихъ сыновей, такъ какъ онъ женатъ былъ два раза; что кромѣ Льва, родившагося отъ второго брака, у него вѣроятно былъ еще сынъ Левъ отъ первого брака, и что этотъ то послѣдній, названный въ нашей лѣтописи зятемъ Владимира Мономаха, былъ женатъ не на дочери его, а на сестрѣ. („Русско-Византійскіе отрывки“. Журн. Мин. Н. Пр. 1875. Декабрь). Предположеніе о двухъ Лвахъ, сыновьяхъ Діогена отъ разныхъ матерей, находимъ вполнѣ вѣроят-нымъ; но полагаемъ, что, на оборотъ, Левъ, убитый въ 1088 г., происходилъ отъ первого брака, а Левъ, погибшій въ 1116 г., рожденъ отъ втораго, когда Діогенъ уже царствовалъ (1067—1071), и следовательно зять Владимира Мономаха былъ не только истин-ный царевичъ, но и „порфирородный“. Что же касается до предло-женія преемника Діогенова Михаила VII Дуки (1071—1078), кото-рый сваталъ для своего брата Константина дочь какого то князя, то г. Васильевскій основательно полагаетъ, что этотъ князь былъ никто иной какъ Всеволодъ, отецъ Владимира Мономаха. (Объ этомъ сватовствѣ идеть рѣчь въ двухъ письмахъ Михаила VII, обнародо-ванныхъ ученымъ грекомъ Саюю въ Annuaire de l'association pour l'encouragement des etudes grecques en France. 1875). Но сватовство очевидно не состоялось; также какъ вѣроятно не успѣло окончиться бракомъ и то сватовство Михаилова предше-ственника, на которое есть намекъ въ данныхъ письмахъ. Можетъ быть, въ обоихъ случаяхъ оно относилось къ извѣстной Янѣ дочери Всеволода, которая не даромъ же осталась девицей, и, будучи монахиней, предпринимала путешествіе въ Царьградъ.

О смерти Василька Леоновича Кіевской лѣтопись (по Ипат. списку) упоминаетъ подъ 1196 г. Иначе она называетъ его тутъ же „Василько Маричичъ, внукъ Володимира“, т. е. по матери Ма-рии. Очевидно Леоновичъ и Маричичъ одно и тоже лицо. Тоже лѣтопись сообщаетъ и о бракѣ Мономаховой внучки съ греческимъ царевичемъ; о какомъ царевичѣ здѣсь говорится, неизвѣстно. Ка-рамзинъ полагалъ, что это Алексѣй, сынъ императора Иоанна Ком-нена (т. II. прим. 242).

⁵⁴⁾ „Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ“, изданныя по тремъ разнымъ спискамъ О. М. Бодянскимъ въ Чен. Об. И. и Др. 1859 кн. I, и 1870 кн. З. „Сильвестровскій списокъ Сказаний о свв. Борисѣ и Глѣбѣ“, изданный отдельно И. И. Срезневскимъ по порученію

Археологич. Общества. Спб. 1860. Въ томъ и другомъ изданій помѣщены Сказанія въ двухъ редакціяхъ: первая редакція болѣе древня и оканчивающаяся перенесеніемъ мощей въ 1072 г., принадлежитъ Нестору, который самъ свидѣтельствуетъ о томъ въ концѣ. Вторая редакція, оканчивающаяся перенесеніемъ 1115 года, болѣе украшена и очевидно болѣе позднаго происхожденія (о томъ см. ниже въ прим. 58). О существованіи Борисоглѣбской церкви въ Константинополѣ свидѣтельствуетъ Путешествіе новогород. архіепископа Антонія, изданное подъ редакціей Саванитова. Спб. 1872.

55) См. у Мина S. Theodorus Studita. Patrologiae tomus XCIX. Полный и древній изъ славянскихъ списковъ Студійского устава, хранится въ Москов. Синод. библіотекѣ подъ № 330. (Опис. рукописей Синод. библ. III. стр. 229). Несколько любопытныхъ замѣчаній о редакціи Студійского устава, принадлежащей патріарху Алексію въ перв. половинѣ XI вѣка, и вліяніи этого устава на монастыри греческие и итальянские см. у архим. Сергія „Полный мѣсяцесловъ востока“. Т. I. М. 1875.

56) Источниками для начальной исторіи Киевопечерского монастыря и его подвижниковъ служатъ: Поля. Соб. Рус. Лѣт. (списки Ипатской и Лаврент.). Житіе Феодосія игумена Печерскаго, изданное Бодянскимъ по списку XII вѣка въ Чт. Об. И. и Др. 1858 г. кн. 3-я. Въ русскомъ переводе преосв. Филарета Харьковскаго это житіе издано въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ. Кн. II. 1856 г. Посланіе епископа Симона къ Поликарпу, напечатанное въ Памятникахъ XII вѣка, изданныхъ Калайдовичемъ. М. 1821. Тоже житіе Феодосія, Похвальное слово ему, а также сказанія Симона и Поликарпа, относящіяся къ началу Печерского монастыря и къ построению Успенского храма, см. въ „Памятникахъ Литературы XII и XIII вѣковъ“ В. Яковлева. Спб. 1872. Сказанія эти напечатаны имъ по рукописнымъ сборникамъ Патерика Печерскаго и другимъ рукописямъ Импер. Публич. библіотеки. Кроме того, „О началѣ монашества въ Россії“ въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ свв. Отцовъ, годъ VIII. кн. 4. О Патерикѣ Печерскомъ см.: Кубарева въ Чтен. Об. И. и Др. 1847. № 9, и 1858. № 3.; Казанского во Времен. Об. И. и Др. № 7, и „Обзоръ редакцій Кіевопечерскаго патерика“ въ Извѣст. 2-го Отдѣленія Акад. Н. т. V.

57) Упомянутыя сочиненія митрополитовъ Иоанна и Никифора напечатаны въ Русс. Достопамятностяхъ. Часть I. М. 1815, и въ Памятникахъ XII вѣка, изданныхъ Калайдовичемъ. М. 1821. Сочиненія Иларіона издавы въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ свв. Отцовъ. 1844 г. и въ Чтеніяхъ Моск. Об. И. и Др. 1848 г. № 7. съ предисловіемъ Бодянского. Объ этихъ сочиненіяхъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній см. у Шевырева въ его „Исторіи Русской словесности, преимущественно древней“. М. 1846. Лекція шестая. Тому же Иларіону приписываются еще „Поученіе о пользѣ душевной“, но едва ли основательно; на что указалъ преосвященный Макарій

въ своей „Исторії Рус. Церкви“ II. 81. Похвала Владміру Іакова Миха напечатана въ Христіанскомъ Чтений 1849 г. Тамъ помѣщено и Житіе Владміра, которое считаютъ произведеніемъ того же Іакова, но совершенно несправедливо; такъ какъ это житіе имѣть признаки гораздо позднѣшаго сочиненія. Существуетъ еще „Посланіе къ князю Димитрію“, сочинитель котораго называетъ себя также монахомъ Іаковомъ: онъ увѣщиваетъ своего духовнаго сына воздерживаться отъ пьянства и нецѣломудренной жизни. Думаютъ, что посланіе принадлежитъ тому же Іакову, а въ Димитріѣ хотятъ видѣть великаго князя Ізяслава Ярославича. Но и это сомнительно. Востоковъ указывалъ на великаго князя Димитрія Александровича, т. е. на XIII вѣкъ (Описаніе рукописей Румянц. музея. 304). Посланіе это вполнѣ напечатано въ Исторії Рус. Церкви Макарія. II. Примѣч. 254. Слова и поученія Феодосія, отчасти вполнѣ, отчасти въ отрывкахъ, изданы тѣмъ же преосваш. Макаріемъ въ Ученыхъ запискахъ Академіи Наукъ. Кл. II. 1856 г. См. его же статью „Преподобный Феодосій Печерскій какъ писатель“ въ Историческихъ Чтеніяхъ о Языке и Словесности“. Спб. 1855. О сочиненіяхъ Феодосія, Иоанна и Никифора, относившихся къ отличіямъ Латинской церкви, любопытныя данныя собраны въ „Обзорѣ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ Латинянъ“ Андр. Попова. М. 1875. Этотъ добросовѣтный изслѣдователь приводить византійские первообразы, которымъ слѣдовали помянутыя сочиненія, особенно посланіе константинопольского патріарха Михаила Керуларія къ патріарху антіохійскому Петру, прилагая къ подлиннику и древній славянскій переводъ этого посланія.

58) Наши ученые изслѣдователи, каковы Погодинъ (Древняя Русская исторія), преосвященный Филаретъ („Обзоръ Духовной Русской литературы“ и „Исторія Русской церкви“), преосвященный Макарій („Исторія Русской церкви“) и И. И. Срезневскій (см. его изслѣдованія въ Извѣст. Акад. Н. т. II.), болѣе распространенную и болѣе упрашенную редакцію сказаний о Борисѣ и Глѣбѣ приписываютъ Іакову Миха, автору Похвалы Владміру, тому Іакову, котораго Феодосій желалъ назначить своимъ преемникомъ. Мы позволяемъ себѣ не согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Оно основано на томъ, что въ Похвалѣ Владміру сочинитель говоритъ о своемъ прославленіи сыновей Владміра, „свв. славныхъ учениковъ Бориса и Глѣба“. Отсюда выходитъ, будто Несторово сказание о Борисѣ и Глѣбѣ написано послѣ сказания Іакова; ибо Іаковъ былъ старше Нестора: Феодосій предлагалъ Іакова въ игумены въ то время, когда Несторъ еще и въ монастыре не вступалъ. Но сличеніе обоихъ сочиненій убѣждаетъ насъ, что наоборотъ старшее изъ нихъ есть то, которое принадлежитъ Нестору. Второе, болѣе полное, болѣе упращенное цвѣтами краснорѣчія, очевидно кромѣ Нестора пользовалось и другими источниками; такъ какъ въ немъ есть и некоторые отличія и прибавленія. Это второе сочиненіе дополнено

рассказомъ о третьемъ перенесеніи мощей въ 1115 г.; тогда какъ Несторъ оканчиваетъ вторымъ перенесеніемъ, т. е. 1072 годомъ. Послѣднее обстоятельство конечно указываетъ на то, что болѣе полная редакція есть и болѣе поздняя. Какъ на признакъ позднѣшаго происхожденія укажу еще на искаженный рассказъ о смерти Глѣба, будто бы именемъ отца вызваннаго. Святополкомъ изъ Мурома. По Несторовой редакціи Глѣбъ бѣжалъ изъ Киева отъ грозящей опасности и былъ настигнутъ дорогою; что гораздо болѣе согласно съ логикой и съ обстоятельствами и прямо указываетъ на автора, по времени болѣе близкаго къ событию. Укажу также на Приточника, о которомъ упоминаетъ болѣе полное сказаніе въ своемъ началѣ; если тутъ разумѣется известный Даниилъ Заточникъ, то опять имѣемъ явный признакъ позднѣшаго сочиненія. Что касается до Іакова Миха, автора Похвалы Владимиру, то по всей вѣроятности онъ написалъ подобную же похвалу Борису и Глѣбу; чѣмъ и можно объяснить его вышеприведенное о нихъ упоминаніе. Что Несторъ первый собралъ, привелъ въ порядокъ и изложилъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, о томъ онъ ясно свидѣтельствуетъ въ своемъ предисловіи: „Елико слышахъ отъ иныхъ христолюбецъ, то да исповѣдѣ“. И потомъ въ заключеніе Житія: „Се же азъ Несторъ грѣшный о житіи и о погубленіи и о чудесахъ святою и блаженою страстотерпцю сею, опасиѣ вѣдущихъ исписавы (испытавъ?), а другая самъ свѣты, отъ многихъ мала вѣписахъ, да почитающе славятъ Бога“. Нѣтъ вѣроятія, что бы онъ не зналъ и не упомянулъ о подобномъ трудѣ, уже сдѣланномъ до него другимъ пещерскимъ инокомъ, если бы таковой трудъ существовалъ. Не могъ бы онъ исключительно приписать себѣ сочиненіе, въ которомъ только сокращалъ Іакова Миха. Повторяю, приписанное послѣднему сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ есть очевидно сочиненіе гораздо позднѣшее сравнительно съ Несторовымъ.

⁵⁹⁾ Мы съ намѣренiemъ распространяемъ о Несторѣ и Сильвестрѣ, что бы воздать должное каждому изъ этихъ двухъ основателей русской исторіографіи и по мѣрѣ силъ способствовать болѣе правильному взгляду на происхожденіе нашей лѣтописи. Вопросъ о начальной Русской лѣтописи занималъ многихъ ученыхъ и имѣть обширную литературу. Назову важнѣшіе труды по этому вопросу:

Шлѣчера Nestor. 4 Bände. Göttingen 1802 — 1809. Этотъ трудъ переведенъ порусски Языковымъ. *П. Строева „О византійскихъ источникахъ Нестора“* въ Трудахъ Об. И. и Др. IV. (Ему принадлежитъ честь первому указать на хронику Георгія Амартола, какъ на главный источникъ для нашей начальной лѣтописи). *Перевощикова „О русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ“* въ Трудахъ Рос. Акад. ч. IV. 1841. *Буткова „Оборона лѣтописи Русской отъ наѣта скептиковъ“* Спб. 1840. *Кубарева „Несторъ“* въ Рус. Историч. Сборникѣ 1842. т. IV. *Иванова* двѣ статьи о лѣтописахъ въ Ученыхъ Зап. Казан. Университета. 1843. кн. 2 и 3. Кн. М. *Оболенска-*

ио „Суздальская лѣтопись“. М. 1836, а также „Лѣтопись Переяславля Суздальского“ во Временникѣ Об. И. и Др. IX., и „О первоначальной Русской лѣтописи“. М. 1870, съ приложениемъ 1875 г. Бллева „О Несторовой лѣтописи“ въ Чт. Об. И. и Др. 1847. V. и еще во Временникѣ II и V. Полькова „Бібліографич. обзоръ рус. лѣтописей“. Спб. 1850. Казанскаго статьи о лѣтописяхъ во Времен. III, X и XIII. Болѣе всѣхъ посвятилъ труда и времени этому вопросу М. П. Погодинъ, который печаталъ изслѣдованія о немъ отдельно и въ повременныхъ изданіяхъ, а потомъ собралъ и свелъ ихъ въ своихъ „Изслѣдованіяхъ, Замѣчаніяхъ и лекціяхъ о Русской исторії“. Т. I и IV. Въ первомъ томѣ заключается и его полемика съ такъ наз. Скептическою школою, отвергавшою достовѣрность древней лѣтописи. Представителями этой школы были: Каченовский „О баснословныхъ временахъ Русской исторіи“ въ Учен. Зап. Моск. Универ. годъ III №№ 2 и 3., С. Строевъ „О мнімой древности Русской лѣтописи“ Спб. 1835 и „О недостовѣрности древней Русской исторіи“ Спб. 1834 (подъ псевдонимомъ Скромненко). Того же лѣтописнаго вопроса касались наши историографы Татищевъ, Карамзинъ, Полевои и Соловьевъ при обозрѣніи источниковъ Русской исторіи и памятниковъ древнерусской Словесности; кромѣ того Шевыревъ въ I томѣ своей „Исторіи Русской Словесности“ и Костомаровъ „Лекціи“ Спб. 1861. Даѣе замѣчательны труды: Срезневскаго въ Извѣстіяхъ Акад. Н. Ш; Лавровскаго „О лѣтописи Якимовской“ въ Учен. Запискахъ втораго отд. Акад. Н. кн. II.; особенно Сухомлинова „О древней Русской лѣтописи какъ памятникѣ литературномъ“ въ Учен. Зап. втор. отд. Акад. Н. Ш. и Бестужева-Рюмина „О составѣ Русскихъ лѣтописей“ въ 4 выпускѣ Лѣтописи занятій Археографической комиссіи. Послѣдній трудъ представляетъ полный и тщательно составленный сводъ всѣхъ предыдущихъ работъ по этому вопросу.

Извѣстно, что составленіе Повѣсти временнихъ лѣтъ еще въ древней Россіи приписывалось кievопечерскому иконѣ Нестору. Это мнѣніе доселе оставалось въ нашей историографіи; хотя некоторые ученые уже высказывали сомнѣніе въ его справедливости и предположеніе, что начальная лѣтопись вѣроятно принадлежитъ не Нестору, а Сильвестру Выдумецкому. Мы рѣшительно присоединяемся къ послѣднему заключенію.

Вотъ главнѣйша наши основанія:

1. Несторъ самъ заявляетъ о себѣ въ своихъ произведеніяхъ, именно въ Житіи Бориса и Глѣба и въ Житіи Феодосія Печерскаго, заявляетъ согласно съ обычаемъ того времени въ предисловіи или въ послѣдовании. Но въ лѣтописи онъ вигдѣ себя не называетъ и вигдѣ этого труда себѣ не приписывается. Въ дошедшіхъ до насъ спискахъ лѣтописныхъ сводовъ въ заглавіи большою частію говорится: „Се повѣсти временнихъ лѣтъ черноризца Феодосіева монастыря Печерскаго“, и въ одномъ только Хлѣбниковскомъ спискѣ,

относящемся къ XVI вѣку, стоять: „Нестора, черноризца Феодосіева монастыря“. Но въ древнѣйшемъ спискѣ, Лаврентьевскомъ, совсѣмъ нѣтъ словъ о черноризцѣ Печерского монастыря. Очевидно это прибавка позднѣйшая, вставленная подъ вліяніемъ уже сложившагося мнѣнія, что лѣтопись принадлежитъ Нестору. Поводъ къ такому мнѣнію могъ подать иночъ пещерскій Поликарпъ, который называетъ Нестора *лѣтописцемъ* въ своемъ посланіи къ Акиндіну и въ житіи Никиты Затворника. Поликарпъ писалъ болѣе ста лѣтъ спустя послѣ Сильвестра: онъ или съѣзжалъ его трудъ съ произведеніями Нестора, котораго авторская слава была велика особенно между пещерскими иночами; или (что вѣроюти) называлъ послѣдняго лѣтописцемъ по отношенію къ Печерскому монастырю, т. е. къ его Житію Феодосія, которое есть въ то же время начальная лѣтопись этого монастыря.

2. Сличеніе Повѣсти временныхъ лѣтъ съ несомнѣнными произведеніями Нестора, т. е. съ Житіемъ Бориса и Глѣба и съ Житіемъ Феодосія, ясно указываетъ, что первая не могла быть написана тѣмъ же лицомъ: ибо между вими встрѣчаются существенные разногласія. Напримеръ, въ лѣтописи при расказѣ о введеніи Студійскаго устава въ Печерскій монастырь сказано, что Феодосій принималъ всякаго приходящаго; „у кѣ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріять ми лѣтъ ми сущю 17 отъ рожденія моего“. Между тѣмъ въ Житіи Феодосія Несторъ говоритъ о себѣ: „пріять же быхъ игуменомъ Стефаномъ, и яко же отъ того остріженъ бывъ“. Отсюда ясно, что не Несторъ говоритъ о своемъ вступленіи въ монастырь семнадцатилѣтнимъ юношемъ при Феодосіѣ; да онъ самъ въ Житіи не скрываетъ, что лично не зналъ игумена и писалъ о немъ по расказамъ другихъ. Разнорѣчіе въ расказѣ объ убієніи Глѣба въ лѣтописи и въ сочиненіи Нестора мы уже приводили. (Сказание о Борисѣ и Глѣбѣ позднѣйшее, не Несторово, редакціи слѣдуетъ въ этомъ случаѣ лѣтописи). Затѣмъ можно указать на другія, болѣе мелкія, разногласія, каковы: разныя лица, посредствомъ которыхъ Феодосій досталъ Студійскій уставъ, разница въ расказѣ о кончинѣ Феодосія, о назначеніи ему преемника и пр. (Разногласія Нестора съ лѣтописью особенно ярко указаны Казанскимъ въ Отечест. Зап. 1851. Январь).

3. Что начальная лѣтопись составлена игуменомъ Сильвестромъ, о томъ онъ самъ свидѣтельствуетъ по обычаю въ концѣ ея, именно подъ 1110 годомъ: „Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Володимирѣ, княжашу ему въ Киевѣ, а мя въ то время игуменяющу у св. Михаила, въ 6624 (1116) иануаря. 9 лѣта, а иже четь книга сія, то буди ми въ молитвахъ“. Обыкновенно думали, что Сильвестръ былъ только переписчикомъ Повѣсти и ея продолжателемъ. Несостоятельность такого предположенія вытекаетъ изъ сличенія начала Повѣсти съ приведеною сейчасъ припискою Силь-

вестра. Въ началѣ ея есть хронологическая роспись кіевскихъ князей отъ Олега до смерти Святополка Михаила. Слѣдовательно Повѣсть начата послѣ 1113 года; въ княженіе Мономаха; приписка Сильвестра тоже подтверждается, что онъ написалъ свой лѣтописецъ при Мономахѣ и закончилъ трудъ въ 1116 году. Нѣть ни малѣйшаго вѣроятія предположить, что бы въ этотъ короткій промежутокъ времени (1113—1116) Несторъ въ Печерскомъ монастырѣ составилъ лѣтопись; а Сильвестръ успѣлъ достать ее и переписать, да еще выдать за собственное произведение, ни словомъ не упоминаясь о Несторѣ!

4. Свѣдѣнія, добытыя для Повѣсти отъ весьма разнообразныхъ лицъ, между прочимъ отъ знатѣйшихъ бояръ и самихъ князей (на-примѣръ, договорные грамоты) и нѣсколько офиціальный характеръ лѣтописи указываютъ, что она принадлежала не простому, смиренному иноку, а игумену, который былъ вхожъ въ княжій дворецъ, призывался иногда въ княжую думу, участвовалъ въ торжествахъ, посольствахъ и т. п. (Офиціальный характеръ лѣтописи доказывалъ и самъ главный защитникъ ея мнійной принадлежности Нестору М. И. Погодину. См. его Изслѣд. и лекці. IV. стр. 7). Что лѣтопись предпринята была игуменомъ Выдубецкаго монастыря и при поощрѣніи самимъ Мономахомъ, естественно вытекаетъ изъ близкихъ отношеній этого монастыря къ своему благодѣтелю Всеволоду и его потомству. И дѣйствительно, Повѣсть, послѣ знаменитой Печерской обители, слѣдить за главными событиями Выдубецкаго монастыря болѣе чѣмъ за какимъ либо другимъ. Особенно хвалебный тонъ лѣтописи ко всему, касающемуся Владимира Мономаха, а также помѣщеніе его письма къ Олегу и Поученія дѣтямъ несомнѣнно указываютъ на личныя отношенія лѣтописца къ этому князю и на покровительство послѣдняго; что подтверждается и послѣдовавшимъ вскорѣ послѣ лѣтописнаго труда назначеніемъ Сильвестра епископомъ въ родной Мономаху Переяславль.

5. Рядомъ съ мнѣніемъ, которое приписывало лѣтопись Нестору, въ древней Россіи сохранялось и другое мнѣніе: что начальная лѣтопись принадлежала Сильвестру. Видѣть съ тѣмъ видимъ и намекъ на отношеніе этого труда къ Мономаху; можетъ быть, намекъ этотъ подкрѣплялся тогда какими либо лѣтописными или другими указаніями, до насъ недошедшими. А именно, въ Никонов. сводѣ подъ 1409 г. читаемъ: „И первіи наши властодержцы безъ гибва повелѣвающи вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати, да и прочія на нихъ образы явленіи будутъ, якоже при Володимери Мономасе онаго великаго Селиверста Выдубецкаго не украшая пишущаго, да аще хощени прочти тамо прилежно“.

Послѣ вопроса о сочинителе Повѣсти важенъ вопросъ объ ея источникахъ. Въ этомъ отношеніи господствуетъ мнѣніе, что лѣтописецъ пользовался нѣкоторыми сказаніями и повѣстями, будто бы написанными еще до него. Внесъ ли эти сказанія самъ начальный лѣ-

тописецъ или они внесены въ лѣтопись позднѣе, о томъ существуютъ разныя предположенія ученыхъ; ибо начальная лѣтопись не дошла до насъ въ своемъ первобытномъ видѣ, а дошла съ сокращеніями, вставками и искаженіями, которыхъ дѣлали въ ней позднѣйшіе списатели и составители сводовъ. Не отвергая позднѣйшихъ вставокъ, я нахожу, что мнѣніе какъ объ ихъ, такъ и о повѣстяхъ, которыми будто бы пользовался сочинитель лѣтописи, преувеличено. Напримѣръ, находящійся въ ней рассказъ объ ослѣпленіи Василька считается отдѣльнымъ сказаніемъ, которое было написано какимъ то Василіемъ. Это предположеніе основывается на словахъ лѣтописи: „Василькови же сущю Володимири, и мав ту сущю, присла по мя князь Давыдъ, и рече: Василю, шлю тя, иди къ Василькови, тезу своему“ и т. д. Здѣсь рассказчикъ называетъ себя Василіемъ. Но действительно ли отсюда слѣдуетъ, что была особая Повѣсть объ ослѣпленіи Василька, написанная какимъ то Василіемъ и вставленная въ лѣтопись? Полагаю, что нѣтъ. Во первыхъ, рассказъ о Василькѣ тѣсно сливъ со всѣмъ остальнымъ, и невозможно найти, где начало, где конецъ этой будто бы вставленной повѣсти. Во вторыхъ, если сличимъ съ другими рассказами очевидцевъ, на которыхъ ссылается Сильвестръ, то увидимъ, что онъ нерѣдко сохраняетъ тонъ рассказчика и говорить отъ его имени въ первомъ лицѣ. Такъ подъ 1071 годомъ онъ передаетъ извѣстіе о волхвахъ, съ которыми имѣлъ дѣло Янъ Вышатичъ въ Суздалской землѣ. Очевидно все это онъ слышалъ отъ самого Яна, хотя и говорить о немъ здѣсь въ третьемъ лицѣ. Но подъ 1096 г. передаетъ рассказъ новгородца Гюраты Роговича о диковинахъ въ Югрѣ и ведетъ этотъ рассказъ уже въ первомъ лицѣ. Не укажи онъ прямо на разговоръ свой съ Гюратою, и это извѣстіе можно бы почесть такою же вставкою или отдѣльнымъ письменнымъ сказаніемъ какъ и ослѣпленіе Василька. Очевидно никакой особой писанной повѣсти объ этомъ ослѣпленіи не существовало во времена лѣтописца; а послѣдній просто передаетъ нѣкоторые подробности изъ своихъ распросовъ какого-то Василія, который по порученію Давида Игоревича вѣль переговоры съ Василькомъ, сидѣвшимъ въ темницѣ. Припомнимъ, что Василько Ростиславичъ послѣ Любецкаго сѣѣзда, проѣзжая мимо Киева, остановился у Выдубецкаго монастыря и прїехалъ въ этотъ монастырь поклониться Св. Михаилу; здѣсь и ужиналь; послѣ того, не забѣжавъ въ Кіевъ, хотѣлъ продолжать путь, когда его заманилъ къ себѣ Святополкъ. Безъ сомнѣнія у Василька были какія то особено дружескія связи съ Выдубецкимъ монастыремъ, и отсюда понятно, почему игуменъ этого монастыря Сильвестръ съ такими подробностями и такимъ участіемъ передаетъ бѣдствіе, постигшее князя. Подъ 1114 годомъ записанъ еще рассказъ о сѣверныхъ диковинахъ, начинающійся словами: „Пришедши ми въ Ладогу, повѣдна ми Ладожане“. Эти слова не означаютъ непремѣнно, чтобы лѣтописецъ самъ ходилъ въ Ладогу или что это извѣстіе есть позднѣйшая вставка. Лѣтописецъ вѣроятно и здѣсь ведетъ повѣствованіе отъ имени лица, которое ему

рассказывало и которое ссылается какъ на свидѣтеля на Павла, ла-
дожскаго посадника; а этотъ Павелъ былъ современникъ Сильвестра.

Что касается до виднаго мѣста, отведенаго въ Повѣсти времен-
нихъ лѣтъ начальной исторіи Киевопечерской обители и дѣятель-
ности Феодосія, оно объясняется прежде всего великимъ значенiemъ
и великою славою, которыми въ то время пользовалась эта обитель,
и особенно тѣмъ сильнымъ, еще живымъ впечатлѣнiemъ, которое
оставилъ послѣ себя Феодосій. Подробности, сюда относящіяся и
приведимыя иногда въ первомъ листѣ, точно также могли быть за-
писаны Сильвѣстромъ прямо со словъ нѣкоторыхъ пещерскихъ ино-
ковъ. Весьма возможно, что подробности эти, покрайней мѣрѣ отча-
сти, принадлежать лично самому Сильвестру; ибо ничто не мѣшаетъ
предположить, что онъ самъ былъ прежде инокомъ Печерского мо-
настыря. Извѣстно, что многіе игумены и епископы того времени
начали свое иноческое поприще именно въ Печерской обители. (Си-
монъ въ посланіи къ Поликарпу говорить, что число такихъ еписко-
повъ было болѣе 30; между тѣмъ какъ источники поименно называли
только половину этого числа). Можетъ быть къ самому Сильвестру
относится извѣстныя слова: „къ нему же и азъ придохъ худый... и
приѣть мя лѣтъ ми сущю 17“. А также: „Азъ же грѣшный твой
рабъ и ученикъ не доумѣю, чимъ похвалити доброго твоего житія
и воздержанія“. Или: „Молися за мя, отче честный, избывшему бы-
ти отъ сѣти непріязни и отъ противника врага соблюди мя твоими
молитвами“. Вообще дѣятельность Феодосія въ томъ видѣ, въ ка-
комъ она сообщена лѣтописью, по нѣкоторымъ признакамъ описана
лицомъ зналвшимъ его лично, однимъ изъ его учениковъ, но описа-
на исколькко иначе, чѣмъ въ Житіи, которое принадлежитъ Нестору.
Едвали нужно предполагать, что въ Повѣсть временныхъ лѣтъ вошли
мѣста изъ какой то еще неизвѣстной намъ лѣтописи Печерского
монастыря; все это могъ написать самъ Сильвѣстръ, отчасти по
собственной памяти, отчасти по рассказамъ другихъ иноковъ.

Точно также не вѣроятно и предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ,
занимавшихся вопросомъ о лѣтописи, будто авторъ ея имѣлъ въ
числѣ своихъ источниковъ сочиненія Іакова Миха, именно Житіе
Владимира и Житіе Бориса и Глѣба. Мы уже замѣтили, что эти со-
чиненія несправедливо приписываются тому Іакову Миха, который
написалъ Пхвалу Владиміру, и что онъ принадлежать позднѣйшему
времени. Сходство ихъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ съ лѣтописью
объясняется заимствованіями изъ послѣдней, а не наоборотъ. Во-
просъ о томъ, до какого года Сильвѣстръ довелъ свою Повѣсть,
также рѣшили гадательно. Помянутая его приписка 1116 года при-
ведена въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 1110 г. Но отсюда еще нель-
зя утверждать, что онъ закончилъ свою лѣтопись именно 1110 годомъ.
Онъ можетъ быть ее до самого 1116 года; а приписка его позднѣй-
шими списателями и продолжателями поставлена не на своемъ мѣстѣ,
подобно Поученію Мономаха, которое встрѣчается въ Лаврентьевскомъ

спискѣ (гдѣ оно только и сохранилось) подъ 1096 годомъ, хотя национально несомнѣнно позднѣе. Въ какомъ именно году написано это Поученіе, неизвѣстно; судя по вѣкоторымъ признакамъ не раньше 1118 года. Погодинъ доказывалъ, что первоначально оно сочинено въ 1099 году, а позднѣе слегка дополнено (Извѣстія 2-го Огд. Акад. Н. Х.). Не рѣшавъ вопроса, думаемъ, что Сильвестръ, по желанію или соизволенію Мономаха могъ прибавить Поученіе къ своей Повѣсти временныхъ лѣтъ и послѣ ея окончанія. Да и самая эта Повѣсть вѣроятно имѣла въ виду сыновей и внуковъ великаго князя. Что въ Лавреѧтевскомъ сводѣ приписка Сильвестра могла быть поставлена не на своеимъ иѣстѣ, доказываетъ Никоновскій сводъ, гдѣ также приписка, только болѣе распространенная, встрѣчается именно подъ 1116 годомъ. Третье перенесеніе мощей Бориса и Глѣба, записанное подъ 1115 годомъ, судя по тону и обстоятельному рассказу (Ипат. списокъ), едва ли не принадлежитъ Сильвестру, который тутъ же упоминается въ числѣ игуменовъ, присутствовавшихъ на торжествѣ.

Съ вопросомъ о начальной Русской лѣтописи тѣсно связанъ вопросъ о происхожденіи Русского государства. Сличеніе всѣхъ существующихъ списковъ лѣтописи, а также польскихъ хроникъ, которые пользовались русскими лѣтописами, приводить къ слѣдующему выводу: въ Повѣсть временныхъ лѣтъ уже была внесена басня о призываѣ Варяговъ; но при этомъ еще не смышивалась Русь съ Варягами. Въ послѣднемъ особенію убѣждаютъ меня Длугошъ и Стрыйковскій, которые могли пользоваться списками русской лѣтописи болѣе древними, чѣмъ сохранившіеся до нашего времени. (Послѣдніе восходатъ нерѣдѣ какъ ко второй половинѣ XIV вѣка, именно Лаврент. списокъ). Мое мнѣніе подтверждается свидѣтельствомъ краткой хронографіи, написанной въ Новгородѣ въ концѣ XIII вѣка и известной подъ именемъ „Лѣтописца патріарха Никифора“ (Рукоп. Моск. Синод. библіотеки подъ № 132). Здѣсь сказано: „придоша Русь, Чудь, Славяне, Кривичи къ Варягомъ, рѣша“ и пр. У Татищева въ I томѣ помѣщены отрывки изъ лѣтописи, которую онъ неосновательно приписываетъ Иоакиму, первому новгородскому епископу. Эта лѣтопись есть очевидно реторическое произведение позднѣйшаго времени; но, по справедливому замѣчанію С. М. Соловьевъ, составитель ея безъ сомнѣнія пользовался начальною Новгородскою лѣтописью, которая до насъ не дошла (Истор. Россіи. III. 140). Въ этой такъ наз. Якимовской лѣтописи рассказывается басня о новгородскомъ старѣшинѣ Гостомыслѣ и его трехъ дочеряхъ, изъ которыхъ младшая сдѣлалась женой старшаго изъ трехъ призванныхъ варяговъ, Рюрика. Тутъ также не смышивается Русь съ Варягами: Варяговъ на ряду съ другими племенами призываетъ Русь. (Подробнѣе эти соображенія въ моей статьѣ „Еще о норманизмѣ“).

Вопросъ о Варягахъ и Руси породилъ обильную литературу въ нашей исторіографіи и филології. Назовемъ наиболѣе замѣчательные труды и мнѣнія. Скандинавское происхожденіе Руси доказывали, во пер-

ыхъ, члены Петербургской Академіи Наукъ прошлаго столѣтія *Байеръ* (De Varagis et Origines Russicae въ Comment. Academiae Pet. IV и VIII), *Миллеръ* (Origines gentis et nominis Russorum), *Стриммеръ* (Memoriae populorum и Исторія Россійская) и *Шлецеръ* (Nestor), кроме того *Струзе* (Dissertations sur les anciens Russes. 1785) и *Тулманъ* (Untersuchungen. 1772 — 1774); а въ настоащемъ столѣтіи: *Лердеръ* (Изслѣдованія, въ перевѣдѣ Языкова. Спб. 1819), *Френъ* (Ibn-Foszlan, Спб. 1823), *Бутковъ* (Оборона Львополія, Спб. 1840), *Погодинъ* (Изслѣдованія и Лекціи М. 1846. т. II), *Кумикъ* (Die Berufung der Schvedischen Rodsen Спб. 1844 — 1845, О запискѣ Готскаго топарха въ Зап. Ак. Н. XXIV и Каспій-Дорпа. Спб. 1875), *Круизъ* (Forschungen. Спб. 1848), *Крузе* (Chronicon Nortmanorum. Dorpat 1851). Тоже мнѣніе поддерживали русскіе исторіографы Карамзинъ, Арцыбашевъ, Полевой, Устряловъ и Соловьевъ; а также Штранль (Geschichte des Russischen Staates).

Противники Скандинавской теоріи:

Ломоносовъ (Древняя Рус. Исторія. Спб. 1766), который выводилъ Варяговъ съ южнаго Балтійскаго поморья; *Татищевъ* (Исторія) и *Болтынъ* (Примѣчанія къ исторіи Щербатова. Спб. 1798) производили ихъ изъ Финляндіи. (Сюда же примыкаетъ въ послѣднее время г. Щегловъ съ своей теоріей Волжско-Финской Руси). *Эверсъ* (Vom Ursprunge des Russischen Staats. Riga-Leip. 1808. и Kritische Vorarbeitungen. Dorpat. 1814) производилъ Варяговъ-Русь изъ Казарии; *Нейманъ* (Ueber die Wonsitze der ältesten Rossen. Dorpat. 1825) выводилъ ихъ съ береговъ Чернаго моря. *Брунъ* (Зап. Акад. Н. т. XXIV. кн. I) ведеть ихъ отъ древнихъ Готовъ, принадлежа впрочемъ къ Норманской школѣ; *Юргевичъ* (Зап. Одес. Об. И. и Др. VI) считаетъ Руссовъ Угорскимъ племенемъ; а *Костомаровъ* предложилъ Латовскую теорію ихъ происхожденія (Соврем. 1860. № I.), но въ послѣдствіи добросовѣстно оставилъ ее, и расказъ о призваніи Варяжскихъ князей призывалъ баснею (Вѣст. Европы 1873. Январь). Наиболѣе многочисленную группу противниковъ Норманской школы образуютъ ученые, выводившіе Варяго-руссовъ отъ Балтійскихъ Славянъ, отчасти примыкающіе къ Славяно-пруссской теоріи Ломоносова; таковы: *Максимовичъ* (Откуда идетъ Русская земля. К. 1837), *Венелинъ* (Скандинавоманія. М. 1842), *Морошкинъ* (Изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ. 1842), *Савельевъ* (Сынь Отеч. 1848), *Ламанскій* (Славяне въ Мал. Азіи, Африкѣ и Испаніи. Спб. 1859), *Котляревскій* (О погребальныхъ обычаяхъ у Славянъ М. 1868. и Древности Балтійскихъ Славянъ. Прага 1874). Наиболѣе сильные удары, послѣ ученаго и остроумнаго Эверса, на несъ Норманской школѣ *Гедеконовъ* (Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ. Зап. Акад. Н. т. I. кн. 2, т. II кн. 2 и т. III. кн. I); по своимъ выводамъ онъ примыкаетъ съ одной стороны къ Славяно-Балтійской школѣ, а съ другой къ теоріи Эверса о Хазар-

скомъ вліяніи на происхожденіе Русского государства, Нѣсколько дѣльныхъ возраженій противъ Норманской школы на основаніи арабскихъ извѣстій представляютъ Хемльсонъ (Извѣстія о Славянахъ и Русахъ. Спб. 1869) и Гаркаевъ (Сказанія мусум. писателей о Славянахъ и Русскихъ. Спб. 1870). Но всѣ труды помянутыхъ ученыхъ не могли разрушить Норманскую теорію, потому что исходнымъ пунктомъ своихъ изслѣдованій они полагали возворотъ на Руси варяжскихъ князей, т. е. оставляли безъ достаточной критики самое сказаніе нашей лѣтописи о призваніи Варяговъ. (Доказательства противъ достовѣрности этого сказанія представлены мною въ изслѣд.: „О минимъ призваніи Варяговъ“, „Еще о Норманизмѣ“ и пр.).

⁶⁰⁾ Хожденіе Даніила Паломника издано Сахаровымъ въ первой части „Путешествій Русскихъ людей въ чужія земли“, 1837, и А. С. Норовымъ—Pelerinage en terre sainte de l'igoumѣne russe Daniel. S. Petersb. 1864.

⁶¹⁾ Русская Правда дошла до насъ по многимъ спискамъ. Она различается по двумъ главнымъ редакціямъ: краткой, которая восходитъ къ XI вѣку, и пространной, относящейся къ XIII. Открытие этого памятника принадлежитъ Татищеву, который нашелъ его въ одной рукописи XV вѣка, заключавшей въ себѣ Новгородскую лѣтопись. Впервые издалъ ее Шлѣцеръ въ 1767 г. съ той же рукописи. Но древнѣйшій списокъ Правды найденъ въ Коричей книгѣ, въ рукописи XIII вѣка, которая хранится въ Московской Синодальной библиотекѣ. Съ этого списка Правда издана Обществомъ Ист. и Др. въ Русскихъ Достопамятностяхъ ч. I. 1815 г. Вообще Русская Правда издавалась нѣсколько разъ и по разнымъ спискамъ. Замѣтительны особенно ея изданія въ Рус. Дост. ч. II. 1843 г. съ объясненіями Д. Дубенского и „Текстъ Русской Правды“ М. 1846. Н. В. Калачева. Въ томъ же 1846 г. вышло превосходное изслѣдованіе Калачева подъ заглавіемъ „Предварительная юридическая свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды“. Здѣсь разсмотрѣны и оцѣнены всѣ предыдущіе труды по этому памятнику законодательства и представленъ сводный текстъ разныхъ редакцій. (Только вслѣдъ за Карамзінымъ, Погодинымъ и др. неправильно отнесенъ къ Ярославу I Уставъ о мостовыхъ въ Новгородѣ, въ нѣкоторыхъ спискахъ включенный въ Русскую Правду. Этотъ Уставъ несомнѣнно принадлежитъ времени позднѣйшему). Вопросъ о Русской Правѣ имѣть значительную литературу. О ней разсуждаютъ Карамзинъ въ своемъ великомъ трудѣ; потомъ Эверсъ въ своихъ Kritische Vorarbeit. zur Geschichte der Russen. Dорp. 1814 (русский переводъ Погодина) и Das aelteste Recht der Russen. Dорp. et Hamb. 1826 (русский переводъ Платонова), Нейманъ—Studien zur gründlichen Kentniss der Vorzeit Russlands. Dорp. 1830, Розенкампфъ въ своемъ „Обозрѣніи Коричей книги“, Неволинъ въ своей „Энциклопедіи Законовѣденія“, Погодинъ въ „Изслѣд. и Лекціяхъ“ т. III. Послѣдній ученый, какъ ревностный поборникъ Нор-

манской теорії, видѣлъ въ Русской Правдѣ заимствованія изъ Скандинавскихъ законовъ, хотя, помимо общаго индоевропейскаго происхожденія, сходство въ юридическихъ понятіяхъ и обычаяхъ встрѣчается у самыхъ разнообразныхъ народовъ, стоящихъ на извѣстной степени развитія. Изъ трудовъ, специально посвященныхъ Русской Правдѣ, укажемъ еще на сочиненія: *Тобина Prawda Russkaia*. S. Petersb. 1844. *A. Попова* „Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву“. М. 1841. *H. Ланге* „Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды“ (въ Архивѣ Калачева. 1859. № I). *Леонтьевича*, „Русская Правда и Литовскій Статутъ“ (Киевск. Университет. Извѣст. 1865) и *Дювернуа* „Источники права и судъ въ древней Россіи“. М. 1869. Русская Правда издана еще въ Поль. Собр. Рус. лѣтоп. т. VI. вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ такъ наз. *Закона суднало*, представляющаго извлеченіе изъ греческихъ узаконеній и несправедливо приписаннаго императору Константину В.; о чёмъ см. у барона Розенкампфа въ Обозрѣніи Кормчей изд. 2-е стр. 101 и далѣе. Кроме того текстъ Русской Правды перепечатанъ въ „Собрании важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древнаго Русскаго права“ *Лазаревскому* и *Утинымъ*, съ трехъ разныхъ списковъ, Слб. 1859, и въ „Хрестоматіи по исторіи Русскаго права“ *Владимирскому*—*Будановскому*, Ярославль 1872, по двумъ спискамъ, съ примѣчаніями и указаніемъ на литературу предмета.

Правдоподобныя соображенія о томъ, что загадочные Колбяги суть тоже, что Черные Клобуки или вообще югосточные инородцы см. въ упомянутомъ изслѣдованіи *Ланге* (79 стр.). Это мнѣніе подтверждаютъ и некоторые византійскіе хризовулы XI вѣка, въ которыхъ перечисляются разные наемные отряды на византійской службѣ. Рядомъ съ Варангами, Руссами, Саракинами и пр. тутъ упоминаются иногда *Кулпинги* (См. *Sathas—Bibliotheca Graeca*. I. 55 и 64.). Эти Кулпинги или Кулпяги конечно представляютъ отряды изъ степныхъ народовъ Южной Россіи.

Русская Правда представляетъ и еще нѣкоторыя не совсѣмъ определенные состоянія или классы населения; таковы *огнище* и *изгои*. Первыхъ правдоподобно объясняютъ словомъ *огнище*, т. е. очагъ, подъ которымъ тутъ разумѣется собственно княжій дворъ, и огнищане суть тѣ же „княжіе мужи“ или то, что впослѣдствіи называлось *дворяне*. (*Ланге*. 55). Относительно изгоевъ были выражены разнообразныя мнѣнія. Уставъ князя Всеволода о церковныхъ судахъ въ Новгородѣ и Псковѣ такимъ образомъ опредѣляетъ изгойство „Изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣеть, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаеть; а се четвертое изгойство и себѣ приложимъ, аще князь осиротѣсть“. Сравнивая съ другими упоминаніями объ изгояхъ, можно заключить, что вообще изгоями назывались люди измѣнившіе свое прежнее состояніе, въ особенности осиротѣвшіе, обнищавшіе.

Что касается до судебныхъ поединковъ, то они восходятъ къ

глубокой древности, ко временамъ Скиескимъ. Еще по извѣстію Геродота Царскіе Скіоны рѣшали свои распри единоборствомъ въ присутствія своего царя. Царь выдавалъ побѣженного на волю побѣдителя; послѣдній отрубалъ голову своему противнику и изъ черепа его дѣлалъ застольную чашу. Безъ сомнѣнія Сарматы — Русь, родственные по племени Царскимъ Скиозамъ, имѣли тотъ же обычай; онъ впослѣдствіи смѣгчился, особенно во времена христіанскія; но соединенное съ нимъ выраженіе осталось до позднѣйшихъ временъ (*выдача головы*). Что языческая Русь часто прибѣгала къ судебному поединку, о томъ имѣлось два свидѣтельства, независимыя другъ отъ друга и оба принадлежащія X вѣку. Левъ Діаконъ: „Тавроскии еще и нынѣ имѣютъ обыкновеніе рѣшать свои распри убѣйствомъ и кровью“, (93 стр. русс. перевода). Илья Даста: „Если обѣ стороны приговоромъ царя недовольны, то по его приказанию должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію; чей мечь острѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ. На борьбу вту родственники приходить вооруженными и становятся. Тогда соперники вступаютъ въ бой, и побѣдитель можетъ требовать отъ побѣженного, чего хочетъ“. (Хвольсонъ. 38). Такъ какъ тотъ же обычай впослѣдствіи встрѣчается подъ имѣнемъ *поля* въ договорѣ Смоленска съ Нѣмцами 1229 г., въ Псковской судной грамотѣ и въ судебнѣхъ Ивана III и Ивана IV, то ясно что онъ не прекращался и во времена Правды. (См. также статью Лохвицкаго „Значеніе бояльныхъ судовъ по Русскому праву“ въ Отеч. Зап. 1857 г. кн. VI).

⁶²⁾ „Обозрѣніе Коричей книги въ историческомъ видѣ“ барона Розенкампфа (Второе, дополненное изданіе. Спб. 1839). „Первона-чальный Славянорусский Номоканонъ“ (К. 1869) и „Номоканонъ при большомъ требаникѣ“ (Од. 1872) — проф. Павлова. Церковный уставъ Владимира подвергался сомнѣнію со стороны своей подлинно-сти. Напр. Карамзинъ указывалъ въ немъ слѣдующую невѣрность: Владимиръ говорить, будто бы онъ принялъ крещеніе отъ патріарха Фотія (вместо Николая Хризоверга); тогда какъ Фотій жилъ столѣтіемъ раньше. Но неточности были конечно внесены въ уставъ позднѣйшими списа-телями; точно также различія въ дошедшіхъ до настъ спискахъ уста-ва произошли отъ позднѣйшихъ дополненій къ нему. Подлинность его въ особенности доказалъ преосв. Макарій въ своей „Исторіи Русской церкви“ т. I. Онъ предлагаетъ здѣсь списки устава по разнымъ редакціямъ. Точно также пр. Макарій защищаетъ и под-линность устава Ярославова, во II томѣ своей Исторіи. Кромѣ Макарія уставы Владимира и Ярослава были издаваемы Лепехинымъ въ его „Древнихъ запискахъ путешествія“, ч. III, Новиковымъ въ Древней Вивліоенкѣ ч. VI и въ ея продолженіи. Ч. III, Калаче-вымъ въ его сочиненіи „О значеніи Коричей“, М. 1850, въ Поли. Собр. Рус. Лѣтоп. т. VI, въ дополненіяхъ къ Актамъ Историч. I. № 1, въ Актахъ относящихся къ Запад. Рос. т. I. № 166, и также Лазаревскимъ — Утинымъ и Владимірскимъ — Будановымъ въ ихъ

Хрестоматіяхъ по Росс. праву и проф. Аристовымъ въ его Хрестоматіи по Русской исторіи. Изслѣдованія о нихъ см. у митроп. Евгения въ его „Описаніи Киево-Софійскаго собора“ К. 1825, у Рейца—Опытъ исторіи Росс. законовъ, Погодина—Изслѣд. и лекціи т. I. и Неволина—О простирачствѣ церковн. суда въ Россіи до Петра В. (Собр. сочч. т. VI).

⁶³⁾ Въ *Очеркахъ Мордовы* г. Мельникова (Рус. Вѣст. 1867. № 9) находимъ черту, которая можетъ служить некоторымъ объясненіемъ лѣтописнаго рассказа о волхвахъ, дѣлавшихъ надрѣзы у женщинъ за плечами и какъ бы вынимавшихъ оттуда съѣстные припасы. Когда Мордва готовится совершить служеніе и жертвоприношеніе своимъ богамъ, то особо выбранные для того люди ходятъ по деревнѣ и собираютъ жертвенные припасы. Въ каждомъ домѣ замужнія женщины, обнаживъ плечи, закидываютъ за нихъ суму съ мукой или другимъ припасомъ, держа ее за тесемки. Собиратель, читая извѣстную молитву, жертвеннымъ ножемъ слегка колетъ обнаженные плечи и спину женщинъ, потомъ перерѣзываетъ тесемки, и сума падаетъ въ подставленную для того священную кадку. Г. Мельниковъ находитъ много общихъ чертъ въ языческихъ обрядахъ чудскихъ и русскихъ; что весьма естественно при исконномъ сосѣдствѣ, обоюдномъ влияніи и перекрещеніи Славянъ и Финновъ. Онъ также приводить одно мордовское преданіе о сотвореніи человека Чамъ-Пасомъ (верховнымъ божествомъ) и Шайтаномъ (злымъ духомъ), весьма похожее на то ученіе, которое волхвы излагали Яну Вышатичу (*ibid.* 230 стр.).

⁶⁴⁾ П. С. Р. Л. Объ отказѣ полоцкихъ князей идти на Полоцкъ свидѣтельствуетъ Ипатьевский списокъ подъ 1140 г. и Татищевъ (II. 240); а объ ихъ подвигахъ въ греческой службѣ только этотъ послѣдній. Въ „Путешествіи новгородского архиепископа Антонія въ Царьградъ“ въ концѣ XII вѣка упоминается княгиня Ксения, супруга Брячислава, погребенная въ одной изъ Цареградскихъ церквей на другой сторонѣ Золотаго Рога, т. е. въ Галатѣ (стр. 50 и 167). Это извѣстіе подтверждаетъ пребываніе полоцкихъ князей съ ихъ семействами въ столицѣ Византійской имперіи. Упомянутая Ксения вѣроятно была внучка Мономаха, дочь Мстислава, супруга Брячислава Борисовича, одного изъ внуковъ знаменитаго Всеслава Полоцкаго.

⁶⁵⁾ Дополненіе къ Актамъ Историч. I. № 2. Въ числѣ пожалованныхъ великимъ княземъ доходовъ тутъ упоминается *осенне полюдіе даровное* въ *полтретъядесять* (т. е. 25) *гривенъ*. Митрополитъ Евгений составилъ археологическія примѣчанія къ этой грамотѣ (Труды Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ. Часть III. кн. I.). Относительно серебряного блюда, пожалованного Всеволодомъ, любопытно выражение грамоты: „*велѣль есмь быти въ ніе на обѣдѣ, коли игуменъ обѣдаєтъ*“. Митроп. Евгений объясняетъ это слѣдующимъ обычаемъ общежительныхъ монастырей: во время тра-

пезы, когда нужно перемѣнить кушанье, то настоятель, чтобы не нарушить безмолвія, стучитъ въ предстоящее передъ нимъ блюдо или чашу или колокольчикъ. Пергаменный подлинникъ этой грамоты съ серебраюю позолоченою печатью хранится въ Новогорд. Юрьевѣ монастырѣ.

Памятникомъ Мстиславова княжения въ Новгородѣ Великомъ служить еще Евангеліе въ дорогомъ окладѣ. Мстиславъ построилъ церковь Благовѣщенія на Городищѣ (загородный дворъ Новогородскихъ князей), и для этой церкви заказалъ написать евангеліе; что и было исполнено сыномъ пресвитера Алексеемъ Лазаревымъ. Желая украсить его какъ можно богаче, князь посыпалъ его съ какимъ то Неславомъ въ Царьградъ, гдѣ переплѣтъ евангелія и былъ украшенъ золотымъ и серебрянымъ окладомъ съ дорогими камнями и финифтными иконными изображеніями. Свѣдѣнія эти получаются на основаніи приписокъ или послѣдователій къ самому Евангелію. Въ настоящее время оно хранится въ Москов. Архангельскомъ соборѣ. Извѣстный археологъ Филимоновъ тщательнымъ изслѣдованіемъ доказалъ, что настоящій окладъ не принадлежитъ времени Мстислава; что отъ послѣдняго сохранилось только нѣсколько украшений, а остальное относится къ позднѣйшему времени, преимущественно къ его обновленію въ XVI вѣкѣ („Окладъ Мстиславова евангелія“ въ Член. Об. И. и Др. 1860. № 4). Видѣть съ Остроміровымъ Евангеліемъ и Сборникомъ Святослава Мстиславово Евангеліе составляетъ наиболѣе драгоценный памятникъ древнейшей русской письменности. (Остромірово Евангеліе хранится въ Петербургской Император. Публич. Библіотекѣ, а Святославовъ Сборникъ въ Москов. Синодальной библіотекѣ).

⁶⁶⁾ П. С. Р. Л. См. лѣтописи Новгородскія и Никоновскую.

⁶⁷⁾ Борьба эта обстоятельнѣе другихъ изложенія въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи.

⁶⁸⁾ П. С. Р. Л. Своды Ипатьевскій, Лаврентьевскій и Никоновскій. Наиболѣе основательное сужденіе о томъ, что по вопросу, о митрополіи высказалось вациональное стремленіе Изяслава II къ ослабленію политическаго вліянія Византіи, дѣйствовавшій при посредствѣ іерархіи, принадлежитъ преосв. Макарію. Си. его „Исторію Русс. церкви“ т. III. гл. I.

⁶⁹⁾ Несовсѣмъ ясно извѣстіе лѣтописи, почему ополченіе князей два года сряду оставалывалось у Канева, далеко не доходя до половъ, гдѣ была главная опасность купеческимъ караванамъ. Вероятно князья высыпали впередъ отряды для сопровожденія купцовъ; а сами въ тоже время угрожали всѣми силами ударить на половецкія вежи въ случаѣ нарушенія договорной клятвы со стороны хановъ и ихъ покушенія разграбить караванъ.

⁷⁰⁾ Украшенное сказаніе о молитвѣ архиепископа, объ иконѣ Богородицы, вынесенной на городскую стѣну и уязвленной Сузdalскою

стрѣлою, находится въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сводахъ, напр. въ Никоновскомъ и Тверскомъ. Время этихъ событій въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ обозначено невѣрно; такъ хронологія Ипатьевскаго списка уходить на два и даже на три года впередъ. Назначая 1169 годъ, мы слѣдуемъ показаніямъ Лаврентьевскаго списка и Новгородскихъ лѣтописей.

⁷¹⁾ Лѣтопись по Ипат. списку. О какомъ живомъ огнѣ говорится здесь, неизвѣстно. Достовѣрно однако, что въ эту эпоху на востокѣ, именно у Сарацинъ и Турокъ, существовалъ какой то огнеметательный снарядъ, который они употребляли въ войвахъ съ Крестоносцами. Можетъ быть это было иѣчто подобное греческому или такъ наз. мидійскому огню.

⁷²⁾ Наиболѣе обстоятельный рассказъ о походѣ, пленѣ и освобожденіи Игоря Святославича находится въ Ипатьевскомъ спискѣ. При изложеніи событія мы заимствовали нѣкоторыя черты изъ поэмы, принадлежащей неизвѣстному русскому пѣвцу конца XII вѣка, изображающей судьбу того же похода подъ заглавіемъ *Слово о Полку Игоревѣ*. „Полкъ“ употреблялся тогда въ значеніи воинства, а равно и битвы, войны, рати. Это замѣчательное поэтическое прѣизведеніе древней Руси найдено было въ концѣ прошлаго вѣка со-бирателемъ отечественныхъ рѣдкостей графомъ Мусиномъ-Пушкинымъ въ одномъ старинномъ сборникѣ, и впервые издано въ 1800 году. Подлинникъ его сгорѣлъ въ Московскомъ пожарѣ 1812 г. Это Слово породило обширную литературу, состоящую изъ многочисленныхъ его изданій, толкованій и переложений, какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ. Таковы изданія: Палицина 1807 г. Пожарского 1819, Граматина 1823, Сахарова 1839, Головина 1846 и др. Наиболѣе замѣчательныя изданія, снабженныя критическими толкованіями, это: Дубенскаго (*Русс. Достопамят.* Часть 3-я. М. 1844), Тихонравова („Слово о П. Игоревѣ“—для учащихся. М. 1866) и особенно кн. Вяземскаго („Замѣчанія на Слово о П. Игоревѣ“. Спб. 1875). Любопытно также нѣсколько объясненій Слова у Шевырева въ *Исторіи Русс. Словесности* (Т. I. Ч. 2-я М. 1846) и Буслаева—„Русская поэзія XI и начала XII вѣка“ (*Лѣтописи Русс. Литературы*—изданіе проф. Тихонравова. Т. I М. 1859). Изъ поэтическихъ переложений укажу въ особенности на трудъ Майкова (въ 3-й части собрания его стихотвореній).

Относительно рѣки Каялы, на берегахъ которой происходила главная битва по Слову о П. И. и по Ипат. списку, въ настоящее время трудно опредѣлить, какая это именно рѣка. Карамзинъ считалъ ее Кагальникомъ, который впадаетъ въ Донъ съ правой стороны, повыше Донца. Но это пока гадательное предположеніе. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ можно думать, что главная битва происходила гдѣ то ближе къ Азовскому морю или къ Лукоморью, какъ его въ лѣтописи называютъ Сѣверскіе князья.

⁷³⁾ Ипатьевскій списокъ, упоминающій объ этомъ случаѣ, не го-

ворить, за какого именем царевича Святославъ выдавалъ свою внучку. Можетъ быть, рѣчь идеть о царевичѣ, о которомъ Новгородская лѣтопись упоминаетъ подъ 1186 г.: „Томъ же лѣтъ приде царь греческыи Алекса Мануиловицъ въ Новгородъ“. (А въ такъ наз. Псковской первой лѣтописи: „царь греческій Александръ“). Чей былъ сынъ этотъ царевичъ Алексѣй, въ точности неизвѣстно. Карамзинъ дѣлалъ предположеніе, что царевичъ, женившійся на Евфимії Глѣбовнѣ, вѣроятно былъ Алексѣй, сынъ Исаака Ангела. Но это едвали такъ. Въ тѣ времена фамилія Комnenovъ имѣла многихъ царевичей съ именемъ Алексія. Г. Кунинъ склоняется къ тому мнѣнію, что въ Новгородѣ лѣт. можетъ быть говорится объ одномъ изъ самозванцевъ, привавшихъ имя императора Алексія III, убитаго въ 1183 г. (Учен. Зап. Ак. Н. по 1 и 2 отд. т. II. вып. 5).

74) Въ расказѣ о событияхъ Южной Руси до начала XIII вѣка мы слѣдуетъ преимущественно Біевскому своду по Ипат. списку, дополнившися его нѣкоторыми извѣстіями изъ Лаврентьевского и Новогородской лѣтописи. Въ Ипатьевскомъ спискѣ Кіевскій лѣтописный сводъ прекращается 1200 годомъ; за нимъ въ этомъ спискѣ слѣдуетъ лѣтопись собственно Волынская.

75) О походѣ Фридриха Барбарусы и завоеваніи Святой земли невѣрными см. въ Ипат. спискѣ подъ 1190 г. А отдельная повѣсть о взятіи Царяграда Латинами помѣщена въ Новгородской первой лѣт. подъ 1204 г. (П. С. Р. Л. Т. III), откуда взята и въ Тверской сводѣ. (П. С. Р. Л. Т. XV). Повѣсть конечно занесена подъ этотъ годъ позднѣе. Подъ 1211 г. въ той же Новгородѣ лѣтописи есть извѣстіе о возвращеніи изъ Царяграда въ Новгородѣ Добрыни Ядрѣйковича (Андреевича) съ „гробомъ господнимъ“, т. е. съ ковчегомъ, устроеннымъ на подобіе Гробницы. Этотъ Добрыня можетъ быть приходился сыномъ воеводѣ новгородскому Ядрѣю, о которомъ упоминается подъ 1193 годомъ. По возвращеніи изъ Царяграда Добрыня постригся въ Хутынскомъ монастырѣ и вскорѣ былъ поставленъ архіепископомъ Новгорода подъ именемъ Антонія. Онъ оставилъ любопытное описание цареградскихъ святынь. Оно издано съ 1872 г. Археографич. комиссіею съ примѣчаніями Савваитова. Въ предисловіи къ этому изданію достовѣряемый П. И. Савваитовъ ставитъ вопросъ: „не былъ ли Антоній въ Константинополѣ во время его взятія крестоносцами“? Отсюда самъ собою возникаетъ другой вопросъ: не онъ ли привезъ оттуда извѣстія, которыми воспользовался Новгород. лѣтописецъ? Мы идемъ далѣе, и едва ли ошибемся, если предположимъ, что Повѣсть о взятіи Царяграда, вставленная въ Новгородскую лѣтопись, была составлена тѣмъ же авторомъ, которому принадлежитъ упомянутое выше описание цареградскихъ святынь, т. е. архіепископомъ Антоніемъ. Тоже отчетливое знаніе топографіи и построекъ цареградскихъ; въ обѣихъ произведеніяхъ тотъ же слогъ; нерѣдко повторяются одинаковые подробности и выраженія. Напр. въ Описаніи: „об-

разъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, иже ходить во градъ"; въ Повѣсти: „Одигитрію же чудную, иже по граду хожаше“. Въ Описаніи: „въ Дахерну святую, къ ней же Духъ святый сходитъ“; въ Повѣсти: „въ Влахернѣ, идѣ же святый Духъ схожаше“. Даље, и тамъ и здѣсь встречаются въ той же формѣ названія мѣстностей: „подруміе“, „коневый торгъ“, „Испигаст“ и пр. Судя по описанію, Антоній присутствовалъ въ Царьградѣ въ 1200 году; но это не мѣшало ему, спустя нѣсколько лѣтъ, быть свидѣтелемъ погрома отъ Крестоносцевъ или собрать тамъ свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. По Новогородской лѣтописи онъ воротился въ 1211 году или около того времени. Очень возможно, что онъ не одинъ разъ посѣтилъ Царьградъ; возможно также, и очень вѣроятно, что его пребываніе въ Константинополѣ и путешествіе по Святымъ мѣстамъ заняло много лѣтъ; такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ воротился на родину пріимѣрно послѣ десятилѣтняго отсутствія, побывъ нѣкоторое время и въ южной Руси.

Наша лѣтописная Повѣсть о взятії Царьграда издана въ латинскомъ переводе вѣмецкимъ византістомъ К. Гопфъ въ его собраніи „Chroniques gréco-romaines inedites ou reu connues“ (Berlin. 1873), рядомъ съ записками Роберта Клари. Этотъ французскій рыцарь, привившій участіе въ завоеваніи Константина-поля, оставилъ расказъ о немъ, неступающій въ интересѣ его соотечественнику Вильгардуэну, автору de la conquête de Constantinople (Новое изданіе Дида. Paris. 1874 г.). Почти въ одно время съ Гопфомъ Клари изданъ извѣстныи французскимъ ученымъ графомъ Ріанъ, подъ заглавиемъ: Li estoires de chiaus qui conquisent Constantinoble, de Robert de Clari en Aminois, chevalier. Неограничиваясь тѣмъ, графъ Ріанъ обнародовалъ свое любопытное изслѣдованіе о томъ же предметѣ: Innocent III, Philippe de Souabe et Boniface de Montferrat. (Paris. 1875). Изъ вѣмецкихъ трудовъ тому же событию посвящено отчасти сочиненіе Краузе: Die Eroberungen von Constantinopel im dreizehnten und f眉nfzehnten Jahrhundert (Halle, 1870); а изъ русскихъ Медовицова: „Латинскіе императоры въ Константино-полѣ“ (Москва. 1849). Изъ византійскихъ историковъ о завоеваніи Константина-поля Латинами наиболѣе подробный расказъ находится у Никиты Хоніата. Что касается вообще до источниковъ этого события, то обзоръ ихъ см. у Климке: Die Quellen zur Geschichte des vierten Kreuzzuges. Breslau. 1875.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

C_{TDP}

I. Русь подъ Царьградомъ.

**Положение Константинополя. Его дворцы и храмы. Состо-
яніе имперія. Михаилъ III и Василій Македонянинъ. Напад-
еніе Руси въ 865 г. Осада и патріархъ Фотій. Первое
крещеніе Руси. Происхожденіе русскаго государственна-
го быта. Кіевъ и объединеніе восточныхъ Славянъ. Тор-
говля съ Грецией. Договоры Олега. Мирныя и враждебныя
сношениі съ мусульманскимъ востокомъ. Печенѣги . . .**

II. ИГОРЬ, ОЛЬГА И СВЯТОСЛАВЪ.

Походъ Игоря на Грековъ въ 941 г. Мирный договоръ. Судьба Игоря. Усмирение Древлянъ. Путешествие Ольги въ Царьградъ. Торжественный, но холодный пріемъ. Характеръ Святослава. Тмутракань. Борьба съ Хазарами. Завоеваніе Дунайской Болгаріи. Чимисхій. Битвы подъ Дористономъ. Отчаянная оборона. Миръ. Гибель Святослава. . . 32

III. ВЛАДИМІРЪ ВЕЛИКІЙ И ТОРЖЕСТВО ХРИСТИАНСТВА.

Сыновья Святослава. Варяги помогаютъ Владимиру до-
быть Кіевъ. Войны съ союзами. Язычество. Гонение на
христіанъ. Взятие Корсуня. Крещеніе Владимира и утвер-
жденіе христіанства на Руси. Удѣлы. Борьба съ Печенѣ-
гами. Дружина Владимира. Католические миссионеры. Отно-
шения польскія, греческія и варяжскія. Ингигерда и отло-
женіе новгородскаго князя. Кончина Владимира Вели-
каго.

Стр.-

IV. ЯРОСЛАВЪ I И ВОДВОРЕНИЕ УДѢЛЬНАГО ПОРЯДКА.

Ч. Половцы и Владимир Мономахъ.

VI. Печерские подвижники.

- Начало почитанію Бориса и Глѣба. Троекратное перенесеніе мощей. Происхожденіе Печерского монастыря. Антоній. Варлаамъ. Феодосій. Студійскій уставъ. Покровительство великихъ князей. Построеніе Успенского храма. Процвѣтаніе обители. Ея подвижники. Ея вліяніе. . . . 149

VII. Начало книжной словесности и законодательства.

VIII. РАЗВИТИЕ ОБЛАСТНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ.

- Мстислав I. Дѣла черниговскія и полоцкія. Значеніе слѣдующаго периода. Ярополкъ II. Распри въ семье Мономаховичей. Борьба съ Ольговичами. Всеволодъ-Гаврилъ и Новгородцы. Всеволодъ II Ольговичъ. Его политика разъединенія. Владимірко и Галицкое княжество. Отношенія

Стр.

польскія. Игорь Ольговичъ въ Киевѣ. Его пораженіе и
пленъ. 196

IX. Дядя и племянникъ.

Изяславъ II. Его союзъ съ Давидовичами и опустошеніе
Сѣверской области. Московское свиданіе Святослава Оль-
говича съ Юриемъ Долгорукимъ. Измѣна Давидовичей и
убіеніе Игоря. Изяславъ II въ Новгородѣ. Юрій въ Києвѣ.
Угорская помощь и торжество Изяслава. Его дядя Вяче-
славъ. Побѣда на Рутѣ. Вѣроломство и смерть Владимира-
ка. Его преемникъ. Митрополитъ Климентъ Смолятичъ.
Юрій на Київському столѣ. Изяславъ Давидовичъ. Рости-
славъ великий князь. Его путешествіе въ Новгородъ и
кончина. 217

X. Упадокъ киевскаго княженія.

Мстиславъ II. Андрей Боголюбскій и первое взятие Киє-
ва. Неудачная осада Новгорода. Андрей и Ростиславичи.
Святославъ Всеволодичъ въ Києвѣ. Оживленіе борьбы съ
варварами. Кончакъ. Походъ, пленъ и освобожденіе Иго-
ря Сѣверскаго. Черные Клобуки. Всеволодъ Сузdal'скій
и Рюрикъ Ростиславичъ Киевскій. Скора Рюрика съ Ро-
маномъ Волынскимъ и второе взятие Киева. Судьбы киев-
скаго княженія. 249

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ. 285

Цѣна одинъ рубль пятьдесятъ коп.

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT
RETURNED TO THE LIBRARY ON OR
BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELLOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER

BOOK DUE

NOV 14 1994

WIDENER

SEP 10 1996

BOOK DUE

RECALLED

1233290